

Демина – Воспоминания о прошлых жизнях (сессии гипноза)

Представляю Вам тексты в обратной временной последовательности: сначала те, что ближе к нам по времени, события которых, возможно, более реальны для Вас, они знакомы по литературе, кинофильмам, рассказам близких. Затем события уходят все в более давние времена, о которых у нас более смутные представления, а затем выходят и за пределы истории Земли. Даю несколько небольших процессов переживаний в телах животных и растений. Такова реальность наших жизней

Россия

1. Санинструктор Евгения Николаевна Иванова выходит из окружения осенью 1941 г., ранение, в госпитале, гибель в период подготовки операции под Курском, 15 марта 1943 г.

1 г., поздний сентябрь, 22-е.

Бабье лето, золотая осень. Самые хорошие ощущения: поле чистое бело-голубое небо. Подмосковье, что-то родное, Кукушкино. Обоожествляю природу, необыкновенный золотой лес. Любуюсь - прелестно! Тихо и пусто - и вдруг... Огонь мелькает, мерцает.

- Огонь, где это?
- Всем отступать, - рукой взмахнул, падает.
- Огонь! Засел, гад. В лес, всем в лес!

Доползаю к раненому, переворачиваю. Как же мне его? Раскрываю брезент.

- Ну давай, миленький, давай, надо уходить. Одни мы остались.
- Оставь, сестричка, меня уже не спасти, уходи.
- Еще чего, не смейте мне такого говорить.
- Уходи, милая, тебе жить.

Тащу. В руках у него пистолет, забираю, а он мне: "Отдай оружие".

- Не отдам. Где же наши, хоть бы кто-нибудь помог. Сбоку из леса шум.
- Тихо.

Накрываю брезентом его, шепчу: "Какой же ты тяжелый, потерпи, милый".

Танки наши, бегут в нашу сторону солдаты. Отползаю от раненого, пытаюсь привлечь внимание, поднимаюсь, машу. Не видят. Тащу дальше, очень тяжело. Яма в лесу.

- Я Вам приказываю уходить.

Понимаю, что он старше по званию, имеет право командовать.

- Лучше помогите.

- Я Вам приказываю уходить. Послушайте, здесь документы. Женя, возьмите, надо зарыть, свои тоже. Запомните, Вы должны сюда вернуться. Слушайте меня внимательно, вот здесь заройте.

Он показывает на лес.

- В пакеты, в сумку, глубже. Делайте метку и запомните это место. Сделайте на дереве букву "я", ройте, так... Вернетесь сюда и мои документы передадите в часть. И вот что, милая девушка, дотащите меня до той березы, и чтобы я Вас больше не видел, здесь я командир.

- Будете командовать в своем батальоне, а я отвечаю за ва-шу жизнь.
- Я Вам приказываю.
- Но это мое дело, жить мне или нет, иначе я не смогу, комсомолка.

Настороженность, что сейчас бой, и ощущение молодост У меня светлые белокурые волосы, пилотка, невысокого Очень симпатичная, розовощекая в меру, и очень серьезна характер: своевольная, своенравная, привыкла добиваться сво4 его. Похожа характером на Гулю Королеву - была такая книга -1 сильная, молодая, люблю свою страну, испытываю высокие патриотические чувства.

- Еще немного, наши на той стороне.

Чувствую сильную усталость. Что-то впереди, поднимаюсь, ползу посмотреть, что там происходит. Земля трясется и летит, грохот, взрывы.

- Наши пробиваются, потерпите, милый. Там, наверное, много раненых. Лежите здесь тихо.

Я ползу в сторону поля. Он вслед: "Оружие, пистолет". Возвращаюсь.

- Возьмите.

Серое воронками поле, на котором горят два танка. Очень жарко. Один - зеленый, яркие цифры 169, из него выпрыгивают люди. Наши. Один из них тащит кого-то. Немцы повернули, их рядом нет. На поле осталось много ихних подбитых танков: серо-зеленые, огромные... кресты. Издалека слышится стрекот автоматов. Болезненное желание есть, сухость в горле, смесь гари, голода и боли - от огня и горечи душевной.

- Помощь, сестричка, вовремя.
- Трое несут тяжело раненного. Я издали кричу:
- Там в лесу раненый командир дивизии, очень тяжело.
  - Где наши?
  - Наши ушли далеко на восток.

Свободно идем к лесу. Танкист направляется к командиру дивизии. Я осматриваю раненого. Я бессильна, не знаю, что с ним делать.

- Сделайте же что-нибудь.
  - Я не могу. Сильный ожог, голова пробита, много крови. Танкист ругается:
  - Набирают молодых, черт те кого. Чертова кукла, что ты сидишь без дела.
- Мне очень обидно.
- Я просто не могу помочь, он все равно умрет.
  - Какого черта.

Я не плачу, скована, в душе обида. И еще один, как и я, сидит, тихо смотрит. Такая пустота, ничего, ничего не могу... Подходит другой танкист.

- Перестань, ты же видишь, она совсем девчонка, ей, наверное, нет и восемнадцати.
- Хм, как она в армию попала.

Раненый все, умер. Достают его документы. Прощаются, хоронить некогда, листвой засыпают. Собирают документы у всех.

- Комдив, мы в окружении, уже в логове врага.
  - Приказываю документы, фотографии спрятать вот здесь, под этим деревом. Запомните место.
- Несем на брезенте, я и трое танкистов. Комдив ранен в живот, укрываю его шинелью.

Продираемся по лесу к нашим. Есть хочется, воды нет. Комдив говорил, запомните ориентиры и местность. Я же должна знать эту местность. Сзади остается желтый лес. Идем молча, останавливаемся, отдыхаем. Комдив без памяти. Кто-то спрашивает: "Откуда ж ты его, такого?" Называю: "Деревня Кукушкино". Она сейчас с другой стороны, оттуда шли танки.

- Сколько же тебе, малява, лет?
- Восемнадцать.
- Врешь поди, как ты сюда попала?
- Из медицинского училища.
- Кто же тебя допустил?

Не хочу говорить. Они курят, я отмахиваюсь. Пожилой для меня, ему лет тридцать, спрашивает: "Что, дыма не любишь?"

- Не люблю.

Где-то автоматная очередь.

Лес редее, кусты вдоль дороги. Мы на обочине. Нам надо перейти дорогу. Внизу оставили командира, он брезентом как спеленатый. Сами полезли посмотреть, залегли за кустами. Там шум: идет колонна на скорости. Легковая, три грузовика и четыре мотоцикла как охрана. Мотоциклисты обстреливают кусты, не все, через один, короткими очередями. У меня тоже есть оружие, тяжелый автомат, он мне мешает с самого начала.

- Ты бы, малява, укрылась бы где, не ровен час подстрелят, как лебедя.

Пригибает мне голову, а я зацепилась за куст сумкой, что на плече, дернулась, чтоб ее снять, мне в плечо-то и попало, стала сползать вниз, даже не перевернулась.

Танкист увидел, пихнул вниз. Колонна ушла, а звук еще идет. Они перевернули меня. Переговариваются полупшепотом. Я без сознания. Все белое, и оранжевая точка закрывается черной, болит голова очень. Звуков нет, не слышу, не вижу.

- Ах мать, отходить надо, на ту сторону быстро перебираться. А ну-каними с нее сумку. Сначала их надо перетащить на ту сторону, а там перевяжем, тут мы как на ладони, их тут не скрыть.

Пальцем показывает, кто кого будет тащить. Тянут, перетягивают через дорогу.

- Ее надо перевязать.

Я вся сжалась. Они все тихо делают. Бинты. Что-то накладывает как тампон, перетягивает туго-туго. И по горлу проходит, давит на горло. Почти не говорят. Сзади танкист несет комдива на своей спине, а двое меня тянут на его палатке, тащат не на руках, а по земле. Ноги связаны концами плащ-палатки. Тащат тихо. Очень больно. Я молчу, ни одного звука, подсознательно понимаю, что нельзя шуметь.

Лес, бурелом, через чащобу пробираемся, по этим бревнам, как по чесалке, как будто протягивают. Там транспорт где-то шумит. Обнаружили наших. Доволакивают до палатки. Санитары подбежали- с носилками, здоровые мужики, рану осматривают.

- Откуда вы, братцы, с того света что ли явились, там давно уже немцы. Слышите, канонада? Мы быстро сматываемся.

Комдива кладут на носилки. Он темноволосый, нос картошкой, губы полноватые, упитан, глаза серо-зеленоватые. Стойка-воротничок, четыре кубика, на нем шинель, нашивки на рукавах. Широкие ремни, должна висеть кобура, а там ничего нет. На вид ему лет сорок. Ткаченко Кирилл Романович. Мне кажется, имя ему очень не подходит, у него больно лицо русское.

Я лежу на носилках, на мне фуфайка-стеганка. Танкисты сидят на земле, вымотанные, смотрят на меня.

А вокруг много желтых листьев, кленовые даже попадают, березы, вдалеке зеленые сосны.

Надо мной белая палатка, в белом женщина, на голове косынка. Передо мной марлевая перегородка, кто-то ходит. Сестра поправляет простынь (звучит именно так). Врач моет руки. У врача и санитаров сзади халаты не соединены.

- Господи, не хочу умирать. Там свет. Дышится с трудом.

- Больно, очень больно!

- Потерпи, тебе еще детей рожать.

- Пить очень хочется.

- Ну, батенька моя, ну что ж, попробуем, хотя надежды мало, но чем черт не шутит, жалко же, такая молодая. Готовьте к операции. Пуля в левой части груди.

Болит правая часть лица, голова, мелкий озноб, руку сводит. Дают выпить спирта.

- Придется потерпеть.

Голова кружится, как пьяная, тяжело. Сбоку инструменты. Колет в левом легком, учащенное дыхание.

- Скальпель. Зажим.

Режут. Очень много крови. Сестра с другой стороны, зажимает. Я сползаю со стола.

- Ползет.

Поправляют. Чувствую тяжелые зажимы, тянет.

- Легкое пробито. Ну что же, пулю я извлеку, а дальше... Достает пулю, слышу, как она звенит.

- Молодец девчонка, жалко будет, если умрет.

- Потерпи, милая, потерпи. Ты же у нас такая героиня, а командира все-таки спасла. Комдив твой жив-здоров, поправляется. Держись! Ну, если такие девчата на фронт пошли, шиш мы им Москву отдадим.

Ругается, тихо напевает песню о Москве, голос бас, мне кажется очень громким... Москва... Москва, две строчки.

- Ну, сестра, заканчивайте перевязку. Будем надеяться, выживет.

- Можно отправлять в госпиталь.

- Давайте следующего.

Меня на носилках выносят с другой стороны палатки. Много машин и людей - колонна. Кладут на землю. Кто-то склоняется, укрывает шинелью, проходящие обращают внимание, что-то говорят. Забинтованные головы, гимнастерки. Лес тот же, но с другой стороны, желтый, красивый. За ним слышится канонада и стрекот автоматов. Врач какой-то бежит.

- Отправлять. Кто-то ругается:

- Срочно отправлять. Почему не отправляете?

Раненые, кто может, сами меня поднимают, кладут на пол машины-фургона.

- Отправляемся. Палатки. Палатку разбирают.

- Ой, как больно, прямо прострел в сердце.

Рядом со мной лежат забинтованные, у кого ноги, голова, другие сидят. Команда: "По машинам!".

Машина едет, мужчины курят и разговаривают, мне тяжело дышать. Звук канонады приближается, ощущается сотрясение земли, звук тяжелых танков все ближе. Кто-то меня укрывает, раздражает ощущение сапог на ногах. Кто-то склоняется.

- Отступаем, близко...

- Боже мой, отступаем...

По ногам потекло, мне очень стыдно: ребята, мужчины. Кто-то замечает, посмеивается:

. Зак. 2210.

- С кем не бывает, от страха родить можно, а тут женщина слабый пол.

- Что ты ржешь, жалко, раненая.

- А ничего девочка, адресочек бы.

- Какая молоденькая. Господи, да как она сюда попала.

- Красивая девочка.

Это кто-то другой говорит. Тошнит, тяжело дышать, кашель, больно глотать. Очень острый запах табака затрудняет дыхание. Машину трясет. Задыхаюсь.

- Вы бы поменьше курили, здесь дама. Потерпи, милая, скоро приедем. Видишь, ей тяжело, задыхается.

- Девочка наша совсем плоха, надо бы врачу посигналить.

- Мужчины, бросили бы вы курить, не видите, ей совсем плохо.

- Господи, долго ли? Пить...

- Братцы, что-то надо делать, ей совсем плохо. Милая, ты куда, стой. Не курите, ей плохо.

- Господи, когда же приедем. Поднимите ей голову. Ну, дыши, надо дышать.

. Кто-то держит голову.

- Выше, выше.

- Ребята, доктора бы надо. Помрет бабонька, жалко. Эх, черт, злыдни, что делают, бабы воевать идут.

- Братцы, помрет, не довезем! Окаянные... Такие красотики...

- Побледнела, лицо застыло, не дышит, умерла, - шепотом. Голова свешивается набок.

- Тихо.

. Ничего не понимаю. Господи, я не хочу умирать, мне очень плохо, больно, давит горло. Тело уже ничего не ощущает.

- Нет, не хочу. Я не хочу...

И ничего, пустота, темно, тяжело...

- Все.

Все, я умерла, ничего, больше ничего... Вижу себя сверху в машине, рядом солдаты. Тихо. Я мертвая, глаза закрыты. Машина трясется. Все молчат. Кто-то прикрывает ноги. Мне легко, больше ничего не болит. Ощущение покоя, разливается благодать. Я ничего не вижу, ощущаю, что ухожу из этой жизни.

Мама! Опять этот желтый лес, осенняя тишина. Желтое пятно. Черт те что, опять трясет. Кто-то склонился надо мной, поднимает веки, что-то говорит. Тихо, кто-то вздыхает. В машине врач на коленях около меня, он держит мою руку.

- Сестра, введите адреналин*¹.

- Немного осталось, потерпи, почти приехали. Э, батенька, рано ты собралась, а как же дети.

Подъехали к зданию." Врач в очках вышел из помещения, он постарше. Разговаривает с врачом из машины. Медсестра прыгнула с кузова машины. Санитары подошли, снимают носилки. Меня выгружают. Врач ругается:

- Что же вы делаете, она же не мертвая, а вы ее вперед ногами.

Сестра отвечает:

- В машине же не развернуть. Пытаются удобнее развернуть. В очках врач:

- Эту в операционную. Скорее на стол. Тяжелое ранение, задето легкое. Готовьте операционную.

Операцию срочно.

Врач из машины говорит что-то санитарам, кладет бумажку под шинель.

Очень много раненых. Несут, ступеньки разбиты, коридор длинный, направо операционная. Старое здание, толстые стены, белый крест на узких окнах.

- Срочно готовим к операции. Разрыв левого легкого. ...Мерцание света, суетятся в белых халатах.

Внизу стоят

баллоны синий и зеленый с краниками. Молоденькая медсестра. Врач в очках входит.

- Готовы?

- Раненая к операции готова, - докладывает.

- Много крови потеряла, готовьте кровь.

Врач моет руки, надевает халат, завязывает. Шапка лоб закрывает, повязка марлевая. Еще одна врач, женщина, справа от меня, немного сзади, анестезиолог. Два санитаря ничего не делают, ждут команду. Наркоз. Маленькую резиновую штучку (маска) с жесткой срединкой чувствую на лице. Дышу тяжело и шумно.

В области сердца щемит, но боли нет. Стука сердца уже не слышу. Тяжесть на левую руку. Надо мной пять штук ламп, как прожекторы. Врач склонился прямо надо мной. И вдруг ощущение жесткого нажима в области солнечного сплетения. Режет в области грудины. Тяжесть, как будто что-то ломается, что-то достает, сгусток крови в какой-то оболочке - это же мой сосуд. Тромб.

- Кровь, нужна кровь.

-

Адреналин, гормон мозгового слоя надпочечников. Поступая в кровь, повышает потребление тканями кислорода и артериальное давление, содержание сахара в крови, стимулирует обмен веществ и т.

д.

Глаза открыты, вижу белое. Я ногами к окну. Вижу мед-сестру ГС улицы шум машин, голоса, а здесь тихо, не говорят чувствую движения в операционной. Простынь висит вместо двери, столик, инструменты. Дышать тяжело. Боли нет, и ничего нет... тихо. Слышу стук своего сердца. Дышу через эту непонятную штуку, тяжело, учащенно.

- Дренаж*².

Трубка прозрачная, очень длинная. Обрезает, что-то соединяет.

- Вот сюда.

Трубку вижу, вставляют, где желудок, под ребро. Другой конец в плоский пузырь опускают, который закрыт резиновой пробкой. Кто-то держит бутылку. Что-то туда теплое много и быстро капает, наверное, это кровь. Дышать стало легче. Слышу шелчок кости, ощущаю, как соединяют ребра.

Поправляет маску анестезиолог.

- Готовьте лигатуру*³, скобы.

Вижу легочную ткань: дырочки, не очень красная, розоватая, такая вся пористая. Теперь скобы. Как будто открыли, а потом закрыли это место. Треск соединения. Ощущение, что винт вкручивают. - Заканчивайте.

Она еще не доделала, а анестезиолог снимает маску, доделывает без маски.

- А теперь кожу, вот так. Ощущаю нитку, как шьют.

- Для женщины это трагично. Молодая девочка, груди расти не будут.

- Ничего, под платьем не заметно.

Дышать легко. Здесь внизу, под ребром, что-то ощущаю. Убрали маску с лица.

- Отнесите в палату.

- В какой есть место?

- Неси в первую.

Через коридор, народа много. Столик с лампочкой, сидит санитарка не очень пожилая. Палата. Первая с левой стороны кровать. Болезненно слева в груди. Няня зашла, подкладывает маленькую подушечку под руку, на нее прикрепляет трубочку.

*² Дренаж, метод осушения ран (полостей тела) выведением из них жидкого содержимого с помощью резиновых трубок или марлевых полосок.

**³ Лигатура (позднелат. *lucula* - связь) (мед.), нить для перевязывания кровеносных сосудов (шелковые, льняные и другие нити, кетгут).*

Бутылка плоская на маленькой скамеечке. Большая комната, почему-то мужчины в палате. Я лежу, боли не ощущаю, дышу свободно.

А сейчас вижу себя со стороны на кровати: подушки, волосы прямые, грязные, блеск их исчез. Прическа как у женщин того времени. Брови широкие, небольшим изгибом. Не крупная по комплекции. Глаза закрыты. Дренаж висит. У меня рука соединена резинкой с моим телом, валик, в руке игла, капельница, похоже. А в капельнице две бутылки с белой жидкостью и с красной... это кровь.

Угол в этой комнате, в котором стоит кровать, на которой я лежу. Печка с железной заслонкой внизу. Очень высокие потолки. Няня, халат весь мятый, не первой свежести, а косынка накрахмалена. Штук 18 кроватей, все белые. Тумбочка накрыта чем-то белым, на кровати висит дощечка с моей фамилией. Рядом дверь. Под кроватью белое обшарпанное судно.

Мужчины переговариваются у окна. Один человек сидит на специальной, с поднятым изголовьем кровати.

0 лет, 15 марта 1943 г.

Курская дуга. Панорама. Наше местоположение на горе. Внизу речка, деревенька. На пригорке справа сосредоточены танки Рыбалко с фарами автомобильными, с прожекторами. С левой стороны далеко лесок, там немецкие танки затаились, знаю.

Вход в блиндаж из окопа. Столбы деревянные. За шторой-простыней на моем попечении раненые лежат на деревянных полатах. Здесь как приемная. Кроме раненых, много офицеров. Кто-то входит, выходит. Печурка справа. За другой шторой, где радист, пиликанье.

Довольно тихо. Скоро наступление. Майор говорит по телефону. Слышу из трубки громкий командный голос:

- Скоро наступаем. Сукины дети, а тут эти "пантеры". Оправдание майора:

- Эти танки случайные, их никто не ждал там.

- Как они попали?

- Так затаились сволочи, и выманить их оттуда никак не Удастся, уже не раз пытались. Стрелять из орудий нельзя, нельзя открываться. Что-нибудь придумаем, товарищ полковник. Можно бросить туда роту Симонова. Может быть, они их расшевелят. Не знают же они, что наши танки под боком.

- А Вы уверены, что в этом лесочке вражеские танки?

- Разведка доложила: не менее бригады, и боезапасов много.

Он в сторону, не в трубку:

- В операции будут участвовать только добровольцы. Капитан Никитин, подберется состав, ко мне срочно.

- Товарищ полковник, есть у меня одна задумка, сейчас добровольцев сыскиваю. Попробуем мы с ними в пятнашки поиграть. Людей жалко, да выхода другого нет.

На него кричат:

- Людей всегда жалко. Операция приготовлена для более крупного противника, ее под угрозу ставить нельзя. Что хотите делайте, а мне этих чертовых "пантер" из леса достаньте! Если их не уничтожить, то они углом вклинятся, пройдут в тыл нашей дивизии и разъединят нас, тогда не только конец операции, но и... мать вашу так. Уберите их, но тихо!

- Есть, слушаюсь.

Сорок пять ребят-добровольцев набиваются, набиваются в блиндаж, их что-то много, часть стоит у входа на улице.

- Ну, ребята, лес надо поджечь, нет у меня другого выхода, нужно эту лисицу из норы выманить. А мы их на себя отвлечем, придется нам головы сложить. Ну, родные, здесь жив останется тот, у кого ножки быстрые. Не зевать, петлять с той стороны леса на эту. Уж вы, милые, постарайтесь, детушки. Надо эту гниду фашистскую из леса выманить. А уж как выманите, мы их тут и добьем.

Две группы солдат, одной из них раздают бутылки с зажигательной смесью, тем, которые должны лес поджечь, а другие отвлекать будут.

Расходятся. Входит пожилой солдат Иван Иванович Иванов.

- Дай-ка водицы, лапушка. Ну, скажу я вам, во там наш-то что придумал, бутылками их забросать с зажигательной смесью. Отсюда бегут наши, а оттуда должны бежать никитинские с бутылками, чтобы поджечь. Шума не будет, мало ли пожаров сейчас. Мы им такую психическую атаку устроим, век не забудут. Небо с землей гудеть будут. Ну сейчас мы этому ироду покажем кузькину мать.

Воды даю, он пьет из кружки. Поворачиваюсь, складываю в сумочку свою бинты. Готова на поле бежать, чтобы раненым помочь.

- А что, Иван Иванович, Вы всегда знаете, скоро ли наступление?

Убежал. Вбегает парень симпатичный.

- Санька, родной, откуда ты? Сто лет тебя не видела!

- Добровольцев искали, вот я туточки.

- Ты ж после ранения, да не убежишь ты.

- Ничего, Женек, все будет тик-так! Женечка, родная, давай простимся, обнимемся на прощание.

Обнимает меня.

- Санечка, милый, береги себя. Я плачу.

- Все, Женечка, некогда, пора бежать.

Он убегает, а я вылезая в окоп. Тут какое-то Орудие, его перетаскивают на руках. Майор с телефонной трубкой, солдат рядом держит что-то, как катушка ниток. Мы наблюдаем из окопа. Майор в трубку:

- Бригада Коробова, приготовьтесь к атаке, если потребуется. Вообще-то ребята должны их поджечь.

Бросает трубку в руки солдату, сам смотрит.

Наши бегут, а почему мне-то тяжело. Наверное, у меня после той сложной операции ассоциации с тем состоянием, которое было тогда: дрожь, боль в области сердца, тяжело дышать, как после наркоза. С пригорка наши солдаты бегут до леса, слышу:

- Ребята-ребятушки, лесу поломаем, дровишек пособираем, костры поразжигаем, песню поспеваем.

Как веселая компания бегут. Это сочинил Иван Иванович.

Они как зайцы бегают по полю туда-сюда, заманивают, выманивают, как в пятнашки играют. Создают картину веселья, как будто не подозревают, что рядом есть враг. Они почти уже у леса. И вдруг на полной скорости оттуда выскакивают немецкие танки. Санек почему-то спиной, не видит, как ребенок заигрался. Танки пошли на наших ребят, почти до наших позиций. Бутылки кто-то бросил мимо. Санька бежит, чувствую, что его... Кричу:

- Санька!

Я не могу в окопе: там мнут, давят ребят.

- Куда ж вы, гады?!

Выскакиваю... спасти... Танки летят на моего мальчика. Его на моих глазах переезжает танк, и ребят наших сминают. А там справа идут уже наши танки. Сумерки, вой сирен, прожектора.

- Куда, вернись, приказываю, назад! - капитан выскочил за мной из окопа. Хватает, тащит, я как чумовая, потеряла друга, вырываюсь.

"Пантеры" идут один за одним, как друг в друга смотрят, потом раз - в стороны, как в шахматном порядке.

Я бегу, кто-то машет мне, чтобы влево сдала, я бегу прямо, ^a танк уже близко. Бежать тяжело, земля мягкая, ключья пристаю к сапогам, я очумела, когда на моих глазах задавили

Саньку. Капитан снова догоняет, тащит в сторону. "Быстрее!" - кричит. Я за ним какое-то время пробежала, мне бы отскочить а я обернулась посмотреть на Саньку. Танк на очень большой скорости - на меня, поворачиваюсь лицом к нему. Впечатление, что танк смеется, у него на переду морда хищника нарисована бело-желтая, как будто тигр на тебя надвигается, как усмешка. Становится очень обидно, злость берет: "На, дави меня, дави-дави!"

Я не пойму, что это. Гусеницы... на меня, втягивает.

- Ой, мамочки, что это такое?! , -

И все, тишина. Я, наверное, умерла. Голубое пятно, белое... Мертвые как будто не плачут, а я плачу. Судорогой подергивается тело. Как будто из меня что-то выходит, тело в агонии, мускулы еще двигаются. Струйка дыма из меня, как парок, поднялась, это облачко - я. Вижу себя с высоты, поле перепаханное, глубокая вмятина от танка, лежу в этой борозде, руки ровно, нога одна перевернута, вместо головы месиво, с грязью, кровью, волосы перемешались, сапожки на ногах, юбочка цвета хаки.

Пейзаж красивый - речка, лес, зеленый бугор, деревенька, высокие холмы, поле большое. Вечер уже. Волна наших танков, зажженные огни на них, мощные прожектора, фары. Очень красиво смотреть на это сверху, эстетические чувства, хочется петь. Зеленоватая дымка: это деревья набираются соком. Начало весны. От пашни тепло: поле вспаханное, идет запах этой парной земли. Так пахнет весной.

- Господи, как хорошо!

Я себя вижу дымкой-облачком. Выпарила, как джин из волшебной лампы Аладдина, и в облачко превратилась. А тут еще облачка, масса таких облачков, тут и Санечка, мы с ним держимся как бы за руки. Пеленой вперед продвигаемся туда, где лес, куда наши друзья-солдатики убегают. Танк гонится за ними. Мы как атакуем этот танк, наплываем на него, обволакиваем, как бы захватить его хотим. Вдруг у кромки леса он развернулся, что-то полыхнуло, факел огня из середины, раз -мы и разлетелись в разные стороны. Как дымочки поднимаемся. Мы на него как специально послали, чтоб его подбили. Поднимаюсь уже одна, вижу, что на земле творится, как ребята в лес успели убежать, сбереглись, живые, а этот немецкий танк горит, не догнал их. Очень радуюсь этому. Мне так не хочется расставаться со всем.

Осознаю, что умерла. Если я сейчас душа, то у меня такая обида, что в этом столпотворении я опять своего Саню потеряла, прямо комок в груди, проигрыш это... обидно. Становится

все светлее и светлее. Поднимаюсь все выше и выше, вижу до горизонта и за горизонт. Там песочек, за ним речка. Много наших ребят лежит на этом поле. Немецких танков, которые мы выманивали, уже в этом лесочке нет, они на том же поле, щук десять-пятнадцать, и все горят (злорадство в душе), один перевернут. На танке, который меня раздавил, вижу трех мертвых танкистов. Четыре наших танка сигналият, стреляют, давят немцев, которые, выскакивая из танков, пытаются скрыться в лесу. Пехота с противотанковыми ружьями, длинными.

Рядом за рекой идет другой бой, и поднимаются, поднимаются новые души. Их очень много, роem летят, больше и некуда лететь, как вверх. Они голубоватые, розоватые, кремовые, зеленоватые - светлых тонов радуги, как дымки. Вот розовень-кая, я - сиреневато-розовенькая, мы насквозь прозрачные. Вижу, как из трупов на немецком танке поднимаются три облачка, они такие же прозрачные, как мы, но странно - они серого цвета и как будто с крестами, что называется серенькая душа. Они вместе поднялись, чувствуется, что они были друзьями.

Мы их там бьем здорово, взяли в окружение, атакуем со всех сторон, отлетаем и по очереди в них вминаемся. Хотим как бы проткнуть их - желание, доставляющее огромное удовольствие. Они деформируются, как амебы, бьешь их, а они, как надувные шарики на пружине, опять становятся пухленькими. Я свою лепту тоже внесла, вталкиваюсь, с радостью вты-кнулась. Так им и надо, гадам.

Доставляет огромное удовольствие: додолбали мы их! Борьба продолжается!

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

Когда я впервые попала в Первую градскую больницу в палату, где 18 коек и по трем углам палаты печи, старое здание, высокие потолки, с того момента вся моя жизнь изменилась, я стала очень болезненной. До больницы я была очень жизнерадостным человеком, никогда не обращала внимания на житейские неудачи, а как в больнице побывала, стала часто жаловаться на боли в области груди, на головные боли, на усталость и слабость. С этого момента появилась аллергическая*⁴ реакция на анестезирующие препараты. И далее моя жизнь потекла все по убывающей: я постепенно перестала смеяться, стала очень раздражительной, все время жаловалась на всяческие боли и плакалась всем в жилетку. И вот прошло много лет, и я в очередной раз обратилась к врачам по поводу неврологических болей, бессонницы, психотического состояния, нервозности но основной жалобой при обращении была жалоба на сильную тахикардию*⁵ и страх, что я могу умереть и что у меня вырвется из груди сердце или просто остановится. Причину болей, которые сильно мучили меня последнее время и с которыми я часто обращалась к врачам, они установить не могли.

*⁴ Аллергия (греч. αλλο§ - другой и ε^ον - действие), повышенная и/или извращенная чувствительность организма к какому-либо веществу -Иергену. А. лежит в основе так называемых аллергических болезней (например, бронхиальной астмы).

Одной из сложных проблем для меня было обращение к стоматологам. При последней операции на зубах у меня было ощущение, что меня протягивает через какие-то металлические предметы, как через щель, при этом как бы отбрасывает назад. С наступлением весны я чувствовала себя хуже и хуже. Казалось бы, природа пробуждается, светлеют лица людей, я же, наоборот, ходила вся сжавшаяся, и слово "весна" ассоциировалось у меня со словом "смерть", я вздрагивала при этом.

И вот, проходя в вышеизложенной сессии "момент смерти" в машине и операции в медицинской палатке и в больнице, вдруг я начала находить схожесть с моей настоящей жизнью. Я очень худенькая, и моя грудь как у мальчика, я все время стеснялась этого. Слыша сетования врача по поводу того, что грудь расти не будет, что это для женщины очень плохо, я вдруг поняла, что именно эта фраза предопределила мою теперешнюю структуру тела. Мне можно было бы и не стараться, никакими массажами и гимнастикой я не смогла бы что-либо исправить. Я поняла, что именно сходство обстановки мест, куда доставили машину с ранеными, с той больницей, в которую я попала в настоящей жизни в 20 лет, вызвало первый анафилактический шок, с этого момента я стала страдать хроническими аллергическими заболеваниями.

После прохождения материала в этой сессии боли, с которыми я часто обращалась к врачам, прошли. Больше я к врачам не обращаюсь. Я снова стала подвижным и веселым человеком, мне не сидится дома, с радостью выполняю любую работу, от которой я раньше уставала и которую сейчас выполняю с удовольствием. Качество этой работы стало лучше. Негативные ситуации и резкие звуки не пугают меня, перестала реагировать на них, вздрагивать и чувствовать стук сердца. Стала петь, танцевать, часто отслеживаю, что что-то напеваю, активность как в юности.

Была сенная лихорадка - аллергическая реакция на цветущие травы, чихала, кашляла, чесала нос и глаза, глаза отекали, без диазолина*⁶ не обходилась. Сидела даже на гидрокортизоне*⁷. Прошлым летом, когда была за городом, только чихнула пару ра³ в высоких травах, а села в электричку, сразу все прошло. Лекарств никаких не принимала.

Прохождение последних сцен с танком, ощущение, когда меня протаскивает под гусеницами, было очень схожим с тем, которое я испытывала, когда мне проводили операцию на зубах. И больше всего, что меня потрясло: я поняла, почему я так реагировала на слово "весна". Ведь смерть под танком и операция проходили в первых числах марта. Сейчас на слово "весна" реагирую с удовольствием, никакого страха нет.

Я человек добрый по натуре, всегда старалась помогать людям, даже когда они не просили об этом. Кто-то называл меня дурочкой, кто-то грубо отталкивал, а я упорно навязывала им свою помощь, и, если ее не принимали, очень тяжело это переносила, чувствовала обиду и унижение. Когда же в сессии проходила момент, что бросаюсь спасать любимого человека, а в то же время за моей спиной в блиндаже осталось много раненых бойцов, людей, с которыми я прошла по дорогам войны, которые ждали моей помощи как от медика, ведь я одна за ними ухаживала, я вдруг осознала, почему я с таким упорством навязывала окружающим свою помощь: да только потому, что я чувствовала свою вину перед теми, брошенными мной, бойцами. Значит, я их бросила, вот свинья, из-за любви да в омут.

Удивило еще и то, что в сессии звучали названия, которые я слышала в жизни, но не понимала их смысл. Я воочию увидела, что такое дренаж, лигатура. Слова "лигатура" не знала, в кроссворде до этого не смогла угадать.

Стала легче переносить, когда что-то на горло давит. Впервые на праздник надела закрытую высоко кофту с галстуком, ни разу ее не потянула, удушья нет.

Окружающие замечают, насколько я изменилась. Вернулись веселье, озорство. Внешне посветлела. Книгу "Дианетика" сначала не понимала полностью, к каждому слову возвращалась много раз, а сейчас, после практики, стала разбираться] понимать прочитанное. Хочется самой начать работу одитора] строю планы по этому поводу.

*⁵ **Тахикардия** (греч. *ταχυς* - быстрый и *καρδια* - сердце), увеличение частоты сердечных сокращений до 100-180 в 1 мин. Возникает при физических и нервных напряжениях, заболеваниях сердечно-сосудистой и нервной систем и др.

Диазолин, лекарственное средство, применяемое при различных аллергических заболеваниях.

Гидрокортизон, гормон коры надпочечников, применяется как лекарственное противовоспалительное и противоаллергическое средство, а также при его недостаточности в организме.

Очень приятное ощущение было, когда чувствовала себя душой: какая-то легкость была во мне. Я теперь осознаю себя духовным существом и знаю, что жила много жизней. Я точно уверена в этом!

В сессии очень удивилась, как я там похожа на свою маму в молодости - больше, чем наше сходство в реальности: такие! же светлые белокурые волосы, невысокого роста, такая же! прическа, как у мамы на фотографии того времени. Ей там **то-1** же двадцать лет. Я теперь знаю, почему я выбрала именно свою маму.

Удивилась серьезности своего характера, что я своевольная,! своенравная, привыкла всего добиваться, похожая характером! на любимую героиню детской книги Гулю Королеву, с гипер-трофированным патриотизмом того времени. Поняла, что в то| время именно такими мы и были. Этот характер создавало! время, в котором я жила тогда, и обстановка светлой жизни и! высокого патриотизма людей довоенного времени. И в этой! жизни я чувствовала этот патриотизм: я люблю свою страну,! была готова умереть снова за нее, но уже не так бездарно. Я| гордилась отцом, прошедшим войну, и чувствовала в детстве! большую связь с ним в вопросах отношения к войне. В конце! сессии испытала невероятный патриотический подъем: эта! сессия проходила 23 февраля, в День защитника Отечества,! что это праздник теперь и мой. Я знаю, что тоже воевала, за-1 щипая свою Родину и наше светлое будущее.

Заметки историка:

В августе-сентябре 1941 г. началась мобилизация на фронт! девушек-учащихся медицинских училищ, достигших 18 лет, и| так, видимо, попала в армию и Евгения. (Хотя, учитывая ее! решительный характер, она могла пойти добровольцем.) Очевидцы признают: профессиональный уровень этих девушек-санструкторов был очень невысок, и наша героиня под-1 тверждает это.

Официальной датой начала битвы за Москву считается 301 сентября 1941 г., так что события первого эпизода развиваются где-то на дальних подступах к столице. У раненого командира дивизии четыре шпалы (а не кубика - кубики были у младших офицеров) в петлицах: он полковник, называется большая | убыль в комсоставе, ранее дивизиями командовали генералы.

Сцена в госпитале, где Евгения оказывается в одной палате с ранеными мужчинами, свидетельствует о больших потерях

Красной армии осенью 1941 г. под Москвой, женщин старались всегда размещать отдельно, а теперь не хватает места. В эпизоде на Курской дуге показана типичная для этого сражения дерзкая операция советских солдат, пытавшихся бутылками с бензином поджечь лес, чтобы преградить дорогу немецким танкам. В ходе Курской битвы на поля сражения вышла новая бронетанковая техника вермахта, в боях с которой противотанковая артиллерия советских стрелковых частей была малоэффективна, и наши воины не раз пытались действовать против "тигров", "пантер" и "элефантов" нетрадиционными методами.

Заслуживает внимания и описание германского танка, задавившего Евгению. Ни одна из немецких танковых дивизий не имела своей эмблемой оскаленную тигровую морду. Вероятно, это индивидуальный герб экипажа, тем более изображен он не на башне как знак части, а на лобовой броне. Экипаж, кстати, был не полный: все типы германских танков, применявшихся на Курской дуге, имели по четыре члена экипажа, а в данном случае их три.

Заметки одитора:

Из Советской военной энциклопедии.

Курская битва 1943 г., оборонительная (5-23 июля) и наступательная (12 июля - 23 авг.) операции Великой Отечественной войны, проведенные Советской Армией в районе Курского выступа по срыву крупного наступления немецко-фашистских войск и разгрому стратегической группировки противника... Советское Верховное Главнокомандование после наступления зимой 1942/43 отдало приказ войскам перейти к обороне, закрепиться на достигнутых рубежах и подготовиться к проведению наступления...

временно перейти к преднамеренной обороне на Курском направлении, подготовить здесь мощную оборону... Оборона под Курском готовилась прежде всего как противотанковая... Главное внимание в морально-психологической подготовке войск уделялось воспитанию решимости отразить удары танковых сил врага, применявшего новые типы танков. В армиях состоялись слеты истребителей танков. Стрелковые подразделения проходили обкатку танками.

Павел Семенович Рыбалко (1894-1948) с мая 1942 г. - заместитель командира 5-й танковой армии, затем с июля 1942 г. командовал 5-й и 3-й танковыми армиями, участвовал в битве под Курском.

2. Санинструктор Танюша выходит из окружения, заболевает и оставлена на хуторе выздоравливать, 19 лет, Белоруссия 1941 г. Поймана как партизанский связной, на допросе в полиции, расстреляна, года 22, осень 1943 г. (3 сессии).

Маленькая, худенькая, как подросток. Волосы темно-русые, мягкие-мягкие и прямые, забраны в косу. Нас небольшая группа, все, кто остался. 41-й год, август. Еще тепло, но ночи уже холодные.

- Санинструктор, сестренка, подойди. Вы нас только живыми не бросайте.

- Да что ты, родной, мы вас никого не оставим, мы же русские. Успокойся, тебе выздоравливать надо, ты еще воевать будешь.

- Воды.

- Подожди, миленький, сейчас принесу.

Руки, ноги трясутся, не плачу, сдерживаться приходится.

- Не вижу выхода из создавшегося положения. Плачу.

- Мы должны быть стойкими, слезами не поможешь. Мы все прекрасно понимаем остроту положения, сейчас всем тяжело. Боеприпасов нет, мы окружены, нас осталось очень мало. Держать дальше оборону невозможно. Будем ночью уходить по одному, по два. Нам придется расстаться. Может быть, мы видим друг друга в последний раз.

- Товарищ полковник, комбриг, поймите меня, у меня же раненные. Я не знаю, что с ними делать, что им отвечать. Я еле сдерживаю себя. Что я им могу ответить, когда они спрашивают меня, не бросим ли мы их живыми. Вы понимаете?

- Держись, сестренка.

- Но я их не могу бросить, я потом жить не смогу, эти глаза не забыть.

- Оглохла от взрывов. Я уже ничего не слышу.

(- Короткими надо, короткими, экономь патроны.

- Что же вы делаете, изверги, это же живые люди. Я не могу на это смотреть.

- Ты не виновата, не казни себя.

- Лучше бы я с ними осталась под обломками.

- Значит, тебе судьба жить еще.

- Я же только за водой пошла.

- Значит, не судьба. Им легче, они уже отмучились, а нам с тобой из этой каши надо выбираться.

Идти придется болотами.

- Надо уходить, подкрепления ждать неоткуда. Разбивайтесь на пары. А тебе, Танюша, я советую с ним в паре. Пойдешь с Лешей, он парень надежный, не смотри, что такой шуп-ленький. С ним вы пройдете: он здесь служит давно, все тропинки, все ходы-выходы знает, с ним вы скорей выберетесь. Мы останемся здесь, сколько можем, будем вас прикрывать.

- Я не хочу Вас оставлять.

- Я тебе приказываю.

Я рыдаю у него на груди. Он достаточно крупный мужчина, старше меня, спокойный, рассудительный. Прижал меня к себе, мне так тепло, не могу оторваться. Я в его объятиях утонула, это точно.

- Танюшенька, не плачь, тебе нужно уходить. Вот увидишь, я останусь жив. Мы потом с тобой обязательно встретимся.

- Я бы раньше Вам этого ни за что не сказала, но я не знаю, что нас ждет впереди, может быть, мы с Вами видимся в последний раз. Я Вас люблю. Я не встречала еще человека лучше Вас.

- Танюша, я старше Вас намного, а потом сколько молодых возле Вас было.

- Не смейтесь надо мной, Вы бы никогда об этом не узнали. Я знаю, что у Вас есть жена, дети, но теперь это не имеет никакого значения. Мы видимся, наверное, в последний раз. И я хочу, чтобы вы знали: я Вас никогда не забуду, я не смогу больше никого полюбить.

- Танюша, ты еще так молода, у тебя вся жизнь впереди. Закончится война, ты обязательно кого-нибудь полюбишь.

- Сереженька, миленький, я больше никого не люблю.
- Нам надо расстаться. Уже смеркается, пора уходить.
- Я Вас никогда не забуду.
- Жди, может Бог даст, встретимся.
- Хорошо, что я здесь служил, тропинки кое-какие знаю. Мы с тобой болотами и выйдем к своим.

Теперь приляг, от-Дохни чуть, путь предстоит долгий. Чуть стемнеет, пойдем. Документы надо закопать. У тебя есть что-нибудь из штатской ⁰Дежды?

- Да откуда?
- Пошли, путь предстоит долгий, надо уходить, пока темно.
- Какая тишина, даже на уши давит с непривычки. Как будто и войны нет.
- Пошли, останавливаться нельзя. Если остановимся, потом не подняться. Из последних сил надо идти.

Конец августа. Пробираемся по болотам в сумерках, по ночам. Вода уже холодная. Внизу вода, сверху вода, не обсохнуть нигде. Ноги постоянно в холоде. Простудилась, застудила низ живота.

В руках держу тонкий ствол березки. Вижу спину в форме и затылок в пилотке.

- Слышишь, как ветер шумит?
- Я очень замерзла. Какая вода ледяная, ноги мокрые. От холодной воды руки замерзли, ледяные, аж сводит. Ты знаешь, я что-то себя плохо чувствую, голова побаливает.
- У тебя никак жар, уж не заболела ли ты? Держись.
- Я, наверное, простыла, не согреться...

Сил нет идти. Ноги не чувствую. Не могу идти, ноги еле передвигаются (сапоги тяжелые). Все болячки вылезли.

- Оставь меня, добираться один.
- Я тебя не брошу, мы пройдем вместе. Ты слышала, что комбриг приказал. Мы пройдем, мы обязательно пройдем... Что же мне с ней делать, она еле на ногах стоит...
- Облокотись на меня.
- Я сама пойду.
- Нам бы к деревеньке какой-нибудь выйти, я бы тебя там оставил, а обратно пойдем, ты как раз к этому времени и поправишься. Мы их далеко не пустим.
- Подожди меня здесь, я сейчас приду. Я вижу хутор, пойду посмотрю, кто в нем живет, жди меня...
- Пойдем быстрее.

В домике на хуторе черные деревянные стены, белая печка.

- Я ее не дотащу, присмотрите за ней. Она без сознания. Девчонка - Вам ее будет легче спрятать: если что, за дочку сойдет. Мне ее не вывести. Одежду всю сжечь надо.

- Где ж я ей такого размера найду, у меня же все крупные, а эта как тростиночка тонкая. Кто же мне поверит, что это моя дочка?

- Мать, выручай, не дай погибнуть живой душе. Я с ней не доберусь до своих. Она выздоровеет, тебе помощницей будет.

Л мы скоро вернемся, это ненадолго. У тебя хуторок маленький, когда тебя еще найдут, когда еще до тебя доберутся.

- Она же нашего языка не знает.
- Ну скажешь, что она глухонемая, просто немая или приехала к тебе в гости погостить.
- Что же ты меня уговариваешь, как девку, помоги мне ее перенести. Ладно, иди сам поешь. Я с ней разберусь как-нибудь, ничего, поставлю на ноги... Да на ней же одни кости да кожа остались, она же как подросток. У нее и женского ничего

нет.
Тетушка раздевает. Стыдно стало, прикрываюсь.

- Что ты тетки стыдишься? Почти без сознания, а все прикрывается. А сисечки-то какие маленькие, я такие первый раз вижу. У нас в деревне у девчонок и то больше. Как ее трясет, надо скорей на печку. Ничего, молоком отпоим... Ну давай ее на печь.

Высокая температура, в забыты. Приоткрываю глаза. Не могу говорить: горло заложило, болит, больно глотать, кашель замучил, слезы из глаз. Глаза затекли, ничего не вижу. Не могу наклониться, из носа течет.

- Пей тепленькое, полегчает. Я тебе травы напарила, выпей, станет легче.
- Нос болит, растерла.
- Ну вот, ты уже и поправляться стала.

Осень 1943 г., 22 года.

- Ах, ты еще и поешь. Руки вверх!

Один с автоматом. Шапка серовато-черноватая, с высокой тульей и козырьком, как у полицаев. Галифе, сапоги, сюртук. Возник достаточно близко от меня, неожиданно.

Схватил сзади, сильный испуг. Состояние, когда опускается все вниз от испуга.

- Попалась, красавица, мы за тобой долго охотились, не Уйдешь. Твоя песенка спета, отпелась пташка.

Сердце замирает.

- Как же Вы меня напугали, я даже вздрогнула от неожиданности, аж сердце в пятки ушло. Вы ошиблись, я ходила за грибами, я просто заблудилась.

- Что ты здесь шатаешься по лесу, ты что не знаешь, что в лес ходить запрещено. Что ты тут делаешь?

- Гуляю.

- Какие могут быть гуляния в лесу. Ты что не знаешь, что в лес запрещено ходить.

- Что я говорю. Вы меня так напугали, что я не соображаю что говорю. Совсем растерялась, аж в жар бросило. Я заблудилась. Дядечка, что Вы, я же в лесу совсем дорог не знаю. Я и ходила только вдоль леса, и в лес никогда не заходила. Я и тропинок в лесу не знаю, никогда в лесу и дороги не смогу найти. Есть нечего в хате, хотела хоть грибов на опушке найти. А грибок за грибом - и заблудилась. Хорошо, что на Вас наткнулась, хоть выведете меня. От страха зуб на зуб не попадает.

- Что ты трясешься вся как осиновый лист?

- Я Вас боюсь, у Вас автомат.

- Что ты дурочкой прикидываешься, можно подумать, первый раз видишь.

Разговор идет по-русски. Пытаюсь "скосить" под деревенскую, но у меня очень с трудом получается. Это вызывает дополнительное подозрение. Здесь не мой родной дом, но я ориентируюсь достаточно хорошо.

Я даже не знаю, сколько я здесь нахожусь, от страха в голове все перемешалось. Боюсь, я очень боюсь. Господи, как же я боюсь, как мне страшно. Как мне вынести все это. От испуга, от страха я не могу сосредоточиться, мысли разлетаются. Голова раскалывается от боли. Я не знаю, что мне делать, как же мне выдержать. Господи, помоги, дай мне силы выдержать пытки. Я даже сама с собой говорить стала. Мне нельзя говорить, мне надо молчать. Надо выбросить все из своей головы, все забыть. Я ничего не помню, я все должна забыть. Как же я боюсь, только бы выдержать.

Находится в каком-то темном подвале, свет пробивается небольшой полосой из другого помещения, из маленького окошечка над дверью. Это не тюрьма, а просто используемое помещение.

Чуть успокоилась, полусонное состояние.

- Не знаю, не помню... Вы мне совсем отбили память. Сидит обессиленная, голова болтается.

Я мыслями далеко отсюда. Я отгоняю от себя эти мысли. Я должна молчать, они не должны от меня слышать ни слова. Я ничего не помню, я должна все забыть. Пытки не должны меня сломить. Забыть, все забыть. В голове ничего не должно быть. Я могу сломаться от боли, я могу не перенести боли. Я должна все забыть так, чтобы, если бы захотела под пытками вспомнить, не могла бы вспомнить. Что если даже мое тело меня предаст, то мой разум не должен меня предать, что даже под воздействием этой боли я ничего не могла бы сказать.

Забыть, забыть, все надо забыть, все, что я знала, все явки, все адреса, все имена и фамилии, лица. Я должна забыть все имена... Забыть... до головной боли.

- Воды, дайте воды, все пересохло во рту. Задыхаюсь.

- Остановись, она уже ничего не чувствует, она без сознания. Окатите ее водой. Солью посыпьте, пусть просолится, может быть, сговорчивей станет.

Жжет, спина горит.

- Теперь на спине долго спать не сможешь. Достаточно светлое пустое помещение, стены побеленные, на окнах решетки. Не очень маленькие лавки по периметру стен. Стол деревянный. Бьют на деревянной скамье, стоящей посередине комнаты, по спине плеткой, чуть ниже лопаток. Даже не привязывают, просто руки свисают, сил ни на что нет.

- Не знаю, не помню.

- Фу ты, черт, заладила одно и то же. Не девчонка, а дрянь. Возимся с ней, возимся, от нее ничего не добьются. Знаем, что связная, следили за ней, она уперлась и молчит. Только и слышим "не знаю, не помню". Крепкий орешек достался. В чем душа держится, боишься в азарт войти, чтоб не забить до смерти. Приходится постоянно сдерживать себя, чтоб под кнутом не померла. Чуть что, в обморок падает, работать невозможно. Прямо не знаю, кто кого пытается, то ли она меня, то ли я ее.

- Очнись, - трясут, - приди в себя.

- Унесите ее отсюда, надоела она мне.

До спины не дотронуться. Рубцы не проходят. Где я? Темно перед глазами, ничего не вижу, ничего не

чувствую. Голову не поднять, не ощущаю свое тело.

- Не помню, не знаю...

- Она даже без сознания только это и повторяет. Все равно от нее больше ничего не добиться, надо с ней кончать скорей. В расход ее. Расстрелять.

- Вы же русские, вы же по советской земле ходили. Ненавижу, предатели, подонки, сволочи! Будьте вы прокляты за все

те мучения, что вы принесли нашей земле. Стреляйте, что вы медлите!

- Ты посмотри на нее, ее на расстрел ведут, а она еще и ругается. В чем душа держится, еле на ногах стоит, а ругается как сапожник. Кипит вся от возмущения.

- Я смерти не боюсь. А как вы людям в глаза смотреть будете? Что вы будете делать, когда наши придут? Недолго вам осталось.

- Девка не в себе. Черт, а не девка. Откуда у нее только силы берутся?

- Забыть бы их рожи.

- Кончай с ней скорей. Зажмурься, не гляди.

Нет, я хочу, чтобы они меня на всю жизнь запомнили. Чтобы мои глаза всю оставшуюся жизнь им жить не давали спокойно, перед глазами их стояли.

- Рухнула, скосило.

На деревенской подводе привезли три человека. В лес завезли, в кустарник, чтобы тело было кустами прикрыто. Лес елово-сосновый. Стрелял один, двое в телеге остались: один из них возница, второй оглядывается по сторонам, побаиваются. У того, который стрелял, по-немецки висит автомат на груди.

Момент освобождения от тела.

- Меня нет, но я их сопровождаю. Они нормально выедут из леса.

Две женщины в белых косынках, подвязанных под подбородком, с корзинами, лет около 30, достаточно крепкие.

- Грудь пробил навывлет. Надо закопать. Посмотри, на девчонке живого места нет. Давай закопаем быстрее, пока никого нет. Знать бы, как ее зовут, а то так безымянной и останется.

- И ты не боишься подходить?

- Ну нельзя же ее здесь так оставить, вон уже мух сколько налетело,

- Глаза закрой, прикрой лицо хотя бы платком. Юбку поправь, одерни.

- В деревню надо сходить за лопатами, иначе мы не справимся. Место не забудь. Пойдем скорей, нам еще назад возвращаться.

- Ты думаешь, они не вернуться?

Сверху вижу мыс леса, вокруг поля. В середине леса кустарник - орешник. Пекло по прямой под левой грудью. И пытали и стреляли не сами немцы, а полицаи.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

За свое тело как-то стыдно, переключка с насилием в Тауэре (случай из другой жизни). Здесь очень много страха перед болью, пытками. Тело мое очень боится боли, разум не должен предать, а Маргариту в XVII в. предал разум, здесь он должен отключиться и не дать никакой информации. Понимаю, что много людей связано со мной, вбиваю в голову, чтобы все забыть и их не выдать.

После сцены расставания с комбригом вспомнила: представление о муже всегда было таким, что он должен быть постарше, спокойным таким, не вспыльчивым. Подсознательно именно к нему, комбригу, приравнивала образ будущего мужа. В этой жизни никого не, полюбила, а пошла, как он рекомен-'довал, за Лешей, щупленьким.

В этой жизни стоило ногам охладиться, сразу заболела. После проработки этого материала за время более двух лет ни разу не болела. Часто бывала сильная, пронизывающая боль в месте под грудью, куда пуля попала, или сильное покалывание в этой области. После слов полиция "Теперь на спине долго спать не сможешь" в этой жизни не могу спать на спине, люблю спать на животе, сколько пыталась на спине, не получалось.

Очень пугалась, когда подходит кто-то сзади, сильно вздрагивала при этом. С детства боялась ходить в лес, кустов боялась, так и казалось, что оттуда кто-то выскочит. Это было чертой моего характера, при неожиданности я терялась, не знала, что говорить, очень не любила такие ситуации. Там Таня сочиняет, что дорог в лесу не знает, она-то сочиняет, а я в этой жизни в лесу совсем не ориентировалась, куда идти, никогда не знала. Даже в городе плохо ориентировалась.

Очень не люблю, когда игрушечным оружием в людей целятся, детям всегда делала замечания в подобной ситуации.

Заметки историка:

Действие разворачивается, вероятно, не на территории Белоруссии, а в пограничных с нею районах Смоленской области, где в августе 1941 г. проходили жестокие бои. Собственно из Белоруссии войска Красной армии к этому времени уже отступили.

Воинская часть, в которой сражается Танюша, - вероятнее всего отдельная стрелковая бригада, быть может сформированная уже во время войны. В довоенное время бригад Красной армии на западной границе было всего две. Соответствуют звену бригады и звание ее командира - полковник; дивизиями ^в 1941 г. командовали еще в основном генералы.

Достоверность сцены выхода из окружения подтверждаете-самой жизнью. Летом - осенью 1941 г. десятки тысяч бойцов и командиров Красной армии оказались в таком же положении как Танюша и ее провожатый, и многие из них, так и не суме выйти к своим, осели среди местного населения. Хутор, на котором остается больная девушка, вероятнее всего польский" хозяйка сетует на то, что Танюша не знает "их" языка, а из не русского населения в Смоленской области более всего про" живало поляков (30 000 по довоенной переписи).

Сцена ареста и расстрела также не вызывает возражений В тылу германской армии собственно немецких войск было мало тем более в 1943 г., когда у рейха стала ощущаться острая нехватка в людях. Охраной тыловых объектов и поддержанием порядка занималась вспомогательная полиция (в просторечии -полицай), вербовавшаяся из местных жителей. Типичное обмундирование полицаяв вполне соответствует описанному. В полицию шли в основном убежденные враги Советской власти, и разговор с партизанами у них был короткий...

3. Гибель капитана Иволгина в марте 1943 г. (Это рассказ еклира, написанный по материалам пройденной сессии.)

0 марта 1943 года капитан Иволгин поднял солдат в атаку и с криком "Ура!" пошел в свой последний бой.

Дело было провальное: из роты, которой он командовал, за девять дней боев в живых осталось чуть больше взвода. Получив приказ штурмом взять хорошо укрепленную высоту, Иволгин понял, что война для него закончена. Как бы ни сложилась судьба, смерть в бою он предпочитал трибуналу (и тому, что за ним последует), которым ему грозил полковник Васин. Вызвав его по связи и выслушав доклад обстановки и просьбу о подкреплении, полковник отдал приказ: "Взять высоту!" - а о том, что солдаты голодные и измотанные, он слышать не хотел: "Не возьмешь высоту - пойдешь под трибунал". Вот и весь разговор. Не то чтобы капитану первый раз угрожали трибуналом, но бои шли с переменным успехом, и полковнику надо будет как-то оправдаться.

Высоту было не взять, это точно. Немцы давно готовились к обороне и хорошо укрепились на этой высоте. Глядя в бинокль, Иволгин насчитал четыре пулеметные точки, и, похоже, у фрицев были еще и минометы, так что без артподготовки соваться туда было нечего. Но выбора особого не было.

Дружно, по команде, но без особой охоты (знали, на что идут) солдаты поднялись из окопов и, пригибаясь на бегу, с криком "Ура!" пошли в атаку. Немцы их ждали: едва первые солдаты пересекли невидимую полосу пристрелянной зоны, как разом ударили пулеметы, а чуть погодя заработали и минометы.

С автоматом в руках Иволгин бежал в задних рядах солдат. Первым бежал в атаку политрук, первым же он и упал, скошенный пулеметной очередью, за ним стали падать и другие солдаты. Крича на бегу "Ура!", капитан думал об одном, чтобы шальная пуля или осколок от рвущихся вокруг мин избавили его от позора несправедливого трибунала. Долго ждать ему не пришлось: осколок от разорвавшейся по левую руку мины, пробив каску, ударил капитана в голову. Взрывная волна подхватила тело и бросила спиной на землю. Лежа на неуспешной прогретая весенним солнцем земле, капитан Иволгин смотрел в голубое весеннее небо. Небо стало приближаться все быстрее и быстрее, потом обрушилось и растворилось в нем.

Капитан ничего не чувствовал, лишь простор безбрежного неба наполнял его, отрешенно он смотрел сверху на поле боя, на свое распростертое на земле тело с автоматом в руках, на то, как горстка солдат подобралась к самым немецким окопам и как тугая пулеметная очередь косила его солдат. Немцы, увидев свое численное преимущество, пошли в контратаку, в коротком рукопашном бою одержали победу, добились раненых красноармейцев, а своих раненых и мертвых унесли в окопы. Солнце стремительно близилось к горизонту, и смотреть на остывающее поле боя не хотелось.

Спустя вечность капитан очнулся оттого, что кто-то тряс его за шинель.

- Солдатик, миленький, ты живой? Господи, крови-то сколько натекло! Потерпи, миленький, сейчас я тебя перевяжу.

Иволгин медленно приходил в себя, ловкие руки бинтовали ему голову. Открыв глаза, капитан с трудом различил в наступивших сумерках склонившееся над ним лицо девушки.

- Больше нигде не ранен? Потерпи, миленький, сейчас я тебе воды дам.

Холодное горлышко фляги прижалось к его губам, капитан с трудом сделал несколько маленьких глотков воды. После этого девушка осторожно подложила под его голову свою медицинскую сумку. Внезапно вернулась боль и воспоминания об атаке, не верилось, что он остался жив. Капитана начало знобить.

Осторожно развернув и взяв сзади под руки, девушка потащила его в сторону молодого леса, что был немного дальше от того места, где капитан окопался со своими людьми перед штурмом высоты. Морщась от боли, Иволгин старался помочь как мог, зная, что девушке тяжело. Автомат свой не бросил, надеясь, что ему еще представится случай уложить парочку немцев.

Добравшись до деревьев, они остановились передохнуть. Чуть погодя, отдышавшись и собравшись с силами, Иволгин спросил:

- Откуда ты взялась такая шустрая?
- Из медсанбата, откуда же еще? - улыбаясь, ответила девушка, радуясь, что солдат пришел в себя.
- Что ты здесь делаешь, здесь же полно немцев?
- Тебя пришла искать, - ответила девушка. Иволгин не понял, шутит она или говорит серьезно.
- А чего ж меня-то, мы разве знакомы?

- А ты не помнишь? В сорок первом под Львовом мы с тобой танцевали в офицерском клубе. Я тебя как увидела неделю назад у медсанбата, так сразу узнала, ты еще с кем-то разговаривал, только вот подойти к тебе не смогла, тогда как раз раненых привезли, а потом вы уже ушли на передовую.

Впервые за все это время капитан попытался разглядеть девушку. Худенькая, в стеганой телогрейке, из под шапки выбились короткие русые волосы, настолько светлые, что в наступающей темноте казалось, что они светятся. "Может быть, она серьезно пришла за мной?" - рассеянно подумал капитан и, посмотрев в сторону немцев, спросил:

- А что с остальными?
- Немцы добились, сволочи.

Иволгин почувствовал, как дрогнул ее голос.

- Ты один здесь живой остался. Помолчав, капитан сказал:
- Зря ты сюда пришла, умереть я хочу. Всех людей здесь положил, не простят мне этого.
- Не всех, многие вернулись. Я услышала, что ты убит, так сразу, как стемнело, сюда побежала, сама удивляюсь, как не побоялась.

В небо взлетела осветительная ракета, со стороны немецких окопов послышалась приглушенная музыка: немецкие солдаты развлекали себя игрой на губной гармонике.

- Ну все, пошли, хватит здесь сидеть, - поднимаясь с колен, сказала девушка. - Того и гляди наткнемся на немецкую разведку.

Вставать не хотелось.

- Оставь меня. Ты все равно не сможешь меня протащить через весь фронт.
- А через весь фронт и не надо, здесь медсанбат недалеко, за этим леском, потом через старые окопы - и мы пришли.

Девушка стала поднимать капитана:

- Ну вставай же, немного уже осталось.
- Нет! Я хочу вернуться назад, хочу отомстить за всех!
- Да вставай же, ты! Я не смогу тебя одна тащить! Держись за меня.

Девушка перебросила его тяжелую руку себе через шею и, с трудом удерживая капитана на ногах, заплетающимся шагом повела его в сторону наших позиций. Иволгин старался не упасть, опираясь на ствол автомата.

- Брось автомат, тяжесть еще такую тащить:
- Нет, я еще перед смертью уложу несколько гадов.
- Да что ты все заладил про смерть! Думай о том, как выжить, а не как умереть. Брось автомат!
- Нет.
- Вот упрямец! - рассердилась девушка.

Подумав о том, что эта хрупкая девушка, которую он и не помнил толком, пришла сюда, рискуя жизнью только для того чтобы спасти его, Иволгину стало стыдно своей слабости.

Так, спотыкаясь через каждый шаг, они дошли до другой стороны перелеска. Капитана бил озноб. Остановившись у молодых берез, что росли из одного корня, присели отдохнуть. Сил у капитана уже не было, прислонив его спиной к стволу дерева, девушка села перед ним на колени. Похолодало, на небе высыпали звезды. Пахло весной, дымом. Иволгину вспомнилось детство, как жгли они с братом старую листву во дворе перед своим домом в Ленинграде, их квартира, всегда шумная, вспомнилась мама, вспомнил, что не успел написать ей письмо, и еще много чего, о чем человек вспоминает, когда жизнь покидает его.

- Уходить тебе надо, - тихо сказал Иволгин, с трудом переложив автомат на колени. - Умру я скоро, а тебе до своих еще добраться надо. Уходи, оставь меня здесь.

- Нет, миленький, мы еще на твоей свадьбе гулять будем.

- Да была у меня уже свадьба, и ребенок был. Погибли в блокаду.

Сердце его защемило от боли.

- Недолго мне осталось, уходи.

Иволгин закрыл глаза, чувствуя, как его тело сковывает холод.

- Да, что же ты, миленький! - со слезами в голосе воскликнула девушка и обняла его за шею. Капитан, помедлив, тоже обнял ее слабеющей рукой и прошептал:

- Спасибо тебе.

Через несколько секунд душа его выскользнула из тела и он со стороны увидел, как, обняв его тело, плакала девушка и потом, уже перестав плакать, сняв шапку, долго еще сидела около его тела. Изменившимся зрением Иволгин смотрел на девушку, на искаженные горем черты ее лица и такую нежность и благодарность к ней испытывал, что решил не покидать ее, пока не кончится война. Чтобы никакая случайность не оборвала юной жизни его неудачливой спасительницы - девушки, которая бросилась его спасать, когда все были уверены, что он уже мертв.

4. Жизнь Стаса Свидригайло с раннего детства до момента гибели при разминировании минного поля, 1924-1943 гг., Россия (8 сессий). 4 год. То, что сейчас называется Западной Белоруссией, на границе с Западной Украиной.

Я мальчик шести лет, в домотканой рубашке, подпоясанной веревкой. Волосы стриженные под горшок. Довольно смысленный. Станислав, а зовут меня Тась, Стасик - там так не принято. Вичка, например, укороченное от Марички.

Большая-большая семья. Мать, довольно много детишек. Чисто одет, но очень бедно. Бедность глобальная. Мягкий, журчащий язык, в отношениях такая же мягкость.

Летом мы живем в лесу, на ягодах. Нас так и зовут - ягодники. Живем мы в доме типа землянки, скат крыши почти вровень с землей. Бревна большие, такое жилище называют ямой. Крыша соломенная, старая, ее откуда-то приволокли и поставили над этой ямой. Это жилье летнее, другого жилья здесь нет никакого. Рядом что-то типа овражка, весной тут бывает сыро. Ниже этого места речка. Детям разрешается ходить на ручеек (мы зовем его речкой), но купаться не разрешается. Из леса к этому дому ведет песчаная дорога. Мы тут одни живем, только дети и мамка. Это что-то типа лагеря. Мы в лесу, чтобы не умереть с голоду.

Из детей я старший. Еще у меня есть сестренка, ей пять, Янко, ему четыре, еще двое погодков, три и два года, и грудной. Как-то их густо. Заставляют за ними приглядывать. Приглядываем друг за другом, но обязательств перед другими, которые бы тяготили, у меня нет. Откуда такие дети малые? Да собраны мы. Мы совсем чужие между собой. Я здесь корней не чувствую. Откуда я здесь взялся, я не знаю, и спросить мне не у кого. Родственных связей нет. Один я, сиротинушка. Мальчика в любой семье примут, вырастят - это будущий работник, лишним ртом не назовут, это как подарок.

Женщина, которая заменяет мне, а сейчас нам всем мать, "мамка" мы ее все так и зовем, достаточно молодая, ей лет 35. Ее зовут Ядвига. Она привыкла к такой жизни. Она добрая. Кто-то из детей ее. Мы не скучаем по родителям, целый день завей хвост веревкой носимся по лесу, ягоды, грибы собираем. Кормят нас только вечером баландой, а днем промышляем сами. Ни в городе, ни в поселке выжить сейчас невозможно, голод, кругом разруха. А мы не истощенные, хорошие, справные дети. Многие в это время живут в землянках. Болот нет. За нас бояться некому. Разгар лета. Летнее время - нам радость. Где же зима? Зимы видеть не хочется. Босыми ногами по снегу ■ приятного мало.

Костер на улице, черный, большой, прокопченный котелок. Мы сидим и смотрим, как что-то варится в котелке. Бульканье варешки. Варешка - это то, что варится. Я совершенно счастлив, что могу палочкой ковыряться в костре как старший из всех. Мы все ждем, когда будет готово варево. Котел висит высоко, чтобы не подгорел, доходит. Ассоциативно со словом "доходит" всплывают заголовки газет. 17 февраля 1923 года - что-то куда-то доходит. Не знаю, где я видел эти газеты.

К нам приехала телега, из нее торчит солома. Пожилой мужчина снимает с нее еще двух детей. Этот старик привез нам хлеб. Хлеб знаю только черный, о белом понятия нет.

Старик ведет к костру одного. Мальчишечка совсем маленький, еле ходит, в одной рубашонке. Начинает плакать и прижимается к штанине старика. Но мы всегда всем рады, я его взял, тискаю, а он еще выдирается. Я его пытаюсь удержать. Я не знаю, как к нему обратиться, не знаю его имени, чтобы его успокоить. Нашей мамки рядом нету, она разговаривает с тем человеком, что приехал. И отпустить я его не могу, потому что рядом костер. Сажаю его к себе на колени, даю в руку липовый прутик и ковыряю его рукой в костре. Ребенок этим заинтересовался и успокоился.

- А как тебя звать? - обращаюсь я к маленькому. А он так гордо отвечает:

- Тео.. Теодор.

Он называет себя очень смешно - без штанов, в лесу - Теодор. Старшего зовут Дебуш, он венгр.

- А как он к вам попал, где вы его взяли? - спрашивает мамка.

- Аист принес, - смеется дед, - забрали у цыган (здесь их называют молдованами).

Почему наши берут детей, впору самим отдавать, не знаю. Меня тоже подобрали. Мне здесь неплохо.

- Сейчас будет готово.

Мы голодные всегда. Это ритуал, никаких поползновений, никто не лезет в костер. Нарушительно старший даст подзатыльник. Затрещины бывают, но крайне редко, все чинно сидят у костра, как взрослые. Дисциплина соблюдается.

Сегодня будет хлеб, нам привезли две круглые буханки, сегодня будет каша. (Я в этой жизни никогда не пробовала то, что мы ели там.) Сегодня у нас... я не знаю, как это называется, меня не было, когда заваливали крупу. В котле что-то аппетитно булькает. Тарелки у нас алюминиевые, плоские, не миски, считаются глубокими, но еды туда мало влезает. Они

горячие, когда их на колени ставишь. У них довольно широкий бортик. Алюминиевые ложки очень большие. Одна тарелка на двоих. Мы с кем-то на двоих хлебаем. Деда оставляют с нами

поесть.

- Ты поешь с нами?

- Благодарствуйте.

У меня легкое неудовольствие, что меньше достанется. И не достанется вылизывать котелок, это как добавка. Как щенки наедаемся. После еды все чинные, важные, даже не шалим.

Мы достаточно чистые, потому что речка рядом. Одежку стираем, раскладывая на камнях, камнем бьем, потом полощем в ручье. рубахи полощем часто. Потом они сохнут. Мне старшему приходится отполаскивать за самого младшего, но мамка помогает. Дети причесанные, не чумазы, не зашелудивленные. Босые. Мы живем здесь вольно, мы довольны. Тут вольно, а там, где мы живем осенью и зимой, там не вольно. Инспектор тоже доволен.

- Смотри, как они на воздухе оживились.

Зимой у нас всех землистый цвет лица: голодно. Я плохо вижу: возможно, от рахита (потом зрение станет нормальным). А сейчас, летом, на людей похожи. Травы много, ягоды, грибы. Земляника уже отошла, мы отъелись на ней. Грибы еще не пошли, когда пойдут, сюда приедут все. Им сейчас приходится работать очень тяжело, они работают на пана. Мы на его земле оказались, теперь обязаны батрачить на него, чтобы он нас не выгнал. Зимой мы живем вместе, несколько домов. Это не типично для этих мест, тут живут хуторами. Мы не местные, пришлые, кочуем артелью. Эта общность чувствуется во всем. Мы не совсем чужаки, уже ассимилировались, но согнаны были со своей земли, когда объявился ее прежний хозяин. Так и мыкаемся. Ощущение полной бесправности, мы здесь никто, я тоже здесь никто. Спасает взаимопомощь. Нет разделения на твое-мое, все общее. Лес - и в лесу все общее, грибы, ягоды Для всех.

Брошенное имение. Ходить туда не разрешается: могут вернуться хозяева. Чужое.

- Я не пойду туда.

- Пойдем, - мальчик зовет меня.

Мы часто ходим мимо. Все ближе и ближе каждый раз подходим. Сегодня мы подошли совсем близко, рассматриваем ворота...

■ Сюда выходит дядька, я видел.

Идут разговоры о священнослужителях. Он мне называет место, куда выходит дядька. Я не могу это слово запомнить, не могу его произнести. У него опыт, он знает. От этого я устал Когда начинаю много думать, начинает подташнивать, появляется неприятное чувство, связанное с похоронами моей матери. Я был очень маленький и маму не помню. Нет чувства которое бывает к родителям, не присутствует оно.

Мы стоим перед воротами. Железные ворота ярко-синего цвета - низ сплошной, а верх типа решетки - йа одной нижней петле болтаются. Собор красного цвета, на взгорочке. Для нас он очень большой и высокий - костел. Стоим, смотрим. Креста нет, что-то типа маленького шпиля. Лето короткое, мы можем не успеть туда залезть, надо торопиться. Еще с месячишко, а потом нужно будет возвращаться. Надо бороться со страхом, чтобы туда залезть. Жутко, но интересно.

У этого места (замка) есть хозяин, барон. Но пока он еще не вернулся. Через это место прокатывалась революция. Дом стоит брошенный, но занимать его никто не занимает, знают, что хозяин рано или поздно вернется. Наши детские разговоры, мы мечтаем клад найти и наестся, пряник купить, мы и не знаем, что это такое, хлеб-то и то по великим праздникам. Топчемся в храме, а религиозности нет.

- Боженька есть на небесах, - шепчет пухленький мальчик, - боженька накажет.

- Боженька не накажет, он на небесах, откуда он знает, что мы сюда залезли.

Сумрак. Мы в заброшенном домовом храме, по-местному молельне, при баронском замке. Стою слева у колонны. На полу валяются перекоренные створки и прутья. Неожиданный шум, это взлетела птица, я остановился как вкопанный, поднял голову и застыл, увидев на фоне стрельчатых окон ангелочка с длинной трубой. Труба очень длинная и тонкая, с широким раструбом на конце. Жуткий конгломерат из рыцарства (тевтоны) и сельской реальности, ничего общего с этим не имеющей. Под ногами большие белые плиты. Что-то ищем. Нас трое, соседский мальчуган лет пяти и Янко, мой братишка четырех лет, он с нами увязался.

В другой раз я уже один и, конечно, мне страшно. Запустевшее все, разрушенное. Эта фигура ангелочка среди этого хаоса... Я стою как вкопанный, я не могу отсюда уйти. От страха парализовало ноги, я не могу двигаться. Валяются гербы,

„то-то типа щитов - разрушенный, искореженный металл. Сползаю на пол и засыпаю от страха. Боль в спине, где она упирается в какую-то железку.

Хозяин - пан, литовский шляхтич Витольд, он родовитый. Я видел его только один раз. Такой молодцеватый, в сапогах, штаны фисташковые, широкий кушак-пояс, белая рубашка, сверху кафтанчик приталенный, собран сзади на талии, без пуговиц. В шляпе и с нагайкой. К нему обращались: "Ясный пан". У меня недоумение, месяц бывает ясный, а тут пан. У него усищи такие, смахивает на кота. Вылез из кареты (так называют здесь двуколку, у которой может подниматься верх), запряженной одной лошадей. Что-то кричит, мы его с трудом понимаем, потому что у него другой язык. Его раздражает, что его плохо понимают.

Все наши должны ходить на барщину, обрабатывать его поля, сеять, убирать. Жнут всегда семьями, лен трепать тоже входит в обязанность. Заняты очень много, работают с утра до вечера, совершенно кабальные условия. Пахоты своей нет, выдается плохое прошлогоднее зерно из старых панских запасов. Деньгами расчета нет. Всего три деревянных дома, они наши, выкуплены в складчину. Домики среди пахоты построены, от поля отгорожены елками, они рубленые, можно разобрать и перенести в другое место. Детей припрятывают, сколько лишних ртов, могут и согнать. От этого нам будет хуже. Если уходить, это проблема. Есть у нас одна общая лошадь, но этого мало для перевозки. С паном не задираемся. В лес не ходим здесь, можно заработать неприятности. Всего семей пять. Здесь все перемешалось, кто чей - непонятно.

Уже осень, из лагеря съехали. Стены, обитые досками, взрослых нету. Тот же пожилой дед с нами читает сказки, грамотой занимается по священному писанию. В костеле не моя вера, ихняя. Писание есть одно на всех. Дед показывает нам буквочки, но голову нам не задуряет. У него есть очки. А мы жмемся, очень зябко. На мне что-то типа армячишка, чем-то перепоясан. Холодновато.

Зима малоснежная, слякотно. Печек не вижу, зимой очень холодно. Холодно, но это не мороз. Детишки сидят дома, там не дует.

Потом, когда всех наших с этой земли согнали, меня пану отдали на конюшню, на подсобные работы. При хозяине с

голоду не умрешь. Я здесь никто, местное население мне чужое. Дом, в котором живу, хороший, чистенький. На кузне:

- Тась, принеси, ты проворнее... У меня не крестьянская закваска.

В стране военное положение, армию нужно содержать. Все напряженнее, непонятнее. При военном положении зерно отбиралось в пользу оккупационной армии. Мне тогда было лет тринадцать-четырнадцать. Они, оккупанты, приехали один раз за зерном. Как дань собирают военные какие-то. Мы с ребятами прилетели смотреть. Пан дает им, они какую-то бумагу привезли, что он должен армии. Немцы? Тоже приходили и отнимали фураж.

- Нам нужен только фураж, - говорил, смеясь, немец. Фураж - это сено, а зерном кормят только людей.

Я довольно мордастенький. Хотя знаем, что военное положение, на быте это никак не отразилось.

Ярмарка. Мне интересно на ярмарке. Я уже бывал в этом городе и в соборе. В собор могу зайти, все идут, и я иду, мне хоть непонятно, но интересно. Стою в костеле, кепку мну, глазею на обшитые деревом столбы. Играет орган.

Потом пана от налогов освободили. А в 38-м пан куда-то делся. Теперь можно и в город. Населению все равно, кто правит, так как ничего не изменилось, а только налоги увеличились. Это все до советского наступления.

И да пришла Советская власть! 9 год, присоединили. Все стало общим, народным. Мне делать здесь больше нечего. Местным землю отдали. Теперь в городе Советская власть, мне хочется в город. Я бывал в этом городе еще при пане, на ярмарках, мы возили панские подводы с зерном, я их сопровождал. Есть тяга к знаниям. Грамоту я знаю, занятия были, читать и писать умею, это норма. У пана и библиотека была, через стекла я смотрел и думал: вот бы почитать, вот бы научиться. Теперь ощущение, что свершается где-то рядом что-то грандиозное. Хоть живем в глубинке, сожаление, что это без твоего участия происходит. А в город

хочется потому, что больше перспектив. Хотелось еще до присоединения, когда был оккупационный режим. Четкое разделение на два мира - то, что было, и то, что пришло. Хочу быть в этом мире, который пришел! Чувство соединения, частица большого, все вместе.

Тетка моя родная. Как я их нашел? Фамилию я сохранил, и имя мое настоящее. Меня нашел муж тетки, дядька.

Лето 1939 года.

Мне очень хочется в город, я намыкался, пришел в город на работу наниматься. Брожу по городу. Сейчас я хотел бы на завод сталелитейный, я это дело знаю, я с кузницей знаком. Но завод это как мечта. Я шманаюсь по городу, ищу работу.

Ощущение легкого шока... человек, который ко мне обратился, оказывается моим дядькой. Человек этот - моя судьба.

Я просто гуляю по улицам, мне навстречу идет группа мужчин, одетых в пиджаки, явно не местные. Один из них обращается ко мне с вопросом, где завод, а я о нем-то и мечтаю.

Я их пошел провожать и увязался за ними на завод. Глаза квадратные. Узнаю, что они представители Житомирского завода, на этом заводе собираются открывать свой филиал. Индустриальный район, уголь, кокс, недалеко от разработок, сталелитейный завод... Приехали посмотреть этот завод, откроют новый цех. Они такие степенные, улыбчивые, довольные. Один из них, самый улыбчивый, мне очень нравится. Он тоже ко мне присматривается, я ему, видно, понравился.

Я провожаю их на завод, оживленно что-то рассказываю. Я такой крепенький, и мне нравится эта гурьба. Пока идем, они спрашивают:

- Что, нравится? А у нас еще лучше будет. Вот мы здесь развернемся, реконструкция будет. А вообще чем ты занят?

- Да я... Я ищу работу, хочу в город податься.

- А что, ты хотел бы работать на заводе?

У меня захватило дух! Я даже на завод и не смел пойти.

- Я мечтаю, я готов!

Я готов землю грызть. Завод!

- А что ты делать умеешь?

- А я на кузнице был. (Отец был кузнецом, от него и природная любовь к металлу.) Когда я был на конюшне, там подковывали лошадей, я был при лошадях, при подводах, сопровождал их в город. Был то, что называется, на подхвате. Потом в кузне тоже на подхвате. Лошадей у пана было достаточно много, их надо было подковывать.

- Так тебя можно к металлу приставить?

- Да, это мне легко с металлом.

- Как у тебя с жильем? " Да я не местный.

- Нас тоже будут расквартировывать, может, и жить будем вместе?

Я ему чем-то нравлюсь. Сейчас они уезжают, и поэтому он берет у меня адрес на записочку.

- Мы планируем скоро приехать и зимой уже начнем работать. Может быть, раньше. Тебя как звать-то, как тебя найти?

- Стасом.

- Хорошее имя Стае. Фамилия?

- Свидригайло, - отвечаю.

- Как-как?

Он высказывает сомнения по поводу имени. Я сразу как-то напрягся, аж жарко стало, как будто он меня во яжи уличил. Страх какой-то появился. Имя у меня правильное, сохранено.

- Я не вру.

Улыбчивый на меня удивленно смотрит, подозрительно и с интересом, он что-то соображает. Задает вопросы, что я, где я. (Сейчас я плачу от умиления, там я был очень взволнован.)

- Ты вообще-то местный? А где твои родители?

- Да я сирота, родителей не помню.

- А из каких ты будешь?

- Вообще-то я русский. Меня подобрали чужие люди. Родителей не помню, у чужих лет с двух.

- Подожди...

Его зовут его товарищи.

- Вы, ребята, идите, а мне здесь потолковать надо. Давай присядем. Ты с какого года?

- Да вроде бы с 18-го, точно я и не знаю. Метрики не сохранилось.

- Ну-ка расскажи поподробнее.

- А вам на что?

- Видишь ли, какая штука получается. У супружницы моей была родная сестра, замуж вышла в эти края, не совсем, правда, в эти... И связи с ней никакой не было. Связь в 17-м прервалась, когда границы закрыли. Он в сельской местности жил, там легче было жить, она туда и вышла. Известия были, что ждет, а потом, что мальчик родился, Стасом назвали.

- Мать я совсем не помню, она умерла первой. Говорят, отец кузнецом был, очень быстро спился от тоски. Я был тогда совсем маленьким. Чужие люди пригрели, мыкались мы. С восьми лет я здесь, как пан наших выгнал.

Сестра моей матери с мужем (именно его я встретил случайно на улице) остались в Житомире. А отец увез мать туда, что потом оказалось за границей. Революция их разлучила.

- Ну надо же, столько лет никаких вестей. И фамилия та же, и по времени совпадает. Понимаешь, если это твоя фамилия...

- Меня воспитывали чужие, но Стасом звали и фамилию охранили. Говорили, что отец совсем спился после маминой

смерти. Те, кто меня приютили, земледелием промышляли. Им залко меня стало, забрали с собой. "Что у пьяницы делать?" - говорила мамка. Отец меня им как бы продал. Они раньше сеяли, а потом хозяин объявился, их и согнали. Когда их с земли согнали, отца уже не было в живых. Русский ребенок, они тоже русские были, держались вместе несколько семей, жили как коммуной. Я это уже помню, как мы мыкались. Летом жили в яме, а зимой было холодно. Потом пан их прогнал, а меня пристроили к дому, сначала на конюшню, а потом я на кузнице пристроился.

- Да вроде все сходится. Я вот думаю, что, ежели с семьей переберусь, будем жить вместе. Вот твоя тетка будет рада.

У них с теткой детей нет, а я вот тут, как гриб, вырос.

- Получить такого племяшку, да еще с металлом!

Сейчас осень, мы ходим еще раздетые. Они должны вот-вот переехать. Тетка тоже на этом заводе будет работать, они вместе и приедут.

Позже я очень буду любить дядьку Федю, тетку не очень, я ее уважаю, ну как можно к женщине относиться. Это он меня нашел, как белый гриб. И это чувство благодарности присутствует, несмотря ни на что. Нашел своих неожиданно и пока еще неправдоподобно. Мне стыдно от такого счастья. Какое счастье привалило! Слезу прошибает.

- Мы столько искали - и никакой надежды, - говорит тетка Маня при встрече, по-деревенски всплакнув.

- Конечно, будешь жить у нас.

Устроился. Я ученик, у меня получается. Дядька начинает меня потихонечку двигать. Конечно, к плавке меня близко не подпускают.

- Запорешь.

Тяжести таскаю, учеником на фрезерном станке. Он такого холодного цвета и отливает синим. 9, мне 21 год, 21 в январе - день рождения.

Лето 1940 г.

Поднимаюсь по широкой лестнице несколько этажей большого дома. Два больших окна. Меня слегка заносит, я чего-то такой счастливый. Все хорошо у меня, все удачно. Совсем усталости не чувствую. Дверь обита коленкором. Вхожу в общую квартиру со скрипучими полами и темным коридором. Я не

могу никак привыкнуть к этим высоким потолкам. Когда идешь по коридору, кажется, что идешь по темному лесу. Страшно в лесу, какие-то детские воспоминания. Состояние легкой эйфории, а здесь тихо, темно, мне это неприятно. Стучу, прохожу. За окном виден собор, типа кирхи или костела, башенки желтого цвета.

Тетка сидит за столом растрепанная, заплаканная.

- Что случилось?

- Ничего.

- Как это ничего?

Я пришел с вечерней смены. Плюшевая скатерть темно-коричневая, с чернильным пятнышком. Она сидит как-то в растерянности, я тоже недоумеваю, никогда ее такой не видел.

- Заболел кто или умер? . - Нет.

- А дядька где?

Она ничего сказать не может, прямо заледенела в ответ.

- Да что такое, что ж с тобой? Ты на себя не похожа. Ты что, заболела?

- Да, заболела, - вялым, тихим голосом.
- Так пойдй, приляг.
- Да, надо прилечь.
- Ложись, отдохни, ты сосни чуть-чуть. Может, поешь, тебе принести чего-нибудь?
- Нет.

Комната общая. У нее железная кровать за занавеской, легла, отвернулась. Она действительно в ступоре.

- Ты хоть сказать-то можешь, что случилось?
- Нет, - глухим голосом. Я ее накрываю.
- Сделай одолжение, не трогай меня, оставь меня в покое. Я никогда в таком состоянии ее не видел.

Подвижная,

улыбчивая тетка, полноватая, крепенькая. Темно-каштановые волосы уложены на затылке в пучок. Она не из слабеньких, боевая и на заводе, и ничего не говорит.

- Найди чего-нибудь.

Пошманался по шкафам, нашел кусок черного хлеба. Пошел на кухню искать. Хорошая луковица. Возиться мне непривычно. А, обойдусь.

- Тетя Стива, плесни мне из чайничка кипяточку.

Не хочется пока никому ничего рассказывать. Взял кружку, зеленая, отбитенькая, горячая. На скатерть ставить не хочется, поставил на коленку.

- А ну его, завтра. Чего в темноте, еще разольешь.
- Пусть поспит.

Кровать с серебристыми набалдашничками, некрашенная. Помечтать бы о светлом радостном будущем что ли. Чем заняться? Спать рано. Надо не шуметь. Мечтательно смотрю в окошко. Сине-зеленые сумерки, яркая лампочка, кафедраль¹ ный собор, звездочка над ним. А в комнате зажигать-то свет не хочется. На табуретку наткнулся, громыхнул. Тетка ничего не слышит. Керосиновая лампа типа летучей мыши, в ней нет керосина. Открываю дверь в коридор, там свет какой-никакой, чтобы постель постелить.

- Надо ложиться спать, утром все станет нормально. Ложусь на диванчик, даже своей кровати нет.

Пивом пахнет.

На следующее утро встаю. Вижу свои мужские ноги до колен, средней волосатости.

- Ты что, не спала? - подхожу к тетке на цыпочках. Она лежит в той же позе, не спит, в одну точку смотрит.

- Ты есть будешь?
- Нет.
- А вставать будешь?
- Нет.
- Ну полежи.

Что же делать? Ситуация не изменилась.

- Ну ты как, може, врача найти?

- Нет, не надо, - глухой голос. - Иди, на работу опоздаешь, а я полежу. Мастеру скажешь, что я приболела, приду потом, попозже.

У меня недоумение, как это приболела, как это можно на работу не пойти. Какое право ты имеешь приболеть? Живая - значит должна работать. С дисциплиной строговато, что же я скажу...

- Как это потом? Да тебя же уволят.
- Пускай.

У меня еще больше недоумения. Про себя думаю, что она с Ума сошла, что надо врача. Больше не пристаю к ней. Мысленно мечусь, что делать, у кого спрашивать. Я не знаю, что делать. Чувство ответственности навалилось, усталость, страх. Жуткое состояние эйфории со страхом животным, паническим. Когда я один, конечно, мне страшно. Воспоминания детства, состояние, когда эта фигура среди хаоса. Ангелочек - тоже ребенок, на резном столбике с трубой.

Я открываю дверь к соседке. Тут темно в коридоре.

- Ты чего?

Выходит пожилая женщина, глаза круглые.

- Да у меня, тетя Маруся, тетка Маня заболела, с ней что-то не так.
- С теткой Марусей, не может быть.
- Мне на смену идти, а тут со вчерашнего с ней что-то не то.
- Что значит "что-то не то"?
- Не знаю, как легла, так и лежит, с вечера глаз не сомкнула.

- Да ты что, може, в медпункт явиться?
- Да она даже встать не может. Может быть, врача?
- Ступай на завод, я разберусь. Ты что мечешься?
- А сказать-то что?
- Ступай скорее, опоздаешь, мы разберемся.

Мне сразу хорошо, не надо на себя ответственность брать.

- Да я пошел.

Тороплюсь, потому что опаздываю. На проходной сообщаю, должны доложить. Спокоен, что доложат, не уволят. А я несусь в сталелитейный цех. Я тороплюсь, мне надо переодеться. Но я уже на территории завода, опоздания не было.

Я не понимаю, что происходит. Она малость не в себе, на вопросы не отвечает, ничего не говорит. Неуютно мне становится, и дядьки тоже нету. Это нормально, может быть, на заводе. У меня не возникает желания его искать. Опять какая-то тайна. Опять нас настигает наше прошлое. Дядьки уже нет несколько дней. Ну что же с дядькой случилось?

Его вызывали в Житомир разбираться. Он едет по делам, а там какие-то сложности. Уехал и не вернулся. Когда уезжал, то не было у него никаких опасений, а у нее чувства опасности. Я привык тетку видеть деловой, энергичной, а тут она не в себе, все время плачет.

- Все будет нормально, я думаю, долго не задержат.

Что-то у нее во взгляде есть такое!., безнадежное. Инкриминировали... по всей видимости, загребли его, замели. Он уехал, пропал, и его не ищут. Нелегально доползли какие-то слухи. Ей потихоньку сказали, что он не вернется, но она никому ничего не может сказать, даже мне, если это ей сказали тайно. Не может это произнести... арестовали. А я не понимаю, что происходит. Ей сказали: "Не надейся", - а я этого ничего не знаю. Поделиться-то мне не с кем. Явно не простуда, что-то не так. Она какая-то странная, не поймешь, чего с ней происходит, но от этого всего становится неприятно, тревожно. С теткой такого никогда не бывало. Она уже не плачет, но ничего и не говорит. Отчужденность тут первый раз за то время я здесь. Вопросов никто не задает, вопроса и в глазах нет. Кошмар. Хочется, чтобы все было хорошо.

Его ни за что, за какие-то связи... Он был кристальным человеком, он даже не мог завести эти связи. Молчаливое чувство вины, напряжение. Нет слов "враг народа", но разговоры гаснут при моем приближении. Я могу навредить... Не я ли виноват, не моя ли это вина? Ну какая может быть моя вина? Но мое появление - это чудо, а ему оно стоило жизни... Но ощущение, что не я виноват. Знаю, не было моей вины. Но чувство вины все равно присутствует. За что дядьку? Горькое ощущение игр, что это статистика, должны выявить, столько-то и выявили. Но чтобы все это было правдоподобно...

Кроме дядьки, из тех, кто с ним приехал, исчезло еще четыре человека. Вина, вино... Эпизод с вином. Я где-то попробовал вина, дядька стоит надо мной сумрачно. Я виноват, я чувствую, как мне стыдно! Не я ли и здесь виноват?

Да, была моя вина, производственная. Виноват, сильно виноват, даже сердце защемило. Я был в литейном рабочим. Заболел тот, кто отвечал за плавку. Доверили мне, а я не справился, знаний не хватило. Запорол. Там я был рабочим, это почетно, а теперь перевели меня в ученики, кто-то за мной еще и наблюдать будет. Понизили. Там сталь лить, а здесь станки. Мне очень стыдно, меня ругают, как школьника, а мне 22.

- Ты запорол металл, в такое время каждый грамм металла на счету, - отчитывает меня дядька.

Я стоять не могу, сижу у стола, обидно. Чего орать, когда его можно в переплавку. Да все правильно сделал, а вот что зима, не учел, что в цехе очень холодно было. Температура должна быть определенной, а когда он льется, то остывает. Я его выпустил при температуре, которая положена, не учел я мороза этого, что трубы перемерзли, не столько холодные трубы, а то, что помещение большое, ветер гуляет по цеху, зима. В кузнице-то маленькие детали. А здесь металл застыл, не дошел до отливки. Не додержал я. А металл-то в принципе получился хороший, меня холод подвел, трубы перемерзли. Я холод и не люблю. Я все делал правильно!

- Я же не знал, что должно быть выше! Я выдержал температуру.
- Ты что, не мог подождать? Тебе впервые доверили дело, а ты не справился.

Ему так дико горько за меня, что я не учел остывание.

Ну как же я не учел? Буквально трех градусов не дотянул Первая льется, застывает, а следующая льется в отливку. Пробки получаются, их надо разбивать. А у меня он весь застыл в трубах... желобами они называются. Теперь это все надо ковырять. Напортачил! Это очень серьезный промах.

- Откуда мне знать?
- Тогда не надо братья. А я за тебя поручился.

Вот откуда чувство вины, не я ли виноват в его гибели ведь он за меня поручился. От чувства вины болит все тело - шея, плечи, голова, очень болит спина - сидел понуро.

- Наказали... перевели... тебя бы заставить обработать.

- Чугун не обрабатывается, чего свистишь.

Таскаю ящики, в них чугунные чушки, тяжелые, заразы. Ящик обычный, деревянный, а неподъемный, хоть чушки только в ряд лежат. Хочется побольше наложить, но и это каря-чишь. Болванки таскать обидно.

На меня кто-то, что я виноват. На что я:

- Виноват, исправлюсь! Мне никак не могут простить мою оплошность, меня все время ею попрекают.

- Чего орешь? Сами бы попробовали.

Долгое неведение, в это время я ничего толком не знал. Мне говорит Серега:

- Знаешь, ты должен зайти к самому.

Сам - это Самойлов. Его даже по имени-отчеству не называют.

- Меня?

- Да, тебя.

- Когда?

- Желательно бы сегодня.

- Когда просил?

Если бы сам Иисус Христос сошел, я бы не так удивился. Сам партсекретарь завода!

- А ты не знаешь, зачем?

- Не знаю, но, если хочешь, провожу до двери. Мне все равно к секретарше надо. Нам по пути, можем пойти вместе.

- Это другое дело.

И сам завод, и руководящие не местные. Нестыковки реальности. Два совершенно разных мира. Здесь все такое социалистическое, а там - мягкое, аморфное. Эти два мира не стыкуются. Тот мир реальнее, там живые люди, а здесь железная дисциплина. Вахтер смотрит пристально, через очки. В форме, езда на фуражке. Знает как облупленных, а каждый раз пристально смотрит документы.

Не каждый день вызывают. Иду. Я не знаю, что меня там ТРТ ПУХ захватывает. Серега знает - зачем, он бригадир, и он партийный. Я хочу сказать: Не боюсь, - а сердце отвечает: "Боишься".

Секретарша. Типа длинного зала. Ждут посетители. Убранство больно роскошное, старинная добротность, не из собора ли. Это помещение соборных служб. Эта кирха - часть завода. Культовое сооружение, которое по назначению не использовалось, кому-то это может быть и обидно.

Стою, готовлюсь войти, голова опущена. Кепочка в руках мнется. В сапогах. Серега мне подмигивает, посмеивается.

- Товарищ Свидригайло, не робейте, Вас ждут, - это секретарша. Серега к ней наклоняется, перешептываются. У нее печатная машинка типа "ремингтона".

Дубовая филенчатая дверь еле открывается. Там сумрак, портьеры каскадом закрыты. Двух окон явно мало, хотя день достаточно светлый. Коленочки подкашиваются.

Большущий портрет Сталина. Очень неудачный портрет, видно огромные сапоги, упираешься в них взглядом. Рука на груди. Позади голландская изразцовая печь, на ней кругленькая белая заслонка. Дубовый резной шкаф в стиле кабинета, но не очень гармонирует. Стекла толстые. Фаянсовый телефон. Помещение присутственное. Он смотрится здесь, но это не им создано. Я топчусь у двери, смотрю на сапоги. Под ногами мягко. Паркетные полы. А как по этим коврам топтать? Ватные ноги. Смутно вижу, что там за столом они чем-то заняты. Он сосредоточенно что-то пишет.

Не описать бы от страха. Занят ведь... начальство сидит, как подойти. Невмоготу мне здесь.

- Товарищ Свидригайло.

Для меня это звучит... в таком кабинете...

- Вы просили, чтобы я зашел.

- Да, я вызвал, я давно хотел поговорить с Вами.

Он вылез из-за стола, обходит его, навстречу идет. Стол дубовый, огромный. Дубовая обшивка очень красивая, шикарный ДУБ. Зеленое сукно стола прибито железными гвоздиками, рамка получается. Чернильница типа хрустальной. Лампа с зеленым абажуром. Окна у меня за спиной, свет со спины. Он выдвигается на меня. Страх, как будто не сам ли портрет на тебя Двигается. Там теряешься, что бы тебе ни говорили.

- Проходите ближе.

Я ишу, куда же он меня посадит, пока что не сажает.

- Вы ведь у нас комсомолец. -Да.

- Вот мне и хотелось с Вами поговорить.

Это второй этаж, окна большие упираются прямо в пол Сверху вид. Он меня держит около окна, на свету. К окну разворачивает.

- Вы ведь у нас работаете в третьем цехе? - Да.

- Цех ведь большой. У нас много комсомольцев. Мы решили порекомендовать Вам создать молодежную бригаду, куда войдут комсомольцы. Как Вы считаете?

- Да, здорово, мы хотели...

- Идя навстречу пожеланиям трудящихся. Только вот я хотел с Вами посоветоваться, кому оказать доверие.

- Но у нас много достойных, вот...

Я называю троих, двух ребят и одну девушку. Обсуждаем их кандидатуры.

Да... конечно... Возражений с его стороны не идет.

- А Вы так хорошо ориентируетесь в делах бригады, я бы рекомендовал Вас.

Эффект произведен, я это пережевываю, мнусь.

- Я... мне... оправдаю... да, это... но у меня есть "но"... Я не могу вымолвить перед товарищем Самойловым.

- Но я должен сказать о том, о чем я никогда...

- Вот как раз об этом я и позвал Вас побеседовать. Вы ведь не знаете, где товарищ Соснов.

- Об этом я и хотел сказать, что я не знаю.

- Мы-то знаем. Прискорбно, но я тебе должен сообщить. Он оказался не нашим человеком. Мы имеем все сведения.

Господи, какие слова страшные. Жуткое состояние лили-путика. У меня просто ужас. Я это впервые слышу, даже предположений не было, это даже не обсуждают.

- И как же я могу.

- Вы не в ответе. Но мы верим, мы доверяем, мы считаем, что Вы как раз можете, что Вы справитесь, что Вы снимете позор со своей Семьи. Он не оправдал, а Вы оправдаете. Вы должны знать, оправдать.

Я пытаюсь что-то спросить, велика ли его вина. Словами я это спросить не могу.

- Да, он оказался виновен, но к Вам это не имеет никакого отношения. Я не хочу тебя с ним отождествлять, тем более что ты приемный. Ты - совсем другое дело. Ты не можешь отвечать за него. Это даже не твой отец.

- А как мне к ней относиться? Слова даже не произносятся.

- Какая директива будет по отношению к ней? - картинный жест. - С женщинами Советская власть не воюет. Мы все должны быть в ответе.

- Как же она-то? Она не замешана.

- Если бы была замешана, уже бы разобрались, - смысл такой, - она пыталась заменить Вам мать... а Вы оправдаете... кто-то должен снять пятно... ты приемный.

Спесь, апломб. И это "мы решили, мы доверяем..." (Я и Иосиф Виссарионович.) Верит, что он проводит правильную линию партии. Все время держит на ногах. Состояние полуобморочное.

- Так Вы согласны?

- Я... я... оправдаю.

Секретарь завода - такая личность недосыгаемая, даже директор завода такой власти не имеет. Как все это обставляет даже стратегически. Он оставляет меня у окна, сам садится за стол.

- Так я могу рекомендовать?

- Я оправдаю.

Ухожу из кабинета под его пристальным взглядом.

Я стараюсь оправдать доверие и днем и ночью. Совершенно дикое состояние. Человек будет преданным до мозга костей в таком состоянии. Его можно вызвать, и он ничего не может сокрыть. Время-то предвоенное. Нужен глаз да глаз, но об этом речи не идет. Я готов землю копытом рыть, мы рьяные комсомольцы. Чтобы от прошлого откреститься, я готов на многое, чтобы меня считали за своего. Потому что трудно быть нигде.

Витязь перед камнем васнецовский. Это иллюстрация книжки, она меня поражает. Крупный текст на русском языке. Я сижу за круглым столом, листаю книжку "Былины", рассматриваю картинки с раскрытым ртом, ее дали посмотреть.

- Ну что, посмотрелся?

- Сталь на копыте хорошая.

Мой ответ - ответ специалиста. Я люблю сказки. Я просто потрясен, но не могу признаться, что мне нравится книжка.

Это тетка меня спрашивает. Уже года полтора, как нет Дядьки.

- Совсем я замучилась.
- Чего ты причитаешь?
- Ты молодой, тебе не понять, а я жить устала.

Она поглядывает на фотографию мужа. Она не старая женщина, ей лет сорок пять, здоровая, но в ней чувствуется надлом.

- Да что ты, нам ли сейчас не жить.

Первое время я ее на "Вы" называл, а сейчас вырос, позволяю на "ты". Мне ее жалко, она не понимает, что все так хорошо, все так замечательно.

- Живи да радуйся.
- Да мы свое уже отрадовались.
- Ты это брось, такие разговоры.

Это связано с дядей. Она больше от стыда болеет, ей стыдно людям на глаза показываться.

Гипертрофированное состояние - энтузиазм масс. Население серое, аморфное, поэтому хочется радости, красок, светлого будущего, во имя которого работаем, работаем. А то, что было раньше, от этого хочется откеститься, отказаться и забыть, с прошлым расквитаться, вот я и пытаюсь. Такое доверие должен оправдать, я должен включаться, должен устраивать соревнование (все это искренне). Вот как бы он поступил на моем месте, лично товарищ Сталин. Два года этой новой жизни. Такая перспектива!

Июнь 1941 г.

Безалаберность полная. Граница рядом, а у нас никакого предчувствия, идеалисты. Настоящей, реальной информации и нет. Двойственность какая-то, часть говорит - завтра война, а другая часть - на нас они не сунутся. Все это как игра, серьезного отношения нет. Нам в голову не приходит, что на нас могут напасть.

Цех большой, общий, работает больше года, производство налажено. Набирают комсомольцев, все знают: на трубный же завод. Работаю уже в военном переоборудованном цеху. Небольшая комсомольская бригада отпочковалась от большой бригады. Сборка запалов к минам. Очень уж она родная, кре-пежка. (Связано с минными взрывателями, почему я их и знал, потом пригодилось.) Женщин мало. Все комсомольцы, партийные, идейные. Прямо гайдаровское производство, для победы над фашистами. Мы - гвардия, которая на заводе выросла. История с дядькой не пристала. Приемный я, что такое приемный в девятнадцать лет.

- Скучно мы живем.

Чувство ответственности подавливает мне на плечи. Гордый весь из себя, я - рабочий, меня несмотря ни на что поставили бригадиром, бригадир в военном цеху обязывает. Меня растят, поощряют. Планы реконструкции завода. Социалистическое представление ажиотажное. Как мы все перделаем, расширим! Появляется идея соревнования между бригадами, я рьяно берусь, комсомолец, вожак. Соревновались мы по любому поводу. Наша задача - увеличить производительность, рационализаторские предложения, не допускать брак. Энтузиазм масс. Наше дело правое, мы победим. Наша Родина должна быть непобедимой. Мы гордимся своим вкладом в мировой прогресс. Родина зовет встать в ряды бойцов. Мы увлеченные, это очень весело. Лозунги, призывы - каждый час должен сходить трактор. Эйфория - свет, гудки. Игры, вполне советские игры: слабо - не слабо, вот вы - вот мы. Нам нравилось быть умными, непобедимыми... молодые, растущие. Ощущаю подъем всей страны, планы, пятилетки. Гордость завода, рабочая гордость, мы гордимся, но оборудование старое, дореволюционное. Надо учиться, кадры, повышать темпы. Прекрасное завтра!

Нагнетается ажиотаж. Соревнование надо подготовить, техническое обоснование. Как это мы не сможем? Мы сможем. Праздники встречаю трудовыми буднями. От нас отмахивается начальник цеха.

- Отстаньте, не приставайте, мне не до вас. Вы все мне надоели, все время у меня что-нибудь просите, не то время, не до вас.

- Ну ладно, мы завтра все равно тебя достанем. Никуда не денется, все равно разрешит.

- Ребята, будьте начеку, - говорит нам мастер, когда мы выходим с работы. - У нас, сами знаете, не игрушки делаем.

Он нас призывает к бдительности, а мы посмеиваемся:

- Ладно, потом поговорим.

Мы в хорошем настроении. У нас идея фикс по поводу соревнования, что все равно его достанем. Обосновать технически...

Отдадим все силы пролетариата, рабочего класса, все силы... должны наращивать... Дома я почти не бываю, вечерняя Школа. Девушки у меня нет. Тетка работает в другом цехе, вольная городская окраина.

- Ты бы отдохнул.

Пришел домой, перекусываю, в библиотеку ухожу, книжками обложился в читальне. Штамп житомирской библиотеки. Целый день сижу, ничего не понимаю, образования не хватает. Сомневаюсь, успею ли. Я должен успеть организовать к понедельнику. Одержимы рационализаторскими предложениями. Погружен в технические справочники, хотя мне очень сложно в этом разобраться. Ничего не получается, так обидно. Я должен все знать, во все вникать. Ну ни хрена я в чертежах не понимаю. Все же надо обосновать технически. Какой бешеный темп, хочется отдохнуть. Суета, у кого-то я что-то спрашиваю, к кому-то пристаю. Юбилей завода, создается трудовой энтузиазм, все снуют. Все деловые, всем не до меня. Голова идет кругом. Оборонный цех, они что, не понимают. Никто не хочет помочь, а я сам в науках не силен, мне самому не разобраться.

Должны помочь старшие товарищи, старшие товарищи все знают... и лично товарищ Сталин. Портреты во всех видах, в гимнастерке, в плаще. Модно писать лично товарищу Сталину, отчет держать, как я лично достиг таких результатов. Говорит товарищ Сталин... рапортуем... досрочно, не щадить сил ради Родины, ради тов. Сталина. Наш вождь... спасибо лично... Вождь и защитник всех обездоленных, закабаленных народов. Не позволим фашистским отпрыскам хозяйничать в Европе! Плакаты - братья-венгры... Он за нас сидел в тюрьмах, в ссылках, как же мы можем обмануть доверие (у меня еще на четыре часа этих лозунгов). Кстати, Ленин совершенно не в чести. Не поддаваться на провокации врагов, клевета на Советскую власть и лично товарища Сталина... Бороться, это в тебе буржуазные отголоски...

Надо пойти спросить у ребят, они будущие инженеры. Умные товарищи, портфельчики с двумя замочками, институт, с рейшинами они носятся. Чувство обиды, мы - оборонное предприятие, но беспокоимся, а вы тут не беспокоитесь. Кому ваши мозги нужны.

Общежитие. Сутолока тут, непонятно все. Мне не до кого, в своих идеях. Народ тут постарше меня. Жду Серегу, а его нет. Настырный, дитя времени.

- Ну сколько его ждать-то, сколько же его ждать можно? Так много материала, я сам в этом разобраться не могу.

- А что же ты все сразу-то, тоже мне, корифей. Мне это слово незнакомо, обиделся.

- Ты чего обзываешься?

- Да это, наоборот, вроде гения.

- Вы умные, а я, по сравнению с вами, дурак.

- Да ты только кипятишься, как дурак, а так нормально. Ты его наверное, не дожدهшься, шел бы домой, или давай ложиться спать, завтра рано вставать.

- Ну я тогда пойду. Входит Серега.

- Ты чего здесь торчишь?

- А ты-то где запропастился?

- Тебе все расскажи. С чем пришел? Виктор:

- Ребята, вы бы обсуждали свои дела в коридорчике, спать хочется.

Выкатываемся в коридор, уже часов двенадцать.

- У меня ничего не получается, я запутался.

- Чего пасуешь?

- Эх, я к тебе, как к другу, а ты...

- Мы с тобой соревноваться хотели.

- А с кем же мне соревноваться, не с теткой Манькой же. Тетка - это для меня вчерашний день, от нее уже отмежевался, мы уже сами.

- А зря ты, она женщина умная.

- Она как-то сильно изменилась после дядьки Федьки. Мне хочется в общежитие, со всеми, и тетку бросить одну

не хочется. Тетка Маня - деловая женщина, была в передовых. Сейчас у меня какое-то чувство: раз глаз не поднимает, то в чем-то виновата.

- Давай о деле.

- Соревнование соревнованием, а дело общее.

- Интересно у тебя получается, мы как заговорщики. Соревноваться надо честно.

- А что я, по-твоему, не честный?

- Ну понимаешь, ведь, как бы тебе сказать, мы ж хотим всей бригадой соревноваться, кто лучше способен, а тут получается, что мы с тобой договариваемся.

- А я считал, что мы друзья.

- Да если мы затеваем это дело, должно быть по-честному. Ты что-то ищешь, придумываешь и предлагаешь со всеми ребятами, и мы тоже, и сравним, у кого лучше. Я сейчас тебе расскажу, ну сам посуди,

какое же это соревнование.

- Так что же, дружба врозь? А как же надо?
- Что-то мы здесь напортачим, и получится, что ребят зря заведем.
- Как это зря, ты что говоришь-то?
- Давай повременим, разберемся.
- Ну как же, вроде уже начали.
- Ну и что, тебе бы все быстрее. Ты пойми, если я тебе все разобъяснять буду, то это уже не соревнование, а это уже вроде как учеба. Ты же не стал бы с Марией Дмитриевной (пожилая учительница)

соревноваться.

- Ну это ж совсем другое дело.
  - Ну куда ты так гонишь?
  - Тебе хорошо, - я обиделся, досада, - зря я тебя ждал.
- И в ухо надуло, у окна стояли, прохладный, сырой ветер.
- Да погоди ты.
  - Да ладно.
  - Оставляем тему открытой, мы еще завтра с тобой в перерыв обсудим.
  - Буду я еще с тобой говорить, тоже мне умный нашелся. Зря я ждал, целый день потерял. Зря сидел

в библиотеке, какой я дурак.

Злой отправляюсь.

- Что случилось?
- Ничего.
- Поужинай.
- Не хочу.
- Что, неприятности?
- Не все ли тебе равно?
- Да ты вроде никогда не грубил.
- Просплюсь.
- Утром рано на работу вставать. Очень обиженный ложусь спать.

Тетка утром будит:

- Вставай быстро, опаздываешь.
- Ох ты, чуть не проспал.

Утро субботы. Утром мы заступаем, сутки работаем, скользящий график. Я вскакиваю, бегу на завод. Настроение паршивое, не поел, со всеми переругался, не хочу ни с кем здороваться.

На завод прилетел. Обычно у проходной народа больше, а сейчас мало. Просто очень опаздываю. Несусь. С дисциплиной строго, испугался, за одну минуту до начала через проходную пронесся. Успел! К фрезерному станку. Стружка. Станок крошечный. Вставляешь штучку, она крутится, делает бороздку.

Соревнование соревнованием, а дело делом. В обед я куда-то не иду, настроение плохое, ни с кем разговаривать не хочу. Также мне старший товарищ - о Сереге.

- Пошли обедать.
- Я не хочу, идите.
- Ты чего не в духе, с теткой поругался? Ну как знаешь. Сережка подходит.
- Пошли обедать.

Я стою к нему спиной, не отвечаю, так это резко деталь в ящик бросил.

- Не швыряй, заусенцы будут.
- А шел бы ты, мешаются тут.
- А зря ты так. После смены не уходи, поговорить надо.
- Сейчас, поговорить надо, не о чем нам говорить. Проработал детали, со злости много. Сверху

блестящие,

втулка получается, по бокам выемочки, как арочки. Вставляется туда... Хорошая сталь, деталь интересная. Станок, масло, винт кручу. Грязный, конечно, злой как собака, целый день проработал, но не очень хорошее качество.

Всю ночь проработали нормально, как-то уже об этом не думаешь.

Подходит Серега, поднимает деталь.

- Смотри, что делаешь, металл ни при чем, нечего зло вымещать.

Я злой, пытаюсь возражать.

- Много.
- За такое "много" по шапке можно схлопотать.

- Ну ни одну ж не запорол.
- А сам не видишь, что делаешь. Горячий, остынь. Когда остынешь, придешь, поговорим.
- Не дождешься.
- Стопори станок и разберись, проверь все детали.
- Да нет там брака.
- Давай посмотрим.
- Не буду.
- Ты соображаешь, что ты говоришь? Иди да погуляй с часочек, я пока проверю. Ты сегодня без обеда и норму ты уже сделал.

- Никуда я не пойду.

Раздосадованный, домой тоже идти не хочется, там нагрубил.

- Посиди рядом.

Это приемщик. Думаю на Серегу: "Донес!" - злой как собака.

Сел рядышком, смотрит болваночки.

- Молодец, все в порядке, только у двух заусенчики, надо Доработать.

- Я ж не мог запороть. Резьба точная, я токарь высшего разряда. Норму сделал, можно и уйти, но мне не по себе, расстроенный, понимаю, что не прав, но гордость, обида. Подойти / первому не хочется. Досадно, состояние несчастья.

Следующая ночь с субботы на воскресенье. Часа в три меркнуть свет стал, горят лампы в полнакала, станки не могут работать. Напряжение падает, свет отключается. Цех большой, народа мало, что-то происходит, и непонятно - что. Ощущение чего-то надвигающегося, состояние тревожное. Слоняюсь по цеху, полутемно. Уйти не уйдешь. Сбиваемся в кучку, кто-то произносит:

- Война.

Это все и началось... Прямо раз - и все. Все мгновенно изменилось, и ничего сделать уже нельзя.

. Лето, раннее солнечное утро, приходит другая смена, нас выгоняют, потому что мы с ночи. Уходим, ничего непонятно. Я и домой не захожу, нет смысла идти, тетка Маня в дневную смену. Возбужденность, разговоры, мы тыкаемся. Метание в течение дня. На завод?.. Смена только на следующее утро, там делать нечего.

В городе паника. Техника входит. Полная растерянность, ужас. Никто не понимает, что происходит. Они заняли город очень быстро, через несколько часов. Пришли и заняли. Выстрелов практически не было. Такая дичь, та легкость, с которой... такая безответственность. Они не с нами воюют, с нами они не будут воевать, у нас же договор с ними. Недоумение, неожиданность.

Я вижу какую-то серую, однообразную массу, не антагонистическую мне. Слышу стук молотков, сбивают вывески и вешают другие. Знамена вывешиваются. Впечатление, что это как будто восстановление старого, польского режима, как союзные войска, реставрация. Серые шинели и пилоточки. Все так перепуталось, совсем непонятно, кого принимать за своих. Население сначала приняло, что это свое, знакомое. Но что враг вступил... Что происходит? Состояние, как пьяный от ужаса, недоумения, с недосыпа.

Утром началось, а вечером уже стояли немцы, подошли во второй колонне.

Я на площади перед заводом. Две башенки кирпичи. Территория завода оцеплена, разгоняют народ, туда уже не пускают. Эсэсовцы охраняют завод, как литые, стоят лицом к заводу,

спиной к населению. Автоматы висят. Цепи две окружения. В касках. Золотой блеск блях - какие-то широкие нагрудные знаки, большие. Рассмотреть не получается. К немцам нет чувства, как к фашистам. Сапоги черные, начищенные до блеска высокие. Меня больше всего удивляют сапоги, толстые, мощные, кованые. Прямо ух ты! Стратегический объект, а заняли его быстро. Фантастика, он что, не охранялся этот завод? Никто ничего не понимает. Распоряжений на случай войны никаких. Все это неправдоподобно, не похоже на правду. Техника влезла в город спокойно. Бомбежки не было. И в голову не приходило, что можно так легко взять город. Как гром среди ясного неба. Утром объявили, а к вечеру город занят. Я боком-боком и ухожу.

Полная неразбериха, по темноте домой. Гвардейская, 14 -домашний адрес. Света нет. В комнату я даже не захожу. Тетка:

- Уходи, завод уже окружен, накрыли. Всех, кого можно, отлавливают. Уходи из города.

- А как Вы?

- Отбрешусь, скажу, что ты не появлялся.

Надеваю замазанную телогрейку. Дает что-то типа мешка. Пересмотрел и все лишнее выкинул, чтобы за сельского сойти, чтобы не засветиться. У меня никаких документов, документы остались на проходной.

В течение ночи пробираться из города в направлении юго-востока, там проще. Пустота, темнота.

Патриотические чувства зашевелились, комсомолец. Очень рьяно выбираюсь. Не буду сидеть на этом заводе, не буду на гадов работать. Почему не эвакуировали филиал завода? Надо выходить, выбираться отсюда. Взорвать нельзя, там наши, все уже здорово охраняется.

Пора предрассветная. Отходят от стены. В дождевых накидках, бляхи. Один в серой шинели, перепоян ремнем. Кто они?

- Предъявите документы.
- У меня нет.
- У тебя что, нет документов?
- А откуда ж они? Шел в город, а тут вы.
- А ты не врешь? Надо проверить.

Дыхание перехватывает, шарахается сердце. Это страх, почему-то он гнездится у меня в сердце. Средневековые напомнили, когда можно было закрыть город и никого не выпускать. 1 орода-гильдии, растущий Мюнхен, например.

Они проверяют, но у меня документов нет, пропуск без фотографии на заводе остался.

- Ты откуда?
- Возвращаюсь...
- Откуда ты возвращаешься?

Их трое. Разговор ведет один, его форма мне знакома, а двух других не знакома, по всей видимости, это немецкая.

- Возвращаюсь к мамке в деревню. Я хотел бы выйти из города.
- Без документов?
- Что я их с собой ношу?

- Приказано никого из города не выпускать до получения документов. Действительно только то, что выдано новой властью. Мы не можем тебя выпустить. Никому не разрешено покидать город. Что ты делал в городе?

Лихорадочно думаю, что говорить, растерянность. Если я скажу, кто я, заставят на себя работать.

- Просто шел, я и не знал, что нельзя.
- Пошли со мной.
- Далече идти-то?
- Здесь недалеко.
- Это куда еще?
- Ладно, хватит дурака-то валять, пошли, с тобой разберутся, таких, как ты, много.
- Да что вы, я тороплюсь.

Какой-то он апатичный для захватчика, "наш человек". Ведут. Подворотня, которая закрывается на железную решетку. Нас собирают.

- Потом с вами будут разбираться. Если документы были бы, отпустили бы.

Ну да, с моими документами далеко не уйдешь, шиш бы отпустили. Ночь на исходе. Кто же думал, что здесь... Понять бы, что здесь происходит, ничего непонятно, тревожно.

- Отойдите в эту колонну.

Отбирают только мужчин молодого возраста, работоспособных. Народ незнакомый.

Парня молодого вижу, кепка, воротничок навыпуск и пиджак.

- Серега, я тебе очень обрадовался.
- Нашел время, братец, никаких имен.
- Ничего не скажу.
- А на заводе под автоматами цеха, там саботаж не устроишь. Там разговор короткий.

Он быстро сориентировался.

Здесь удостоверяют личность. Я не могу свою фамилию назвать. На заводе пропускная система, списки, адреса есть. С завода никого не выпускают. Сергей из деревни, выдал меня за своего родственника, который недавно умер там. Данные про-веряются, архивы остались.

- Да что вы, какой завод? Да я к своим, в деревню... да, сельский.

Все начисто забыть.

- Это где - покажите по карте.
- Я не могу себе это представить.
- Тебя что, в школе не учили?

- А я, у меня по географии была тройка. Что пристали, я же сказал, не знаю. Откуда мне знать... А я не помню...

Господи, как я устал, все время приходится дурака валять.

- Когда же, наконец, это кончится.

- Для тебя скоро, может быть, скорее, чем ты думаешь. Дуло на тебя наставлено.

Чем я вообще думаю? А я ничем не думаю. Травка, облачка, птичка, веточка. Так во что-нибудь вопьешься, чтобы ни о чем не думать. Если б знали бы вы, облачка, какую услугу оказываете.

Мы молодые, сильные, нас отбирают на сельскохозяйственные работы.

Песчаная дорога. Группа небольшая. Сопровождает шесть автоматчиков и седьмой с собакой. Нас гонят по дороге в западном направлении босыми. У них крупная овчарка, чтобы ее не били ботинками, нас заставили разуться. С собакой им легче, она кусает за запястья, за щиколотки. Хватает и дергает. Боевая собака - овчарка. Не разрешают разговаривать. Кто-то пытался бежать, но был расстрелян автоматчиками.

Останавливают. Высокая г-образная виселица, на ней голое женское тело. Трупный запах появляется, у человеческого тела сладковатый запах. Они нас посадили напротив виселицы на обочине. На это невозможно смотреть, не могу голову поднять. Издалека вижу очертания, а рассматривать не могу.

- Не могу смотреть.

- А ты смотри, запоминай. Придет время, расквитаемся, - мне Серега, - квитаться придется за каждого.

- Гляди лучше по сторонам, да повнимательнее. Местность пустынная, ровная, лесочек вдалеке, небольшие

перелесочки.

- Что, жалко? Посмотри, что за вид, что за прелесть, - это их старший.

- Кто смелый, кто снимет?

- Только сунься, пристрелю.

- Встать!

Нас в амбаре держат. Переговариваемся:

- Не эвакуировали, а теперь выкручивайся, как хочешь.

- Затянули.

Разговоры были давно, что надо бы эвакуировать, хотя бы этот военный цех.

- На что надеялись? Раздражение, только командовали.

- Дело надо было делать.

- Без приказа нельзя.

- А этот цех не пойми что делает, штучки-дрючки, - смеется. - Дураку понятно, что это военный цех.

Цех номер три, считается, что все засекречено, какие там к ядрене-фене секреты, когда одна треть города работает на этом заводе. Было распоряжение, что на случай надо уничтожить. Надо было демонтировать станки, чтобы не достались. Гарнизона нет, подъезд хороший, железнодорожная ветка прямо на завод. Сам городишко небольшой, наверное, надеялись... Бомбежки не было. Уж все это очень быстро, они заняли марш-броском. Стратегический объект, постарались быстро, чтобы население не расползлось.

Узнаю от Сергея, что нашего начальника цеха расстреляли в тот же день тут же в цеху, потому что он отказался. Надоели, особенно собака.

- У нас две ноги, чтобы смыться.

- Там места будут совсем незнакомые. Этих-то, может быть, и обманешь, а от собаки далеко не убежишь.

- Собаку надо известить.

- А как ее изведешь, ее на поводке ведут. Большой красивый пес, черная овчарка.

- Куда-нибудь погулять бы его пустить по своим собачьим нуждам, кобель на цепи засиделся.

- А у собак нужд... только людей драть умеют.

- Ну инстинкт должен быть, так мы его разбудим. Как же нам избавиться от собаки?

Утро следующего дня. Выходим посмеиваясь.

- Бог услышит.

- Да, на Бога надейся, а сам не плошай.

Выгоняют по одному, проверяя, связаны ли наши руки. Нас гонят дальше.

Мы ему помогли в деревне. Жупень - название деревни. Собачка ушла. Немцы злы. .

- Наши сучки знают дело. Когда-нибудь мы жупенским сукам памятник поставим, - посмеиваемся.

Вокруг нас человек шесть, на которых можно положиться по взгляду. Руки развязаны, связаны декоративно-морскими узлами, дерни за веревочку - дверца-то и... Но не всех, там видно будет.

- Если бежать, то сейчас, пока их мало.

- А что будет потом?

- А кто ж знает? Если пробовать, так сейчас, а то Ганс кобеля поймает, а потом уже может ничего и не быть.

Ненавижу, такой протест против всего, что здесь происходит, крушить хочется.

- Ушел-таки, надо уйти как можно дальше.

Сережу ведь они забили, подстрелили и забили прикладом. Я убежал один из партии. Несусь.

- Серегу убили, жалко, вдвоем бы было сподручней. Хочется спать, надо отдохнуть. Ой, некогда, надо идти на восток. Не могли же они далеко пройти. Они должны остановиться, из-под них можно уйти. Я устал, ради чего все это, все равно сдохну. Не сдохнешь, если не будешь ныть. Идти на восток. А где он, восток? Куда иду, не знаю. Солнца ни хрена не видно. Это только в книгах писать, ориентироваться по солнцу, оно и не встает иногда. Кружишь по лесу, кружишь. Не знаешь, где свои... уж лучше бы в колонне все вместе. Вместе и гибнуть веселей. Ну и вернулся бы к Сереге. Эта твоя свобода-то оплачена такой ценой. Что же зря? Вот что мной двигает, не зря же его пристрелили. Не хочется об этом вспоминать, это уменьшает силы, терзания сейчас ни к чему. Надо идти на восток. Они не могут так далеко зайти. Были уже такие, пытались, но леса эти знаменитые, на них уже подавились однажды, в 1812. И этим будет же оказано сопротивление. Ведь так. Так, да не так. На Западной Украине их встречали цветами, фашистов-то. И у нас была часть людей, которые ждали, но Для большинства это было неожиданно. Чужие они.

Я стараюсь выйти к бывшей границе, там должны остановиться. Это тут мы не ждали, там-то гарнизоны готовились. Там и армия, остановят. Должны остановиться. Не могут они катиться без сопротивления. Где-то должна быть действующая армия. Не может так быть, такая огромная страна. За это время сориентироваться можно, собраться с силами. Там ждали, там армия, там свои. Надо выходить к своим, потому что этих погонят на запад. Только бы выйти из леса к своим. Можно выйти. Только бы выбраться до холодов. Как медленно я иду. Ноги ничего не чувствуют. Какой кошмар, ноги, я иду слишком медленно. Я иду, но и они идут. Расстояние, которое я должен пройти, все увеличивается. Придется еще очень много пройти. Лес не кончается. Немцы двигаются только по дорогам, а по лесу боятся. Иногда выхожу к дороге, по которой идут немецкие войска, техника.

Дорога проселочная. Дороги хорошие - это Белоруссия. Я выглядываю из-за камня. Открытая местность, "газик", немцы. Они совершенно спокойно идут, идут закрытые машины, колонна автомашин. Ближе к дороге держаться опасно, иногда они лес прочесывают. Чувство страха, желание поскорее отсюда выбраться. Неужели они зашли так далеко. Мне тяжело ориентироваться, я даже не знаю, где я.

Жарко. Похоже, у меня жар. Надо идти не останавливаясь. Я еще на территории, которая была у Польши. Они ее отбили. Хочется уйти на свою территорию, там где наши. Идти как можно быстрее, не останавливаясь, обходя жилье. Я заблудился, меня сносит севернее. Если идти южнее, там местность безлесная, приходится брать севернее. Заблудился, шел не на восток, а на север, хотя ориентируюсь, по солнцу иду на восток.

Голодаю. Одни ягоды, костра зажечь нечем, грибы сырыми не очень поешь. Как хорошо, что ягод много, черника в основном, да и голубика, но ее много-то не съешь, от нее пьянеешь. Какие-то корешки съедобные, иногда попадается можжевельник, и хвоя в ход идет, особенно если попадается листовница, кисленькая, щавель. Легкая диспепсия и, конечно, легкое обезвоживание, губы сохнут. От того холеного мальчика не осталось ничего, меня даже трудно узнать. Меня, даже если бы кто-нибудь из знакомых встретил, не узнал бы. Ломишься как лось через этот лес, от всего шарахаешься. Какая сила гонит? Просто нужно идти на восток. Попутчик нужен, надо как-то сориентироваться.

Темные леса. Звереешь в этом лесу, вздрагиваешь от каждого звука, особенно когда ветка хрустнет. Болотистые места, труднопроходимый. Этой землей никто не занимается, бес-1 крайние леса, топи, болота. По такому лесу идти очень тяжело. Благо, что есть телогреечка, иначе замерз бы ночью. Комары. Два месяца, идешь как в бреду, легкий звон в ушах, кружится

голова, легкость в теле, которая бывает от голода, - сильно измененное состояние сознания.

Идти на восток не останавливаясь. А жилье не попадает, только разрушенные хутора, но они на проезжей дороге. Но сколько так можно идти? Это рано или поздно должно кончиться. Как только наступит зима, это кончится естественным путем. Дожди. По болотам шлепаешь, вечно мокрые ноги, обкручены корой с березы. Давно бы стер, если бы не кусок коры, который их предохраняет. Я чувствую тело до колен, вниз смотреть страшно - ноги красные, все распухшие, иду с трудом. Видимо, есть бред. Пробираюсь. От мысли, что надо кого-нибудь встретить, ведь погибаю, сжимает, перехватывает горло. Кого-нибудь бы встретить, такая возможность, один шанс из тысячи...

И я встретил. Сердечко трепыхается, как в сильном испуге. Вижу: идет кто-то в форме, длинной шинели, ведет человека в военной гимнастерке и босиком. Он его куда-то ведет, а потом отпускает. Они один на один, я смотрю на них из леса. Дорога в лесу, две колеи - заросшая просека. Обычно они на прицеле автомата вели, а тут я оружия не вижу, он его как будто сопровождает. От страха кружится голова, и я нечего не вижу. Тому, что сопровождает, чувствую, тоже страшно. Он идет, приседает, одним словом, боится. Поручили ему шлепнуть... Стоило так далеко вести. Я ситуации не понимаю, но ощущение, что этот человек

в форме местный. Диалог между ними:

- Отпустил бы, что грех на душу брать.
- Приказ, - но ему тоже страшно.

- Ну скажешь, что расстрелял или убежал. Сопровождающий уже колеблется. Мне не понятно, что там происходит. Они шли от меня с правой стороны дороги. Если шлепнет, то прямо на дороге. Но он делает вид, что отвернулся, а пленник перебегает дорогу и бежит в мой лес. У него руки связаны. Сопровождающий выжидает время и стреляет вверх, разворачивается и уходит, откуда пришел. Я бегу по лесу в сторону беглеца и вижу его лежащим, то ли от испуга, то ли споткнулся. Я бегу к нему развязать руки, самому впору завалиться. Живой человек! И тоже убежал, надо соединиться. Мне тяжело дышать и говорить, я своего голоса за эти два месяца не слышал. У меня что-то клокочет в горле, я так слаб, что руки поднять не могу. Тороплюсь, как могу. Для меня это надежда на спасение, теперь нас будет двое. Что-то пытаюсь сказать сквозь зубы, плохо получается, зубы все время сжаты. Приблизился к нему, пытаюсь развязать ему руки, они и не сильно связаны. Он затих... Видимо, ударился, падая. Не реа-

гурует, может быть, думал, что тот самый нагнал. Пытаюсь его поднять, он дико на меня смотрит, глаза у него круглые. Еще бы, за два месяца какая рожа - косматый, не бритый. Я тащу его в лес. Я как в тумане, все расплывчато. Меня все время раздражает его трусливость, даже в походке, он все время приседает.

Меня скручивает, пил-то воду из болота, все что угодно может быть. Пытаюсь ему что-то сказать.

- Да свой я, - слова не подбираются, язык не слушается.
- Да не торопись ты.
- Мне трудно говорить, я отвык.
- Оно похоже.
- Надо быстрее. Подразумевается "бежать".
- Что бежать, ты хоть знаешь, куда бежать-то.

У меня внутреннее движение - только вперед бежать, хоть до Москвы, вперед и вперед. По внешнему виду можно заметить, что я уже не ориентируюсь.

- Ты, видать, давно плутаешь?

В ответ мычание, я не хочу говорить не то чтобы осознанно, а скорее инстинкт самосохранения. У меня переутомление, я с трудом понимаю смысл его слов. Только теперь я понял, как я устал.

- Тебя как звать?

Я на это вскидываю голову резко, глаза совершенно шальные. Думаю, ты слишком много хочешь знать, там не сказал и тут не скажу.

- Ладно, разговоры потом. Идти надо сюда, - он показывает в сторону под углом 45 градусов к тому направлению, куда я его тащил, - я места эти знаю.

Они заблудились, сопровождающий испугался, поэтому состоялась сделка - "Ты меня отпусти, а я тебе дорогу покажу". Состояние шока у него прошло. Мы идем.

- Ты хоть представляешь, где мы?

- Нет, - я даже не представляю, где я сейчас, я заплутался, заблудился. Я уже не человек, а существо, которое всего боится и от всего шарахается. Я ему не доверяю, он мне не нравится. Для меня он слишком пожилой, обрюзгший, трусоватый. Непонятно, кто он, военный или штатский. Хоть на нем гимнастерка, мне кажется, что она не его. Диссонанс его формы и его трусливости. Меня это настораживает, как животное, тело начинает ощущать старые раны, ощущения штыря в солнечном сплетении, ноют зубы. Остаюсь с напарником, чтобы хотя бы во сне отдохнуть. За два месяца этих скитаний истощение сильное.

- Будем держаться вот так... Немцев в лесу мало, - он погони не опасается. - Этот выйдет только к вечеру, а ночью они в лес не сунутся.

Осознаю, что делаю ошибку, давая себя уговорить. Я тащил его в лес под 90 градусов к дороге, скорей и подальше, а он шел под 45, получилось, что мы вернулись к дороге. Перешли ее она заканчивалась на хуторе, дальше дороги не было, болото! Он сказал, что там сможем еды перехватить.

Это была ошибка.

Хутор. Холодноватый день, сентябрь. Подходим к хутору. Часа два сидим, наблюдаем. Запуганные такие, но есть хочется. Сидим у дороги, а там одинокий дом-развалюшка, крытый соломой. Состояние страха, усталости, очень уж опасно, доведены. Чувство опасности сдерживает, а чувство голода толкает.

Колодец с той стороны леса, журавль высокий над ним. Вырубки, гарь не гарь. Лес серьезный, хвойный, сумрачный. Дорога настеленная. Торфяное какое-то место. Состояние как сквозь воду или вату. Чувствую запах болота терпкий и запах жилья. Все мои устремленья в этом доме, я не вижу вокруг себя ничего. Жилье притягивает к себе сильнее, чем страх.

- Давай выйдем. А он:

- Открытое место, негде спрятаться. Может, дождемся вечера?

Не видно никакого движения в доме, признаков жизни нет. Наконец какая-то женщина вышла и ушла в дом.

- Нет, я пойду, подожди здесь.

Я, пригибаясь, озираясь, крадусь к дому по открытой местности. Страшно. Захожу в сени. На шум выходит пожилая женщина, тоже изможденная. В сенях темно, она испуганно:

- Кто здесь?

Стоит на пороге, свет из горницы падает сюда. У меня такой вид, что боюсь, что она испугается, закричит.

- Мать, ради Езуса, накорми.

- Ты один? Матка Боска, - пытается рассмотреть, причита-ет, - ...Иезус крист.

Не крестится, только руку поднесла ко рту. В избе дети, они как раз едят, она их спиной загородить пытается.

- Побудь, только детей схороню, негоже им такого смот-Реть.

Я осунулся, очень исхудавший, вид жуткий, что-то звериное, затравленное уже есть, щетина сильная, можно испугаться. Я не вхожу, стою, сил нет, прикоснулся виском к притолоке. В сенях земляной пол, метла стоит, пахнет березовым веником, маленькое окошечко. Мне плакать хочется, состояние слабости, в изнеможении, что пахнет едой, жильем. Разговор не на русском языке идет, с местным говорком: "тикайте... шу_ кайте...". Женщина детей на печь загоняет. Непонятно, девочки или мальчики, стрижки короткие, под горшок, одеты по-деревенски. Старший посветлее, младший потемнее, две головы пока вижу, глаза недоуменные из-за занавесочки.

- Заходите.

Я остаюсь у притолоки. Она:

- Захадь.

Огласование, мягкость говора и суровость обстановки, слова мне трудно подбираются.

- Мамко, да я не один, нас двое. Може спроворишь что-нибудь на вынос, чтобы хаты не топтать.

- Чего уж там, сказала, зови.

Выхожу на крылечко, хочу свистнуть, но просто махнул рукой. Тот трусцой семенит. Звук по ступенечкам "топ-топ-топ", то-то, когда люди есть хотят.

- Эко вас, заходите.

Хата мазаная и беленая изнутри. Чистенько, домотканые половики. Два окошечка, низкие потолки, лавки, сзади печка широкая, беленая. Она не топится, в ней пусто. Заступ за печкой, отгорожено занавеской. Стол длинный, деревянный. Я не крещусь на икону-рисуночек, но мне приятно, что в лесу она есть.

Сели за стол. Надо бы помыть руки, но не до этого. Я спиной к печке, мне не хочется, чтобы дети видели. Хлеб круглый. Крынка, низ темный, в печку ставится. Молоко я не смею, дети ведь, хлеб - да. Замешательство, руки грязные, как хлеб трогать руками такими. Она режет, прямо на стол кладет.

- Попить бы.

Она сама наливает молока по одной трети стакана. Жадно едим, на нее посматриваем, она тоже молча смотрит. Чувство благодарности, что она не спрашивает и дает поесть спокойно, не надо отвечать с полным ртом. Своеобразный вкус домашней выпечки (по вкусу и цвету на рижский похож, с солодом). Крошки собираем. По куску съели, так еще хочется, но сдерживаемся.

- Куштовайте, ешьте-ешьте, Бог еще даст.

Еще по куску берем, ломти такие большие. Третью буханки, наверное, съели. Она режет остаток пополам. Я сглатываю слезу, мужик крепкий, но... Я понимаю, что это она для нас отрезает. Сами трогать хлеб не смеем, она ищет какую-нибудь тряпицу, чтобы его завернуть. Что-то настораживает, какой-то шум. Обостренный слух, шумит бортовая машина. Мы срываемся и бежим по касательной к лесу.

Немцы на грузовике, человек шестнадцать сидят в машине по бортам. Машина тяжело идет по бревнам. Собак нет. Мы без оружия, а там взвод автоматчиков, в касках, с ними ээсовец (потом он меня поймает, первое знакомство с ним). Страх. Что они здесь делают, не понятно. Дальше дороги нет, она обрывается пустошью. Это тем более странно, что дорога -старый настил из бревен, топкое место.

Тот тянет меня:

- Пойдем отсюда, что тут смотреть. Ты еще долго будешь? Понимаю: надо идти, но что-то приказывает остаться, что-то должно произойти. Не могу уйти.

- Отстань, оставь меня в покое.

Он такой трусливенький. Те бегают, осматривают, заглядывают в колодец, выстраиваются. Там остался хлеб, он меня притягивает, надежда, что побудут и уедут.

- Надо уходить, да тикаем, Стае.

- Хлебушек остался.
- Давай, надо ноги уносить, бежим.
- Иди один.
- Пойдем, пойдем отсюда, - тянет за рукав.
- Не хочу, оставь.

Опять бежать, скрываться, как собака. Я продвигаюсь поближе, чтобы видеть, что происходит. Он боится, не хочет со мной остаться, так и ушел.

Зашел главный черный в дом. Немцы в доме, выводят их из хаты и ставят около колодца. Немец орет на нее, она понять не может, переводчика нет, сурово так смотрит, руки положила на младшего, старший к ней прижался. Немцы шарят вокруг. На ломаном русском ей:

- Раздевайся, шнель-шнель.

Я смотрю из леса совершенно замороженный. Я один, я в Ужасе, неужели их убьют. Дети жмутся к ней, она их поворачивает к себе лицом. Он приказывает автоматчикам, они становятся с двух сторон от него. Он достает пистолет, он ее расстреливает из пистолета, те - детей. Стрельбой из автомата перебивают деревяшку, на которой ведро, всплеск воды. Я не вижу, я отворачиваюсь. Я не могу этого видеть. Одежду они сбросили в колодец, а трупы остаются у колодца. Я чуть вглубь леса отошел. Они грузятся на машину и уезжают. Я выхожу, вижу мертвые тела. Две девочки, старшей лет тринадцать, другой шесть-семь. Детское тело, крови нет, а только маленькое пулевое ранение. Я смогу все забыть, но не это. Тела голые они их расстреливали голыми, рядом лежат на земле. Разве' можно это вынести? У меня спокойное отношение к войне как обрезало. Чувство ненависти - уничтожать.

Чувство вины, что их из-за меня убили, первая смерть, в которой виноват я. Женское голое тело, меня потрясло, что ее убивали голый.

Сколько убийств, я не хочу на это смотреть. Не хочу! Я не хочу это помнить, но я не могу это забыть! Фашисты, гады, негодяи, мерзавцы, я не хочу вас знать! Я не хочу помнить, как вы расстреливали, оккупанты. Кто вас сюда звал? Вас никто не звал. Вы не люди, вы - нелюди.

Я их не могу оставить, надо хоть похоронить. Я смотрел на них... и не видел, как те подошли, получил прикладом по шее. Потерял сознание и упал вперед, уткнувшись мордой в песок. Хорошо, что вырубаетесь, лишнего не видишь, как природный предохранитель.

...Я не знаю, где я. Некоторое время пролежал, поднимаю голову, рядом со мной сапоги. Что же они меня преследуют? Состояние видения сильно искаженное, они огромные, сапога уходят в небо, черные сапоги. Он носком сапога поднимает мою голову под подбородок. Двинул сапогом и что-то спрашивает. Ощущаю этот круглый носок сапога, он жесткий.

Меня поднимают. Брюки с меня сняли, я в одной рубахе. - Хенде хох!

Вопросы по-немецки. Я не понимаю, что от меня хотят. Я ничего не понимаю, и не надо, слава Богу, отвечать. Двое держат, а офицер спрашивает. Стоять не могу, голова туда-сюда, хочется сползти, осесть, не дают. Хреново, хреновые дела. Ощущения в теле - срез приклада прямо в дых, самого удара не чувствуешь, чувствуешь только потом. Я вижу, как он замахивается, но не соотношу это с собой. Дыхание перебито. Я бы что-то и мог ответить, но я не понимаю, что они меня спрашивают. Руки не связаны, опускаюсь на колени. Пока сижу, бить не будут... Ошибся, врезали, удар по голове. Пытаюсь голову закрыть, но тут же получил прикладом. В голове тяжесть. Как только пытаюсь загородиться, туда следует удар. Не с остервенением, а планомерно, спокойно. Удары довольно хорошо рассчитаны, но кости целы. Куда-то заваливаюсь, там ничего нету, только тошнота, пустота.

Тело они поднимают, а тело на месте. Смотрю со стороны на себя. Меня держат за руки. Обросший, лицом заросший, осунувшийся, немного странноватый. Узкое лицо, глаза закрыты голова висит, густые темные волосы жесткие, не сваливаются. Я не хочу помнить зверского удара прикладом красно-коричневого цвета по голове, я хочу его забыть.

- Где есть партизаны? Ты был не один, где остальные? - на меня орет офицер на ломаном русском языке. Поднимают за руки, я шепчу:

- Не знаю я, я ничего не знаю.

Слова "партизаны" еще не знаю, так что он от меня хочет?

- Я не понимаю, что вы меня спрашиваете. Мне нечего говорить, я ничего не знаю.

Как хорошо, что я ничего не знаю.

- Не знаешь?

Удар снизу под дых. Хочется пополам сложиться, меня что-то не пускает - держат за плечи. Перед глазами темно, но еще живой. Боль в животе. Когда подняли за руки, бьют кулаком в нос. Нос не дышит, поднимается тошнота, бьет кашель.

- Кто есть ты? ...хлеба, - он сует мне буханку. Переводчика не могли дать, объясняйся тут с ним.

Морда, о гад!

- Кому это? Отвечаль...

- Да ты ж, сука, все равно ничего не поймешь. Я ничего не знаю, да и знал бы, ты все равно ни хрена бы не понял.

- Кто есть хрена?

Смешно, и я бы посмеялся, если бы не умирать. Пока в сознании.

- Ну что лютуешь, бей сколько хочешь, гад, хоть убей. Удар.

- Хенде... хох,- это он уже на них орет.

Валяюсь, поднимают, руки заламывают, боль в запястьях, снова бьют под дых, складываешься и на плечах повисаешь. Двое автоматчиков держат за руки. Бьют, хотя боли, да и вообще ничего я уже не чувствую. Мыслей никаких. Хорошо лежать, дорога любая минута передышки. Начинают снова пинать ногами. Пока поднимает ногу, в этот момент собираешься, чтобы перенести удар. Тяжело на уровне дыхала, что-то высоко бьют, надо бы пониже. Он, тот, что бьет, разозлился. Я еще не знаю, что это эсэсовская форма, она просто черная. Я ничего не хочу из этого помнить, я хочу все это забыть. Забыть!

Не сломают они нас.

- Справились, сволочи, втроем на одного.

Я знал, что не надо было заходить. Наверно, они его ищут Он им зачем-то нужен. Ишь ты какой, подставил меня. Теперь я понимаю, почему ты первым послал меня в дом, боялся ты Вот не надо было заходить, я знал, что не надо было заходить Надо было брать левее, в лес. В лес они не сунутся. Наверно они его ищут. Что с меня спросить, я даже не знаю, как его зовут. Я не говорю по-немецки, я не знаю, за что меня бьют. Я далеко ушел от своего города, от своего завода. Меня никто здесь не знает. Они, по всей видимости, ищут его. Как неосторожно, два месяца шел, избегал всех, и на тебе. Вдвоем легче, как же. Дня не прошло. Столько сил, все напрасно, значит, и Серега погиб напрасно. Все было невысказано, два месяца диких усилий, нечеловеческих страданий. Два месяца я без хлеба. Из-за одного куска всех убили, а теперь и меня тоже. Идиот, так попасться.

От отчаяния душат слезы. Так вляпаться. Бесполезно. Лучше бы я на заводе, я бы там им гадил, лучше бы я остался в городе, чем так. Никаких шансов. В принципе, меня узнать невозможно, меня здесь никто не может узнать. Это все случайность, такая глупая случайность. А машина-то ушла, они же ушли. Ну как я не заметил, что кто-то остался. Надо было считать. Теперь уже поздно. Снявши голову, по волосам не плачут. Оставьте меня в покое. Я уж и сам умру. Хватит меня бить, я устал, мне все надоело. Скорей бы пристрелили бы что ли.

У меня один вопрос, почему они меня не пристрелили. Патрона на меня пожалели, решили, что еще успеют? Состояние полуобморочное, но пока жив. Лупят, хорошо лупят. Бьют, чтобы бить, со смехом, медленно, садистически. Я пытаюсь расслабиться, тогда не так больно. Бьют, бьют... он сапогом, а они прикладом. Как толкут чем-то. Сапоги гуляют по мне, кругленькие носки входят в тело. Я >же не чувствую удары, только сворачиваешься, корчишься. То, что называется пинать ногами, но удары очень точные, бить-то они знают куда. Не хочется верить, что это происходит со мной.

Прикладом-то не нужно, а ногами можно. Бьют ногами, тяжелым сапогом сзади, снизу, со спины, с подъемом, так чтобы не было детей. Лежу, поджав ноги к подбородку. Удары круглые, жесткие-жесткие. Скорей бы оставили в покое. Боль во всем теле. Планово им бить надоело, стали бить наотмашь прикладом внизу, в области поясницы, чтобы размозжить всего. Двое солдат бьют уже куда попадет, дубасят просто наотмашь сапогом по голове. Тошнота, вырвало даже - сотрясение мозга. Тело уже аморфное. Позвоночник не перебит. Я

практически ничего не осознаю, я снова без сознания. Я вне тела вижу со стороны: валяется нечто в телогрейке. Хорошо, телогрейка удары несколько гасит. Спереди она расстегнута, удар чувствуешь локально, сильнее, а по спине удар меньше.

Это еще первая порция побоев. День, делать им нечего. Потом они еще топчут, топчут... Поработали хорошо. Когда возвращаюсь туда, задыхаюсь от кашля. Кашель с надрывом, очень болят легкие. Прикладывались в течение всего дня, к вечеру уже лупили с остервенением.

Это недопустимо. Я не могу себе простить, ну как я мог допустить, что меня бьют, как собаку. Зачем я сюда пришел? Я позволяю, чтобы меня били. Меня забивают, как собаку, и никто не придет на помощь, некому. Я один, я должен быть один, я бы вышел один. Один бы я вышел. Пропадаю ни за грош. Я даже не знаю, как его зовут. Бессмысленная смерть детей и этой женщины. Я даже не знаю, как ее зовут. Она накормила нас, она поделилась и поплатилась за это жизнью. И дети... Это были не ее дети, она и их спасала, как меня спасли в детстве. Они погибли из-за нас, они погибли из-за меня. Серега погиб из-за меня. И все бессмысленно. Меня забивают, как собаку, а я даже не могу укусить, я бессильный. Если бы у меня был автомат, было хоть что-нибудь. Я виноват, их расстреляли из-за меня!

Я должен был умереть один. Я все равно умираю, но умираю, как собака. Лучше бы я сгинул в болоте. Я просил хлеба во имя жизни, а сам принес смерть. Они спасли меня, они хотели мне помочь. Бессмысленно, все бессмысленно. Я даже не могу им сопротивляться. Они не считают меня человеком, я для них как собака. Они не считают нас людьми. Кого считать, тебя что ли? Два месяца бежишь по лесам, как затравленная собака. Все, хватит, отбежался. Я все равно отсюда не выберусь.

Ночь. Я в сознание уже не прихожу, не шевелюсь.

Раннее утро следующего дня. Вчера они меня валтузили-валтузили, бросили, и сторожить не надо, не боятся, что уползу, поработали хорошо, я не приходил в сознание всю ночь.

Они только встали. Один вышел до ветру, автомат прислонил к этому штырю, слева от меня. Я прихожу в себя, вижу: стоит высокий немец со спины. Подходил, видимо, видел, что я без сознания. Он в гимнастерке серо-зеленого цвета, широкая-широкая спина. Каска. Он стоит ко мне спиной, шагах так в пятнадцати-двадцати от меня, что-то рассматривает. В шагах Двух от меня этот железный штырь и автомат бесхозный. Когда^я это дело увидел, увидел автомат. Как меня подняло? Невставая с колен, я хватаю его и ору: "Бей гадов!" Голос не слушается, мычание, рычание. Стреляю в его жирную спину. Поливаю из автомата в таком остервенении. Такая спина мощная так и прошил ниже лопаток. От земли с подъемом очередь Цели убивать нет, просто оружие рядом.

- Получите в свою жирную спину, сволочи!

Не хочу на это смотреть. Разве это можно видеть? Разве это можно вынести? Чтобы на это смотреть, чтобы это делать, надо быть не человеком. Они нас за людей не считают. Угоститесь!

Оборачиваюсь на дом: оттуда выскакивает офицер-эсэсовец, за ним солдат. Странно, они выскакивают без оружия. А они думали, что стрелял этот немец. Я рассчитывал, что хоть одного уложу, прежде чем они меня. Я тут же резко развернулся и снова слева направо. Стреляю, стреляю по ним, я поливаю их, поливаю. Падает молодой немец, а потом офицер. Счеты сведены. Я даже ходить не могу, все равно мне погибать. Очнулся, рядом стоит автомат, грех их не пристрелить.

Автомат - я не знаю этого оружия, оно отличается от нашего. У дула продолговатые дырочки, у нашего ствол короче, а здесь приклад короче и толще, нет диска. Руки не держат. Целиться не могу, стреляю от живота, автомат упирается в живот. Тяжесть, только бы его не уронить, он меня заваливает.

Когда били, их было четверо. Где четвертый? Меня из окна не видно, я сбоку, стою и жду, идти я не могу, потому что, если я сделаю шаг, я упаду. Эти не шевелятся. Я жду, жду, чтобы он вышел. Еще минута - и я потеряю сознание. Скорее... Начинаю сползать направо, автомат тяжелый. Встать не могу. Он выходит чуть нагнувшись, подняв руки. Я не могу его оставить в живых, потому что сейчас сознание потеряю. Молчаливый поединки. Я опять поливаю на уровне живота, целиться не могу. Крылечко, два столбика, перила. Я опасаясь, что попаду в перила, приходится поднимать выше, очередь может уйти выше. Расстреливаю его в грудь. Он с поднятыми руками... складывается пополам.

Я не хочу на это смотреть. Мерзость, слабость, гадость. Не хочешь? Тогда посмотри на колодец, где женщина и двое детей. Ты на это посмотри! Состояние здесь полуобморочное. Я даже шага не могу сделать, складываюсь, оседаю на этот автомат, рука по нему едет, скрючиваюсь.

Стыдно, не я это. Полудохлый, а уложил четырех. Ну это только в ажиотаже может быть, случайно, не хотел я. А тогда что у меня это было? Я ничего не думал, я просто поливал из автомата с дикими, нечеловеческими криками:

- Получи... за хлебушек... вот вам!

Дикое состояние вины перед этими за этот хлеб. Ну что физическая боль по сравнению... Уже полубредовое состояние. Уже можно расслабиться. Я уже не могу проверить, живы ли они. У меня нет сил посмотреть на того немца. Мне все равно, я за вас отплатил, детки. Становится спокойно. Можно теперь отдохнуть. Главное, автомат подо мной. Теперь можно все забыть - это не я там, я не убивал, не было меня там. Я отомстил. Сережа, и за тебя я отомстил.

Немецкая речь похожа на автоматную очередь. И вообще все уже не имеет никакого значения, потому что все равно умирать. Убивать недопустимо, но бывают моменты, когда это приходится брать на совесть. Да, иногда ты должен это допустить во имя жизни.

Убивать во имя жизни - какой абсурд! На войне убивают ради жизни, для того, чтобы выжить. Мы убивали, чтобы сохранить жизнь, но и они убивали, чтобы выжить. Мы убиваем, чтобы защитить себя. Война - это мужская игра. Ты можешь не убивать, не брать это на свою совесть. Но, когда на твоих глазах убивают женщин, детей, стариков - беззащитных мирных жителей, ты не можешь оставаться безучастным. Приходится защищаться.

Когда в окопе ты следишь за ним, он твоя жертва... Ты берешь ответственность и должен остаться еще и человеком. Не верю, что человек не терзается, когда убивает. Да, ты убиваешь сознательно, и ты должен осознавать, что ты делаешь. Но, что бы ты потом ни делал, все равно это потом на твоей совести. О,

если бы была секунда посмотреть друг другу в глаза... Стреляют от страха, кто кого. Да, война - мужская борьба. Но когда человек вынужден убивать - это жутко. Это не метод.

Я без сознания, но слышу, что ко мне кто-то подходит. Жду, что сейчас меня пристрелят, и все... в висок. Ощущение, что меня кто-то поднимает и несет.

Я больше ничего не помню... И темнота. Хорошеет, так тепло становится. Программу я свою выполнил, с этим гадом я рассчитался. Я за малышей с ними рассчитался, с этой сволочью. Он свое получил-таки. Нет сил... Воевать с детьми... расстреливать детей, сволочь.

- Что, подавился?! Что, получил? Будешь лежать вместе со своей жертвой. Не ушел. Получил свое. Это вам возмездие. Это вам за хлебушек. Подавитесь, сволочи.

Беспамятство. Я понимаю, как можно мертвому вести самолет.

- Ничего себе, умудрился!

- Да нет, живой.

- Отбери автомат, а то и нас ненароком порешит.

- Давай, еще убьешь наповал. Пытаются отобрать автомат.

- Видишь, жар.

- Да, на трезвую голову такое не сотворишь.

- И куда его?

- Что-нибудь придумаем.

- Отсюда надо быстрее выбираться, эти суки могут вернуться в любую минуту.

- Берите оружие. Проверьте карманы. Надо бы их с глаз убрать.

- Руки марать не хочется.

- Петя, следи за дорогой.

Их человека три-четыре. Слышу глухие шаги по земле. Они кого-то перетаскивают.

- Куда?

- Да брось за дом.

- Може в колодец?

- Недобок, отравить колодец такой поганью.

- Ну ладно...

Мне в себя хочется придти, но это сквозь сильную головную боль. Люди... Я ждал выстрела в голову, нет страха, просто ожидание... шаги, сейчас будет выстрел в голову... Сладостно так, мыслей нет, продираешься, надо бы застонать, но на это нет сил, глубже уходишь.

- Поищи хлеб. Если что найдешь, бери все.

- А как же, кому они здесь? А их куда?

- Надо бы прикопать, только быстро.

- Скорей, ребята, скорей.

Внутреннего желания помочь нет. Обида, что не только шевелиться, я голову поднять не могу.

- А этого?

- С собой.

- А он... Да он плохой.

- Ну не оставлять же, еще живой... Надо же..

У меня страх, неужели оставят. Нет, нет, не хочу один оставаться. Не бросайте меня! Люди, не оставляйте, я выживу. Возьмите с собой, не оставляйте, ради Бога, не оставляйте. Я столько шел...

- С ним будет трудновато.

- Поменьше разговаривай, найди жердей.

- Легенький какой.

- Петро, уходим.

. Ребята, я не один, со мной еще...

- В кармане что ли. Не бойся, все в порядке.

- Я сам.

- Успеешь.

- Може подпалим - и концы в воду.

- Грех, ребята, грех.

Слышу, как деревья ломаются, что-то наплывает. Мне давно не было так спокойно. Последний раз я ощущал такое спокойствие с Серегой. Серега, я ж дошел!

Очнулся я уже в отряде. Сбор людей в лесу.

- Ну, артист..

Листва зеленая, через нее солнце. Глаза болят от света, не открываются. Если умру, хоть у своих. Не

хочу, я жить хочу!

Это цена входного билета в партизанский край, очень дорогая. Меня вывели, и это состояние позволило мне на многие вопросы не отвечать, меня мое дальнейшее прошлое не интересует, и я могу о нем не распространяться. Так я и сумел сохранить инкогнито. Фамилию в отряде лучше забыть и не вспоминать. Многие недалеко от своего дома, все родные вырезались. Звали меня Стае Ярило (Солнышко).

Железнодорожная станция, наша станция, наши вагоны - все это мы строили, наш народ, а теперь приходится взрывать. От этого становится еще тяжелее. Взрывать вагоны с зерном, когда столько людей голодает.

Вижу. Мы взрываем. Кто-то в шинели падает.

Задача партизан - как можно больше навредить, не дать, испортить, изгадить железную дорогу, нарушить коммуникации. У нас нет необходимости уничтожить личности, но мы должны победить. Поэтому мы должны пускать вагоны под откос, сжигать продовольствие. Какое жуткое сочетание "сжигать продовольствие". Кошмар, когда человек вынужден это сознательно делать. Вместо созидания разрушать, уничтожать, убивать себе подобных. Убивать людей. Ну какая разница, кто они. Они такие же солдаты, у многих жены, дети. У них приказ Убивать. Но кроме приказа они зверствуют, это их выбор, а ведь они могли бы быть людьми. Надо гнать их. Они убивают наших матерей, насилуют жен, убивают детей. Мы должны быть беспощадны. Да, человек не может, не должен убивать, но видеть, как на твоих глазах убивают, и не иметь возможности защитить, как там, на хуторе... только за то, что они Дали хлеб. Они развязали войну, мы на них не напали. Мы

хотим просто жить. Мы хотим жить как люди. Кто, кто дал им право убивать?

Убивать их беспощадно! Гнать с нашей земли! Неужели так просто - прийти и взять чужую жизнь. Человек сам должен распоряжаться своей жизнью! Они не имеют на это права. Но нет у меня злости на них. Мне очень жалко, мне очень стыдно но мне приходится убивать. Да, мне приходится быть карающим мечом. Но все равно, мне как человеку нет оправдания. Я беру это на себя ради жизни. Но все равно у человека нет морального права убивать, не для того же жизнь.

Да, убивал. Да, к несчастью, убивал. Да, не чистенький. Да, я осознанно брал на себя, чтобы кто-то другой был чистым убивал, лишал другого жизни. Но что же, надо было смотреть и ждать, что появится громовежнец Зевс и накажет? А ты чистенький выйдешь из этого ада? Вот тогда ты будешь сволочь. Ты будешь смотреть... и побоишься взять на себя ответственность. Я своей жизнью за это заплачу. Я тоже должен умереть. Раз я убивал, я должен сам умереть. Я убивал, я не хочу этого помнить. Я не хочу видеть этих лиц. Я не хочу думать об их детях, об их семьях. Я не хочу думать о той крови, которая будет пролита. Сейчас я должен убивать.

Зима 1942-1943 гг.

Название станции Межинь. Мы связаны с железной дорогой, пасем эту станцию, она довольно крупная. Мы мало чего можем, базируемся глубоко в лесу, в болотах, быт еще не налажен. Сейчас уже многое организовано, продовольствие есть, боеприпасы, чем взрывать. Сначала ничего не было, просто организовывались. Теперь налажено, в основном трофейное. Это очень глубокий тыл. Связь с городом ограничена, мы должны действовать на свой страх и риск. Забросить самолетами нам ничего нельзя. Тут мы и пасемся.

Холодная ночь в начале зимы или поздняя-поздняя осень, вот-вот пойдет снег. Все выстужено. Земля как каменная. Большое, открытое, освещенное пространство, техническая железнодорожная станция (узел), много-много путей, семафоры.

Смотрю. Вышку вижу, каску, автомат. Интересно, а чего он в каске зимой делает, ушки у него не мерзнут. Мается на вышке. Начинается первый снег. Поездов нет, стоит только один состав у перрона со складскими помещениями, он почти пустой, видны открытые двери. Я ползу через железнодорожные пути. Появляется ощущение запаха железной дороги, все чувства обострены. Холодные, ледяные рельсы, я ощущаю их ли-

ом когда приходится к ним припадать, переползая. Камни) противные, грязные, по ним так трудно ползти.

Нас трое или четверо. Нам нужно взорвать... что есть на станции, то и взорвать. Страшно жалко, потому что это наши щги, это наша станция, наши вагоны, мы их сами строили, такой ценой... Об этом не надо думать. Сейчас это не наше. Сейчас это хлеб, который будут жрать фрицы. У них будут си-ды чтобы убивать нас, разрушать наши села, города. Неужели! дать им эту возможность. Пожалеть эти железки - значит ли-шить многих наших людей жизни. (Но, память, какие страш-ные вещи ты хранишь.)

- Может, не стоит, там всего один состав. Шуму больше наделаем.

- Но хоть один, одним будет меньше.

- Жалко припасы. У нас их не так много.

- Мы что, сюда пришли работать или болтать?

- Нет, давай обсудим. Состав стоит на первом пути, нам| придется ползти через все пути. Мы не можем так рисковать из-за одного состава. Они усилят охрану, поди потом сунься. Взрывать пустые рельсы - это безумие, их тут же восстановят. Бравата нам ни к чему. Мы должны думать о последствиях, ведь они вырежут полгорода.

- Что же уходить? Мы же пришли...

- Не юродствуй, не бузи. Мы уходим. Да, если устраивать фейерверк, то при полной загрузке.

- Эх, жалко так уходить, бабахнуть бы...

- Я тебе как бабахну по мозгам. Тоже мне герой, здесь тебе не театр.

- Хватит, нашли место. Уходим!

- Что скажут в отряде?

- Не твоего ума дело.

- Вот я бы...

- Когда будешь отвечать, тогда будешь "ты бы". Сейчас уходим молча.

- Может быть, подождем?

- Светиться не имеем права, уходим.

Отползаем... Настроение у ребят подавленное. С такой досадой мы уходим, так трудно пробирались. Хорошая охрана. Мы еще ни разу не взрывали, еще подбираемся только. Я отвечаю за эту операцию, я не могу позволить себе такой роскоши.

В отряд мы вернулись еще засветло. Землянка, на грубо сколоченном столе лампа из снаряда - кругленький, маленький Цилиндр, запал вытащен, сверху расплющен, в него вставлен Фитиль. Пламя получается широкое, тусклое, коптит.

Я отчитываюсь перед командиром партизанского отряда оправдываюсь.

- Был приказ взорвать, вы не справились.

- Да, был приказ взрывать. Ну рванешь, назавтра они починят. Наших же сгонят.

- Приказы не обсуждают.

- Дураки приказы не обсуждают.

- Я тебя под трибунал.

- Говорите, что хотите, Вам решать.

Конечно, я все взял на себя. Конечно, только я буду отвечать. Если надо, я пойду взрывать один, но когда там будет полная загрузка. Нельзя просто приказ выполнять, надо же со смыслом и большей пользой. Получается, только из-за того, что пробрались, смысл какой, там даже локомотива не было. Начнутся облавы, только ребят положить, идиотизм.

Пусть орет.

- Вы свободны!

- Ну как?

Парнишка молодой, он еще романтически воспринимает. Хороший парень, белокурый, волосы курчавые, Алешкой зовут, лет семнадцати-восемнадцати.

- Никак.

- Орет?

- А то как же!

- Эх, надо было рвануть! Страшно было?

- Видал пострашнее.

В памяти женщина и дети, расстрелянные на хуторе. Да, убивать приходилось, на то она и война.

Через часочка два остыл и пошел к командиру отряда снова. Он сидит понуро. В военной форме - кадровый военный. Стол длинный, деревянный, на иксообразных ножках по торцам. Длинные лавки. В руках кружку оловянную крутит. Я вошел, он даже голову не поднял. Сажусь.

- Утешать пришел?

Я в ответ молчу, молчание очень наполненное. У него приказ, но он понимает, что я прав. Поорал, по форме положено, дисциплина, приказ, но еще есть здравый смысл, и нужно им руководствоваться.

- Что-то коптит здорово.

Фитиль держится на скрученных проволочках, они часто прогорают. Мы расплющиваем патроны, туда вставляется фитиль, но они не удобны. Наливаем солярку, а она коптит. Ма-
ны1 на солярке работают, очень коптящая маслянистая жидкость. Это боевые трофеи из рейдов. Быт очень тяжелый.

Это отряд с дисциплиной, руководит настоящий военный. Сборная солянка. Дисциплина не армейская, конечно, много народа штатского. Ну поорал, ну что он со мной может сделать? Расстрелять - не

расстреляет, это смешно - в глубоком тылу-то.

Хутор. Название Елань, Сиань... Сидеть на этом хуторе нам запрещено. Какой-то мальчишка прискакал предупредить. Белая лошадь, одна уздечка, без седла.

- В Петровцах немцы, идут сюда.

У них рейды. Мы вдвоем с напарником. У меня оружие, Миколай тоже хватает автомат. К лесу. Немцы, машина типа "газика" и пешие солдаты. Интересно, как они приехали, тут болотистые места. Собаки-то наши лают. Их человек тридцать, шныряют по двору. Глухое чувство ненависти появилось, аж скулы заболели. Мне-то хочется их всех перестрелять, но нельзя этого делать, отряд недалеко. Он меня уводит:

- Пойдем отсюда.

У меня перед глазами тот хутор, колодец каменный, круглый... Чувство вины.

- Пойдем отомстим.

- Не сейчас, нам нельзя ввязываться.

Ну и что, что тридцать человек. Растерянность. Надо бы пойти сдать, чтобы не тронули детей.

- Ну ты совсем, мужик, раскис.

Здесь еловые леса, сумрачная природа. Объектов никаких. Что они здесь делают, не понятно.

Лето 1943 г. Мне 25 лет.

Партизанский лагерь. Отряд небольшой. Поздно вечером. Офицерская палатка. Карта. Место называется Пески, здесь болото, Ясен бор где-то рядом, он за немцами. За дорогой населенный пункт Ключи, туда речушка пошла. Интересно, везде леса такие крепкие, а тут какая-то прогалина. Граница Прибалтики и Белоруссии, Гродно севернее, тут леса...

Демыч, пожилой комбат, ватник на нем, задание дает:

- Завтра, ребята, попытайтесь пройти через минное поле. Приказывать не могу, но мы здесь и так застряли. С другой стороны болото, с этой стороны пройти нельзя. Надо попробовать через поле. Конечно, оно заминировано, но у нас нет Другого выхода. Пойдете втроем. Возьмите лейтенанта.

- Балласт-то нам на что? - я грубовато говорю.

Мы с Миколой уже два года вместе скитаемся, удачливый Двадцать семь лет ему, полноватый, мордастенький, из "стариков", местный, женатый. Он у нас весь такой бесшабашный духорной, а тут приуныл.

- Ты чего, Микола?

- Гиблое дело.

- Чего каркаешь, а то я и сам не знаю. Кого мне послать? Отсюда надо убираться, мы тут и так засиделись.

Мы не можем костер зажечь и воду вскипятить, он боится...

- Выходить надо, пока можем, не дай Бог, тиф начнется. Приказано только ключевую воду использовать, а ребята с

ленцой, могут черпать болотную, без практики. Немцы очень близко, другого пути нет. Нас отрезали, заминировали. Мы хотим просочиться бочком-бочком (мое любимое выражение).

- Пойдете после завтрака.

- А чего не с утра?

- А да ладно, решайте сами.

Он по старой привычке, что операцию на голодный желудок не положено.

Утро туманное. Мы спим вместе, заходим за лейтенантом. Он испуганный, совсем мальчишка.

- Пойдем прогуляемся, - Микола шутливо.

А я злюсь, я не люблю с собой балласт таскать. Идем через лес, сосенки.

- Ну вот и добрались.

Открытое место. Вокруг болота, там топь, а это единственное место, где мы можем выйти. Лежим, там нам надо перебраться. Днем проще, здесь они не охраняют.

- Нет, надо нам по самой середине.

- А почему именно здесь? Больно место маленькое. Почему же по опушке-то нельзя?

- Да это было бы просто. Ты на охоту ходил?

- Нет, я городской.

- То-то и видно, а здесь у них охота на людей.

- Неужто лес заминирован?

Вижу забор в лесу - столбы и сетка натянута. Знаю, что. вокруг немцы, рядом большие военные расположения.

- А ты сунься. Там не пройдешь, там территория охраняется, у нас только одна дорога, через поле.

Лейтенантик все время посматривает.

- Сядь, не высвечивай и не дергайся без приказа.

Я на него злость срываю. Хочется материться, но что толку по каждому поводу материться. Он с нами как балласт, я не выношу, когда с нами балласт ходит. Мы с Миколой всегда ходим вместе. Он пытается козырять своим званием.

- Туда нам нельзя. Надо идти назад и искать окружные пу-хи Солнце всюду шпарит, мы как на ладони. Мы все равно здесь не пройдем.

На что Микола:

- А ты помолчи, командовать будешь в другом месте. Да ты не сердись, нам на смерть идти, мы потому и решаем. Да брось, паря, не вешай нос.

У лейтенанта нет опыта действий в лесу. Его как старшего послали с нами, но он ничего не способен на себя взять. Даже не знаем, как его зовут. Весь возбужденный. Микола внешне вроде как все до фени, а я знаю, что он внутренне собран. А я весь-весь там. Каждую песчинку прошариваю. Я понимаю, что это бессмысленно, но надо попробовать даже ценой собственной жизни. Надо идти, никуда не денешься, если даже ты погибнешь. Чувство смерти присутствует. Ползти или не ползти? На сегодня это моя смерть, Миколу еще рано.

Солнечный хороший денек, середина лета. Сосеночка молоденькая, пушистая, у нее прирост хороший. Эта сосеночка мне как сестричка родная. Смолой пахнет. Вереск цветет. Глубокий песок. Я смотрю на это поле оценивая. Там опушка леса, это поляночка.

Мнения наши разделились. Микола сидит спиной, даже смотреть не хочет, он не любит зря рисковать, я же смотрю. Некоторые мины можно увидеть. Оттого, что такой солнечный день, опасность становится нереальной. Такое состояние покоя, не верится, что есть смерть. Мухи летают.

Я должен попробовать, такой был приказ. И как мы вернемся, мы что, сдрейфили? Нас же не послали, чтобы сказать, что здесь пройти нельзя, это и козе понятно.

- Нам надо пройти. Ну ты посмотри на это поле.

- Я даже смотреть на него не хочу, ишь, понатыкали. Тут не то что танк, собака не пролезет.

- А что делать?

- Надо возвращаться.

- Для чего, сказать, что нельзя? Демыч и сам это знает. Нам надо попробовать.

Микола травинку покусывает.

Я бы не пошел, но надо пройти. Как будто надо погибнуть, как будто выбирает каждый. Меня как толкает туда, просто туда тянет, шансов очень мало. Вижу, что пройду до середины,

по этому пути можно, еще кто-то подорвется, но ребята выйдут. Собираюсь внутренне. Солнышко припекает, апатия, хочется отдохнуть, поспать. Такое разморенное состояние, можно осечку дать... Но поднимается внутреннее чувство злости, понимаю, что надо действовать. Идет внутренний монолог:

- Твоя полянка, ты еще на ней наотдыхаешься и никуда уже с этой полянки не денешься, так тут и останешься на веки вечные. Гляди-гляди, это последнее, что ты видишь.

Картинка возникает, вижу те сапоги немецкие, офицерские. Он надо мной возвышается, огромный. Я ничком упал в песок, а потом снизу вверх - черная ээсовская форма, черные брюки галифе.

- Надежда есть, тогда-то выбрался из ситуации.

- Лазеечку ищешь?

- Нет, надо мне идти, сегодня мой черед.

- Ты что, Стае?

- Ну ладно, Микола. Ваша задача - следите, вы должны очень точно отмечать мой путь, не зявьте.

Если что-то и случится, вы будете знать, где чисто.

- Дело знаем туго, - это Миколай.

Чувство раздражения к нему, можно было бы попроситься. ¹ Они круглые, защитного цвета, бортик, в середине выворачивается, и от них идет две проволочки. Одно неверное движение - и они взрываются. Это чувство появилось у меня недавно: "Когда-нибудь она взорвется у меня в руках".

Песок горячий, я начинаю двигаться. Полная апатия, страха нет, есть только внимание. Одну мину я раскапываю, песок струится около нее. Ты ползешь и вдруг замираешь, начинаешь раскапывать песок, а там проволочки, одна в одну сторону, вторая в другую. Чувство игры. Она такая же живая эта смерть, или она остается, или я. Эту я нашел, эти проволочки чуть-чуть выступают, перекусить и одну и другую надо. За поясом у меня кусачки, я их доставал и уронил. Сердце обрывается, не удачно. Одну перекусил, другую. Откапываю ее, отодвигаю подальше. Детонатор я не отворачиваю. Ну уж очень она похожа на керосинку. Думаю, что проволочку надо подальше отвести, задеть могу, тогда взорвется вся цепочка, мины между собой соединены.

Все нормально, я их чувствую. Подумаешь, одна, две... о горле першит, пить хочется. Ползу дальше. Очень жарко, пот льется по лбу. Ползешь в ватнике под солнцем, чтобы песок не жег, да в лесу он и от комаров нас спасает. Посередине прово-

лока колючая через все поле и качается. Под ней надо подкапывать песок. Такая живая смерть качается.

- Сволочи, придумали.

Чувство ненависти. Ползу я дальше. Еще одна проволока, внутреннее напряжение, как будто ток идет. Начинаешь руку в песок опускать. Мины в шахматном порядке. Откапываю, песок горячий. Мушки, звон лега, самый разгар, сенокос должен быть, а я тут на поле играюсь с этой штучкой. Вот она проволочка, не глубоко они ее зарыли. Я ее перекусил и с одной стороны, и с другой, чтобы пролезть, выстриг метровый кусочек. Часть остается подо мной, этот кусок безопасен.

Ребята за мной смотрят. Птица большая какая-то села, под ней провисает проволока, она на ней качается. Сейчас она рванет все, и спугнуть ее нельзя. Это ворон, он решил пожить. Наверное, думает, что я мертвечина. Тут у меня злость появляется, мало того, что здесь мин полно...

- У ворон, иди отсюда, только тебя здесь не хватало. За своей добычей пришел?

Хочется, чтобы скорее это кончилось. Уже знаешь, вот-вот, сейчас оно наступит это "вот-вот".

- Сейчас рванет, чего тебе со мной гибнуть, - в адрес ворона.

Это подтверждение, все равно никуда ты не денешься. Что же делать? У меня хлебушка немного в телогрейке, там табак и сухарик. Кусочек белого, горбушечка, на всякий случай неприкосновенный запас, когда с голоду умирать будешь. Достаяю, движения медленные, кидаю так, чтобы птица видела, но на поле нельзя, бросил к мине той поближе, знаю, что там не взорвется. Он улетает довольно изящно. Надо отдохнуть, устал.

Ребята выглядывают из-за молодой елочки. Надо ползти дальше. Я понимаю, что назад тоже дороги нет. Только вперед. Какое-то замешательство, недоумение... там, где должно быть, там нет. Ищешь же эту проволочку. Чуть-чуть страшно, привык к этому страху. Третью дорогу прошел уже через это поле. Я выбираю маршрут дальше. Устал. Слава Богу, можно сколько нужно, столько и ползти, торопиться никуда не надо.

Хочется встать и пойти в рост, потому что смерть положено принимать стоя. Во, гады, заставляют ползти, пресмыкаться. Твоя тебя все равно найдет, хоть лежачего, хоть стоячего. Каждый миллиметр этого песка запомнишь. Любому живому существу трудно умирать, не верится. Вот сейчас ты есть, а сейчас нет. Ползешь же к ней навстречу, не назад, а вперед, ближе, ближе. Она как будто сидит и ждет. Как две траектории, которые должны пересечься. Нет, ничего нельзя сделать,

они пересекутся именно в этой точке. Поэтому-то на нее ругаться-то не хочется, она свое дело делает, она металл, а ты свое дело делаешь, чтобы после тебя еще кто-то прошел на пять-десять сантиметров дальше. Твое дело здесь. Становится страшно.

Дальше солнце - и все. Все разлетается в разные стороны как фонтан, вверх... Сначала никаких ощущений, потом напряжение в теле, куски стремятся в разные стороны... кусок тряпки болтается на шипе проволоки, и больше ничего. Тишина. Звука я не слышу, песок гасит взрывную волну.

Микола:

- Стае, я же тебе говорил. Эх, черт, подорвался.

Он как будто грубо. И злость и обида у меня. Уши горят, как от стыда, как будто меня ругают, что я подорвался. Стыдно, что подорвался. Вкус металла во рту, как медный ключ сосешь.

Слава Богу, что ребятам хоронить не надо. От меня ничего не осталось, ничего совершенно нет, в клочья, просто воронка. Я прямо на нее и вылез, какая-то она хитрая, у нее другой механизм действия. Эти такие маленькие, по сравнению с ней, она более мощная. Я животом на нее, отсюда рвануло. Ползешь по-пластунски, грудь поднята, животом... Она не на месте. Все те в системе, а эта помимо них. Чувство, как один на один выходишь, а она одна твоя.

- Дождалась, нашла-таки, достала.

Для меня-то все, а ребятам надо уходить, а Миколка чертыхается. Уходите к лесу быстрее, сейчас придут немцы, так как рвануло хорошо. Не надо бессмысленных смертей, нас и так мало.

Я проваливаюсь, я ухожу отсюда. Мне здесь делать уже нечего, от тела ничего не осталось. Помочь я им ничем не могу. Смотрю сверху: бороздка, где полз, чуть больше одной трети. Воронка. Ребятам никак не могу сообщить. Злость большая на этого ворона, это всегда нехорошая примета.

Вот теперь отдыхай, ты покой заслужил.

Посмертный опыт:

Видит, как работали минеры, - много их, речь немецкая. Катушку с проволокой тащат. Сколько же наших здесь поляжет. Знать бы раньше... Много их, поработали, а ты тут ползи, выколупливай. Сволочи, на

разной глубине закапывают. Ощущение, что я вижу, как они лежат до конца поля. Здесь их больше, а там меньше, этих больших в один ряд, и они не в рядок, а между всеми. Как будто она живая и тебя гипнотизирует.

Что же рассуждает? Не ткань же от ватника.

- Я не хотел, чтобы ты шел.

Всегда так у тех, кто остается в живых, чувство вины. Жалко Миколу, кореш. Когда ты уходишь, уже не берут в напарники другого, он идет один. А связь остается. Когда один остается, ты его сопровождаешь. Плохо ему в этот момент. Ничего, Миколка, уходите отсюда. Они вернутся в лагерь. До половины разминировано. Ночью они выйдут из окружения. Молодой лейтенант подорвется на mine, заденет за проволоку, его осколком ранит, умрет немного погодя. Здесь только я остался. Это не было бессмысленно, потому что они уйдут. Нет ничего глупее бессмысленной смерти. Он мог бы выжить, мальчишка этот, он просто от страха умер.

Я Миколке: "Запомни следующую мину". Смешно, что потусторонние силы помогают. Контакта нет, но я беспокоюсь. Вижу как под рентгеновским облучением. Мины за день под солнцем нагрелись, и их ночью можно почувствовать. Они поползут вечером, песок остынет, а тепло чувствуется от нагретых штук. Руку если держать перед собой. Не думал, что скорость остывания разная.

Микола говорит, что их проведет.

- Не плети, одного хватит.

- Какого посылал, если был уверен. Я пойду первым.

Мы не саперы, мы удачливые парни. Микола посидит за этот путь. Когда они пройдут, я уйду. Я его сопровождаю, мне другие не так интересны. В двойке работаем, его каждое движение дублирую.

- Осторожно, осторожно, молодец, там всего три ряда, одна, дурная, опять не в ряду.

Можно только след в след. А тот - нервишки - и задел. Микола ползет, а я над ним. Молодец! Вот эта близко, осторожнее с нею.

Мне уже делать нечего, это уже их проблемы, а мне отсюда пора уходить. Микола прощается, смотрит: воронка, кровь запекшаяся.

- Прощай, прости.

- Не распускай нюни.

Он смотрит на кусок, который болтается. Я стою слева за плечом.

- Эх, знал бы ты, что мы ползли вместе. Командир Демыч к нему подходит.

- Пойдем.

Стоят с непокрытыми головами.

- Даст бог, сюда вернемся, как-то отметим, что он здесь Хороший был парень.

Пытается утешить, а у того плохое чувство злости возникает. Я ему хочу сказать, что это очень плохое чувство, злость Розовощекий, всегда каламбурит, а здесь притихший. Последним уходит с этой поляны.

Там и несколько женщин было в отряде. Мне хочется сказать:

- Удачи, ребята, а я свое отвоевал.

Они по своим делам, а я по своим. Все, здесь делать больше нечего.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

Всегда боялась в лес одна ходить, в лесу чувствовала себя плохо, голова обязательно начинала болеть, очень уставала после леса.

Там, в прошлом, при встрече с дядькой ощущение, что какое счастье привалило, слезу прошибает. А всю эту жизнь стыдно было быть счастливой. Когда там с дядькой случилось, и у меня ощущение: не я ли виноват. Всю эту жизнь чувствую вину, когда говорю правду, и ощущение, что я могу кому-то навредить. Когда я сижу одна и кто-то входит неожиданно, что бы я ни делала, возникает чувство вины, и я начинаю оправдываться, и, как только я начинаю оправдываться, у меня сразу начинает болеть голова. Когда мне стыдно, я всегда краснею, всей сразу становится жарко, одновременно автоматически произношу фразу из этого случая: "Виноват, исправлюсь". В сессии ощущение, что я виноват, что их расстреляли из-за меня, а в этой жизни чувство вины я испытываю всегда, в любой ситуации.

Дубовая филанчатая дверь еле открывается. Там сумрак. Коленочки подкашиваются. Это перед приемом парторга завода. Возникло четкое ощущение, что это тот же кабинет, и тот же город, и тот же костел, что и в 14-м году там, в другой жизни. Инграмма оживает: такой же кабинет, как тогда в 14-м году перед отправкой на фронт, только там портрет царя Николая с саблей, и такие же сапоги, как на портрете Сталина, и так же упираешься в них глазами. Ничего не изменилось, только поменяли портреты. А как по этим коврам топтать? Ватные ноги. Смутно вижу, что там, за столом, они чем-то заняты. Наложение картинок

инграмм. Там офицер вставал и шел точно так же. Здесь состояние: не описаться бы от страха, занят ведь, начальство, как подойти - это огромная проблема в этой жизни, не могу ни к какому начальству идти, возникает точно

кое же состояние страха. В Византии давили, в 14-м давили, ^{Т3} могу же мне здесь больше. Парторг товарищ Самойлов, так ^Нта фамилия всегда вызывала чувство не то чтобы благоговения, но уважения.

Теперь я очень хорошо понимаю, как люди в леса уходили и даже не знали, что война кончилась.

Там... опять пытки, побои, натерпелся. Сейчас я никому не позволю себя ударить, от одной мысли об этом я зверею. Я маму выбрала, потому что она меня никогда не то что бы била, не шлепала даже, пальцем не тронула. А когда меня тетка шлепала, небожно конечно, то мне было дико обидно, все во мне закипало... не смей, не смей меня трогать! Может быггь, я тетку за то и не любила, что она меня в детстве шлепала. Я не хочу, чтобы меня кто-то бил. Я знала: если кто-то до меня дотронется, муж например, то это будет концом отношений, я уйду тут же и никогда не прощу.

В сессии ощущение, что меня прямо сейчас бьют, все тело, голова болят. При прохождении инграммы возникала полная соматика, вплоть до вкуса крови во рту, заходила в диком кашле, отекал затылок, поднималась тошнота. По мере прохождения соматика исчезает полностью. Мне этот хлебушек достался... У меня в этой жизни, особенно в детстве и в юности, после еды возникали боли в желудке и внизу живота. Всегда связывала это с тем, что резинки тугие, а здесь узнала эту боль, поняла, откуда она.

В детстве у меня были трудности в школе, когда меня спрашивали, я тупела от страха, переставала соображать, особенно если вызывали к доске, с места было проще. Случай связан и с проблемами с едой в детстве. Когда обижалась, я не ела, как чего - "Не буду есть", дулась и не ела, но страх, связанный с чувством голода, в этой жизни присутствовал. Все время возникало опасение, что люди останутся голодными, что я их не накормлю. "Как на Маланьину свадьбу", - ругали, когда я готовилась принять гостей. Всегда страх, что не хватит. Там, на хуторе, наелась черного хлеба на всю оставшуюся жизнь - в Детстве черный хлеб не выносила, в рот не брала, ела только белый. Став постарше, когда стала понимать, что он полезный, пыталась его есть, но не было случая, чтобы не поперхнулась, часто давилась. Всегда, без исключения, крошки попадали не в то горло, и я закашливалась. Когда ем, обязательно поперхнусь.

Там "никаких имен", и тут не могла называть по имени и отчеству в детстве никого.

Господи, парню двадцать три года, с девками гулять, а там такая целомудренность. Девочек не было, все мы товарищи Кошмар, голова-то как повернута. Теперь понимаю идеологический дурман как наркоз, ну такая эйфория. Это нормально замечательно, когда ты в ней, а когда выходишь... Бедные ребята, сейчас мне от этого страшно, поэтому в этой жизни я никуда не вылезая, мне никуда не хочется. Хочу нюхать цветочки, просто жить, а там сплошная идеология, когда говорят "надо" вопреки рассудку, логике. Тогда нам это нравилось, нам нравилось быть самыми умными, непобедимыми... молодые растущие. Ощущаю подъем всей страны, планы, пятилетки! Всегда удивлялась отношению к технике, уважению к чертежам. У девочки откуда? Суровость какая-то по отношению к технике. Очень нравился фильм "Весна на Заречной улице" обожала его из-за того, что там были сталевары, которые мне очень нравились, я этому верила. Восхищалась, как искры летят, очень нравится цвет красного металла.

Товарищ Сталин... Мы не спим, не едим, не любимся, а только выполняем заветы. Ой, как мы любим вождей, как бы нам только самим не отвечать. Вождь нас посылает. Родина на втором плане, на первом - товарищ Сталин. Сами создали, сами гвоздики в зубах подносили, нате, не изволите ли стегануть. Как тяжело, как стыдно, как больно мне за себя, я не пассивно участвовал, не хотел себя критиковать, я ж ради будущего стараюсь. Я хороший, я всегда хороший. Наизнанку готовы были вывернуться и выворачивались. Да, колосс на глиняных ногах, но через это все надо было идти, как же страшно. Теперь у меня чувство ответственности поднимается, дальше - больше. Шалите, опять откреститься, опять кто-то виноват, ничему не научиться, не выйдет больше. Как же проникаешься эпохой! Сегодня идет работа на уровне духа: смотри, как у тебя ноги подвешены, поднимись над этим! Сделки с совестью не проходят.

Заметки историка:

Самая спорная история, много исторических несоответствий. Система хозяйствования в имении шляхтича Витольда характерна скорее для прошлого века, как и его архаичный костюм. Такое вряд ли могло сохраниться даже в самых отдаленных уголках Западной Белоруссии в 30-х гг. нашего века, Польша все-таки была довольно развитым государством.

Война Польши с Германией началась 1 сентября 1939 г., а уже в конце месяца вся Западная Белоруссия была занята Красной армией. Немецкий оккупационный режим временно существовал только на незначительной части этой территории

„продолжался от силы несколько дней, а не с 1938 г., как в материале.

Описанные зверства немецких войск над мирным населением характерны для Белоруссии скорее в 1943, чем в 1941 г. Поначалу немецкие оккупационные власти воздерживались от жестокостей, пытались привлечь население на свою сторону. Наиболее правдоподобным эпизодом является здесь насильственный угон задержанной молодежи на работы на запад. Помимо вербовки добровольцев в "остарбайтеры" (рабочие команды из восточных народов) немцами уже в 1941 г. широко применялся и насильственный захват рабочей силы.

Достоверной представляется и сцена с вступлением в город войск, одетых в польскую форму. Дело в том, что в 1941 г. на Восточном фронте в составе вермахта действовал армейский корпус, составленный из бывших солдат и офицеров войска польского, отправившихся мстить Советам за удар, нанесенный в 1939 г. Красной армией в спину сражающейся Польши. Войска этого корпуса имели довоенное польское обмундирование, польские знамена и знаки различия. И хотя летом 1941 г. поляки сражались в основном на Киевском направлении, некоторые их части вполне могли оказаться и в Белоруссии.

Петр Игнатьевич Малинин, 30 сентября 1924 г. рождения, г. Москва, окончил школу в 1942 г., в том же году призван в армию. Младший лейтенант, первое ранение летом 1943 г. Брянский фронт, эвакогоспиталь в Дубровицах, специализированный неврологический госпиталь. Старший лейтенант, развед-рота в батальонной разведке одного из Белорусских фронтов осень 1944 г. Погиб в разведке летом 1944 г. вместе с рядовым Фоменко Андреем Степановичем, расстрелян фашистами при выполнении задания. В это время готовится большое наступление и прорыв к бывшим западным границам СССР. Имеет орден Боевого Красного Знамени и две медали, одна из них "За отвагу". Летом 1944 г. представлен ко второму ордену, который не успел получить (11 сессий).

Отец Игнатий Тимофеевич Малинин, москвич, рабочий Московского авиационного завода (30-й на Динамо).

Мать Анна Степановна Малинина, из луганских крестьян, до войны вагоновожатая трамвая, в войну рабочая на заводе мужа.

Сестра Анна, 1928-1929 г. рождения.

Отец очень устает, серьезно болен, в 40-м уже тяжело, просто чахнет, бронхиальная астма, подозрение на туберкулез. Ба-тяня, мне его так жалко. Худенький совсем стал. Он у меня щупленький, небольшого роста, в 16 лет я его перегоняю.

- Ничего, мы поднимем, выучишься, десятилетку кончишь. Куда сейчас без образования.

(Вот я вырос больше отца. Пронзительное ощущение, что отец приходит ко мне советовать. Он очень уважает нас за то, что мы достигли большего в образовании. У него семь классов, у мамы церковно-приходская. Ощущение даже горести, что родители смотрят на меня как на более умного.

- Петька далеко пойдет, будет инженером.

А я хочу, очень хочу летчиком. Пойду в военное училище. Живем очень скромно, много денег уходит на лекарства для отца.

С друзьями по бригаде:

- Что-то мы редко последнее время собираться стали.

- Гнат, куда тебе, там же выпивать надо.

- Клюет!

Мы с папаней на рыбалке на Клязьме.

- Папань, клюет.

. Ну и тащи его.

- Я упустишь боюсь.

В комнате на письменном столе горит свет. Сейчас часов 9 вечера. Отца нет, он в вечерней смене, придет в 11-12. Аня спит на своем диване, косички не расплетены. Спать хочется, сиЖУ Делаю уроки. Поздно. Мама приходит с работы. Она работает в разные смены, сегодня с вечерней.

- Опять засиделся допоздна. Чем занимался? Опять небось у Кольки радиоприемник собирали?

- Да не был я у Кольки. В школе было комсомольское собрание, принимали в комсомол. Говорили о сборе чего-нибудь в помощь испанским детям.

- Чего сегодня у нас на ужин?

Когда мама в вечернюю смену, стряпаем сами.

- Картошка отварная в кастрюле на кухне и селедочка.

- Поешь со мной?

- Нет, мы с Анютой поели.

- Ну ладно, надо ложиться спать. Весь день пробежал, за уроки только к вечеру собрался. Утром опять будешь квелый, тебя не добудиться. Давай сворачивай уроки и ложись спать.

- Мама, у меня еще математика, немецкий текст не переведен.
- Ну тогда отправляйся на кухню, не мешай сестре спать. Стол двухтумбовый светлого дерева, коленкоровый верх.

Чернильница с металлической крышкой, ручка на подставочке. Учебник немецкого языка.

- Противный немецкий, какой трудный.

- В такое время ночи что, хочешь, чтобы он был легким. Ты бы еще позже сел учить.

- Да, уже ничего в голову не идет.

Захлопываю книгу за девятый класс. Зима, за окном снежок. Беру учебник, маленькую чернильницу, портфельчик обычный, но можно его носить через плечо. Иду на кухню, там бабуля из соседней комнаты, маленькая старушка. Кухня темная, на большом окне никаких занавесок. Сажусь на табуретку У, нашего стола. Лампа у потолка без абажура, его заменяет сделанный из газеты. Спать хочется, а надо учить этот противный немецкий.

- Он тебе в жизни пригодится.

Утусь нормально. Школа мужская, одни мальчики. Одеты не в форму. Модны курточки из двух разных тканей. Летом и осенью носим короткие брюки чуть ниже колен. Зимой у меня темное пальто с черным воротником, шапка-ушанка с кожаным верхом. Портфель потрепанный, тоненький. Учебники не носим. Утром в школу бегать быстро, она рядом. Дырка в заборе, нечего обходить. Классические черные парты, темные стены над доской портрет Ушинского. На стенах портреты писателей больше ничем не украшены. Дверь у задних парт. Окна с правой стороны, странно.

Учительница немецкого языка - седенькая старушка. Очень хорошее произношение, знает не только немецкий. Ставит язык с хорошим произношением. Матильда Генриховна, видимо, из немцев.

Сажу в среднем ряду, за второй партой, слева.

- Немецкий язык надо знать. Это наш потенциальный враг, война ожидается. Война предстоит. Немецкий язык может пригодиться, его надо знать и учить хорошо.

Класс небольшой, человек 26. Много увлечений: "Ворошиловский стрелок", интерес к моторам и парашютам. Мечтаем быть авиаторами, у многих родители работают на авиационном заводе.

- Советская авиация... развитие советской авиации... спортивные достижения. Радио, ламповые радиоприемники.

У меня два друга - Колька Скворцов, сидим на одной парте, занимаемся с ним радиоприемниками, и рыжий Семен, очень умный, начитанный, стихи пописывает. Мы интересуемся поэзией. Испания для нас звучит. Испанские дети учатся в нашей школе. Интернациональный долг... Долорес Ибаррури. Наши летчики были в Испании, у Мишки отец там был. Летчики в чести. У меня вырезанный из газеты портрет Чкалова наклеен в сундуке поверх других идеалов. Метро в Москве. Метростроевцы тоже герои. Гордимся метро, мрамор сплошной, красота, подземные дворцы. Пятилетка досрочно. Мы выпускаем стенгазету. Спортивного зала в школе нет, актовый на четвертом этаже. Окна в школе голые, занавесок и цветов нет. Аскетическая школа. Но большинство учителей - женщины.

Демонстрации Первомайская и Октябрьская, ходили с отцом, с его цехом. Красная площадь. Ура! Наши авиаторы. Москва встречает героев! Трудовые свершения!

Сейчас лето, я закончил девятый класс. Школа закончилась, Анюта ходит в недельный городской лагерь. Наша мужская школа видна из окна за зеленым крашеным забором. Два года как отстроено ее красного кирпича четырехэтажное здание. Я на нее смотрю сверху с нашего пятого этажа. Во дворе школы большой пустырь, на котором мы с ребятами часто гоняем в футбол.

Вижу сценку: прохожу по школьному двору, ребята меня окликают.

- Петька, тащи мяч, в футбол сыграем. Мяч по тем временам редкость.

- Петька, ты куда собрался? Возьми меня с собой. Это соседский мальчишка лет 12.

- Отстань, там большие играют. Тебя не возьмут, команда уже собралась. Мелочь пузатая нам не нужна.

Он обиделся. Я с ним в квартире играю, а здесь ребята позвали.

- Да ладно, Леня, не обижайся, в следующий раз поиграем. Тебе делать что ли нечего. Дядя Вася-то дома?

- Да не, он сегодня в дневную смену. Мяч надуваю. Пробую, хорошо надут.

- Ага, понятно. Ну привет, я пошел.

Разговор в общем коридоре. У соседа есть велосипед, он висит здесь же, в коридоре. Мне разрешают его брать. Лампочка тусклая. Бегу по лесенке, походя играю на площадках. Я шупленький мальчишка 16 лет, в футболке, фуражка козырьком назад, курточка. Площадка в школьном дворе сбита до пыли.

Наш дом большой, пятиэтажный, двухподъездный, светлой штукатурки, на небольшой

малопроезжей улочке в районе Тверских-Ямских. Широкая лестница в парадном с крупными виражами, большой пролет в центре. Окна на школу, на этаже по три квартиры. Двери часто не закрываются. Бедные почтальоны на все этажи поднимаются: ящик у каждого свой на двери. Хороший зеленый двор с цветником и лавочками, обнесен высоким сплошным зеленым забором, общим со школой. Забор сплошной, но у нас, мальчишек, есть в нем свои лазейки с отодвигающимися досками. Не обходить же по улице со двора в школу, когда она так близко напрямик.

Мы живем в одной большой комнате в коммунальной квартире. Высокие потолки. Большое окно, узкая тюлевая занавеска только на верхнюю треть окна, гардин нет. В квартире большой длинный коридор. Сразу у двери комната бабы Мару-си. Потом наша. Дальше по коридору семья Степановых с тремя Детьми. Наши окна выходят во двор на школу, у них - в ^Рец дома. Общая небольшая кухня, у каждого свой стол, над ним полки с посудой. Простая раковина, синие крашенные сте-

ны, керосинки и керогаз на столах. Стою периодически за керосином в очереди. Отец как-то заявил:

- Будешь работать на нашем заводе. Пойдешь учеником слесаря.

Берут на завод с 16. С отцом договорились, что пойду работать. В семье споры: пойду работать или в десятый класс.

- Пора работать. Мама отстаивает:

- Ребенку надо учиться дальше, Игнат. Родители решили, что пойду в десятый.

А я хочу быть летчиком, как Водопьянов, хочу в военное училище. Полеты к Северному полюсу, полеты в Арктике, перелет в Америку Чкалова, Байдукова, Белякова.

Ощущение здорового, активного детства, будущее большое, светлое, могу осуществить все мечты. Такой ребенок счастливый! Счастливое детство 30-х годов! Я не знаю ничего о плохом. Отличные учителя, к ним уважение, нами они занимаются. Есть районный Дом пионеров. Спорт, зимой лыжи. На лыжах ходим в Петровском парке. Бегаем на футбол на "Динамо", это рядом.

- Нет лишнего билетика?

Такой праздник, футбол! Наши, "Динамо" - внутренний подъем, радость, гордость за команду. Когда было 12-14 лет, ходил с батяней.

Скульптуры стоят у фонтана, пионеры честь отдают. Мне нравится такая эстетика, везде скульптуры. Летом ездил в пионерский лагерь "Красные зори" авиационного завода, в Звенигороде как будто.

Отцовский засекреченный 30-й авиационный завод на Динамо. Живем недалеко от отцовской работы, в районе Белорусского вокзала, где улицы Лесная, Тверские-Ямские.

Дома книг не видно, берем в библиотеке. Люблю читать - "Чингачгук" Ф.Купера, Д.Лондона, Эдгара По, Конан-Дойля, в основном приключенческие романы. Марки интересуют. Ребята собирают марки - первые с нашими героями - наши летчики, наши самолеты, гордимся. Летческий шлем - балдеем. Это высший шик, кто носит. Отец у Мишки сражался в Испании, герой. Большое уважение к военным, к летчикам у народа, а у мальчишек бешеное отношение. Мечтаем быть летчиками. Первое кино, "Трактористы" - фильм любимый. "Если завтра война, если завтра в поход...". Песни патриотические... "И сам товарищ Сталин в бой нас поведет...". Хотели в Испанию, не

спели... Мы не успели сражаться за высшую справедливость. Братство, интернациональные бригады. КИМ - Коммунистический Интернационал Молодежи. Значок красной звездочки, на нем эти три буквы, приняли в 14 лет, до этого был пионером. Красные галстуки у нас были не шелковые, а простой материи и более темные. Горжусь значком ГТО. Нормы ГТО сдаем, бросаем фанаты.

Вижу себя на заводе с напильником. Огромный цех, самолет посередине цельнометаллический, не У-2, а с одинарным крылом.

Воскресное утро. День не очень солнечный. Я встаю. На циферблате будильника без пяти семь. Родители встали, Аня еще спит. Батя в синей майке сидит на железной кровати в углу, трудно встает, раскачивается. На мне такая же синяя майка. Койка такая узкая.

- Ты чего так рано, сегодня же воскресенье. Поспал бы еще.

- Да уже не хочу, я выспался.

Выхожу в коридор. В домашних брюках, в майке, без рубашки. Разминаюсь, мышцы качаю. Времена спортивных достижений. Коридор широкий, но заставлен. Вечная темень, свет с кухни.

Мать, Анна Степановна, полноватая спокойная женщина в фартуке. Она кондуктор в трамвае. У нее связь с ее деревенским луганским детством, приехала в Москву по трудовому набору. Отец, Игнатий Тимофеевич Малинин, и с его стороны дед, москвич, рабочая косточка - потомственные рабочие. Завод Михельсона - революционное прошлое деда. Гордимся.

Около их кровати разворачивается ширма. Сестра Аня спит на диване с крупными валиками по бокам в другом углу. Полочка со слониками. Шкаф, сундук накрыт домотканой тряпичей. Пол паркетный, у родительской кровати домотканый половичок. Моя кровать застлана серым одеялом. Стол письменный, за

которым делаем уроки с сестренкой по очереди. Сестричка их часто делает за обеденным столом. Дверь крашеная, зеленая. У двери на стене вешалка завешена тряпкой. Продукты в буфете, зимой за окном. Запасов нет, и мне часто приходится бегать в магазин. Посередине комнаты круглый стол.

Мама собирает завтрак. На завтрак вчерашние щи. Кушать хочется. Мы когда голодные (холодильника тогда не было, за-

лезть некуда, нечем полакомиться), хлебушка с чесноком сделаешь.

За завтраком сижу в клетчатой рубашке. За столом принято что-то надевать. Она расстегнута, тепло. Хлебница - фаянсовая плетенка, хлеб большими кусками. Мама стоит с кастрюлей Половник простой, алюминиевый.

- Суп надо доедать. Я щи люблю.

- Хлеб кончается, надо бы сходить. Петя, сходил бы ты в магазин за хлебом, булочная скоро откроется (булочная с восьми, сейчас восьмой час). Ты почему не следишь за хлебом, это твоя обязанность. Надо бы и керосина. Мама называет меня еще и Петрушей. Я к ней обращаюсь "мать, маманя".

Отец очень болезненный, много молчит, мало уделяет нам внимания, с ним меньше контакта, чем с матерью.

- У нас дела с Колей, я обещал зайти.

- Вот после булочной и зайдешь. Что у вас за неотложные такие дела.

- Да Колька приемник детекторный собирает, я хотел ему помочь.

- А что ты в этом понимаешь?

- По физике-то проходили, а у него инструкции есть, и в "Технике молодежи" писали. Интересно же. Приемник сами соберем, радио будем слушать дома. Сначала ему, потом мне, ведь здорово, мать.

- Ну это потом, отправляйся. Деньги возьми в буфете, рублей пять. Зайдешь еще заодно и в гастроном.

- Ну вот, говорила только за хлебом.

- Ну чего тебе стоит, одна нога здесь, другая там. Зайдешь в гастроном, бутылочку молока и сливочного масла граммов сто.

Семья живет скудно: картошка, макароны, кусок мяса только в супе. Борщ, щи, яиц не вижу. Покупаем на короткое время, впрок не берем. Меня гоняют за продуктами часто. Сопrotивляюсь, по магазинам ходить удовольствия мало, хотя, конечно, понимаю: отец зарабатывает из последних сил, мать бьется, кому бежать как не мне. Анята подросла, тоже помогает.

- Не люблю эти магазины, не мужское это дело.

Своих денег у меня нет, в голову даже не приходит, в мыслях нет, почтительное отношение к деньгам и экономии. Нам приходится экономить во всем, так говорит мама.

- Экономно жить, только на питание. Аняте придется старое пальто поносить, хоть она из него и выросла. До осени не справим. Чтобы ты десятый класс кончил, ничего, поднату-

мся. Ну поскромнее жить будем, и ты не будешь в футбол й тинки сбивать. Новых купить не сможем, эти тебе еще носить и носить.

Ботинки-бульдоги черные, битые. Ничего, замажу гуталином. Да в магазинах и нечего приглядывать. Вот Кольке отец лает на детали. Отец у них инженер. Люблю бывать у них, они живут лучше нас, в отдельной двухкомнатной квартире. Мать дома, букли, красивый халат, жеманная в разговорах.

- Ну что, Петенька, проходите, Коля у себя в комнате.

В гостиную у них ведут большие стеклянные двери. У Коли своя комната, там собираем детекторный приемник. Коле хорошо, всегда отца можно спросить, да и детали может купить. Подают к чаю такое, какого у нас никогда не бывает, - колбаса, сыр. Пирожные у них пробовал. У них тюлевые занавески, у нас только полосочка. Мама его всегда дома, она ухоженная. Есть прислуга. Ноготки покрашены. У моей мамы такого не бывает, это меня удивляет.

- Коленька, к тебе Петя зашел.

Меня всегда его мама встречает в прихожей. Кольке выходить не надо, матушка вокруг него вьется. С уважением относится к нашим занятиям. Дружба наша поощряется. Отец у него мировой.

- На футбол мы сегодня собирались, тыпустишь?

- Откуда ты возьмешь деньги на футбол?

- Мы с Колькой накопили.

- С чего это вы накопили?

- Колькиной матери помогали, она нам дает деньги на футбол.

- А тебе не стыдно?

- Я же заработал, такой уговор был. Все по-честному.

- Анята, не горбись, не клуй носом в тарелку.

Радио у нас нет. Сестричка - пятиклассница, примерная, сидит, сложив аккуратно ручки.

Мама соглашается, чтобы пошли, говорит, чтобы взял Деньги на продукты. Резной, красивый буфет. Под газеткой Деньги.

Я с неохотой беру деньги, складываю в четвертинку, засовываю в нагрудный карман, нахожу сетку в ящике буфета, засовываю в карман брюк.

- Мать, я мигом слетаю.

Выбегаю, пересекаю улицу, здесь есть дворики частных де-Ревянных домов.

В коротких, чуть ниже колен, в тонкую полоску штанах под коленом застешки. Майка с 11-м номером на спине, сверху короткая курточка нараспашку. Верхняя одежда в коридоре на вешалке. Взял серую кепку в мелкую крапинку. Заходим в комнату в обуви, мама не ругается. Мама по чистоте не сокрушается.

Рядом магазин, но я там покупать не люблю, много народа Магазины еще закрыты. На улице пустынно, еще рано, воскресенье. Трамвайные пути, ни машин, ни трамваев не видно, вдали появился грузовичок. Выхожу на угол к улице Горького, там, где после войны будет большой дом с магазином "Пионер", сейчас небольшой трехэтажный дом, в нем булочная. Булочная еще не открыта. Я дергаюсь, что пришел рано, спрашиваю у молодого мужчины, сколько сейчас времени.

- Восьми еще нет.

Подождала бабушка с кошелкой, парнишка, очередь выстраивается. Запускают. Хочется первым в кассе оказаться. В кассе первый, но кассирши еще нет. Кассирша в синем халате.

- Ну что тебе?

- Черный и сайку.

Белый хлеб как пирожное для нас, можем позволить лишь по воскресеньям. Хлеб взвешивают, режут большими ножами. Бросаю просто в сетку. Еще надо бутылку молока и сто граммов масла. Молоко разливное из бидонов, ташу с собой пивную бутылку.

- Пол-литра молока.

Бутылка зеленая, закрываю пробкой, свернутой из газеты. Масло растаявшее поплыло, она его на бумажку размазывает, так оно на бумаге и останется. В магазине высокие витринные окна. На полу бидон молока.

Я весь в себе, выхожу, настораживает, что люди как-то странно стоят под репродуктором. Я сначала как-то не врубился. Голос громкий из репродуктора:

- Война. Сегодня в четыре часа без объявления войны гитлеровская Германия напала на нашу Советскую Родину.

Я в ступоре совершенно, не могу понять, как это. Совершенно неожиданно. Как обухом по голове.

Люди стоят в растерянности, не слышно разговоров. У всех жуткий вид, женщина плачет.

- Не может этого быть. Никто не ожидал.

- Как же не ожидал, когда все это ожидалось. Многие понимали неизбежность войны.

- Не говорите за всех, если не знаете.

Звучит песня из фильма "Трактористы" о танкистах "Если завтра война, если завтра в поход...".

- Нас предупреждали.

Разговор затихает, мужчины спорят между собой. Женщины:

- Война, какой ужас, война! Что же будет?

Я просто не могу двинуться с места. Я с авоськой, в которой незавернутая буханка черного хлеба, саечка за семь копеек, сверток масла, спички.

Какое это жуткое слово. Сдвинуться не могу с места, стою под репродуктором. Все обрывается, все планы рушатся. Все рухнуло в один день, все надежды, все мечты. Какое горе, какой ужас! Ну так хорошо жили, ну так светло. Вчерашний день был такой счастливый. А жизнь совсем счастливая! Все перевернула сразу война. Ну с чего вдруг такое? Ну зачем она пришла на нашу землю? Какая весна предвоенная чудная, какие праздники Первомайские, все цвело. Мы были такие счастливые! Одно слово - и все под откос. Как страшно, война.

- Какой ужас, детоньки. Господи, что же это делается, - старушка крестится.

Другие возгласы:

- Будь ты трижды проклята!

- Войска стоят крепко на страже своих рубежей, враг не пройдет. Сегодня на рассвете, перейдя Буг... коварный враг напал на нашу землю... германский фашизм...

Стою у репродуктора, стою как вкопанный. Солнца не видно, еще прохладно. Ничего не вижу вокруг.

- Какое горе. Какой ужас, какой кошмар, война началась.

Вить хочется, сразу такая тяжесть навалилась. Я все перепутал, не туда иду, каша какая-то в голове.

Я ничего не понимаю, этого просто не может быть. Понуро возвращаюсь домой. Сразу такой контраст. Родители еще ничего не знают, как им сказать. Уже ничего не поделаешь, началось. Тяжело поднимаюсь. Представляю, как маме тяжело подниматься, она же грузная женщина. Надо было маме чаще помогать - обостряются чувства, надо самому предлагать, чтобы она не просила. Вхожу.

- Петя, ты слышал, что началась война? Что же теперь будет?

Мама взволнованная, папа в костюме:

- Я иду на завод.

- Когда ты вернешься?

- Аннушка, ты же понимаешь, я этого не могу сказать, я не знаю, какие будут распоряжения...

Наверное, введут военное положение...

- Отца не заберут, он на военном заводе, а тебе еще ..нету

- Я не маленький, мы уже взрослые, мы тоже хотим участвовать.

У мамы смена после обеда, но она тоже заспешила, собирается.

- Петя, ты остаешься за старшего, пригляди за сестрой. Обедайте сами. Щи я приготовила, свари еще каши.

- Мама, я схожу к Кольке.

- Конечно, сходи. Но вы сегодня уже, наверное, никуда не пойдете больше.

- Нет, мы будем с ребятами во дворе.

Мать набросила пиджак темно-синий (похоже, что форменный), цветастый платок, в руках коленкоровая потертая сумка. Анюта собирается остаться дома. У нее глазенки испуганные.

- Что и как теперь?

Коля живет в нашем доме, во втором подъезде, на третьем этаже, квартира как наша расположена. У него папа тоже собирается идти.

- Ну что, молодые люди, чем теперь вам придется заниматься. До школы еще далеко. Могли бы эти два месяца поработать. Я могу помочь устроиться. К нам на завод нельзя, долгое оформление. Вы бы могли поработать в слесарной мастерской у Тимофеича. Мастерская металлоремонта, ключи изготавливают.

Не понятно, что там делать.

- До первого сентября еще много времени, нечего вам без дела болтаться.

- Пап, ну ты же знаешь, что мы не бездельничаем, мы сейчас приемник соображаем.

- Но это все на уровне баловства, пора за ум браться.

- Ну что же, мы не серьезные люди, хочешь сказать.

- Времена меняются.

Отец ушел. Мы сначала даже не знаем, что говорить, оба ошарашены. Коля в ажиотаже.

- Надо идти в военкомат.

- Что ты не понимаешь, что они скажут: "Рано". Призыв с 18. Тебе 16, а мне только в сентябре будет

17.

- Скажем, что уже 17.

- Все равно не поверят, потребуют документы, свидетельство о рождении. Оно проверяется, в загсе можно проверить.

. Можно потерять, цифру можно исправить, можно подчистить.

Коля вынимает свое свидетельство, смотрим, чего тут можно сделать. Притащил ацетон.

- Можно подтереть. Можно аккуратненько бритвочкой.

- Все зря, мы же с тобой живем в городе, в котором родились, и это смогут всегда проверить. И еще накажут за обман. С сегодняшнего дня, сам понимаешь, военное время. С этим будет еще строже.

- Надо что-то решать.

Мысли мечутся в подсчетах, никуда не попадаешь с этим возрастом, какого-то годика не хватает.

- В военное училище берут с десятилеткой, а нам еще целый год учиться.

- Еще целый год учиться, как обидно. На будущий год будет поздно, война уже кончится без нас.

Мы с мальчишками сидим на лестничной площадке, бурлим. Новости - кто что слышал.

- Надо защищать Родину. Испания без нас, и тут быстро закончат. Опять не успеем, не призовут.

- Пойдем на призывной пункт, добьемся. Они не могут нам отказать, они не смеют нас не взять.

Прибывают в военкоматы люди уже в тот же день. Мне 16, 17 - 30 сентября только будет, на войну не возьмут. Отца не возьмут, военный завод. Не знаю, что с нами будет.

Зима 41 г. Учимся. В школе холодно, не топят. Мы в пальто. Часть завода отца эвакуирована, часть осталась для ремонта самолетов. Отцу предлагали эвакуироваться, но он отказался.

- Не верю, что до Москвы дойдет. Не верю, что Москву сдадим.

Вижу ежи недалеко от нас, заграждения. Танки идут по улице Горького. Город почти вымерший,

тревожный, народа мало. Ночью затемнение. В школе нас кормят - баланда, черный ноздристый хлеб. Мы и работаем, организована работа старшекласников.

Наши войска оказывают мощное сопротивление. Враг на подступах к Москве. Волоколамское направление.

Дома в верхней одежде, холодно. Буржуйку организовали. Стол сдвинут, труба в форточку. Топит кто чем может, заборы разобрали. Отец на военном положении, днюет и ночует на заводе.

Кончил школу, был оставлен на отцовском заводе. Долго добивался отправки на фронт, обивал пороги военкомата. Вернулись из эвакуации, есть кому работать.

Сначала учебное подразделение. Хотел летчиком, но долго учиться. Надо скорее на фронт, поэтому в пехоту.

Весной выпустился из скороспелого училища. Сейчас лето 1943 г.

- Младший лейтенант прибыл...

Форма свежая, на груди нет ничего. Побрит наголо. Португеза скрипит, сапоги тоже. У меня кирзачки. У старших офицеров яловые. 43-й год, обмундирование хорошее. Пояс широкий, с пряжкой. Китель с накладными карманами. На воротничке один кубик. Вещмешок, скатка шинели пока не нужна, тепло, хорошо класть под голову, как подушку. Брезентовая плащ-накидка, есть смена белья (белая рубашка, кальсоны, трусов не было), помазок, опасная бритва.

Вижу себя перед зеркалом, усердно скребу, хотя скрести и нечего, я светленький. Пытался отрастить усы. Смотрюсь в маленькое кругленькое зеркальце, заворачиваю в газетку, чтобы не болталось по мешку. В связке три-четыре письма из дома с марками, у нас-то треугольнички. Две банки тушенки, бумажная упаковка галет, тут же индивидуальный пакет, марля, бинты. Новенький скрипучий планшет на левом боку таскаю, в нем карандаши, бумага, документов же еще не водилось. Приходится отбрехиваться - докладываться. Есть документы отчетности: состав, отчет о выбывших, сколько единиц питания, о здоровье. Обычные фразы: "Рота в таком-то количестве находится на такой-то дислокации. Больных и раненых нет". В последнем отчете у меня 12 человек. Указывал, что необходимо подкрепление. Писанины достаточно. Иногда пишу чернилами, обычным пером, чаще карандашом. В нормальных условиях писанина обеспечена. На правом боку в кобуре небольшой плоский ТТ. Здесь уже этакий петушок, на фронте уже пообтерся. Полотенце типа рушника, мамой еще данное. К газетке мыло прилипло, мочалка.

- В баньку захотелось.

Когда отводят с передовой, ходим в баньку.

Первое ранение 3 августа 1943 г.

Давно сидим, окопались. Я взводный. Комдив пригласил

на обед:

- Зайди ко мне, делишки обсудим. Не смущайся, заходи по-соседски. Давай тащи, кружечку опрокинем.

Захожу, низко косяк, наклонился. Я парень развернутый, хорошего роста. Очень только белобрысый, простая русская мордашка, розовые щечки пухленькие еще. Увалень, тугодум, потом стану шустреньким. Вошел, фураньку повесил на гвоздь слева. Потолок скатом, выше, в сторону противника, щель смотровая, бинокль висит у этой стены. Стол посередине у средней балки. Помещение просторное, из бревен, метров 16, у меня ниже и поменьше. Полати вдоль стен. У него даже есть одеяло шерстяное. Здесь ведь командный пункт. На гвозде висит португеза. Комдив Чепурной... Борисович (Александрович?). Он бритый, здоровый, шрам над левым виском, нос картошкой, пухлые губы, темноволосый, лет за 50, немножко обрюзгший.

- Товарищ полковник.

На нем гимнастерка болтается, широкая, без ремня. Сапоги (смотрю на них с завистью) мягкие. Про себя: "Хорошо бы сапожки офицерские". Что тут еще из быта? Часы - большой будильник. Планшеты с картами закрыты. Карты видеть не положено. С младшими по званию это не обсуждается. Когда обучался, нас учили тактике ведения боя в наступлении и в обороне в разных родах войск, старались заложить много. Уставы, книжку уставов дают в коленкоровом переплете, русско-немецкий разговорник. Я в школе учил немецкий. Цветные карандаши "Тактика" рядом с картами, нормальная писчая бумага (удивляюсь). Около стола лавки с двух сторон. Переступил одну, сажусь. Стоит котелок с кашей, большой, с ручкой, как кастрюля. Принес ординарец. Щи в индивидуальном котелке, плоском. Ординарец рядом режет хлеб, на грудь положив. Накрыл и вышел. В углу еще сидит низко на рации молодой парнишка.

Разговор довольно сдержанный. Спросил, как приняли ребята, не допекают ли.

- Ты с ними построже. Только дай слабинку. В панибратство не входи, это не той стороной оборачивается. А так что чего - заходи. Родные-то живы?

- Да, в Москве. Сестренка есть.

- Богатенький, да еще москвич. Должно, парень образованный, семилетку кончил.

- Нет, десятилетку в 41-м.

⁰-Зак.22Ю.

Поговорили, познакомились. **Он меня** пригласил неофициально первый раз. Заходил вестовой, обращался к радисту.

- Иди отдохни, пока я здесь, - это радисту.

- Заходи, Петрович, мы тут с Малининым обедаем. Оприходуешь с нами стопочку? Кружка есть?

Давай кружку.

Булькает во фляжке. Меня это мало соблазняет, но чтобы не назвали щенком... Разлил. Кружка у меня самая новенькая. Плоский котелок, алюминиевая ложка, но есть и деревянная.

- Что на обед? Он с присказкой:

- Щи да каша - радость наша.

Разлили в тарелки, у него есть из чего угощать.

Щи густые, удивляюсь, что теплые. Ординарец, видимо, тащил в телогрейке. Комдив - есть кому быть на посылках. Мои ребята не любят быть рядом с начальством. Их тогда используют, могут туда-сюда отсылать.

Каша хорошая, разваристая, без масла, правда. Что-то вроде котлеты.

- Возьми, лучок припас.

- У вас какие новости? Чего новенького?

- Вторую неделю без перемен, стоим, окопались.

- Ты как, полностью укомплектован?

- Да откуда же, одной трети не хватает. Обещали отвести на некоторое время на пополнение.

- День-два, приказ придет. А мы только заступили. У вас тут простор, а мы, как брянские волки, в лесочке. Дороги хорошие, хоть боеприпасы подвезут. Вторую неделю обещают усилить боевые расчеты. Мы поистрепались. Опять придет молодежь необстрелянная, уж их. В нашем деле сноровка нужна.

Петрович - артиллерист, его пушки на пригорке севернее нас, на мысу высоты, а мы ниже.

- Не хочется об этом говорить. Не идет.

Разговор о том, что меняют форму, вводятся знаки различия.

- Разведка доносила, готовится удар не на нашем направлении. (Крутится... С хода взяли город Брянск.) Глядишь, на несколько дней передышка затянется, а там опять. Вы-то покатали, а мы все пехом да на пузе. Уж сколько прошли, в каких переделках ни перебивали.

- Да что тут говорить, всем достается. Нам мало на себе тащить приходится? Лошадям достается. Живая сила, перебили. Хорошо сейчас на тягачах. Этой-то осенью с ними легче будет, не то что наши лошаденки несытые.

Развеселились.

- Спел бы что ли.

- А чего, разве праздник какой? Чего ребята подумают.

- Ну чего, затишье, гуляем. Немец далеко. На хвост наступили. Чего-то скучно, ребята. Уж лучше делом заниматься, чем так сидеть.

- Нашел тоже дело. Руки по настоящим делам чешутся. То ли дело до войны. Я на Путиловском слесарил.

- Ты чего, питерский?

- Да, рабочая косточка. К технике с малолетства приставлен, почему и в артиллерии. Нам без технической жилки нельзя. Не всякого обучишь. Тут и талант требуется, и интуиция.

Хотел сказать, что я тоже токарь, но в разговор старших не вмешиваюсь.

- Скажешь тоже, интуиция, - математический расчет.

- Ну да другой раз и не знаешь, чего срабатывает больше. Ну я пойду к своим, чего-то засиделся.

Почты чего-то давно не было.

- Чего, письма ждешь?

- А кто не ждет.

- От жены?

- И от нее тоже. У меня мать в деревне болеет. Пишут, урожай собирать некому, мужиков нет, одни бабоньки. Достается им, бедным. А мужиков коса косит. Будь она проклята, распроклятая.

- Ну чего, я тоже пойду.

- Ну а ты чего, Петро, посидел бы еще, тебе рядом. Твои молодцы небось не соскучились по тебе.

Давно не видели что ли.

- Да нет, пойду проветрюсь, чего-то развезло малость.

- Да брось ты, со ста грамм улечек, так только для аппетита и выпили. Ты еще слабак по этой части.

Ничего, война ко всему приучит, с наше повоюешь. Не смущайся. Все когда-то начинали.

Телефон, он снял трубку. Я кручу самокрутку, чтобы себя занять.

- Понятно, будет сделано.

Нельзя обращаться ни по имени, ни по званию, только пароль. Звучит "Сосенка". Прислушиваюсь, с кем разговаривает, не понятно, не из чего сделать вывод. У меня связи нет, хотел вывести что-то новенькое. Сердечко замирает, что будет со мной, как первый бой. Так ничего и не выведет. Пока тут тихо, где немцы, не понятно. Вроде за полем у леса. Сидят тихо. На этом плацдарме ничего пока не готовится. В каком-то ожидании.

- А ты чего махру-то куришь, не получил что ли?

- Да нет, все кончились, ребята расстреляли.

- Чего даешь, дешевый авторитет заработать хочешь? Ну бывай. Дверь не закрывай, тут чего-то душно стало.

Думаю, да, душно, он раскраснелся, да и мне на воздух хочется. Он сидит красноморденький, сытенький, боевой. Я на них посматриваю с завистью. Мне похвастать пока нечем. Курсы подготовки младшего состава. Толком боев-то и не было. Недавно после выпуска. Состав опытный. Меня прислали к ним вместо убитого. Назначают старшим, а ребята поопытней меня, поучить могут.

Дверь досчатая, грубо сколоченная, на кусках кожи, за мной захлопнулась. Мне стыдно перед ребятами: они сидят, а я в гости хожу к старшим по званию, но отказать нельзя, когда старший по званию приглашает. Справа пистолет бьет по правому боку, полевая сумка по левому, но еще "люминевую" кружку приладил на пояс. Выхожу из блиндажа, этаким молодой петушок. Приятственно. Фуражка задела за притолоку, придержал ее рукой, снял, жарко. Теплый августовский день. Глотнул воздуха, расправил плечики.

- Чего пить...

Недоволен собой, жарко, да чего еще ребята скажут. Всегда важно, а чего ребята скажут. Иду по щели, они тут недалеко совсем. Ход извивается. Штабной блиндаж, а мы ближайшая к нему рота. За нами связисты, потом у леска артиллеристы. До своих дошел, они обедали. Сидят, балагурят. В мой адрес ничего не сказали. Стараюсь идти молодцевато. Хотел прошмыгнуть, мой блиндаж дальше. Посторонились, продолжают разговаривать.

- Сидите, сидите.

Кто-то рыпнулся встать по армейской привычке.

- Сидите, обедайте.

Слышу звуки моторов, прислушиваюсь, как они тяжело урчат. Это бомбардировщики, звук знакомый. Приближаются, один спустился ближе к нам. Их тройка.

- "Мессеры" летят. Точность, по ним можно часы проверять.

- Сейчас будут бомбить, никуда от этого не скроешься.

- Каждый день прилетают эти стервятники. Наши вскакивают, начинается суета.

- Авиация. Боевой расчет!.. Залпом пли!..

Пуляют по ним. Винтовки старые, со штыком. Ничего больше нет против самолетиков-то. Свистит отвратительно.

Вижу взрывы - сначала далеко справа на открытом поле северо-западнее, там нет наших, следующий ближе, а третий уже с перелетом за спиной справа. Наклонился, присел. Ребята стреляют. Мне-то что стрелять, не из пистолета же, они-то из винтовок. У меня каска в блиндаже осталась, нестреляный воробей. Схватился за голову, присел. Вообще-то положено быть в каске в таких случаях, а я в фураньке. Звук фугаски, поднимается земля. Сползаю по краешку на доньшко.

- Ой, срезала.

Тут чувствую... Что же я тут чувствую? Да уже ничего не чувствую.

Рассматриваю сверху. Лежит на дне окопа безусый лейтенантик лет двадцати (30 сентября 19 должно исполниться), белобрысенький, безусый. Детская мордашка еще пухленькая.

Двое солдатиков высказываются:

- Нашего лейтенанта накрыло.

- Чего ж он без каски? Я про себя:

- Был бы еще трезвый.

Без выпивки на войне невозможно, но выпьешь - контроль снижается. Пьяному и море по колено. Дозы еще не привычны. Щенок. Училище, опыт есть, но небольшой, а тут старший по званию предложил. Отказаться стыдно, подумают, что... Хочется казаться этаким бравым парнем.

- Посмотри, живой.

- Живой, без сознания. Ранен в голову и, видно, контужен. Достань его инпакет. Надо перевязать.

- Подержи, перевяжем.

У меня сумка на боку, индивидуальный пакет, бинты, вата. Вижу со стороны: бинтуют неумело, проложили ватой, так как кровь сочится. Ранение по касательной осколком, контузия от взрывной волны.

- Поверхностно. Зови санитаров с носилками, надо срочно эвакуировать. Контузия.

- Только из блиндажа вышел, а тут накрыло.

Оглушенный, вялость, стону. Ничего не вижу. Голова болит, тошнит, а санитаров все нет, а я все валяюсь. Что-то подстелили. Санитары, два бугая, с трудом пробираются по узкому ходу.

*

На носилках. Вижу со стороны: сапоги, галифе, гимнастерка, повязка на голове промокла. Носилки очень удобные, мяг-^{ТМ^е}- Я никогда не задумывался, что носилки такие удобные, ° можно пролазить по всем местам. Раскачиваюсь на носилках. Они рысцой, трусцой.

- Не будет ли сейчас второго налета?

- Не бойсь, они должны загрузиться. Они тут все, что могли, покидали.

Матерится...

- ...тудить его в качели.

Наслушался... Но сейчас я тут ничего не слышу. Куда-то они меня тащат, раскачиваюсь в "качелях". Все тащат, тащат Тошнит, болит. Кладут на край бруствера. Открытое место. К лесу, к лесу, дотащили до палатки оказания первой помощи положили на травке. Притащили к машине санитары, а тут девочки-санитарки. Готовят к отправке, есть раненые после бомбежки.

Везут на открытом грузовике в кузове. Трясет здорово, голова болтается, шинель моя под головой, вещмешок рядом. Неудобно голове на скатке. Один сидит, рука на перевязи. Все, кто лежит,дохлые, как и я. Мы все рядком. Сопровождающая сестричка Ольга сидит в углу и держится за два борта, они скрипят, грузовичок потрепанный. Посматривает на нас, толком не знает, что делать. Рядом голос:

- Пить, пить.

- Подожди, милок, скоро приедем. Терпи, терпи.

Вижу сверху и тело свое, и машину. Соломки на дне жидковато. Дорожки фронтовые дай Бог, все кочки наши. Подъехали к небольшой речушке, песчаный берег. Через брод машину шатает, бросает. Переехали. По камням сильно трясет. Противоположный берег местами повыше, корни березки обнажились при последней наводке. Въезжаем на горку, за рекой желтое поле ржи. Урожай созревает. Едем по его краю до виднеющегося за полем низкорослого лиственного перелесочка. А там небольшая русская деревенька, через которую проходит проселочная дорога. Домов немного - хатки маленькие, с пали-садничками, окна с наличниками. Медицинский пункт на дальнем краю села. Под него занят один дом, и рядом развернуты палатки. Село Дубровицы... Дубровка...

Вижу как карту сверху: Брянщина в переходе в Белоруссию - юго-западнее Москвы, севернее Смоленщина, западнее Белоруссия.

Тут есть врачи, хирурги, идет сортировка, оказывается первая врачебная помощь. Сгрузили, есть кому. Я не в своем теле. Вижу со стороны. Когда возвращаюсь в тело, то больно. Боль усиливается, тошнит. Вне тела боль исчезает. Глаза закрыты. Уже вылететь не получается. Лежу на травке. Раненых много,

яо меня еще очередь не дошла. Суетливый, с бородкой старичок-врач, щупленький, интеллигентный, проводит сортировку, кому куда. Живым сюда, неживым туда.

- Я еще живой, еще поживем.

Когда в теле, жарко. Был жаркий день.

- Куда же вы его ставите, отнесите в тень. Сейчас я подойду.

- Где сопровождающий? Я хочу у Вас узнать, где и как произошло.

- В четвертом часу. Младший лейтенант Малинин.

- Повязки промокли. Сколько часов прошло?

- Четыре.

- И что, в себя не приходил?

- Не знаю, как до меня, но во время транспортировки нет, в себя не приходил. Периодически что-то бормочет. Все командует: "Боевой расчет... залпом пли... Авиация, "мессеры" летят...". Некогда было, принесли, когда уже уходила машина.

Голова ватная, уплываю, прямо что-то на тебя наваливается. Доктор осматривает, задирает гимнастерку.

- Живот мягкий. Отследите как невропатолог. Не приходил в сознание более четырех часов.

- Глазные рефлексы отсутствуют, зрачок расширен, дерматоглифика по вялому типу. Кожные покровы тоже бледные. Контузия.

- Оперировать будем на месте. Он без сознания, обойдемся без наркоза. Повязки намочили несильно,

можно надеяться, что крови немного потерял, переливания не потребуется, а то у нас крови немного. Есть жар, нужно измерить температуру и в операционную, нет ли мелких осколков.

- Ревизия раны. Необходимо побрить. Машенька, обрейте его наголо, осторожнее края, побрейте вокруг.

- Осторожнее. Он так и не приходил в сознание? Готовьте к операции. Несите, я сейчас приду.

Ассистировать будет Акимов.

Руки моют на улице.

- Карболку. Опять эта холодная вода. У нас вообще бывает теплая вода? Чего там с титаном? Тогда грейте на керосинке.

Сестра доктору из кувшина поливает. Халат завязывается сзади.

- Перчатки.

Я на операционном столе в форме, даже сапог не сняли.

- Снимите сапоги.

Палатка оборудованная как операционная, предбанника нет. Один стол посередине. Интересно, стол металлический,

складной. Лампа на ножке типа торшера установлена сзади от меня. Хирург не доволен, что тень от правой руки, переставил. Закрывают простынями, на голову простыню с окном. Рана рваная, края неровные, плохо побрито. Хирург сидит на металлическом крутящемся стуле. Врач-здоровячок. Сестра подтащила столик слева с двумя полочками. Сверху лежат инструменты, завернутые в рыжие от стерилизации салфетки. Простыни белые, халат у доктора очень белый, а у сестры застиранный.

- Фиксируйте голову.

Смотрит рану пока один, промокает, сочится сукровица. Вырван фрагмент ткани, видна оголенная черепушка.

- Сейчас промоем рану. Перекись. Ранение поверхностное, кости целы, а жирок напозет.

Обработка перекисью водорода.

- Тампон.

Врач держит в левой руке тампон, сестра льет перекись. В правой пинцет. Промокает, осматривает, расправляет участки кожи. Стягивает, фрагмент не закрывается.

- Дефект мягких тканей, потребуется аллопластика, лоскут возьмем с бедра. Подготовьте поле. Следите за пульсом.

Стягивают брюки.

- Он даже промывку не прошел.

- Обработайте бедро спиртом, йодом. Лоскут будет небольшим, берем тонкий слой эпидермиса.

- Да быстрее вы, у нас еще народа сегодня... Какой тяжелый день оказался.

- Волосы запутались. Ножницы, тампон. Подсачивается. Промокните, сушите.

- Клабочка, не так, осторожнее.

- Еще один мелкий осколочек. У нас магнита нет?

- Шовный материал, иглу. Давайте кетгут, здесь нежные ткани. Рваные края, как бы не было инфицирования. Присыпьте стрептоцидом.

- Зажим, кетгут, игла. Прихватывайте конец. Подержите здесь. Не загораживайте свет, Аркадий Борисович.

- Ну вот и все в порядке.

- Устал, к вечеру большой поток раненых, многие требуют первичной обработки. Класть некуда. Еще много там сегодня?

- Последняя машина.

Лежу на травке. Хорошо, теплое время года. Ну вот и все в порядке.

- Да, не транспортабелен, но оставить его здесь я тоже не могу. Надо отправлять по назначению, он должен попасть в неврологический госпиталь. Там ему окажут специализированную помощь. Здесь лежать негде. Аккуратно, будем эвакуировать. Ничего, молодой организм, справится. Скоро пойдет машина. Сколько у нас раненых?

- Набралось семь.

- Будем отправлять. Семен, малой скоростью. Один сопровождающий, нам здесь люди тоже нужны. Положите сопровождающие документы под голову.

Доставили по этапу в офицерский госпиталь, он уже в городе, где есть медицинский институт (звучало "под Лугой", потом вертится "Смоленск"). Неврологическое отделение. Большая госпитальная палата размером с классную комнату, много рядов коек. Передо мной маячит фигура - рука в гипсе, у другого

голова перебинтована. Я лежу на койке у стены, головой к стене, где-то в середине ряда. Обычные металлические кровати и тумбочки. Противоположная стена, в которой дверь, наполовину застекленная.

- Обезвозживание (дегидратация - звучит). Глюкоза внут* ривенно...

Голову поднять не могу. Вижу рядом молоденькую медсестру. Халатик спереди глухой, завязывается сзади, волосы полностью убраны под косынку.

- Сестричка, что же со мной-то?

- Товарищ лейтенант, Вам нельзя разговаривать, Вы после тяжелой контузии.

- А где я?

- Вы в неврологическом госпитале.

- И чего со мной произошло? Я ничего не помню.

- И не мудрено, после контузии бывает ретроградная амнезия. Бьии долго без сознания. Думали, Вы не выкарабкаетесь. Осколочное ранение в голову. Само ранение не тяжелое, а вот контузия серьезная. Не надо сейчас напрягаться и вспоминать, это может усугубить Ваше состояние. Вам предписан строгий постельный режим, не вставать.

Слабость, сонливость, меня подташнивает, голова тяжелая, ватная, еле ворочается язык. Лежу весь размазанный. Голова гудит, звуки, как будто голова в котел засунута.

- Сестричка, дай мне попить, губы пересохли.

- Осторожненько, сейчас.

Голову приподнимать нельзя, из чашки неудобно. Простой еленький чайничек, пью из носика. Высокая подушка. Голова обмотана бинтом.

Тошнота усиливается, тело все затекло. Взяла мою руку, щупает пульс.

- Вам лучше поспать, товарищ лейтенант.

Шманаются по палате ребята, духарят. Кто-то на костыле в гипсе. Почти у всех головы перебинтованы.

Валяюсь и валяюсь. Тело все затекло, вставать нельзя. Вообще мне здесь надоело, скучно, завидую ходячим. Читать нельзя. Если тебе читают, то быстро устаешь, начинает болеть голова. И болит и тошнит.

Обход профессора. Докладывает ординатор:

- Лейтенант Малинин, доставлен пятого августа. Осколочное ранение мягких тканей головы. Контузия третьей степени.

- Ничего, молодец, живы будем, не помрем. Медикаментозное лечение. Обезболивающие прекратить, продолжайте внутривенно глюкозу и комплекс витаминов. Обезвозживание, кожа сухая. Желтизна склер. Периферические рефлексы вялые.

Стучит молоточком по рукам и ногам. Чертит на груди в разрезе рубашки чем-то острым.

- Дерматоглифика по вялому типу. Тоны глухие, частит, везикулярное дыхание, легкие чистые.

- Жить будем, молодой человек. На этот раз все обошлось. Вот Вас подлечим - и в строй. Первое время могут беспокоить головные боли, потом, органон молодой, сильный, справитесь. Жить будете, сражаться будете.

- Зрение и слух проверяли?

- Все в порядке. Зрение единица.

- Отлично.

- Ну что, молодой человек, скоро будем выписываться? К строевой службе годен, товарищ лейтенант. Еще повоюете. Фронтowymi граммами не увлекайтесь. Я бы Вам не рекомендовал.

- А курить можно?

- Курите, что с Вами сделаете.

Я очень счастлив, что годен к строевой службе. Скорее бы из госпиталя.

Зима. В полушубках, мы тепло одеты. Окопы, блиндажи, землянки. В окопах дежурные, отдых в землянках. В тылу человеческие условия. Если квартируем в поселках, то там ови-ны. Офицеров приглашают в дома. Солдаты в более суровых условиях. Обязательно горячая пища. Котел может быть на бензиновом подогреве, а так костровое. На обед первое, второе, чай, хлебушек. Выдается ротными по количеству живых.

У ротного много писанины для статистики, представление живых, письма родственникам погибших. Есть всех адреса. Сержусь, бюрократия, отчетность, руки в чернилах. Трудно писать: зима, обогреться негде, в землянке холодно.

Бой. Вижу танки по полю. Мы бежим за танками. Взрывы. Слева наш танк подбит, загорелся. Танки перескакивают через окоп, мы врываемся в окоп противника. Я бежал с автоматом Калашникова. В окопе вижу себя с пистолетом. Озираюсь: слева мертвый, справа поднял руки, губы трясутся, молодой. Я ему связываю руки. Наши тут же. Мы взяли их окоп. Большое поле. Туда уходят флешы. Наши танки проскочили

туда. Штаб брал кто-то другой.

Ничего страшного в этом нет. Ну свищут пули, ну взрывы. Бежишь в ажиотаже. Ура, вперед, за мной! Вперед на врага! Взять вражеские позиции!

Кормим вшей. Есть головные вши и платяные. Одежда сдается в санобработку. Есть подразделение санобработки. Форма выгоревшей выглядит и от этого. Девочки стирают. Банно-прачечный комбинат, связь, почта - они располагаются в тылу, в населенных пунктах. Приказы - не приносить беспокойства мирным жителям. Идем уже по бывшей занятой территории. Много разрушенных домов. Взятые города. В городе нам воевать сложнее, больше воюем на природе. В лесах борьбы нет, больше на открытых местах, где разворачиваются коммуникации.

Небольшой поселок, двухэтажное каменное здание школы, склад тоже каменный, остальные частные деревянные дома. Вывеска на немецком языке на двухэтажном разрушенном доме. Здесь был немецкий штаб. Наша артиллерия постаралась. Вхожу. Разбито все артиллерией. Бумаги разбросаны.

- Все собрать для архива. Все сдается.

Вижу похороны. Пять могил, на них каски, масляной краской - Сомов Александр Тимофеевич, Фомин, Абуладзе, Тимчик и Тимошенко. Зима, могилы темные на белом снегу. Хороним их, они в шинели закутаны с головой. Ордена и медали сдали. (Если сейчас находим с медалями, то не похоронены - Награды сдаются для отправки родственникам.) Закапываем. Дали салют автоматными очередями.

- Прощайте, товарищи.

Как часто это случается... Политрук, это входит в его задачи. Он понимает и не устраивает из этого политического мероприятия.

Сцена: поднимаю бойцов в атаку.

Ты убиваешь по необходимости. Нас заставили обстоятельства, необходимость защищать свою Родину. Я не хотел убивать. Я не хочу убивать. Я никогда не хотел убивать людей. Я не хочу! Фашисты нас вынудили убивать, мы не хотели, никто не хотел, даже Сталин, нас не готовили к этому. А то мы были бы как фашисты, но мы защищали нашу Родину. Они пришли на нашу землю. Они жгут и убивают советских людей. Это враги. Или ты его, или он тебя. Это фашисты, грязные, злобные псы. Их надо убивать. Нас готовили не к завоеванию, мы знали, что нам придется защищать наш народ. По-другому не могли, мы должны были остановить. Ценой своей жизни я должен остановить врага. Я готов к этому. Ценой своей жизни. Я готов защищать Родину, мир, жизнь мирную для всех. Не хочу войны, не хочу никаких войн на Земле. Мирная жизнь на Земле, никаких войн. Остановить войну, остановить войны на Земле. Нельзя убивать людей, никого нельзя убивать.

- Бей фашистского гада. Враг не пройдет. Очистим от них нашу территорию.

Красная армия начала наступление. Освобождаются города и селения. Мы перешли в контрнаступление. Затяжные бои.

- Вперед, в атаку!

Я выскакиваю на бруствер из окопа. В шинели. Очень грязно. Призываю, но понимаю, насколько трудно из укрытия... Пули свищут. Как трудно выйти из укрытия, бросить себя на эти пули. Все еще молодые. Всем бы еще жить да жить. Каждый день смотреть в лицо смерти. Война. Какое все бесчеловечное - мясорубка человеческих тел, человеческих судеб. Мясорубка с обеих сторон.

Мы должны взять эту высоту. Надо взять. Она небольшая, но укреплена мощно. Внизу дзот. Оттуда всполохи.

- Мы должны взять высоту, подавить огневую точку противника.

Атака захлебнулась, мы отступили на свои позиции, понесла большие потери. Враг не пройдет. Мы не прошли. Взять высоту. Ну как же ее взять-то? Огневая точка мощная, а перед ней поле голое.

Мы опять в траншее, смотрим в поле: лежат несколько наших трупов. Высота недалеко, но перед ней совершенно открытая местность.

- В лоб здесь не возьмешь, нужен обходной маневр. Кто пойдет? Есть добровольцы?

- Командир, я пойду.

- Благодарю Вас, Иванченко. Как Вы думаете, что можно сделать в этом положении?

- Я подберусь с тыла. Если сделать большую петлю, можно подобраться, забросать гранатами.

Связки из четырех противотанковых гранат. Он берет одну, другую, засовывает в вещмешок, перекидывает за спину.

В шинелях все. Грязь. Дождь пошел.

Мысль мелькнула, что у комбата есть дети, двое мальчишек. У меня никого нет, мне легче. Перед глазами семья - мама, сестричка, но о них не беспокоиться. Они живы. Отец жив. Пишут, что все хорошо, хорохорятся. Отец и мать работают. Мать сейчас формовщицей на отцовском заводе. Тяжелая работа в формовочном цехе. Сейчас уже лучше, пишут, Москва оживает. Праздничные салюты. "Мы гордимся

вашиими победами. Береги себя, Петенька. Мы все очень волнуемся за тебя. Как ты там, отошел ли от ранения?"

Их адрес: Москва, Б...ский пер., дом 34, кв. 18.

В руках у меня треугольничек, вижу на нем: полевая почта 34-283.

Строй. Идет награждение. Меня награждают первым моим орденом. Вручают орден в коробочке.

- Сразу давай привинтим.

Весна ранняя 44-го, слякоть. Поднимал в атаку, ранение в живот. Госпиталь.

Боль и холод в середине живота.

В синем халате с белым воротничком, щупленький, можно сказать, худющий. Перед первым ранением был пухлее. Светло-русые волосы отросли, должны подстричь. Пока расчесываю их пальцами. Очень доволен, что часто моют, можно принимать душ, когда хочешь. Мыло есть даже не хозяйственное. С сестричками мур-мур есть. Усики небольшие отрастил.

Исследование. Стройняк, 176 - измерили. Спирометрия 4800. Выжимаю правой кистью 48, левой 43.

- Так, хорошо. На головные боли не жалуетесь?

- Не жалуюсь.

На самом деле бывало, когда голова раскалывалась, но это можно скрыть.

- Была ли потеря сознания?

- Не было.

А на самом деле бывает, уплываю, и подташнивает, буквы расплываются, когда читаю, но никому не говорю об этом жаловаться не принято.

- Жалоб нет, никогда ничего не болит, я всегда здоров, - на все отвечаю, хотя они есть. Я привык, умею держаться и терпеть любую боль. Ни в чем не признаюсь, как партизан.

Мы идем партизанским краем, они нам помогают. Мы встречаемся с нашими героическими партизанами. Я всегда готов к защите нашего отечества, я всегда готов погибнуть за свою Родину. Только так мы могли победить, без этого настроения мы бы не победили. А кто, как не мы?! Даже такой ценой. Накачка идеалами была нужна. Мы готовы были гибнуть, сражаться, защищать. Кто, как не я? Готов на амбразуру, в любой бой. Готов. Я защищаю Родину.

Как бы извиняясь передо мной, товарищ полковник:

- Конечно, в разведку не за чинами ходят. Мы хотим рекомендовать Вас в разведроту. Не возражаете? Как здоровье?

- Спасибо, годен к строевой.

- А как после контузии, есть ли последствия? Не теряли ли сознание когда-нибудь после?

Медкомиссия. Тут и товарищ, который отбирает, врачи. Мне странно, не в госпитале разведчиков искать, после госпиталя человек слабее. Казалось, что в разведку посылают более здоровых.

- В анамнезе последствий контузии нет. У него послушной список чистый, не было никаких прегрешений. Годен к строевой, знает немецкий.

- Шпрехаете?

- В пределах десятилетки. Читать могу, объясняюсь, но выговор, вы сами понимаете... наш, рязанский.

- Посмотрим.

- Кончил школу, немецкий знает. Толковый.

- Годен в разведку.

- На Вас пришли очень хорошие характеристики из части как на очень грамотного, выдержанного офицера. Ваши командиры поддерживают, требуется только Ваше согласие.

- Да, конечно, но... - замаялся, что не обучен.

- Не беспокойтесь, Вы пройдете специальную подготовку-Не боги горшки обжигают, все когда-нибудь начинали. Вы согласны?

- Да, я готов в разведку.

Отвечаю не задумываясь, внутри не готов.

- Служу Советскому Союзу.

- Вы партийный?

- Нет, комсомолец.

- Почему не подаете в партию?

- Считаю себя еще пока не достойным.

- А зря, давно пора. Сколько Вам лет?

- Скоро двадцать.

Взяли в разведку, послужим.

Сон нарушен после контузии, голова болит периодически, но с этим жить можно, главное, голова на месте.

- Хорошо, что вообще признали годным, да еще разведка.
- Ну, до свидания, любезный. Пожелаю к нам больше не возвращаться.
- Спасибо, товарищ доктор, подлатали.

Было много докторов, это палатный. Худенький, усики, как у Микояна.

Прощаюсь с сестричкой. Видимо, так плоховато было, что интереса к женскому полу в себе не прочитываю.

- До свидания, Глащенко, надеюсь, еще увидимся.
- Сомневаюсь, лучше к нам больше не попадайте. Нашивка за ранение.

Это начало лета 44-го.

Из госпиталя каждый раз тебя в новое подразделение, попадаешь в новое формирование. Был на Брянском фронте, теперь на Белорусском. Все время идет переформировка.

Подготовка разведподразделений фронта, разведшкола.

Быстро готовили. Вижу, как учат подлазить под проволочные заграждения. Принципы работы с рацией тоже, морзянку тоже. Вижу работающего на ключе, рукопашный бой, с ножом и без него, в правой и левой руке. Учимся в бывшей школе. Доска, на которой рисуют линии обороны. Тактика проникновения. Работа с миной, обезвреживание. Противотанковые, противопехотные...

- Обезвредить капсуль.

Смотрим немецкие тексты. Мы должны разбираться в документах.

- Степень важности захваченных документов.

Вижу немецкие документы, сверху готический шрифт, снизу машинописный текст. Я читаю по-немецки. Звучат слова

"унзере брюке...". Разговорник серенький - русско-немецкий и немецко-русский. Простые фразы обязательно знать. Мероприятия по захвату пленного. Самый большой интерес - штаб, но он хорошо охраняется, поэтому лучше на подступах - машины мотоциклисты-связисты. Следить за передислокацией войск противника, любые передвижения. Интересуют танковые подразделения, аэродромы. Они в глубине, в третьем эшелоне, они оттуда взлетают. Нарушение связи.

- Любые провода режь.

Надо разбираться, какие провода. Работа с кусачками, ножницами по металлу (для заграждений, колючей проволоки).

Готовится большое наступление. Севернее Могилев, выходим к Бугу, железнодорожная станция Дубровка... (это карта). Карта. В селе указан каждый дом, лес, западнее поля, от нас тут болотистый массив. Это фронты, и вот наш фронт.

- Очень важно достать любые документы укрепрайона. Мотоциклисты - это может быть связь, у них могут быть

ценные сведения. Штабной писарь может знать. Автомашины с "седоком". Инструкция - автомашин с пассажиром, снимаем водителя, наша цель - это тот, кто рядом, чаще он офицер. Любые документы - карта укрепрайона, дислокация войск, аэродромы, танковые части, любые огневые точки - доты и дзоты, охрана объектов, охрана станций. Водокачки нас тоже интересуют, мосты, охрана мостов. Армейская разведка - локальные задачи, но не упускаем и стратегические. Огневые точки, окопы, подъездные дороги. А стратегические, когда попадают документы, это редко, а так обеспечение задач на нашем участке. Любые сведения ценны.

Приказ - не сдаваться в плен (начинает болеть голова).

Лето 1944 г. Белоруссия.

Учение не длительное. Я прибыл в разведроту. Подчинение непосредственно штабу фронта. Второй, третий Белорусский? Меняются названия.

- Запутываем следы, - местная шутка почтальонов.

Для почтальонов это не важно, в/ч остается прежней.

Прибыл, докладываюсь - старший лейтенант... Штаб в избе. Задачи. У меня вылазки. На станцию - об охране ее, докладываю, где вышки, здание охраны, на окраине две огневые точки - пушечки.

Потом вижу себя много сидящим над картами. Огромные карты, направления нашего интереса - Минск. Наш интерес северо-западнее, могилевское направление, позади на северо-востоке Смоленск. Стрелки. Болото, деревни - почти каждый

дом-

Разноцветные флажки на иголочках. Вижу участок на

карте, где они врезаются языком, готовим окружение (мы с севера)-

Ощущение веселости. Молодые ребята и похихмить не

прочь. По характеру отбираются - надежные, спокойные, с нормальной психикой. Ребята грамотные.

В разведке важны интеллект, смекалка, умение ориентироваться, брать ответственность на себя. Бесшумность, раствориться на местности, используя природные укрытия. Примитивные вылазки, когда долго лежим на высоте, высматривая в бинокль движение на хой стороне. Наблюдательность, нанесение объектов на карты. Много работаем за столами при штабе, не на передовой. Решения на основе данных, которые мы собираем. Всю весну и лето шла такая работа.

Потолстел. Вижу себя бреющим. Бравый товарищ. Светлая щетинка, усики отрастил. Есть интерес к женскому полу. Прачки, связистки, при штабе буфетчицы. Юленька приглянулась.

Спокойный день. Пожухлая трава, листва желтая. Тепло. Перед окопами спокойное просторное поле. Вижу землянку, блиндаж, глубокую траншею, по которой иду в полный рост. Красная глина. Вход в блиндаж невысокий, нагибаюсь, входя. Накат сверху прикрыт ветками.

- Старший лейтенант Малинин, сегодня ночью Вы идете в разведку. Надо взять "языка".

- Есть, товарищ полковник.

- Какие силы на нашем направлении?

- Берег мощно укреплен. Вот здесь две огневые точки противника.

- Их нужно будет обойти южнее. Мы Вам подсветим. В 0.30 будет мероприятие севернее. Это отвлечет внимание. Выйдете в 23.30. За час успеете. Их штаб расположен вон за тем леском на юго-западе. Пойдете вот здесь (показывает на крупномасштабной карте). Вот здесь их траншеи. Здесь стоит противотанковое орудие, здесь землянка расчета. Вот здесь минные поля. Наши накануне ночью разминировали этот участок. Здесь проволочные заграждения, вот первый и второй ряды... Пройдете вот здесь по ложбине, юго-западное направление, до высоты 101. Там овраг, высоточка небольшая, береза одинокая, за ней более глубокий овраг, спуск к реке. Немцы на этой еще стороне. Офицеры квартируются, населенный пункт Лебяжий. Можно подойти с севера, где мы подходим ближе всего.

- Нет, сюда не суйтесь. Здесь хорошо укреплено, Зотов здесь был. Но "языка" они добыть не смогли, еле ноги унесли. Смогли начертить карту этой зоны укрепрайона. Коридор ими прорублен.

- Отчего самого бы и не послать?

- Он очень горяч, а тут надо взять по-тихому. У тебя по "языкам" опыта больше. Какую в последний раз "птичку" доставил, ко второму ордену представлен. Скоро будем обмывать. Возьмете Фоменко и Свиридова, они воробьи стреляные. Только чтобы тихо. Шума не поднимать, ну Вы сами знаете, не мне Вас учить, Петр Игнатьевич. Командующему нужны свежие сведения. К утру вас ждем. Переходить линию фронта будете южнее этой высотки. Вас проводит Калмыков.

Звучит: "Направление на Померанию через Польшу. До границы еще далеко. Подготовка к танковому прорыву".

- Есть, товарищ полковник.

- Все поняли?

- Да, товарищ полковник.

Разговор в просторном блиндаже, стены и накат из свежеструганных досок. Крупномасштабная карта, красные стрелки ударов нашего 3-го Белорусского фронта и мелкомасштабная, включающая соседние фронты до Балтики. Ниже нас 2-й Белорусский. В сторонке на чем-то низком сидит радист. Разговор стоя, разглаживаю спереди гимнастерку, подтягивая ее за пояс. На гимнастерке - орден Боевого Красного Знамени и две медали, одна из них "За отвагу".

- Рядового не брать.

- Понятно.

- Ну иди поспи, ночка предстоит трудная. Хорошо, пока сухо, а то, как дожди пойдут, все развезет.

Как навозные жуки будем в грязи возиться, а Вам-то все на брюхе ползать. Чай, не стер еще к ябене-фене?

Козыряю, поворачиваюсь через левое плечо, молодцевато иду к выходу.

Иду по траншее. Вижу ответвление, там наша пушка, перед ней сделан спуск-скат, по которому ее можно быстро вытянуть, ствол на уровне земли. Около нее отдыхает расчет. Один из бойцов лежит на земле, пилоткой прикрыл лицо, спит сладко. Очень мирная картинка, ну уж очень мирная.

Большой амбар, остатки сена, койки двухъярусные сколочены из стволов деревьев. Помещение большое, мои в уголке примостились.

- Ну чего там, командир, чего нам новенького скажешь?

■' 306

- Ну чего, этой ночью идем, а сейчас велено спать.

- Чего я и делаю, - отвечает второй.

. Ну ты известный дрыхало. Ты, Фоменко, здоров спать. Завидую я тебе, а я если и лягу, то заснуть не смогу. Не могу днем спать. Письмо написать что ли? Почтальон был?

- Тебе ничего не было. Я бы взял, заставил бы поплясать.

- У нас как, хлебушка нет?

- Да только ж обедали.

- Ну там большой кусок оставался.

- Да Васька все сшамал. Вон открой банку тушенки.

- Без хлеба-то?

- Чего, впервой что ль.

- Капустный лист погрызи, - шутливым тоном.

Сажусь писать. Стол расшатанный. Чернильница-непроливайка. В планшете карандаши - красно-синий (пополам), два простых (рубашки у них некрашенные, просто дерево). Один из карандашей длинный, кончик тупенький, другой короткий. Он помягче.

- Исписался, любименький.

Вырываю из тетрадки листы, осталось несколько штук, из нее уже драли-драли. Чернильницу и ручки возим с собой, взяли у девчат-радисток. Сажусь за стол, надо что-то подстелить, неровное дерево. Подкладываю планшет, он неровно колеблется, мешает застежка. Ищу, чего бы подложить. Состояние странное - размытости, размазанности. И спать не спится, и не пишется. Да и что писать-то, ну стоим, так стоим, жив. Домой писать нечего, новостей нет никаких пока. Только то, что жив-здоров.

Перед глазами мама и папа. Отец в очках, худенький, седовласый. Мама с косой вокруг головы.

"Дорогая мама, пишет тебе твой сын Петр. У меня все хорошо, жив-здоров, чего и вам желаю. Как здоровье бати? Привет Анюте. Она, небось, выросла, давно не виделись. Анюте 15 лет исполнилось, не могу представить эту пигалицу взрослой Девушкой..."

Ночь темная. Легко одеты, чем легче, тем лучше. Поправляю гимнастерку. Запрыгиваю в машину через борт. К фронту на джипе - открытый автомобиль, крепенький такой. Остов Металлический, на него можно натягивать брезент. Над водителем закрытая часть. Сидим четверо в машине. Я и Фоменко. Ему 38 лет, я не считаю, что он в возрасте. Степанычем зову (Иван или Андрей). Ефрейтор. Крепешочек. Из Луганска. Моя Мама из Луганска. Хорошие отношения, родственничком зову.

Я - старший лейтенант, хотя мне нет и двадцати. Два сопровождающих. Один выведет на позицию, будет ждать нашего возвращения.

- Где твой знаменитый табачок?

Мы подшучиваем над Фоменко. Он получил посылку из тыла с табачком и записочкой от девушки. Ждет письмеца.

- Знаменитый табачок, что получил в подарок.

Я-то курю папиросы. Серая пачка "Памира", они попроще, "Казбек" - шикарные, для элиты. У нас-то без названия серые пачки пошире. Иногда присылают табачок, балуемся "козьими ножками". Соорудить - не проблема, есть бумага. В разведку, естественно, ничего не берем. Тяжеловато иногда без курева.

- Курить нельзя.

Это внутренне меня задевает, хочется ответить: "А хочется".

Нужен "язык", ювелирная работа. Готовится большое наступление. Связи с партизанским отрядом нет. Они дают много информации. В этом направлении где-то большой аэродром. О нем знают из авиаразведки. Павлик летает на У-2.

Прибыли утром, пробудем здесь день, нам все покажут, по нашему фронту проводят. Наша задача - за ночь взять "языка". Сложная задача. Нас представляют на месте командиру бригады. Мы будем переходить фронт в районе бригады товарища Маслова.

- Ну хорошо, товарищи, пройдемте.. Нас по фамилии не представляют.

- Я вас провожу по нашему расположению. Резко захотелось покурить.

- Нет ничего покурить?

Снова садимся в машину. Мы на вершине, наши позиции ниже. Немцы у дальнего леса. Между нами открытое место. Слева длинный овраг. Минное поле там, нет живой силы.

- Вот здесь наблюдательный пункт, сможете сориентироваться. Для вас расчищен проход.

Очень высокое место, все хорошо оборудовано. Мы пристроились с биноклем. Рассматриваю окопы, уходящие флешы, лес справа и слева, в прогалину дорога проглядывается, населенный пункт. Знаю, что там дальше железнодорожная станция. Штаб предполагается в лесочке слева. Нас будет интересовать дорога, передвижение по ней, за лесом - танковая бригада.

Будет тяжеловато, иду на сложное задание. Я брал "языков", но это была мелочь. Солдаты мало знают. Крупную "птицу" мне не приходилось брать, а Фоменко как-то отличился. Он в разведке дольше

меня, опытный. В разведке все ребята городские, не лапотники. Крестьянам трудно воевать, к технике приставишь, обучаются тяжело. А тут нужно образование интеллект, важны анкетные данные - надежность. Мы информацией обладаем стратегической, должны широко понижать общие задачи.

Мы с Фоменко завалились после обеда. Отдыхаем, нужно выспаться. Спим в землянке. Хорошо сколоченные бревна, спальные места. Чужая шинелька. Встали. Должно потемнеть, тогда и отправимся. Перекусили наскоро. Чай хороший, крепкий, тушенка, галеты. Темнота настала. Выходим втроем.

Сначала пробираемся по нашим окопам, по ложине, потом ползем, потом идем крадучись. Знаем, что их окопы правее дальнего леса, а тут, слева, можем пройти. Выходим к минному полю. Проволока, все раскрыто, подготовлено. Сопровождающий оставлял свои знаки, мы их не видим.

- Проход хорошенький нам подготовил. Он будет ждать нас в лесу, в ложине.

У меня ТТ на боку, финка хорошая в ножнах - доволен, хороший нож. На мне простая солдатская гимнастерка без карманов, что поплоче, сапоги, галифе, пилотка. Никаких знаков различия.

- Осторожней, Фоменко, ты что впервой.

Он как-то неаккуратно идет, я на него сержусь. Я иду мягко, но у меня сапоги немецкие, офицерские, а он в кирзе. У меня очень хорошие сапожки с пленного. Разыгрывали, никому не лезли, а мне пришлось в пору. Они маленького размера -39-40. Очень ими доволен. Высокие, с жесткими голенищами, внизу мягкие. Спор был перед выходом, проверяющий заявил, что сапоги могут выдать офицера, я возражал:

- Они же трофейные, мало ли кому достались. В ответ он посмеялся:

- Солдату что ли.

Трофейная команда обязана все, что достается при сборе, сдавать, но иногда что-то не очень ценное достается. Удобные сапоги, конечно, очень ценятся. Мы удобства начали ценить, давно воюем. Начальство смотрит на это снисходительно, победителей можно и наградить. Гоним немца. Психология изменилась, больше уважения к человеку, стали больше ценить кадры. В первые годы мы просто затыкали брешь телами, забрасывали. Сейчас 44-й год, много потеряли, ценим людей. Каждого жалко, не могу послать затыкать массой. Мы больше бережем друг друга, больше ориентации на тактику, обходные маневры, грамотность командиров.

Пробираемся к проходу, сделанному в минном поле. Пока немцы не разнюхали. Выходим на минное поле, третий впер-

еди, периодически останавливается. Останавливаемся и мы прислушиваемся. Впереди сопровождающий, потом я, за мной Фоменко. Я оглядываюсь, что он шумит, фыркаю на него.

- Тише ты, медведь.

Мы не должны разговаривать, ничего лишнего не берем с собой, ни табачку, ни документов. У Фоменко небольшой автомат, патроны в брезентовом мешочке слева у пояса.

Лесок на взгорочке, идем в сторону, где штаб и дорога. То идем пригнувшись, но больше ползем на брюхе. На поясе слева нож, передвигаю, чтобы не мешал. На голове ничего нет. Ползу, оглядываюсь, принимаюсь. Ночь. Облака идут, появляется луна. Идем к лесу, к штабу кого-нибудь словить на этой дороге. Хорошо бы одинокую машину, останавливать будем выстрелами. Автомат у Фоменко для этого. Он берет водителя, я -седока. Оставляем в живых одного. Нам охота приволочь, должны доставить.

Мы на дороге. Ждем. Нет ни с одной, ни с другой стороны. Продвигаемся к населенному пункту, где штаб.

Мы на краю села, подползли через огороды, наблюдаем. Было село, сейчас избы обгорелые стоят. Проезжая дорога. На окраине уцелевших два-три дома, овин. В одном из домов немцы. Подползли ближе, лежим, наблюдаем. Внутреннее напряжение ожидания. Мы спешим, у нас мало времени. Видимо, штаб - есть связь, машина во дворе, мотоцикл с коляской. Он хорошо охраняется.

- Важные птицы.

Окраина леса, целый дом сереет. Сторожка лесника. Рядом мазанка. Подползаем. Забор из жердей. За домом машина, "опель". Колодец с журавлем. Жердина. Здесь немцы ночуют. Наблюдаем от белой мазанки сарая, не выйдет ли кто по нужде. Никого нет. Впечатление, что кто-то вышел из дома, потягивается на высоком крыльце. Мы оживились, заинтересовались. Сейчас, сейчас он по нужде отойдет... а он там же, на крыльце... Это нас возмутило. Мы рванули, бросились через двор, бросились в каком-то отчаянии. Но не успели добежать. Он оглядывается резко, закричал... толкнул дверь, оттуда слышатся выстрелы, заскакивает в дом, дверь захлопывается. Обожгло голову, я падаю. Хватаюсь за голову, рана не очень глубокая, черепушку не пробило. Потекло... Фоменко сложился пополам, схватился за живот.

- Нам надо убираться отсюда быстро.

Бежим в лес, откуда пришли. Оба ранены. Как глупо, как обидно.

- Давай глубже в лес. Надо возвращаться.

Лес. Ночь. Залаяла собака. Суета'за спиной. Отстреливаемся. Оторвались. Затихло. У меня голова тяжелая. Здесь можно помочь друг другу. В карманах есть бинты, марля.

- Подожди, Петро, давай голову перевяжу. Он мне бинтует голову.

- Голову я тебе перевязал. Рана не глубокая. Ты можешь идти? Держись, Петро.

Бинтует плечо. На плечо маловато бинта. Подстелил марли, сверху пук травы, сверху забинтовывает.

- Бинта бы надо больше. Перевяжи теперь меня. Мне разворотили живот. Нам надо идти дальше, мы недалеко ушли.

У Фоменко ранение посерьезней, попало в живот, но может двигаться. Самочувствие неплохое. Я его перебинтовываю, крови немного. Он начал бледнеть. Опасно, наверное, внутреннее кровотечение.

Утро раннее. Мы в глубокой лощинке, заросшей кустарником. Обнаженные корни берез. До места встречи, где нас ждут в шесть утра, мы не добрались. Устраиваемся здесь. Лес не очень глубокий, светлый. Небольшие березки по овражку, кустарничек. Место не очень лесистое. Недотянули до дальнего леса. Мы здесь проведем день, а ночью проберемся к своим. Ночью мы можем вернуться, нам бы этот день продержаться. Мы оба периодически начинаем терять сознание.

Я в отключке. ГТ в левой руке. Покончить с собой есть приказ. У нас приказ - не сдаваться в плен. Последнюю пулю - для себя. Но всегда есть надежда, дождемся темноты. Еще есть надежда... Последний выстрел в себя сделать очень трудно, кажется, что всегда есть надежда. Человек надеется до последнего. Свои же рядом, мы недалеко от своих. Но хотя по-настоящему понимаю: надежды нет, что за нами придут, мы же в разведке. Никто не пойдет искать. Но все равно есть надежда, что До вечера отлежимся и вернемся. Бесчеловечный приказ - себя убить, всегда существует "а вдруг... ". Нельзя заставлять человека себя убивать. Всегда есть надежда. Должна быть надежда. Нельзя отнимать надежду. Надо бороться за жизнь до последнего. Последнюю пулю надо оставлять не себе, а врагу.

Фоменко без сознания, мне его не дотащить, сам ослаб, нет сил. Он зелененький, свернулся калачиком, скрючился. Он мне ^б отцы годится. Мне его жалко, как ребенка.

Отсидеться бы до ночи. Сейчас не пройдем, уже светло Так по-глупому попасться... Так неаккуратно сработать. Обидно. Столько воюю.

Периодически теряю сознание. Прихожу в себя. Состояние оглушенности, еле ворочается язык, все в тумане.

- Петро, меня сильно тошнит. Живот болит. Пить. У него восковое лицо, нос заострился.

- Фоменко, потерпи. Степаныч, потерпи до ночи, ночью уйдем к своим.

- Пить, пить...

- Потерпи, где же я тебе возьму воды... Степаныч. Терпи Андрей Степаныч, милый. Нам бы до темноты продержаться, а там доползем к своим, там помогут. Держись. Ничего, живы будем, не померем, как говорил мой профессор. Еще повоюем, Степаныч. Эх, и заснуть бы сейчас.

Тошнота, голова болит, тяжесть в левом глазу, он отек, из-под повязки сочится кровь. Пить тоже хочется.

- Хоть бы тут какой ручей что ли, мы бы с тобой попили. Лезу в карман, там грязный платок. Повязка на глаза сползает.

То в теле, сию привалившись, то вижу сверху: лежим оба без сознания. Кажется, что в одной и той же позе. Степаныч слева от меня. У меня белая повязка на голове, гимнастерка промокла от крови, руки раскинуты. Сыро. Теплый день. Становится жарко.

- Жарко. Пить...

- Ты весь горишь. Тебе нельзя пить, терпи. Что же мне с тобой делать-то? Только ждать вечера. А там переползем к своим... поползем. Худо-бедно, доберемся. Потихонечку. Тут недолго осталось. Через поле переползем, а за тем леском нас будут ждать. Там уж нас будут встречать. Скорей бы... Скорей бы вечер.

Голова тяжелая, язык еле ворочается. В ушах звенит.

- Я не доживу, Петро.

- Не говори глупости, доживешь. Немного осталось. Вон уже солнце клонится к закату. Немного осталось, потерпи, друг. Нам бы только ночи дожждаться, а там к своим, тут совсем недалече.

Его жалко, аж сердце жмет. Жалко Степаныча, хороший мужик. С самого начала войны ни одной царапины, а тут угораздило. Как глупо, обидно, ужасно обидно. Надо было у самого дома ждать. Думали, что он пойдет к овину ссать. Как глупо. Ну так глупо вляпаться.

Фоменко давно молчит. Такое впечатление, что он уже зе- | ленький.

- Фоменко, ты жив? Друг, ответь. Друг, подожди, не уходи. Может, уже и умер. Он меня не слышит. Боюсь, что он уже

мертв. Почти ничего не соображаю. Теряю сознание. Не могу до него доползти. Надеюсь, что мы

уйдем. Надеюсь, что дотащу. Ночью... Не могу вспомнить, как его зовут. Брежу, образы, | отрывки мыслей... Он из Гатчины... По-моему, он из Гатчины. | Ее уже освободили. Освобождаем нашу землю. Скоро граница. Нам остался последний рывок. Задания мы не выполнили, "языка" взять не смогли. Как же я это доложу товарищу полковнику? Это было так необходимо. Готовится большое наступление. Готовится танковый прорыв. Чуйков... Как же я доложу? ТТ, последний патрон. Нельзя сдаваться. Хотя бы они нас не нашли. Продержаться до темноты, ночью уйдем.

Прихожу в себя. Надо мной морда здоровой овчарки. Нос к носу. Они с автоматами, в касках, зеленая светлая форма.

- Все, нашли, с собаками нашли.

Хватаюсь за правый бок, где должен быть ТТ. Фашист наступает на руку, а потом бьет под правое ребро сапогом. Теряю сознание. Вижу сверху. Фоменко, видимо, уже мертв. Немец переворачивает его сапогом.

- Этот сдох, а этого в штаб. Видимо, разведчики. Ругается по-немецки:

- Тащить его еще.

Здоровые такие. С бляхами на груди. Рукава засучены. Здоровый рыжий фриц. Второй низенький, худенький, проводник собаки. Еще двое, руки с автоматов не опускают. Форма у них более ярко-зеленая. Проводник собаку сажает на поводок. Овчарка с рыжиной. Это она меня нашла. Волокут за руки. Потом один из них взваливает меня на плечо. Фриц и Ганс типичнейшие. Через лес, по дороге. Дорога разбитая. Приволакивают в уже известную избу. Обидно, далеко не ушел, сюда же и вернулся.

На допросе.

Болит спина. Бьют прикладами по голове, по спине. Рана кровоточит. Когда связывают, боль в плече. Вижу себя привязанным к стулу. Идет допрос. Я вялый, голова заваливается.

- Где находится ваш штаб? Ты скажешь расположение вашего штаба армии? Ваши огневые точки. Дислокация ваших войск? Дислокация подразделений? Сколько орудий на вашем участке? Количество орудий, их местонахождение. Есть ли "катюши"? Батареи, линии окопов... Направление главного удара. Гродно... Белосток? Какие части подтянуты? Сколько танковых частей?

Болит голова. Язык заплетается, жжет живот. Голова свесилась. Хочется пить. Вкус крови во рту, видимо, выбиты зубы

- Я этого не скажу, я этого не знаю, я ничего не знаю, а если бы и знал, не сказал, но я ничего не знаю.

(При прохождении вспомнился анекдот уже из вьетнамской войны из этой жизни на эту тему, а здесь при получении задания, когда на что-то говорил, что я этого не знаю, мне ответили: "И очень хорошо, выдавать будет нечего".) У меня даже злорадство: хоть бей, хоть убивай, я ничего не знаю. Злобная радость внутри.

Что-то о Могилеве... Знаю, Могилев их.

- Я ничего не знаю.

- Мы тебе развяжем язык. Номер войсковой части. Дислокация вашего штаба.

Голова разбитая гудит. Стул обыкновенный, руки сзади связаны и перекинуты за спинку стула, чтобы не заваливался.

Через какое-то время могу рассмотреть окружающее. Комната полупустая в избе. Эсэсовец в черной форме, высокие сапоги, жесткие голенища. Обер-лейтенант. Узенькие серебристые погоны. Высокий. Ведут допрос двое, этот эсэсовец и писарчук. Курчавенький. Этот расхаживает. Писарчук переводит и записывает. Фашист с плеточкой. Зачем ему плеточка?

- Ты будешь говорить? Смысла нет молчать, пустим в расход.

- Я ничего не боюсь, я смерти не боюсь, делайте со мной что угодно, я ничего не скажу. Изверги, вы не люди. Нелюди, гады, фашисты. Как вас земля носит, выродки, мерзавцы, убийцы. Мы очистим от вас нашу землю. Недолго вам осталось, смерть найдет вас.

- Увести.

Сзади два солдата, снимают со стула и волокут. Без сознания. Ноги в сапогах, я в нижней рубашке, без гимнастерки. Бросают на сеновал в той мазанке во дворе. Прихожу в себя, сеном пахнет. Тошнит ужасно, болит в области желудка, спина в области почек. Вырвало. Валяюсь на сене. Не могу двигаться, руки связаны за спиной. Стону. Жалко, что не успел последнюю пулю из ТТ пустить.

Облили холодной водой, чтобы пришел в себя. Перевожу дыхание. Снова тащат два бугая.

Тот сидит за письменным столом. Допрос на русском языке. Переводчик-писарчук с другой стороны стола.

- Ты у нас будешь говорить. Писарчук в черном требует от меня:

. Что вы тут делали? Какое ваше задание? Ты разведчик. Ты шпион. Признавайся. Ты офицер. Номер войсковой части. Кто командир? Будешь отвечать. Ты мне ответишь.

Офицер бьет по щекам, голова мотается, сознание теряю.

Отволокли.

- Полежи тут. Может, одумается, упрямый черт. Какое-то время валяюсь на сене. Уже без сапог, в белой

рубашке и брюках. Вижу со стороны: лежит тело, которое гитлеровец в каске, с бляхой на груди, окатывает холодной водой.

Когда в теле, голова болит, слабость, язык большой. Снова теряю сознание.

Утро. Кашель, захлебываюсь кровью. Вытягивают из сарая, пузом по земле. Во дворе ставят. Стараюсь удержаться.

Снова допрос. Происходит все в избе. Офицер расстегивает китель.

- Не надумал говорить?

- Нет.

- Ты будешь говорить. Ты у меня скажешь.

- Я ничего не знаю. Я ничего не скажу. Мне нечего сказать, я ничего не знаю. Я вам ничего не скажу.

Вы от меня ничего не добьетесь, зря стараетесь.

- Коммунист? Комсомолец?

Он разъярился, хлещет по щекам. От каждого удара горят щеки, скулы, язык. Голова свешивается набок. Писарчук на торце стола. За спиной у двери здоровячок. Красиво стоит.

Мне отсюда уже не выбраться. Лучше бы расстреляли сразу. Я все равно ничего не скажу. Чувствую силу, что могу противостоять. Я знаю, что выдержу любой допрос. Я выдержу любую боль. Я это знаю. У меня достанет сил. (Это я уже проходил. Я выдерживал пытки - память прошлого. Здесь мне уже как-то не трудно уходить через пытки. Я не выдавал. Я и сейчас не выдам.) Лучше сразу, все равно они ничего не добьются, Даже если я потеряю сознание. Я никому никогда ничего не скажу. Я в этом уверен. Я злорадствую, поднял на него глаза, на лицо ползет улыбка. Борьба - взгляд во взгляд.

- Вы от меня ничего не добьетесь, делайте со мной что Угодно.

У меня злость. Бьют. Снова без сознания. Это я понимаю. Наша схватка внутренняя в мою пользу. Сила за мной, я ничего не боюсь. Смерти мы не боимся, в нас

это вложено, мы выросли на патетике: смерть за Родину за нашу красную Советскую Родину, мы готовы жизнь отдать за нее. Мы были пионерами, комсомольцами, я - комсомолец комсомольцы не сдаются.

- Вы от меня ничего не добьетесь, время теряете. Расстреливайте, фашисты, гады. И этот сидит, предатель, прихвостень собачий. Изверги, сколько горя вы принесли на нашу землю..

Какая горечь... Сколько потеряно друзей...

- Убийцы, я не предаю, вы от меня ничего не добьетесь, не надейтесь.

Перед глазами тела убитых женщин.

- Мы вас не звали, мы защищаем свою Родину, свой народ наш советский народ.

Он орет по-немецки:

- Он так ничего и не скажет, в расход его. Утром расстрелять, нечего тут с ним цацкаться. Дерьмо (и другие нестандартные выражения). Вынесите его. Твердый орешек, не повезло. Молокосос.

Дотацили, швырнули. Гогочут между собой. Прихожу в се. бя. Уже темно. Меня знобит, холодно. Перевернуться не могу, спина разбита. Голову могу положить только на правую сторону, левого глаза нет, вместо него месиво.

Выбраться не смогу, лучше, что расстреляют, чем в плен. В принципе готов. Ночь. Периодически теряю сознание. Чуть шевелюсь, боль. Никак не устроиться по-другому. Дышать тяжело.

Утро брезжит. Открывается дверь. Выводят из дома. Меня солдат поддерживает за шиворот, рубашка из брюк вылезла. Прикладом в спину:

- Шнель, шнель.

Ступеньки, идти не могу, меня занесло. Падая, задел плечом об стойку козырька крыльца, падаю вперед, немного на левый бок, ударяюсь местом, где рана на лице. В крови лежу. Опять без сознания. Во рту все распухло, зубы выбиты. Сверху вижу: надо мной автоматчик. Ждут распоряжений. На мне галифе, ноги босые, рубашка окровавленная. Руки сзади связаны, плечо и голова окровавлены. Сапогом стукнул, проверить. Выходит офицер. Вынул белые перчатки. Прибежало еще несколько ретивых солдатиков.

- Не надумал говорить? Нет ничего нового? Вот к той стене.

Двое поднимают и тащат к той постройке-мазанке. Тащат за руки, вывернув одну из рук. Спина вся избита. Ноги воло-

чатся по земле. Без сознания. Хотят расстрелять значительно. Колодец с журавлем. Набирают воду, обливают. Они меня к иазанке оттааскивают. Очухиваюсь. Поднимают, ставят. Прислоняюсь к стене. Голова заваливается. Каша во рту, кровь течет, приходится отплеиваться, заложен нос. Руки развязали, потираю

запястья, где были связаны. Следы от веревок, руки опухшие. Язык не ворочается. Еле дышу.

Я поднимаю глаза. День солнечный. Передо мной хата, за спиной овин с сеном. Справа вижу машину, около колесо запасное. Вышла. тетушка с миской из дома, платком вытирает слезы. Смотрит сострадательно. Застыла. Хорошая женщина. Платье темно-синее, в мелкий цветочек, сверху вытертый платок, концы его спереди засунуты за пояс. Туфли разношенные на босу ногу. Знаю, что в доме есть старик. Курочки. Лесок прозрачный. Вижу свои босые грязные ноги. Земля еще теплая, лето. Солнце через деревья слева не высоко. Играют тени. Смотрю в сторону. Солдаты полусонные ходят. Их четверо. Выстраиваются.

Передо мной четверо немецких солдат СС в зеленой форме, с бляхами на груди, в касках, стройно выстроились. Офицер командует, зло бьет перчаткой по руке, потом дает отмашку. Надевает перчатки. Обставляет театр.

- Готовься.

Взведены автоматы.

Команда: "Пли!" В теле чувствую множество разрывов. Дули летят мелкие. Перехватывает дыхание.

Мысль: "Хорошо стреляют, кучно. Патроны не экономят. Такая честь мне".

Я ничего не слышу. Я не падаю, пули пригвозждают к стене. Долго не падаю, сползаю по стене, когда только тело изрешечено. Перед смертью кричал лозунги: "За Родину! За Сталина!". Я погиб с этим именем.

Сверху вижу: на белой стене брызги крови в разные стороны. Мое молодое тело изрешетили, тело обмякло и свалилось на левую сторону. То попадаю в тело, то сверху. Мне Не больно, мне радостно, в приподнятом настроении. В плен не попал, свое отвоевал и больше в разведку не пойду. Можно уйти, только как там наши без меня? Я не дождался победы. Так хотелось дожить до победы... Всегда надеешься, что ты останешься жив. Они будут помнить. Этого нельзя забыть. Пусть эта война будет последней. Больше не хочу воевать никогда. Надо прекратить войну на Земле, не надо войн. Фашизм - это страшно. Зачем им надо было нас убивать? Рано уходить... На войне всегда рано. Война - жестокость, кровь. Я против войны.

Я не хочу никогда убивать. Мы не хотели убивать, они заставляли это делать, гады. Вынудили делать это в который раз Сколько веков это длится. Это не моя игра.

Там есть кому разведывать, наши ребята боевые. Победа все равно за нами. Мы освобождаем уже Белоруссию. Перевес за нами. Можно умереть, ребята справятся, мы победим. Мучает, что не узнают, как погиб.

Сверху. Лесное место, один дом с овином. Лежит тело. За нами большой лес. Красивая картинка. Вижу как карту. В штабе видел как схему, теперь в натуре.

- А в натуре лучше.

- Труп надо убрать.

Двое солдат идут к телу, берут за руки, оттаскивают. Копают могилу тут же, у дома. Раскачивают за руки, за ноги. Закапывают, аккуратисты.

Что с телом, не важно. Уверен, что не будут считать предателем. Случается, что из разведки не возвращаются. Обидно, что некому сообщить, что погиб героически, ничего не выдал. Смерть героическая, все как надо. Наступление готовится, знаю, что будет удачным. Очень приятно отдохнуть от войны, ребята сами справятся. Мы можем быть только освободителями. Только освободить человечество. Мы - воины прошлой войны. Можно попрощаться с Петенькой. Я поднимаюсь над всем этим, над фронтом. Наш фронт. Лето. Затишье. Ухожу в голубое небо. Я выполнил свой долг как мог.

Нет, еще остаюсь.

- Товарищ полковник, разрешите доложить, лейтенант Соколов по Вашему приказанию прибыл. Старший лейтенант Малинин и рядовой Фоменко из разведки не вернулись. Ждали день, ждали утром, они не появились. Скоро сутки, как их нет. Видимо, схвачены.

- Приказываю ждать и эту ночь в установленном месте. Как погодные условия?

- Днем 27, ночью обещают градусов 17. Тепло, осадков не ожидается.

В блиндаже на передовой. Комбриг сидит за свежеструган-ным столом. Он темноволосый, нос русский, широковатый. Он писал, когда вошел лейтенант с докладом. Оба с медалями.

Я как бы присутствую при этом. Мне хочется сказать:

- Я погиб, я расстрелян, утром я уже расстрелян.

Вторую ночь меня не дождалась. Распоряжение, родителям сообщить: "Без вести пропал". Я тут пока пребываю. На фронте все спокойно. Готовится наступление. Сообщить, что погиб... есть свидетель - тетушка. Она может сообщить, но фамилии не

т... Беспокоит, что так и не узнают. Мучения кончились. Ничего не выдал, никого не предал, сил хватило. Сожалений нет фашистских гадов мы разобьем, Красная армия наступает. Остается последний рывок на нашей русской земле. Жаль, что я не увижу этого. Хорошо, что есть свидетель, сообщат, что я погиб.

Как меня захоронят, меня не беспокоит.

Нет, все-таки не могу уйти, пока не убеждаюсь, какие сведения отсылаются домой. Они должны узнать, что погиб достойно.

Недельку пришлось ждать. Канонада. Наступление началось. Гитлеровцы на мотоциклах драпают. Я здесь. Я знаю, что там все хорошо.

Двое приехали сюда в открытой машине, водитель и офицер. Особист.

- Где захоронили?

Хозяева - тетушка и дядька. Тетушка в белом платочке, вытирает слезы, рассказывает, что здесь был расстрелян мальчишечка. Говорит белорусский.

- Он погиб как герой.

- Мы сообщим об этом, я все записал. Он будет перезахоронен.

Они распоряжаются: "Надо перезахоронить в братской могиле вместе со всеми".

- Но мы не знаем его фамилии.

- Личность идентифицирована, это Петр Малинин, его еще можно узнать. Он не вернулся из разведки, был схвачен. Фоменко тоже погиб, от ран. Будет сообщено родным.

Я подслушиваю сверху, что они сообщают нашим. Свои знают, здорово, свои знают, что погиб как герой.

- Родителям сообщат, чтобы знали: он погиб как герой. Он не выдал.

Вижу общую могилу. Друзья, что погибли в бою, одеты, я в нижнем белье. Прикинули шинелькой. Салютуют. Речи.

- Слава героям, слава солдатам, погибшим за нашу Родину!

Впечатление, что могила - где была линия нашей передовой, откуда уходили в разведку. Недалеко землянка комбата. Березка.

- Спите спокойно, дорогие боевые друзья, мы отомстим за вас. Мы освободим нашу великую Родину! Дальше мы идем без вас.

Родным письмо с фронта, штабной писарчук от имени командира: "Ваш сын погиб, героически защищая нашу Родину при исполнении боевого задания. Похоронен на высоте 112, в братской могиле. Местечко Сосновка у Старого Яра. Место красивое. После войны сможете приехать. Товарищи по оружию скорбят вместе в вами. Разделяем вашу горе. Ваш сын и брат погиб геройской смертью".

Папа старенький, мама сидит за столом, плачет. Ничего, уже Москва свободна, праздничные салюты. До победы недалеко. Я спокоен. Настроение - родиться побыстрее. Нам обещана мирная жизнь, без войн. Мы - первое поколение, которое проживет без войны. Прошлые тяжелые испытания закончились.»

Мне можно уходить. Снова поднимаюсь, вижу: высокий берег, березовый лес, просторные поля желтеют. Война прокатилась дальше уже без меня.

- Они победят. Они встретят победу уже без меня. Обидно. Ухожу. Не хочется уходить.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

В детстве всегда с удивлением ощущала сидящего в себе взрослого человека, смотрящего на мир как бы изнутри меня -ребенка. Будто приходилось играть роль ребенка в основном из-за нехватки конкретных знаний. Часто удивляло поведение взрослых, иногда оно казалось не правильным, не логичным, одергивала себя, откуда же я могу знать то, чего не знают они.

Будучи уже взрослым человеком, я часто мысленно обращалась к одному из переживаний детства. Помню чувство благоговения у братской могилы наших павших в Великой Отечественной войне воинов в подмосковном местечке Хол-щовики. Там располагался на лето детский сад, в котором работала моя мама. Мне тогда было лет восемь. Я приводила к братской могиле пятилетнюю сестричку, мы ухаживали за обелиском, приносили цветы. В эти моменты я ощущала какую-то сакральную*¹ связь с этими людьми, глубокую, не детскую печаль в своем сердце, я отчитывалась перед ними за свою небольшую еще жизнь, уверяла, что помним и чтим их память. В это время я не знала ни одной книги о войне, никто из моего окружения этому не учил и на подобные мысли не настраивал.

** Сакральный (лат. *сасег (Saspi)* - священный), относящийся к религиозному культу и ритуалу; обрядовый.

В юности было сильное настроение готовности к подвигу, чувствовала, что могу за людей вынести любые пытки, взойти на костер, броситься на пулемет. Всегда точно знала, что выдержу любой допрос, любую боль, что смогу выдержать пытку и не выдать. Удивлялась, откуда я это знаю. В этой жизни была

геройским ребенком, терпеливым, очень хорошо с раннего детства держалась в медицинских кабинетах, у стоматолога, переносила любую боль. Воспитываясь в идеях служения коммунистическим идеалам, с чувством фанатизма была готова служить им что и делала, занимаясь общественной работой в комсомольской и профсоюзной организациях.

Чувствовала в себе активное мужское начало личности, стеснялась своей женской сущности, долго привыкала отыгрывать женскую роль. Теперь понимаю, откуда это шло.

Потрясена после материалов сессии в госпитале, где профессор называет лечебные мероприятия. Я-то думала: при таком тяжелом диагнозе лечение серьезное, а тут глюкоза, витамины. Лезем в справочник - и что же, лечили правильно! Вся сцена, все замечания прямо из прочитанной словарной статьи. Учась в медицинском институте, испытывала особое, трепетное отношение к термину "контузия". Девушки студентки-медики не любят военную кафедру, а я всегда с повышенным интересом относилась к материалам сортировки раненых, действиям на этапах эвакуации, со знанием дела всегда выступала на занятиях, теперь поняла почему.

Там вижу себя много сидящим над картами. В этой жизни врожденное чувство карт. Никогда не учили этому теперь, но всегда в голове складывается план города, местности как бы сверху. Ориентируюсь всегда превосходно. Если перед поездкой за рубеж посмотрела план города, в который еду, то тогда уже спокойно ориентируюсь в этом городе, в голове постоянный его план. Помню, когда впервые приехала в Варшаву, изучив перед этим город по книгам, то в машине, когда ехали из аэропорта, стала говорить, какая сейчас будет улица, мои спутники очень удивились, что я в городе впервые, они не в первый раз, но этого не знали.

На допросах и перед расстрелом обливали холодной водой, так в этой жизни очень не люблю холодную воду, долго приучала себя к ней, воспринимала это как пытку. Стресс был и в родах, когда облили не теплой, а холодной водой.

В этой жизни все время себе возраст завышала, всегда было Дикое желание это сделать, никогда не могла назвать, сколько лет, называла следующую цифру. Теперь, когда случай

к. 2210.

отработан, спокойно называю уже достаточно большую цифру своего возраста.

Как здесь хорошо до войны. Я бы была уже пожилым человеком сейчас. Хорошее детство. Разыскать интересно школу, может быть, есть на доске погибших Петенька Малиниц. Очень больно было однажды, когда приятельница в адрес воевавших бросила упрек, что они шли умирать с именем Сталина. Такая буря была внутри: они же погибли, погибли и за нас тоже. Вину за тридцатые годы брала на себя. Я знала, какая там была хорошая жизнь, я чувствовала себя виноватой, хотя я там, в прошлом, маленьким была, не знала, может быть, не хотела знать, может быть, мы не хотели знать. Дети всегда бывают счастливыми, в разные времена. Та была другая чья-то жизнь, а мы жили своей жизнью. Я хочу быть счастливым всегда, в лют бой жизни. Ребенок имеет право, а они сейчас упрекают... Как сердце болит, не виноват, что у меня было счастливое детство в тридцатые годы. Я не виноват, что отец у меня не сидел, я не виновата, что не сидела у них в 37-м. Сами пороха не нюхали... Это урок не для меня, а для вас. А мне нужна была героическая смерть за советскую Родину. Мы умирали за советскую Родину, мы гордились своей советской Родиной.

Все, с меня хватит, я больше в эти игры не играю, я не буду участвовать в войнах никогда!

В детстве любила читать книги про летчиков, потрясла книга летчика Водопьянова, зачитывалась книгой "Четвертая высота" про Гулю Королеву. Петя любил читать Ф.Купера, ДЛондона, Эдгара По, Конан-Дойля. Одни и те же книги читали и любили, с ума сойти! Интересно, что в детстве прочитала свои же книжки, те же самые книжки, что тогда, была бо-, лезнѣнная радость встречи с этими книгами. Воспоминание детства, восхищение перед детской библиотекой, сама в нее записалась в первом классе. Перед книгами испытывала чувство религиозного экстаза. В сессии звучит гайдаровское: "А жизнь совсем хорошая!", очень был значим Гайдар в детстве. Удивлялась, что поколение дочери и сама она не испытывают подобных чувств к его книгам.

Вот откуда часто болела, было трудно ходить в школу, она была точно такой же, как та довоенная, откуда туберкулез в верхушке левого легкого на месте того старого ранения. Благополучный ребенок из благополучной семьи - и такой хворый. В школе хорошо училась, но очень боялась учительницу литературы. Вспомнила, что в шестом классе, когда готовила к выступлению стихотворение, в котором было слово "шинель" и

• А

произносила его мягко, учительница требовала жесткого произношения, это слово звучало, как немецкое "шнель", становилось плохо от этого. Образ учительницы накладывался на сцены пытки и эсэсовца.

Там пользовались металлическими фляжками, а здесь всегда очень почтительно относилась к такой же отцовской военной фляжке.

Всегда очень не любила немецкий язык, в школе боялась при распределении попасть в класс, в котором его изучали. Теперь понимаю почему. С данной жизнью так много работали, столько раз проходили расстрел, что убрали из случая всю боль и все негативные эмоции. Когда проходили последний раз, при расстреле казалось, что пули проходят мимо, а я смеялась, глядя на это. Офицер в черной форме казался красивым, даже похожим на мужа, и я его любила в этот момент. Мне его было так жалко, что мне захотелось погибнуть в очередной раз так красиво, героически, а он должен в этой игре выполнять столь незавидную роль. Прошло более двух лет, и я оказалась в Германии, в которую никогда не стремилась, а тут поехала с огромным удовольствием. До чего же немецкий язык казался красивым и четким! Я его слушала, как песню. Теперь я люблю и Германию, и немецкий народ, и немецкий язык! Мало того, на кладбище я была восхищена тем, как немцы ухаживают за могилами погибших в последней войне солдат и офицеров. Раньше бы я испытывала от этого боль.

Сначала не могла понять, почему перед разведкой вижу листву желтой, а траву пожухлой, хотя знаю, что время теплого лета: в гимнастерке даже ночью не холодно. Потом только догадалась, что нахожусь в местах, где шли бои и все просто опалено.

Заметки аудитора:

"Вижу как карту сверху: Брянщина в переходе в Белоруссию - юго-западнее Москвы, севернее Смоленщина, западнее Белоруссия", - преклир удивляется, так как не знает расположения этих городов на карте, в этой жизни в них никогда не была, а "здесь все так четко видно".

"Там ощущение здорового, активного детства, будущее большое, светлое, могу осуществить все мечты. Такой ребенок счастливый!" Преклир всегда испытывала болезненные эмоции, когда говорили негативно про тридцатые годы, всегда считала их очень светлыми, завидовала в этой жизни тем, кто тогда там жил, считала, что тогда было счастливое детство. "Бегаем на Футбол на "Динамо", это рядом". Преклир в этой жизни на Футбол не бегала, будучи девочкой, но занималась легкой ат-

летикой на стадионе "Динамо", была "Юным динамовцем", не представляла, что можно болеть за другую команду. К футболистам испытывала благоговейное отношение.

Заметки историка:

Довоенное детство - типичная история многих тысяч обыкновенных московских мальчишек с их учебой, развлечениями и идеалами. Заметна характерная для 30-х гг. "идейность", вернее, заидеологизированность героя. Московская пролетарская семья из тех, которые дадут начало первому поколению советской интеллигенции.

Фронтная история довольно обыкновенна: лейтенант Ма-линин из тех выросших на войне хороших офицеров, что привели Красную армию к победе. Крайне показательна его система мышления: ему подсознательно нравится на войне, он чувствует себя здесь сильным и необходимым своей стране, это его мир. Точно так же считали и тысячи его сверстников, надевших в 1943-1945 гг. офицерскую форму. Это своего рода прослойка "людей войны", очень многие из них стали в послевоенные годы кадровыми военными, и таков был бы, вероятно, и путь нашего героя, если бы не его гибель. (Преклир соглашается с этим, выбрала и отца и мужа военных.)

Довольно интересна ситуация со знаками различия. Утверждается, что, когда Малинин прибыл на фронт летом 1943 г., знаки различия на его форме были в петлицах (один кубик - младший лейтенант). К этому времени Указом от 6 января 3 г. в Красной армии уже были введены погоны. Однако известно, что формы нового образца долгое время не хватало, и на фронте многие продолжали носить знаки различия прежнего образца - петлицы. Такую "старую" форму выдали, вероятно, и свежепроизведенному курсанту Малинину. (Преклир отмечает, что долго крутилась, недоумевая, что что-то не то с этими знаками различия, что они не соответствуют, но видела то, что видела.)

В годы войны в структуру советской стрелковой дивизии входила разведывательная рота. В разведку действительно старались отбирать наиболее развитых офицеров, желательно владеющих немецким языком. Именно в такой роте и воюет в 4 г. старший лейтенант Малинин. Задание, которое получает он перед своей последней операцией, входит в типичную компетенцию дивизионной разведки: сбор сведений в ближнем тылу противника и захват пленного ("языка" на фронтовом жаргоне).

Он попадает в плен в ходе неудачной разведывательной операции. Захватившие его германские солдаты с бляхами на гюди - из полевой жандармерии: именно они носили такие знаки отличия и активнее всего боролись с советской разведкой в прифронтной полосе. Именно у них было больше всего специально подготовленных собак, одна из которых и нашла раненого лейтенанта. Странно, что допрос пленного ведет офицер СС: как правило, захваченными советскими войсковыми разведчиками "занимался" абвер (военная разведка и контрразведка). Поведение лейтенанта Малинина на допросе тоже типично: немецкие источники

подтверждают, что не менее трети пленных советских разведчиков были способны выдержать пытки и умирали, ничего не выдав. •

Выписки из документов, справочников:

"Москва военная. 1941-1945. Мемуары и архивные документы" (101а).

Выступление по радио зам. председателя СНК СССР*², наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова*³ в связи с нападением гитлеровской Германии на СССР.
2 июня 1941 г.

(12 час. 15 мин.)

Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и товарищ Сталин*⁴ поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города - Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек...

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия договора...

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ - отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины...

*² *СНК СССР, Совет Народных Комиссаров СССР.*

*³ *Молотов (Скрябин) В.М. (1890-1986), в 1941-1945 гг. первый зам. председателя Совета народного хозяйства СССР, нарком иностранных дел, одновременно зам. председателя Государственного Комитета Обо-Роны.*

*⁴ *Сталин (Джугашвили) И.В. (1878-1953), в 1941-1945 гг. председатель Совета народного хозяйства СССР, председатель Государственного Комитета Оборона, нарком обороны, Верховный главнокомандующий, секретарь ЦК ВКП(б).*

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы советской авиации с честью выполнят долг перед Родиной, перед советским народом и нанесут сокрушительный удар агрессору...

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

"Правда", 1941, 23 июня.

Из воспоминаний председателя исполкома Моссовета В.П.Пронина.

[...] Незабываем высокий патриотический подъем, которым были охвачены советские люди в те дни. Целыми колоннами шли с заводов и фабрик в военкоматы москвичи. Целыми семьями и бригадами записывались добровольцами в Советскую Армию. Сотни и тысячи заводов и цехов с первого дня войны считали себя мобилизованными...

Состав работающих на московских предприятиях сократился на

На базе многих эвакуированных предприятий возникли мастерские по ремонту самолетов, танков, моторов и вооружения... Всего за время войны московская промышленность дала фронту более 16 тыс. боевых самолетов...

"Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945. Краткая история. М.: Ордена Трудового Красного Знамени военное издательство Министерства обороны СССР, 1970.

Поздней осенью 1943 г. Красная Армия освободила почти одну шестую часть Белоруссии. Обширная территория республики все еще оставалась в руках оккупантов...

К разгрому немецко-фашистских войск в Белоруссии основательно готовились 1-й Прибалтийский, 3, 2 и 1-й Белорусские фронты. Еще в начале мая 1944 г., как вспоминает маршал К.К.Рокоссовский, Верховный Главнокомандующий устно в общих чертах ориентировал командующих о предстоящем наступлении. В глубокой тайне штабы фронтов приступили к разработке планов. Вскоре они представили

свои соображения в Ставку. На основе этих тщательно продуманных предложений был разработан план наступления четырех фронтов в Белоруссии под условным названием "Багратион".

Замысел этой крупной операции 1944 г., вошедшей в историю Великой Отечественной войны Советского Союза в качестве одной из наиболее выдающихся операций, был прост и оригинален... Войска левого крыла 3-го и центра 2-го Белорусских фронтов наносили фронтальные удары: один - на Оршу, другой - на Могилев.

История Второй мировой войны 1939-1945., т. 9. М.: Ордена Трудового Красного Знамени военное издательство Министерства обороны СССР, 1978.

Войскам 2-го Белорусского фронта, которым командовал генерал Г.Ф.Захаров, предписывалось во взаимодействии с левым крылом 3-го и правым крылом 1-го Белорусских фронтов разгромить могилевскую группировку противника, освободить Могилев и выйти на Березину.

. Елена Ивановна Ивановская, 30 лет, в конце ноября 1922 г. отправлена на поселение в г.Тобольск за контакты с братом-биржевиком, заболела в пути. Выходили поселенцы, март 1923 г. (1 сессия).

Мне тридцать лет. У меня светлые волосы, пучок небольшой. Вообще я красивая, все говорят. Я живу в Москве, в маленькой трехкомнатной квартирке на Поварской, недалеко от Арбата. Квартира не нравится, вечно холодно, не очень удобная, угловая. В первой комнате мы и дети, девочка и мальчик. Большая комната, изразцовая печь до потолка, очень красивая. Старая нянечка живет, которая меня еще воспитывала. Где-то в другом месте жили, но Евгению, мужу, дали эту квартиру в бывшем доходном доме. Все меня называют "Ивановская", когда училась в пансионе, нас называли там по фамилиям. У меня своя фамилия. Мы с мужем не венчаны и не расписаны. Нянечка по этому поводу очень сокрушается.

- Да молчи ты, старуха, так сейчас все живут.

Муж мне подарил на тридцатилетие золотой медальончик и надел на цепочку вместо креста, сказал, чтобы я крест не носила. Он работает в Кремле. Няня говорит: "При царе-батюшке был бы ты обслугой". А он говорит, чтобы она этих слов не говорила, что он госслужащий.

- Это сейчас, а при царе - обслуга.

Москва снегом занесена, дров нет, очень холодно и голодно. Друг к другу никто не ходит. Няня выручает, бегает на Ка-лашовский рынок. А Евгений получает паек каждую неделю *в столовой, там, где Царское крыльцо. Приносит из Кремля в кульках и в газету завернутое.

- Дожили, нормально завернуть-то не могут, только в посудной лавке так заворачивают, - это няня.

Он в комендатуре, в охране Кремля. Бонч-Бруевич возглавлял охрану, был комендантом Кремля, их быт устраивал. Я работала в Третьяковке, сейчас не работаю.

У меня брат, младше меня, Ивановский Дмитрий Иванович. С Евгением они постоянно в ссоре. Он на бирже играет, но все не на пользу, все проматывает. На Беговой живет, в Яр ездит к цыганам, друзья у него сомнительные. Он разгульный, вся Москва его знает. Деньги огромные были, и нам он помогал. Колечко с изумрудом мне подарил на тридцатилетие. У меня все это раньше было, я привыкла. Он говорит: "Возвращаю краденое".

В Москве бирж много открылось, многие играют. Прямо избыток денег на руках, - Евгений сказал.

Заехал брат на извозчике, продукты привез, все в пергаментной бумажке, и все это стоит безумно дорого. Евгений нас кормит, а брат вкусеньким подкармливает.

- Ешьте, пока я жив.

- Ох ты, мой хороший шалопай, - нянюшка.

Она в нем души не чает. Первый кусок всегда ей. Едим в нянюшкиной комнате. У нее в комнате узкая печка, зеленой плиткой выложена. Теплая комнатка, маленькая. Нянечка называет меня "Солнышко". Чай ставим. В Москве сейчас только морковный пьют, чай очень дорогой, себе могут позволить только деловые люди. Он привозит, для няньки старается. Биржа на Мясницкой, "Чайный дом", он там все покупает. Калачи от Елисеева приносит детям-племянникам.

Евгений упрекает: "Твой братишка на извозчиках всю Москву объездил, надоело мне это..."

Ноябрь 1922 г.

Биржу закрывают, там следствие. У брата дела плохие, прибежал, просил, чтобы я с Евгением поговорила, а тот и слушать не хочет, руками разводит, что сделать ничего не может.

У нас черный телефон на стене.

- Нэп свертывается, биржу закрывают,- говорит Евгений по телефону, - и будет облава, массовые аресты дельцов-биржевиков. Почему бесконтрольность такая.

Нянечка брата жалеет. Все время забегал, а тут несколько дней не появляется, его, возможно,

забрали. Нянечка очень волнуется: где брат, там и сестра.

- Если с братом что-нибудь случится, то и сестре несчастья не миновать.

Евгений сообщил, что его забрали, там разборы идут биржевиков, и он по делу биржевиков проходит, и что я брата долго не увижу. Мы очень переживаем, нянечка испугалась, достала свой чемодан из-под кровати, валенки. Евгений чего-то все на работе, домой не приходит. Он последнее время стал странно себя вести, как бы он отдельно, а семья отдельно. В Кремле и сотрудники живут, вот он там и ночует.

- Где это видано, чтобы в Кремле люд толпился.

Праздники ноябрьские. Ночью к нам постучались, думали, что это Евгений... Вошли. Когда пришли, я у печки стояла.

- Ивановская Елена Ивановна, собирайтесь с вещами, надо разобраться.

Нянька уже все собрала, дает мне. Лифт стеклянный, как в Метрополе. Живем на четвертом этаже.

Зима. Маленький, с брезентом грузовик у входа, карбюратор закрыт телогрейкой. За кем-то еще заехали, напихали нас туда. Рядом с бортом военный: "Ну теперь на Ярославский вокзал на подъездные пути".

Поезд отогнан от вокзала дальше. Привезли, грузовиков много, машин двенадцать. Где грузовик остановился, в тот загон и сажают. Вагоны товарные, внутри скамьи по периметру. Лесенки установили. Погружают. Подсвечивают фарами грузовиков. Двое солдат помогают подняться, поддерживают. Когда поднялась, подали чемодан и паспорт в синем переплете, в него какое-то постановление вложено... "Выселяется из Москвы, мера наказания - поселение". Прохожу, сажусь на свободное место. У кого-то чемоданчики в руках, у меня тоже в руках чемодан темный, деревянный, на крышке открытки приклеены. Непривычно, сетка с продуктами: хлеб, бутылка с подсолнечным маслом закрыта пробкой из газеты, луковицы, пшено, в кульке куски сахара, от головки я его сама откалывала. Масло пролилось, руки испачканы. Ощущение, что все мне приснилось, что это случайно. Не знаю, куда документы сунуть, испачкаю их маслом, надо сунуть в валенки.

Теплушка набита людьми, нас человек тридцать, как сельди в бочке, как на картине Ярошенко "Всюду жизнь". Старики, женщины, есть еще молодые ребята-студенты, как воробьи. Все молчат. Недоумение. Дверь открыта. Справа на металлическом крюке висит лампа керосиновая. Темно, но освещено фарами.

У меня пальто черное осеннее на вате, расклешенное, манжеты на рукавах и воротник бархатом отделаны. Мне его нянечка дала. "Что новое-то трепать", - она сказала. Чемодан нянечкин, к нему ее новые серые валенки привязаны, убожество какое. Ботинки на каблучке, юбка длинная, перчатки, на голове шапочка каракулевая, как у Крупской, сверху платок-паутинка, белый, шерстяной. У меня кольцо и серьги золотые с изумрудом, бриллиантами. А еще у меня часы золотые швейцарские и браслет золотой на часах. Никто их не видел под кофтой. Еще Цепочка золотая, медальончик - зигзаг и маленький красненький камешек, с маленькими фотографиями детей.

В правом углу, под лампой, старик сидит, говорит: "Ну, дамочка, замерзнешь ты в таком одеянии. Не доедешь, околеешь".

Чокнулась я, что ли? Я чокнутая, точно чокнулась. Ну на первой станции меня выдворят. Нянечка позвонит мужу...

^ - Это все случайность. Муж вернется из Кремля и на первой станции меня вызволит.

- Из Кремля, говоришь, тем хуже будет.

нимает и говорит: "Пятый дом от края, иди". Я со своим чемоданом тащусь по тропинке. Оставили где-то на краю земли.

Раннее утро. Шеренга домов, все одинаковые, черные. Пролезаю под канат. Качаюсь, зацепляюсь за брус, на который калитка закрывается. Снег не утопан. Дом не обжитой. Захожу. Маленький темный предбанник, большая изба, окно заколочено. Тут никто не жил. Справа еще маленькая комната, там кровать за деревянной перегородкой. Бросаю чемодан и валюсь на эту кровать. Очень холодно. Кружится голова, плохо себя чувствую. Сквозь дремоту чувствую: кто-то пришел, женщина что-то говорит, спрашивает, как меня зовут, а я молчу. Печку затапливает. Две лавки сдвигают, раздевают, кладут, салом растирают.

- Запаршивела как, вши завелись. Надо переодеть ее во что-то наше, а одежду прокипятить. Волосы больно красивы, жалко стричь, надо керосином смазать. В баню ее вести нельзя, больно больная.

Перетаскивают на кровать, полушубком накрывают. Кровать уже застлана чистой ситцевой простыней. Дают кипяток. Кружка алюминиевая, травы с медом. Лежу, согреваюсь, засыпаю.

Сколько уж я дней так, я и не знаю. Володя и Мария, поселенцы, выходили меня, шиповник и травы заваривали. Все Володю политическим называют, Мария - его подруга. Он светловолосый, с голубыми глазами, пальцы у него длинные. Безрукавка, подбитая мехом, ремешок. Поселили одну, думали, что тиф, но Маша сказала, что простуда. А сейчас ко мне, может быть, кого-нибудь и поделят. Волосы Маша не

разрешила стричь, она их вычесывала деревянным гребнем, вот она мне и спасла косу. Звук... она у меня так вшей ловила, в бане парила. Баня по-черному, мыла нет, там тоже чай на травах настаивали. Здесь холод и есть нечего. Откуда ж они мед взяли? Большое село - крестьянское, там лавка есть, можно купить хлеба. Они сменяли у деревенских мое колечко обручальное, часть на деньги, часть на картошку и одежду: тулуп и платок, очень теплые. Все украшения сняли и повесили на край кровати, а кольцо я сама разрешила продать. Это дело наживное, главное^ Мария сказала, чтобы я была здорова.

- Крестьяне не возьмут, это им не нужно, - это Володя о кольце с изумрудом.

пугается, но я уже пришла в норму. Володя говорил, что я крепкая, организм молодой, все будет нормально. "Городским людям деревня необходима, для здоровья". Я уже здесь несколько месяцев. В избе я одна живу, хожу к Володе, так ни с кем не познакомилась. Они относятся ко мне хорошо. "Они и я" - я все время разделяю. Володя сказал, что никто не даст мне тридцать лет и что у меня двое детей. Я похудела и как девчонка выгляжу.

Март 1923 г.

Я в маленьком поселке, от Тобольска далеко, где-то в глуши. Наше село называется поселением. Здесь еще до революции ссыльные жили. Хорошо, что сюда попали. В Алтайском крае, куда привезли москвичей и питерцев, они себе землянки сооружали, там очень много народа погибло, а здесь хорошо, есть где жить.

Зима. Ужасные сугробы. Дома очень темные, деревянные, с одной стороны улицы. Рядом с заборами канат протянут. Поселенцы, те, что жили в Алтайском крае, знают, что чтобы пройти во время пурги и не заблудиться, надо натянуть канат' вдоль улицы и идти по нему, а к весне канат снимается. Был случай, когда человек замерз в двух шагах от дома. Я живу в пятом доме, хожу от пятого дома во второй от края, где Володя живет, Мария в третьем. Так до конца села ни разу не дошла.

Холодно сегодня. Я иду по дороге, хватаясь за канат. В черном тулупе, огромных валенках, варежки стеганые, на голове повязан деревенский коричневый платок. Заборы черные, как закопченные. Иду по чьим-то следам. Калитка деревянная, тяжело открывается. Проскальзываю под канат. Протоптанная дорожка, четыре ступеньки крыльца. Стучу. Знаю, что двери не закрываются. Вхожу. В предбаннике снова стучу в дверь. Снег отрясаю. Открываю дверь в большую избу. Притолока низко, в любой дом приходишь, приходится сгибаться. Здесь перед всеми приходится сгибаться. Все избы низкие, похожи друг на Друга, окна прямо на уровне лавок. В избе никого нет. Слева печка, занавесочка ситцевая наверху задвинута, задвигиваю вниз. Ухват стоит металлический. Поднос старый, угли на нем. Котелки здоровые, все под крышками. Едой пахнет, приноживаюсь. Свеча в очень хорошем подсвечнике. Лампа керосиновая.

Пытаюсь раздеться, но оставляю тулуп расстегнутым: мне холодно. На мне портки мужские стеганые, арестантские, которые они потом выменяли, а сверху юбка черная, длинная. Та-

кие штаны им на прииске выдают, все поселенцы их носят Кофта ситцевая в серо-голубенький цветочек, типа косоворотки, безрукавка вязаная. Шаток мокрый, снег все-таки был снимаю его, вешаю на ухват у печки. Прислоняюсь к печи' она чуть теплая. Варежки кладу на крышку котла. Стою у печки, смотрю в окно. Окно, выходящее на околицу, не занавешено. Снег, снег, вдаль возвышенность. Вокруг дома ни одного дерева, снежная пустыня вокруг, поле бесконечное. День ясный. Уже ближе к весне. Говорили, что зима здесь мягкая. "Скорей бы весна наступила", - думаю. А река открывается здесь поздно. Надо спросить, как она тут называется.

Присаживаюсь на уголок лавки, листаю книги. Думаю, чего он книги на виду оставил. Три книги в мягком переплете, может быть, это юридическая литература. Плюс "Вести" осенние, как журналы толстые, буква "ять". Я эти книги никогда не видела, думаю, что, конечно, лучше их не смотреть. Закрываю эти "Вести", рукой бью. Странные у него книги, читать тут нечего. Неэтично трогать чужие книги, но здесь никого нет. Справа у окна тумбочка, покрыта салфеточкой. Там у него книги, ящички с бумагами. Чернильница, ручка с пером, конец обкусанный. Он, когда пишет, всегда кусает. Статьи какие-то пишет. Думаю, что в баню надо в субботу сходить. Она здесь одна, как курятник, по-черному топится.

Я жду. Сколько времени, я не знаю. Часы на стене висят, но не ходят. Часов, наверное, шесть есть. Они должны с работы приехать, а сил у меня встретить их у крайнего дома нет. Я могу их только услышать, а не увидеть: окно в другую сторону выходит от дороги, на реку широкую. Они работают в большом селе, но что они там делают, я так и не разобралась. Их возят на работу на телеге, на лошади. Лошадь Кузьмы. Из поселка привозят продукты, свечи. В холодрыгу шарфами даже лицо закрывают, обморозиться можно. Должны давно приехать. Он мне пряники привезти обещал, соль и съестное, хлеба. Сахара и чая здесь нет, но зато здесь много трав. Чай этот с травами терпеть не могу, всю зиму пила, отвратный чай. Витамины-Хоть бы хорошего чая из самовара понюхать. У меня нет самовара, все в кружке завариваю.

Неуютно в избе. Они ничего не закрывают, здесь вообще никто ничего не закрывает. Кто же сюда придет, в такую глушь никто не придет, зато ссыльные поселенцы тут свободно живут. На краю деревни в

верхней избе, что ближе к дороге, следящие за поселенцами, и мы должны там отмечаться.

- Сейчас-то мы никуда не убежим, а летом проверять будут чаще.

Писем не получаю, переписка не разрешена. Володя говорит, что это могут и отменить. Никаких вестей. Тоска, о детях

лум У меня фотография их есть. Кто мой муж, я никому не говорю, потому что надеюсь, что мой муж меня вызволит, муж меня найдет, нет безвыходных положений. Они, наверное, не знают, кто у меня муж, но брат-то с нами не жил... Никто особенно Друг друга и не спрашивает. И что я дальше буду делать, я не знаю. Да чего унывать, живут же люди, может быть, к весне все будет нормально. Нянечка о детях позаботится. И вообще все это случайность. Я слабенькая, но настроение у меня не паническое, просто все разъяснится, и в обратный путь поеду. А пока мне надо выздороветь, скоро весна.

На тумбочке зеркало, старинное, местами с пятнами, по краю отбито. Смотрю, отхожу, снимаю платок, приглаживаю волосы, охорашиваюсь. На столе в котелке картошка в мундире. Картошка и для меня, но я есть без них не буду.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

Чай терпеть не могу на травах и в этой жизни. Не могу заваривать ромашку, когда горло полоскать надо. Дурно становится, когда дед пустырник заваривает. Удивляюсь, что другие любят такой чай. Когда меня как-то в гостях угостили чаем с травами, мне аж нехорошо стало. Валенки видеть не могу, не переносу.

Ощущение часто, что я не виновата, а могу пострадать из-за родственников, что глупость какую-то они сморозят. И по этой жизни все время ощущение, что, если что-то происходит, это случайность. Мне не свойственно ощущение отчаяния.

Люблю, когда что-то в пергаменте из магазина, особенно из Елисейского. Ощущение теплоты, если порезано тонко. Отношение к магазину "Чайный домик" на Мясницкой особое - самый лучший ароматный магазин, чувство к нему "пергаментное".

Не было безумного беспокойства за сына, не тосковала о нем в разлуке. Там тоже не испытывала за детей особого беспокойства и особого чувства любви и тоски, надежда на няню.

Бонч-Бруевич почему-то всегда очень не нравился: маленький, толстенький. Очень не нравилось, что в Кремле живут, возникал вопрос: "Что, в Москве не хватает домов?" Боялась это сказать. На экскурсиях даже никогда не говорила, что на месте Царского крыльца была столовая, там пайки раздавали, почему-то было стыдно этого.

В фильмах очень люблю толстых нянечек. Деревню зимой °чень не люблю.

Заметки историка:

Нэп - новая экономическая политика, провозглашенная на X съезде РКП(б) в 1921 г., на некоторое время возродила в

Советской России прослойку частных предпринимателей со свойственными им купеческими нравами. К этому кругу относился и брат главной героини. Несмотря на то, что в целом нэп был свернут только в 30-е гг., репрессии против отдельных представителей "советской буржуазии" осуществлялись большевиками постоянно, особенно начиная с 1922 г., когда Ленин начал отходить от управления страной. Показательно, что высылка на поселение осуществляется еще довольно мягко, по царской еще системе. В сталинские времена отношение властей к ссыльнопоселенцам серьезно ужесточилось.

Быт и нравы Москвы периода расцвета нэпа описаны довольно достоверно. В.Д. Бонч-Бруевич действительно руководил в 1918 г. переездом большевистского правительства из Петрограда в Москву и его устройством на новом месте.

. Грабители убивают пожилую женщину, 59 лет. Россия, Петербург, 1918 г. (1 сессия).

Седая, волосы собраны сзади в пучок. Одета опрятно. Дом не богатый. Снимает трехкомнатную квартиру с сыном.

Тревожно, страшно одной дома находиться. Выглядывать за окно боится, на улице холодно и опасно. Она вообще какая-то пугливая, руки даже дрожат. Должны куда-то уехать, потому что очень опасно. Ждет сына. Слышит какой-то скрежет, шорох, но он стих. Идет посмотреть, что там.

- Как страшно дома одной. Боже мой, там, кажется, кто-то есть. Может быть, это сын уже вернулся.

Выходит из своей комнаты в гостиную. Там горит одна керосиновая лампа, экономят керосин, поэтому свет тусклый. Ей страшно, но не в силах уже вернуться назад. Знает, что бы сейчас ни сделала, все равно должно случиться нечто неизбежное. Идти назад нет смысла. Идет вперед, отодвигает рукой шторы, несет в руке трехрожковый подсвечник, но в нем горит одна свеча. Хочет толкнуть дверь в коридор, посмотреть. Дверь распахивается. На нее набрасывается какой-то мужчина, сбивает ее с ног. Он достаточно

молод, лет 35. Подсвечник вылетает из ее рук. Она вскрикивает, кричать не может, скована от страха и неожиданности. Падает навзничь. Он падает вместе с бархатной темно-синей шторой, наваливается на нее. Хватает одной рукой ее руки, поджимает под себя. Локтем пытается придушить. Она пытается его оттолкнуть, но он ее подминает. Все тело напряжено. Все и очень медленно, и все моментально.

Появляется второй мужчина, постарше (чувствует это по голосу). Он говорит:

- Подержи ее, я что-нибудь тяжелое найду.

У нее голова запрокинута. Тот видит подсвечник, который отлетел метра на два. Хватает его и изо всей силы бьет ее по голове. Кость хрустит, глаза заливают кровью. Ей страшно больно, как будто в мозг врезаются. Не понимает, почему ее убивают.

- Я не верю, что все это со мной происходит. Кто-нибудь должен же прийти.

Первый давит локтем, сдавливая грудную клетку. Задыхается, ей страшно.

- Давай скорее приканчивай ее, хватит мучить. Да приду-имл бы ты ее совсем.

Нажимает. Ей очень страшно. Вздохнуть не может. Пытается уцепиться за воздух, за жизнь. Придушил. Резко наступает облегчение, напряжение и боль внезапно уходят. Видит сверху, что лежит тело на полу, голова запрокинута и разбита, волосы

растрепаны. Умерла от того, что задушил, а не из-за разбитой головы. Сначала не может поверить, что уже умерла. Никак не поймет, что все уже кончено, что ее никто не спас. Что им надо? Страшно и неприятно смотреть на себя, хочется уйти. Не хочется опять ожить. Кажется, что, если оживет, будет очень больно.

- Кажется, сдохла. Бросай ее, пошли за тем, за чем пришли. Угораздило же старухе попасться.

Идут в ее комнату.

- Ну где искать?

- Где-где, где старухи держат, в ящиках каких-нибудь, наверное. Открывай все подряд, сейчас найдем.

Открывают все ящики комода. Находят простую деревянную шкатулку. Там какие-то бумаги лежат. У нее нет никаких драгоценностей, им нужны эти бумаги.

- Хоть прочти, что написано, а то что-нибудь не то возьмем.

- Да так и сказали, что будет шкатулка с бумагами. Пускай сами разбираются. Уходим быстро.

Берут и быстро уходят. Видит, как они вышли на широкую лестницу многоквартирного дома, второй этаж, с грохотом бегут. Не понимает, зачем им эти документы.

Не может смотреть на свое тело, неприятно, что оно в таком виде. Не хочется там находиться, страшно, но хочет дождаться сына. Такое впечатление, что там на всю жизнь в этой комнате осталась. Теперь может уйти и уходит. Понимает, что сын придет и ее найдет, но ему уже ничем не может помочь. Уходит, ей уже там делать нечего. Поднимается, видит улицу сверху. Где-то река недалеко. Совсем темный город, почти ничего не видно. Уже и не жалко его оставлять. Уходит совсем вверх, все равно, что там внизу. Вверху как-то спокойно, хорошо. Там светлая дорога, и не видно конца ее. Золотистого, мягкого цвета дорога. Просто двигается вдоль этой дороги.

- Никуда не спешу, просто знаю, что иду, куда надо. Спокойно, легко, не хочет ни о чем думать, хочется просто

отдыхать.

- Была какая-то замученная. Не хбчу и не могу больше бояться. Хочу, чтобы было светло, и знать, что иду туда, куда надо. И когда это буду знать, у меня будет спокойно на душе. Состояние, что все кажется незначительным, что происходит в жизни. Приключения мелкотрависты. Себя там, на земле, немного жаль. А сейчас дергаемся, все кажется таким важным. На самом деле это эпизоды. Хочется научиться смотреть на себя теперешнюю оттуда, теми глазами.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

До 28 лет преклир испытывала чувство неудобства и страха, когда оставалась одна в любом месте, особенно дома. Отсутствовало ощущение защиты в собственных стенах, когда дом должен быть твоей крепостью. Из-за этого любила большие шумные компании.

В сессии звучит: "Идти назад нет смысла", - и сейчас по жизни всегда навстречу шагает тревожному чувству неизвестности. "Будь что будет", - остается ощущение неизбежности происходящего. Смеется, что когда-нибудь вспомнит, что было в бумагах.

С удивлением отслеживала в себе состояние, что значительно меньше боится, когда идет в каком-нибудь неприятном месте со своим ребенком, чем если бы шла одна. Казалось бы, должна защищать ребенка, а здесь он как бы является защитой. Параллель с вышеназванным случаем: сын - защитник.

Любит Петербург, но испытывает тоскливое чувство неуютности и заброшенности от небольших темных петербургских улиц именно в центре, в районе Невского, видимо, там была квартира, а узкие каменные колодцы дворов одновременно притягивают и пугают.

Заметки историка:

Ни для кого не секрет, что после большевистской революции волна преступности захлестнула крупные города России. Но в данном случае ограбление менее всего похоже на уголовное: убийцы действуют не как профессиональные преступники, у них иной стиль речи, да и ищут они не ценности, а какие-то бумаги. Возможна политическая подоплека.

. Петенька заболел ангиной, капризничает, не хочет заниматься музыкой. Офицер Петр боится революции, много пьет за что его упрекает жена. Смерть Петра Евграфовича от алкоголизма в возрасте 40 лет. Россия, начало XX в. (3 сессии).

- Пойдем, Петенька, в классную комнату, учитель пришел, заниматься пора.
- Не хочу (морщится).
- Как это ты не хочешь? Ничего не понимаю. Состояние тяжелое, голова болит, спать хочется, нос заложен, не дышит, горло болит.
- Не хочу этим заниматься, не буду, мне это не нравится. Не заставляйте меня, не хочу, не буду. Я не хочу играть, у меня болит голова.

Надо мной стоит учитель музыки.

- Не трогайте меня, я не хочу Вас слушать. Я заболеваю, а родители не понимают.
- Петенька, ну сядь позанимайся, не упрямься, не капризничай. Ну что же ты упрямисься. Я плачу, хнычу, все пусто в голове (произносит фразы тоном капризного ребенка, сморкается).
- Отстаньте от меня, голова болит, не буду учить. Уходите все, оставьте меня в покое.
- Да что Вы, он очень способный мальчик. Я сама не понимаю, что это с ним случилось, я его не узнаю, всегда был таким послушным, тихим ребенком. Он так хотел заниматься, не понимаю, что с ним произошло. Он у меня никогда не капризничал, может быть, он заболел. Вы уж нас извините, пожалуйста, приходите завтра.

- Мама, у меня голова кружится.
- Тебе попить принести?
- Ложись. Выпей вот это - и все пройдет. Настойка на спирту.
- У него глазки закрыты, наверное, заснул. Температура.
- У него тяжелое состояние, - говорит врач. - Температура высокая, надо ее сбить. Давайте побольше пить. У него ангина.
- Я совсем растерялась, мысли путаются. Он у нас ангиной никогда не болел. Простуживаться простуживался, а ангиной не болел. Это в первый раз...
- Не думайте об этом, поправится он, выздоровеет.

. Я уже сбилась со времени, даже не знаю, сколько здесь сижу- Потеряла счет времени. Только бы он не умер. Я выйду, а ты посиди с ним, Дашенька.

Темная комната. Я стою, передо мной на диване женский силуэт.

- Петр, у меня к тебе серьезный разговор. Ты опять напился. Я терпеть не могу пьяных. Ты же знаешь, как я тебя ненавижу, когда ты выпьешь.
- Мне бы твое мужество. Мария, где ты находишь силы так держаться?
- Я просто верю. Можно спастись только вместе, помогая друг другу-
- Все перевернулось, поменялось местами, теперь ты меня тащишь.
- Петр, ты что-нибудь для себя решил?
- Нет, я в полной растерянности. Не знаю, что мне дальше делать, я совсем запутался. Не знаю, в какую сторону бежать, что делать, я как в ловушке. Такая безвыходность, я боюсь. Мне надо отдохнуть.
- Ты же офицер, ты же любишь свою Родину, тебе надо ее спасать.
- От меня одного ничего не зависит. Я запутался в этой политике, я ничего в ней не понимаю, не понимаю, что сейчас происходит. Все перевернулось, порядочные люди стали подлецами. Мне жалко себя, мне жалко людей, которые просто так погибают. Это не справедливо. Не могу высказать того, что со мной происходит. Я не понимаю, кто прав, кто виноват, в таком тупике. Я хочу отсюда уехать, сбежать. Мне надо

разобраться.

- Куда ты поедешь? Там незнакомые люди, там все чужое тебе, ты там будешь один. Ты только представь, не с кем будет поделиться, ни друзей, ни близких. Ты представляешь, как ты там будешь жить?

- Но я не могу и здесь оставаться, все рушится, а я не понимаю, на чьей я стороне.

- У тебя есть долг, и ты должен его выполнять.

- Ты слепой, ты же ничего не видишь и ничего не понимаешь, кроме себя ты никого не видишь. Ты замкнулся на своих несчастьях, ты думаешь только о себе, тебя никто не интересуется. Ты эгоист.

- Как вы меня не понимаете, я ничего не могу с собой сделать, это выше моих сил. Я боюсь, я просто боюсь.

- Уходи! Ты, как баба, раскис. Эти события (революция) тебя сломили совсем. Ты постоянно сомневаешься, не можешь ни на что решиться. Ты совсем потерял силу воли. Тебе надо собраться. Ты же был прекрасным офицером, мужества тебе было не занимать. Что с тобой случилось? Тебя как подкосили Тебе решать, что тебе дороже.

- Петр, ты опять вчера пришел пьяный, ты чуть держался на ногах. Как я ненавижу, когда ты пьешь, если бы ты только знал. Ты теряешь всяческое человеческое обличье, когда выпьешь. Как так можно не жалеть себя?

- Я не хочу пить, но не могу же я отказать друзьям. Они наливают, а я не могу сказать "нет".

- Ты оставляешь там целое состояние, ты оставляешь там все. Тебе потом будет очень плохо, ты же это прекрасно знаешь. Почему ты не можешь остановиться? У тебя организм это уже не воспринимает, ты же на следующий день совершенно разбитый и больной. Ты слышишь, что я тебе говорю, или нет?

- Машенька, не трогай Меня, мне не до тебя. Мне сейчас так плохо, так, что лучше ты меня не трогай. Я сейчас не могу никого ни видеть, ни слушать. Оставь меня в покое.

- Посмотри на себя в зеркало, на кого ты стал похож. Ты совсем опустился. Кабаки и рестораны тебя до добра не доведут. Ты же сопьешься.

- Нет, никогда.

- Когда ты наберешься твердости, когда ты, наконец, станешь мужиком, перестанешь быть бабой.

- Ой, я потерял нить разговора, забыл, что хотел сказать. Вылетело из головы, что я хотел сказать. Я чувствую себя неудавшимся актером в этой жизни.

- Поешь что-нибудь.

- Нет, ничего не могу, не лезет, даже запах еды не могу переносить. Все перед глазами кружится, рот пересох, ни есть, ни пить не могу. Ладно, дай только воды, так желудок болит. Тошнит, как же меня тошнит, всего выворачивает. Дай что-нибудь попить, во рту пересохло.

Плывет все перед глазами, голова кружится. Ноги не держат, подкашиваются, как ватные, качает. Когда же это закончится? Руки чешутся, нос чешется.

- Вставай, ты уже полдня проспал.

- Отстань, не трогай меня. Я не могу встать, плохо себя чувствую.

- Глаза б мои на тебя не смотрели, на кого ты похож.

- Я не хочу умирать.

Отвернулся к стене, чтобы никто не трогал. И дух испустил. Умер спокойно, эмоций тяжелых не было. Сам не ожидал, что так быстро произойдет.

В теле: боль в желудке и в области поджелудочной железы.

- Вот и все, допился.

- Ничего особенного не произошло, этого и надо было ожидать.

- Вы же знали, что ему нельзя было пить ни в коем случае.

- Доктор, Вы же понимаете, что он алкоголик, его невозможно было остановить. Я от него так устала, так с ним намучилась, что его смерть для меня как облегчение. Жалко просто, что такой умный, добрый человек так печально закончил свою жизнь. Что же водка делает с людьми, как же это страшно.

Смотрит на эту сцену сверху, смотрит с грустью, что действительно стало с хорошим человеком. Созерцательно-спокойное состояние, нет ни паники, ни удивления. Уснул - и все, спокойствие.

Мария стоит в темном длинном платье.

- Умер батюшка, Петр Евграфович, царствие ему небесное. Неплохой был бы человек, если бы не пил, - голос прислуги.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания, заметки аудитора:

"Действительно, в детстве я тоже никогда не болела ангиной. Единственный раз заболела уже взрослой и тоже очень тяжело, недели две провалялась. В детстве не хотела учиться играть на пианино, был

мощный протест, как здесь у маленького Пети".

Осознание, что, когда в детстве во время болезни мама дала выпить Пете настойку и сказала: "Выпей вот это - и все пройдет", настойка-то на спирту была, вот он и спился потом. Запах спиртного дал ему привязанность и надежду, что, когда выпьет, все и пройдет. Особенно при желании опохмелиться, когда голова кружится, чтобы не кружилась, не болела. В этой жизни терпеть не может пить, ощущает страх, когда пьет кто-то другой, что человек уничтожает себя. Когда ждала гостей, всегда было очень жалко деньги тратить на бутылки. Выпивку не могла переносить ни в каком виде, при том что всегда любила компании. "Раз я так пьянство не люблю, потому что там Умерла от пьянства, то, может быть, и те, кто сейчас от пьянства умирают, в следующей жизни уже будут трезвенниками! Хотелось бы верить".

"Нет, ничего не могу, не лезет, даже запах еды не могу переносить", - эти жалобы присутствуют и в высказываниях мамы во время беременности, и в ощущениях пациентки в детстве, когда очень активно реагировала на запахи. Как только заходили в столовую, так тут же была реакция. Она никогда не могла переносить запахи столовой, говорит, что не могла бы ни за что работать там.

У преклира, когда ей плохо, всегда такое состояние, чтобы ее никто не трогал. В инграмме фраза: "Посмотри на себя, на кого ты похож, как ты опустился", - и ей действительно, когда плохо себя чувствует, хочется посерее одеться, чтобы быть незаметной. Когда выпьет, раздирает себе руки в области предплечий, а выпивший Петр говорит, что у него руки чешутся. У умирающего перед смертью боль в желудке и в области поджелудочной железы, и у преклира, стоило чуть выпить, как сохли сильно губы и давала себя знать поджелудочная железа.

"Завязки с соматикой в животе: корень - в храме, боль в животе от выпитого зелья там и тут. Эти жизни получаются связанными, на одну и ту же тему. Где тут поправиться, если то от голода, то от рака, то от какой-то еще заразы умираешь, четыре тысячи лет желудком мучаешься. Проходила обследование, все в начальной стадии. А у меня есть хотя бы один здоровый орган, хотела спросить у врача" (смеется).

Идут фразы, общие для умирающего Петра и замерзающей старушки: "Я не хочу сопротивляться, мне все равно, все безразлично. Меня ничего не волнует, ничего не интересует". Это были основные жалобы преклира при обращении к одитору. Ни к чему в жизни уже не было интереса. Теперь, по мере продвижения терапии, оживает.

Высказывание в инграмме: "Я запутался в этой политике, я ничего в ней не понимаю", - "Это точно, я совершенно в этой жизни ничего не понимаю в политике".

. Марина, 26 лет, через снежную пургу возвращается с за-к своим детям, 1917 г. Россия, северная деревня (1 сессия).

Молодая женщина живет в деревне, зарабатывает плетением кружев, достаточно художественных и хорошо выполненных. Мух погиб, с ним произошел несчастный случай. Воспитывает самостоятельно двоих детей. Она - сильная, волевая женщина, высокого уровня культуры для деревни, но физически слабенькая. Благодаря сильной воле и выживает. Достаточно строгая в своем поведении. Верующая, но без фанатизма.

С огорода на всю зиму не хватает продуктов, приходится подрабатывать. Сейчас возвращается из мест, где продала свои изделия. Она больна, простужена.

Видит потемневшие, небольшого размера срубы, последний дом у околицы, впереди поле, по окраине которого вдалеке лес. До околицы ее провожает женщина.

- У тебя руки золотые. Будет еще, приноси, я у тебя все возьму.

- Я торговаться не умею, да и не люблю, купец из меня плохой.

- Горемычная, на кого же ты детей оставила?

- Да с бабулей старенькой, она сама еле передвигается. Да хоть кто-то в доме, печь затопит, да и то хорошо.

- Сколько детишкам твоим?

- Да старшенькому шесть, а младшенькой четыре. Старшенький мне уже помогать старается. Чувствует, что тяжело, и сам старается, чем может.

- Да, от горя дети быстрее взрослеют. Что же ты замуж не выходишь, не старая вроде бы еще?

- Да сватать сватаются, а путевого нет. Страшно, как будет к детям относиться, не свои ведь. Боюсь, обижать будет.

- Куда ты пойдешь, ты же на ногах еле держишься. Останься, переночуй, посмотри, какая погода на улице. Погода начинает портиться.

Сейчас на улице еще светло.

- Да мне уже немного осталось, большее я прошла.

- Подумай хорошенько, не упрямясь, оставайся.

- Я не могу задерживаться, меня дома ждут. Они голодные " ждут меня. Если я сейчас не пойду, то я совсем разболеюсь и свалюсь, а мне надо идти.

- Ну смотри сама, тебе виднее.

Одета во что-то темное, платок глубоко на глаза надвинут. Чистая, опрятная, аккуратная. Мешок-котомка за плечами, несет продукты. Ветер продувает насквозь, одежда тканевая.

Длинную юбку развеивает ветер. Походка сгорбленная, голова наклонена вперед, сопротивляется ветру. Сумрачно, плохая видимость.

Сил нет, я не дойду. Ветер прямо в лицо, он меня сбивает не дает идти. Снег залепил глаза, я ничего не вижу. Меня насквозь продувает. Такая пурга, как я дойду? Не вижу даже дороги, не вижу, куда идти. Боже, выведи меня, мне очень надо домой, меня очень ждут. Им без меня не выжить, они без меня погибнут, они еще очень маленькие. Кроме меня они никому не нужны. Я нужна дома. Господи, молю, донеси меня до дома мне очень надо. Только бы дойти, только бы не замерзнуть.

Лицо горит посеченное ветром, уши закладывает.

Только бы с детьми ничего не случилось. Задыхаюсь. Тяжело идти, ноги в снегу вязнут. Ноги не слушаются, как же трудно идти. Надо идти, нельзя останавливаться. Мне надо идти. Мне не на кого положиться.

Она в полусознательном состоянии.

Мне надо съесть хоть кусок хлеба, иначе я не дойду. Мешок давит на плечи, какой же он тяжелый. Очень больно. Рук не чувствую, в спину вступило, шею свело, не разогнуться, плечи оттянуло, ноют. Боль не отпускает. Выбилась из сил совсем, так долго иду. Нечего назад оглядываться, надо идти вперед, пробиваться. И чего я не послушалась, не осталась. Лицо все снег залепил.

Впереди дом чернеется на фоне светлого неба. Метель закончилась.

Последние шаги самые-самые тяжелые. Только бы на крыльцо подняться. Ноги деревянные, колени не сгибаются, трясутся от усталости, так устала, трясуся от холода и голода.

- Открывайте, не бойтесь, это я.

- Это ты, Марина?

- Ты, бабуля, открывай скорей, чуть живая, еле на ногах стою.

В избе светлый выскобленный деревянный пол, достаточно чистый. Дети подбегают с двух сторон, обняла их, присела. Перед глазами угол побеленной печи.

- Неужто я дошла. Не верила, что и доберусь.

- Мама, мамочка, а мы тебя ждали-ждали.

- Вот я и пришла. Родные вы мои, не думала уж, что и дойду. Если бы не вы, я не дошла б. Всю дорогу о вас только и думала, вы мне силы давали.

- Не виснете вы на ней, она еле на ногах держится.

- Мамулечка, миленькая, как мы рады тебя видеть, как мы тебя ждали.

- Помогите ей лучше раздеться.

- Помогите снять мешок, а то руки не слушаются, замерз-Ой, бабуленька, не разогнуться, вся спина болит. Как я

этот мешок дотащила, он мне все руки оторвал. В доме темно, свет кое-какой от печи.

- Лучину зажги, совсем ничего не видно. Даже не верится, что до дома добралась.

- Все кружева продала?

- Да, бабушка, люди хорошие попались, забрали все сразу, да и не торговались долго. Просили еще приносить. Повезло мне в этот раз.

- Поешь хоть что-нибудь. Я картошки напарила, в чугушке чуть-чуть осталось.

- Нет сил, мешок все плечи оборвал. Лицо как обветрело.

- Ты на себя посмотри, отощала-то как, одна кожа и кости.

- От такой жизни не поправишься. Я и не хочу быть толстой, работать тяжелее, двигаться тяжелее.

- Не буду тебя больше спрашивать, грейся-согревайся. Полежай быстрее на печь, ты вся горишь. Я тебе сейчас травы напарю. Отдыхай.

Говорить даже тяжело, язык еле ворочается от усталости. Сейчас я отогреюсь.

- Да залезай быстрее на печь.

- Я завтра же на утро встану и все сделаю.

- И не выдумывай, ты еле на ногах держишься, отоспись... А ну бегом спать. Завтра наговоритесь. Видите, мать чуть живая, дайте ей отдохнуть, прийти в себя.

- Бабуля, мы мамочку так ждали, а ты нас спать гонишь, не даешь поговорить.

- Не стыдно тебе, ты такой большой, а к матери ластишься как маленький. Давайте спать.

Как хорошо на печке, всю дорогу мечтала, скорее до дому да отогреться на печке. Сейчас бы еще в

баньке попариться, всю хворь бы как рукой сняло. Только бы не заболеть. Уши заложило, левое ухо совсем ничего не слышит.

- Одень на голову платок, и давай погреем его на печке. Лежит на печке^ немного озноб выходит.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

"От такой жизни не поправишься. Я и не хочу быть толстой, работать тяжелее, двигаться тяжелее", - преклир тоже боялась располнеть, поправляться не хотелось. В настоящее время "УДенькая, изящная.

Марине там мешок все плечи оборвал, а преклир, когда пыталась у бабушки в деревне носить коромысло, не смогла этого сделать, плечи очень болели. На плечах ничего не может носить и не любит. В инграмме: "В спину вступило, шею свело не разогнуться, плечи оттянуло, ноют", - пациентка как родила, так со спиной стало плохо: "Чуть согнусь, уже не разогнуться, йога только и помогала". После этой сессии уже острых приступов не было (прошло три года).

"Лицо как обветрело", - на холоде всегда краснеет лицо, оно даже шелушилось. Позже заметила, что таких явлений уже нет.

"Чуть живая, еле на ногах стою", - так по жизни и хожу, сил ни на что нет. По всем инграммам сил нет. Откуда им взяться?

Там бабушка высказывается в адрес сына: "Не стыдно тебе, ты такой большой, а к матери ластишься как маленький", - вот и я не ласковая поэтому.

Городской житель, а всегда желание на печку забраться, когда на улице холодно, "...еще в баньке попариться, всю хворь бы как рукой сняло", - у меня тоже такое желание, чтобы русскую баньку на даче сделать, с веником, не понимаю эти сауны. "Только бы не заболеть. Уши заложило, левое ухо совсем ничего не слышит", - у преклира все детство были проблемы с ушами, очень часто болели. В восьмом классе был момент, когда гложла на левое ухо. За три года, как проработали этот материал, ни разу не было заболевания ушей, к врачам ни разу ни по каким поводам не обращалась.

Наташа, 18 лет, во время балетного спектакля не может больше танцевать. Наталья Николаевна в 19 лет разорилась. Наташа, 23 лет, беседует с писателем в публичном доме, Петербург-Старая женщина, 79 лет, замерзает и умирает от голода где-то на дороге. Россия, конец XIX в. (5 сессий).

- Что с Вами, Наташа? Я Вас не узнаю, у Вас сегодня ноги деревянные, - обращение мягкое, приятное. Это балетмейстер на репетиции.

- Я сама не знаю, что со мной. Я их не чувствую, меня ноги сегодня не слушаются. Я сама не понимаю, в чем дело.

- Надо размять ноги.

- Надо выходить на сцену, Ваш выход. Начинают болеть икры.

Надо пересилить себя, это пытки. Ноги болят ужасно, судороги сводят ноги. Не чувствую ног.

От усталости ничего не вижу, глаза болят, от яркого света слезятся. Освещение сцены - вспышки в глазах.

Пытается расслабить ноги, делает массаж. Нога на ногу вытянуты после спектакля. Расслаблена, согнулась над ногами.

- Я не смогу больше танцевать. Придется оставить сцену. Это мой последний спектакль.

Сидит перед зеркалом, сама с собой разговаривает, потом в подушку уткнулась.

- Последние деньги пропали, у меня больше ничего нет. Я - нищая. Деньги, деньги, как плохо, когда их нет, как без них тяжело. Я в такой растерянности (плачет). Куда мне теперь идти? Я никому не нужна. Я совсем одна, это так страшно, рядом ни одного родного человека, даже пожаловаться некому, обратиться не к кому, мне некому помочь. Что же я буду делать? (Полубессознательное состояние от слез, от страха, от незнания, что делать.)

Разговор прислуги:

- У барышни обморок. Это известие совсем ее подкосило. Я не знаю, как она оправится после него, у нее ведь совсем никого нет, она одна-одинешенька осталась на свете, да и денег тоже нет. Что она будет делать? Я бы не хотела оказаться на ее месте. Я с содроганием думаю, что с ней будет.

- А что ты за нее переживаешь, в содержанки пойдет, не она первая, не она последняя. Она красивая, быстро себе кого-нибудь найдет. Выбирать не приходится, выбор невелик - гувернанткой или содержанкой. Это одно и то же. Надо ее привести в чувство. У тебя нюхательная соль есть?

Нечем дышать, я задыхаюсь.

- Ей надо дать успокоительные капли, и пусть пбспит Сходи за каплями, я посижу возле нее.
- Спасибо тебе, дорогая, как мне жалко будет с тобой расставаться.
- Да что Вы, Наталья Николаевна, не думайте об этом, посидите, отдохните.
- Все сжимается внутри (болит в области желудка). У меня нет сил сопротивляться ударам судьбы.

Артистка из меня не получилась, замуж я не вышла, родители меня оставили (умерли), а теперь последние деньги пропали. Жить не хочу. Ду-няша, что же мне делать?

- Успокойтесь, барышня Наталья Николаевна, отдохните, поспите, потом что-нибудь решите.

Пойдете детишек учить, вы же умница.

- Да что ты, какая же умница, если я ничего в жизни не умею и не знаю, что дальше делать. Да что ты говоришь, Ду-няша, если бы я была умницей, я бы в таком положении не оказалась.

- Барышня, не плачьте больше, не расстраивайтесь, выпейте водички, ложитесь, отдохните.

- Не хлопайте дверями, она только заснула, и я пойду отдохну. Да, тяжело ей придется. Во сне все еще всхлипывает.

Чувствует себя молодой женщиной в длинном черном платье.

- Ты мне неприятен, ты мне противен. Я не хочу тебя видеть. Уходи! Мне невыносимо тебя видеть.

Меня от тебя тошнит.

Больно, как же больно! Это не справедливо. Я этого не заслуживаю. Почему мне так тяжело? Горло сдавливает, душат слезы, не хочется жить. Не знаю, к кому обратиться, кто мне поможет. Мне некому помочь. Я никому не нужна. Я ничего не умею делать. Как я буду жить дальше? У меня ведь ни копейки денег.

Смена настроений. Другой эпизод в более позднее время перед зеркалом:

- Я достаточно хороша собой, придется воспользоваться этим.
- Вы меня не так поняли, я не этого от Вас хочу. Я просто хотел с Вами поговорить.
- Вы заплатили, Вы теперь хозяин, я в вашей власти.
- Наташа, не сердитесь, я не хотел Вас обидеть.
- А что Вы от меня хотите?
- Расскажите мне о себе.
- А почему Вы думаете, что я захочу Вам рассказать о себе, зачем Вам моя жизнь?

- Вы мне кажетесь необычной девушкой. Вы отличаетесь от тех которые здесь находятся, что-то в Вас есть особенное. В Ваши глаза смотреть невозможно, они выворачивают всю лущу, в них столько затаенной боли. Мне хочется написать о Вас рассказ.

- Моя жизнь одна из тысячи подобных, что о ней рассказывать. Мне самой больно вспоминать, как я скатилась в эту яму. Не хочу об этом думать, воспоминания приносят столько боли, как будто настоящая жизнь прошла мимо меня стороной. Что Вам рассказывать и зачем, да и кому это вообще интересно. Не надо обо мне писать, я падшая женщина и скатываюсь в яму все дальше и дальше. Из нее мне уже никогда не выбраться. Я ненавижу то, чем я занимаюсь, но ничего другого я не умею. С каждым разом все трудней и трудней надевать на себя маску и выходить в зал, чтобы тебя кто-нибудь в очередной раз купил. Вы не представляете, как это противно и как это меня мучает. (Наташа сотрясается в рыданиях, пациентка тоже.)

- Я из провинции, из маленького городка под Москвой. У меня были чудесные родители. Мы жили безбедно, отец служил, у него было хорошее жалование. Имение давало доход, да и мама у меня была хорошая хозяйка, так что хватало нам на нашу жизнь. А потом один за другим умерли родители, имение разорилось, пришлось за долги его продать. Так я осталась одна без средств к существованию.

Я пошла в гувернантки в одну приличную семью. Хозяйка меня невзлюбила. Да и действительно, кому нужны красивые гувернантки. Когда женщины ненавидят, это страшно, они так тонко могут подчеркнуть свое превосходство, так больно задевают твое самолюбие, так могут издеваться. Да что мне Вам говорить, Вы и сами знаете. Я терпела только потому, что другого выхода не было. Я сносила все ее колкости, делала вид, что их не замечаю, не понимаю, пропускала мимо себя. Реветь могла только по ночам, закрывшись у себя в комнате, чтобы никто не видел и не слышал. Ее дочь... Даже вспоминать об этом не хочу, после нее я детей возненавидела. Это была точная ее копия.

Если бы Вы знали, как я была одинока. Вокруг ни одного Дружелюбного взгляда. Вокруг меня была отчужденность, без-

различие или ненависть. Я никому не могла довериться, я ни кем не могла обменяться своими мыслями, мне даже погово-| рить не с кем было. Я постоянно должна была сдерживать се-| бя, чтобы ни одним взглядом, ни одним словом не выдать сво-| их чувств. Вся боль была внутри меня.

Мысли путаются, рассказ сбивчивый получается. Зачем! Вам это нужно? Разве Вы сможете передать ту боль, которая! внутри меня, ее невозможно описать да и трудно^ понять чело-| веку, который не пережил.

Не хочу вспоминать. Я не могу передать Вам свои мысли.

- Дайте мне Вашу руку, я хочу ее поцеловать.

- Зачем Вам, я же не знатная дама из высшего общества, я | этого не достойна.

- Зачем Вы себя принижаете?

- Подождите, дайте мне передохнуть, я устала говорить. Все | прошло, незачем ворошить старое, поднимать прежнюю боль. Я не хочу опять все вспоминать, боль еще осталась. Это боль- | ное место, воспоминания несут боль, как мне больно это вспоминать, все сжимается внутри от воспоминаний. Зачем [Вы заставили меня все это вспоминать, я как будто заново все это переживаю.

- Продолжайте.

- Неужели Вам это интересно? Неужели Вы сможете понять, что творилось внутри меня, как я жила, что я чувствовала? Как Вам передать весь ужас моего пробуждения по утрам, когда я понимала, что надо вставать и начинать новые мои испытания. Это каждый день, изо дня в день одно и то же. Вы понимаете, что я даже плакать могла только одна, чтобы никто не видел.

После года пребывания у них меня было не узнать. Я осунулась, похудела, под глазами образовались синяки. Я смирилась со своей судьбой и уже перестала ждать для себя что-нибудь интересное. А потом появился он. Он приехал к дядюшке погостить. Я просто сама себя в него влюбила. Он был просто новое лицо, и он отличался от своих чопорных родственников общительным характером. С ним можно было легко и непринужденно говорить. Ради него я готова была все бросить. Во мне было столько неизрасходованных чувств, и мне надо было их на кого-то излить. А он просто уехал, испугался, просто струсил. Мне стыдно об этом говорить. Мне повезло, что я тогда не забеременела, поэтому никто не догадался о наших отношениях и меня не выгнали. А я заболела, три дня провалялась в постели не вставая, у меня не было сил подняться, я не хотела ни есть, ни пить. Я потом долго приходила в себя.

Лето прошло, мы вернулись с дачи. К хозяевам приходило ого гостей. Одному из гостей я приглянулась, и он предложил мне сопровождать его во Францию. Оставаться в этом до-ш; для меня было мукой. Надежды на будущее у меня не было, хоть два года, да мои, а там что будет. Два года пролетели не-аметно, но все хорошее кончается и быстрее, чем мы думаем. Я опять осталась ни с чем. Я и французский стала забывать. Теперь уже выбирать не приходилось и вовсе, путь был один. Здесь Вы меня и нашли. Перед собой в жизни я больше ничего не вижу, надеяться не на что. Это только сказки бывают с хорошими концами, в жизни на это надеяться не приходится. К жизни я безразлична, меня уже ничто не радует и не огорчает. Внутри пусто, опустошенность. Живу одним днем, заглядывать в будущее не хочу, да и боюсь. Ничего не радует. Хватит, на сегодня хватит. Уходите, я Вас очень прошу, уходите. Ваше время истекло. Вы на меня зря потратили деньги, я виновата перед Вами, что не оправдала Ваши надежды.

- Я смотрю на Вас Вашими глазами. Все переживания Ваши мне близки и понятны.

- Голова разболелась. Лучше бы Вы меня не спрашивали, я опять разволновалась. Мысли и воспоминания нахлынули на меня, они меня опять встревожили. Я стараюсь не вспоминать ничего из своей жизни, я стараюсь гнать все воспоминания прочь, я стараюсь не думать. Я ненавижу мужчин. Столько боли с ними связано, они столько зла мне причинили. Больно, больно, как же это больно. Сколько же во мне боли, как же я их ненавижу. Они мне противны, все желания и мысли у них на лице написаны. Сколько отвращения, они нас за людей не считают, а я должна притворяться, пересиливать себя. Опять все в себе. Как мне хочется от всего этого избавиться. Это какая-то яма, болото, которое тебя засасывает. Оно не отпускает, как ты ни барахтаешься, засасывает глубже и глубже, неотвратимо. Я чувствую приближение своего конца, успокоилась и просто жду. Мне все совершенно безразлично, какая-то апатия. Не хочу ничего делать, мне ничего не интересно. Я только Двигаюсь, душа моя давно умерла.

- Прощайте, Навряд ли мы с Вами еще встретимся. Я здесь проездом, попал к Вам случайно, но очень рад нашей встрече. Я Вас не забуду. Вы во мне что-то всколыхнули, и мне очень захотелось написать. Я очень хочу запомнить Ваш образ. Если мне еще раз удастся приехать сюда, я постараюсь Вас разыскать. Ваши глаза я не забуду.

- Такого человека, как Вы, я встречаю первый раз в своей жизни. Я не думала, что такие люди попадают... Я совсем Разбитая. Приходится маску на лицо надевать, улыбаться, когда

²- Зак. 2210.

различие или ненависть. Я никому не могла довериться, я ни с кем не могла обменяться своими мыслями, мне даже поговорить не с кем было. Я постоянно должна была сдерживать себя, чтобы ни одним взглядом, ни одним словом не выдать своих чувств. Вся боль была внутри меня.

Мысли путаются, рассказ сбивчивый получается. Зачем Вам это нужно? Разве Вы сможете передать ту боль, которая внутри меня, ее невозможно описать да и трудно., понять человеку, который не пережил. Не хочу вспоминать. Я не могу передать Вам свои мысли.

- Дайте мне Вашу руку, я хочу ее поцеловать.

- Зачем Вам, я же не знатная дама из высшего общества, я этого не достойна.

- Зачем Вы себя принижаете?

- Подождите, дайте мне передохнуть, я устала говорить. Все прошло, незачем ворошить старое, поднимать прежнюю боль. Я не хочу опять все вспоминать, боль еще осталась. Это больное место, воспоминания несут боль, как мне больно это вспоминать, все сжимается внутри от воспоминаний. Зачем Вы заставили меня все это вспоминать, я как будто заново все это переживаю.

- Продолжайте.

- Неужели Вам это интересно? Неужели Вы сможете понять, что творилось внутри меня, как я жила, что я чувствовала? Как Вам передать весь ужас моего пробуждения по утрам, когда я понимала, что надо вставать и начинать новые мои испытания. Это каждый день, изо дня в день одно и то же. Вы понимаете, что я даже плакать могла только одна, чтобы никто не видел.

После года пребывания у них меня было не узнать. Я осунулась, похудела, под глазами образовались синяки. Я смирилась со своей судьбой и уже перестала ждать для себя что-нибудь интересное. А потом появился он. Он приехал к дядюшке погостить. Я просто сама себя в него влюбила. Он был просто новое лицо, и он отличался от своих чопорных родственников общительным характером. С ним можно было легко и непринужденно говорить. Ради него я готова была все бросить. Во мне было столько неизрасходованных чувств, и мне надо было их на кого-то излить. А он просто уехал, испугался, просто струсил. Мне стыдно об этом говорить. Мне повезло, что я тогда не забеременела, поэтому никто не догадался о наших отношениях и меня не выгнали. А я заболела, три дня провалялась в постели не вставая, у меня не было сил подняться, я не хотела ни есть, ни пить. Я потом долго приходила в себя.

Лето прошло, мы вернулись с дачи. К хозяевам приходило много гостей. Одному из гостей я приглянулась, и он предложил мне сопровождать его во Францию. Остаться в этом до-

е для меня было мукой. Надежды на будущее у меня не было, хоть два года, да мои, а там что будет.

Два года пролетели не-

аметно, но все хорошее кончается и быстрее, чем мы думаем. Я опять осталась ни с чем. Я и французский стала забывать. Теперь уже выбирать не приходилось и вовсе, путь был один. Здесь Вы меня и нашли. Перед собой в жизни я больше ничего не вижу, надеяться не на что. Это только сказки бывают с хорошими концами, в жизни на это надеяться не приходится. К жизни я безразлична, меня уже ничто не радует и не огорчает. Внутри пусто, опустошенность. Живу одним днем, заглядывать в будущее не хочу, да и боюсь. Ничего не радует. Хватит, на сегодня хватит. Уходите, я Вас очень прошу, уходите. Ваше время истекло. Вы на меня зря потратили деньги, я виновата перед Вами, что не оправдала Ваши надежды.

- Я смотрю на Вас Вашими глазами. Все переживания Ваши мне близки и понятны.

- Голова разболелась. Лучше бы Вы меня не спрашивали, я опять разволновалась. Мысли и воспоминания нахлынули на меня, они меня опять встревожили. Я стараюсь не вспоминать ничего из своей жизни, я стараюсь гнать все воспоминания прочь, я стараюсь не думать. Я ненавижу мужчин. Столько боли с ними связано, они столько зла мне причинили. Больно, больно, как же это больно. Сколько же во мне боли, как же я их ненавижу. Они мне противны, все желания и мысли у них на лице написаны. Сколько отвращения, они нас за людей не считают, а я должна притворяться, пересиливать себя. Опять все в себе. Как мне хочется от всего этого избавиться. Это какая-то яма, болото, которое тебя засасывает. Оно не отпускает, как ты ни барахтаешься, засасывает глубже и глубже, неотвратимо. Я чувствую приближение своего конца, успокоилась и просто жду. Мне все совершенно безразлично, какая-то апатия. Не хочу ничего делать, мне ничего не интересно. Я только Двигаюсь, душа моя давно умерла.

- Прощайте, Навряд ли мы с Вами еще встретимся. Я здесь проездом, попал к Вам случайно, но очень рад нашей встрече. Я Вас не забуду. Вы во мне что-то всколыхнули, и мне очень захотелось написать. Я очень хочу запомнить Ваш образ. Если мне еще раз удастся приехать сюда, я постараюсь Вас разыскать. Ваши глаза я не забуду.

- Такого человека, как Вы, я встречаю первый раз в своей жизни. Я не думала, что такие люди попадают... Я совсем разбитая. Приходится маску на лицо надевать, улыбаться, когда

- Наташа...

Как будто кто-то следит за мной. Не хочу вспоминать, я одна. Очень холодно. Мне уже не подняться, сил нет. Глаза ничего не видят, черно перед глазами. Господи, забери меня из этой жизни, я не хочу больше жить, я не могу больше так мучиться, я все равно никому не нужна. До чего же я дошла умираю под забором, одна, никому не нужная. Да, это мои последние часы, тяжело это осознавать. Не отпускает. Может там легче, и наступит конец моим мучениям, скорей бы. Тяжелей всего ждать, когда же я умру. Тяжело осознавать, что на улице, как бездомная собака. Хотя бы закопал потом кто-нибудь. Боже, отпусти мою душу на покаяние.

Ничего не вижу перед глазами. Какие-то гримасы на лице. Не ощущаю тела.

- Наконец-то (последние слова бабули).

Серое пасмурное небо. Смотрит сверху: старушка в сидящей, скрюченной позе завалилась в снег, по телу проносится снежная поземка, снег все больше замечает это замерзшее, в черном теле. Сожалеет об этом теле, но сильных эмоций по этому поводу нет, что так безвестно, бесславно закончилась эта жизнь.

Утром находят люди.

- Ну эта бабуля наконец-то умерла. Надо ее хотя бы закопать.

-

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

"Там Наташа расслабленно согнулась над ногами, эта поза всегда нравилась, люблю так сидеть.

В детстве необыкновенно любила балет, очень хотела танцевать, но никому не говорила об этом, это было глубоко внутри. Пыталась сделать себе что-то типа станка. Хотела очень, чтобы тело было гибким, чтобы садиться на шпагат. Наташа не смогла танцевать - это рестимуляция пыток средневековья. Когда звучит фраза: "Надо размять ноги", - ассоциация, что их "размяли", раздавили при пытках "сапожком". Пробовала в детстве стоять на носочках, как все дети, но ноги очень болели".

Пациентка старалась никогда не садиться на холодное, всплывало такое же ощущение, как в этом случае, больно сидеть на седалищных костях.

"Мне всегда противно, когда от стариков пахнет. Матерь Божья, хотя бы один раз царем побыть, а то все рвань и пьянь".

В инграмме: "Мне все совершенно безразлично, какая-то апатия. Не хочу ничего делать, мне ничего не интересно", - пациентка отмечает, что такое настроение у нее частенько бывало. "Как будто моя теперешняя жизнь сложена из осколочков

из разных жизней, я как будто играю роли из этих разных жизней. Сколько у человека внутри, в какой он кабале находится, у человека практически даже мыслей своих не бывает, не го- воря о поступках. Поражаюсь, сколько же в нас живет ощущений. Это действительно путешествие в свой собственный мир. Просто захватывающее путешествие!"

Преклир смеется по поводу высказываний писателя, что он смотрит на Наталью ее глазами, что ее переживания ему близки и понятны, и задается вопросом: "Что, он в одной из жизней тоже был в этой роли?" На фразу: "Если мне еще раз удастся приехать сюда, я постараюсь Вас разыскать" - "Интересно, мы в этой жизни встретимся или нет?".

Высказывание Наташи: "Я не могу передать Вам свои мысли" - это очень характерно для преклира, смеется, что в образ вжилась, отмечает у себя наличие мыслей, но невозможность их выразить. Это присутствует во всей цепочке жизней.

"Терпеть не могу слезы, это точно, меня всегда начинает трясти, идет точно такая соматика, как в инграмме, сотрясаюсь всем телом, как при рыданиях, когда кто-то плачет. Как успокоительное всегда пила только капли (валериана, корвалол), как тут советуют, а не таблетированные средства".

Здесь в случае упрек, что скривила рот, подобное было характерно для преклира: кривила рот при улыбке, стеснялась из-за этого улыбаться. Сейчас это исчезло, улыбается широко и охотно. В случае фраза: "Ты совсем меня не слышишь, ты думаешь о чем-то своем, отключилась", на что преклир: "И действительно, если я думаю о чем-то своем, полностью отключаюсь от всего, что вокруг происходит. Знаю это состояние отчужденности, которое испытывает Наталья, оно очень болезненное, желание найти родного человека, с кем можно было бы просто разговаривать, общаться".

"Скоро мемуары начну писать по своим же жизням, так складно рассказываю, - удивленно, - а в школе никогда не могла писать сочинений ни на какую тему".

Ощущает, что по телу идет энергия высокой частоты, она пробивается, и нервы начинают выдерживать большую прочность, этот сигнал. "Прогибаюсь, а она по всему телу пробивается, как будто сосуд, по которому идет эта энергия, может выдержать и принимать более высокую частоту волн. Те эмо-Ции, которые были там у Наташи, такого накала не выдерживали ее нервы, а я те же эмоции могу выносить теперь, не па-Дая в обморок".

На фразу: "Во сне все еще всхлипывает" - себя ловил часто на том, что во сне, бывало, такие всхлипывания проскакивали.

У преклира всегда вызывала содрогание мысль, как это человек превращался из богатого в нищего. "Никогда не радовалась чужому горю и ситуациям потерь, это действительно ужасное состояние".

"Умерла там в полной нищете, больной, голодной, без крыши над головой, а в этой жизни всегда присутствовал страх перед нищенской старостью. Девушке там некуда деваться, нет выбора, ее унижают, обманывают, заставляют сделаться проституткой, а потом голодная старость. Противно, неприятные ощущения, как можно с этой мразью... Стыд и омерзение Омерзительное отношение к мужчинам сохранилось и в этой жизни. А теперь я как ожила: появился чувственный компонент".

Заметки историка:

История жизни настолько типичная для России второй половины XIX в., что кажется сюжетом произведения Достоевского или Тургенева. Поразительно соответствующие своему времени нравы и система ценностей. Множество мелких деталей и подробностей придают истории правдоподобие и колорит своего времени. Очень характерен стиль речи.

П. Наташа, 16 лет, плачет по погибшему на дуэли брату гусару- Россия, 1830 г. (1 сессия).

Зима. Почтовая станция. Светлое спокойное помещение, но холодно. В проходной комнате деревянные стены и деревянный пол, три незанавешенных окна. Шестигранный темно-коричневый стол, на нем подсвечник. Узкий диван, обитый желто-коричневой полосатой тканью. Наташа лежит на этом диване. Здесь ей 15 лет. В легком платье, прикрыта шкурой.

- Здесь холодно, хочу домой. Как там маменька? Мне холодно, закройте окно.
- Заснула, приятное чувство сонливости. В комнату входит брат в гусарской форме.
- Пора закладывать лошадей.
- Ну, готовы, батюшка? - голос в сенях.
- Ну, наконец-то, сколько можно было ждать, лошади уже готовы, - это меня торопит отец.
- Не знаю. Засветло обернемся.

На перекладных, в санях, на тройке, лошади гнедые, едем домой с отцом и братом. Равнина, зимний пейзаж, вдалеке темный лес. Приятный зимний светлый день.

Зима, светлый день. Часа три дня. Второй этаж усадебного дома, гостиная скромная - небольшая зала. Вид за окном - равнина. Очень высокие окна, на них тяжелые кремовые шторы. В гостиной много народа: родители, сестры, прислуга. Я худенькая девочка в длинном простом платье. На матери светлое длинное платье простого покроя, отец в темном костюме. Родители внешне спокойны. Вижу молодую горничную в белом переднике, волосы убраны в пучок. Няня в пестром переднике поверх темного платья. Перед тем, как были сказаны первые слова, стояла, после села на стул у большого круглого стола, голову склонила на руки. Стол лаковый, в нем отражается свет из окна, стул тяжелый, с круглой спинкой.

- Твой брат умер, его больше нет.

Старший брат был гусаром. Все смотрят на мою реакцию, зная, что я очень любила брата. Он был в роли защитника. Я рыдаю.

- Ему не было больно. Все пройдет. Не надо так, не плачь, иди к себе.
- Оставьте меня. Не могу вас видеть. Он мог жить. Меня пытаются успокаивать, а я рыдаю еще сильнее.
- Оставьте ее.
- Проводите ее.

Няня обнимает и ведет в мою комнату, тут же, на втором этаже. Няня - крепенькая, подвижная, невысокого роста старушка, я ее выше на целую голову. Смотрит на меня снизу вверх, это второй мой защитник. Все в доме ее любят, она спокойная.

- Его не вернешь.

Няня продолжает что-то говорить, но я слов уже не слышу.

Комната очень узкая, заставлена вещами, тесно. Не очень широкая кровать застлана цветным покрывалом. У окна письменный стол, к нему придвинут стул, полукруглый закрытый комод на толстых загнутых ножках. Одно окно среднего размера со шторой. На столе с десятков книг, перо, чернильница, бумаги, письма, засохшая роза, очень качественные литографические рисунки лошадей, скачек. Подпись под одним из рисунков: "Английская лошадь". Книги "Глагол", "Русский мыслитель", "Греческий...", "Жуковский" и другие. В углу икона Богородицы с лампадой.

Легла на постель в одежде прямо поверх покрывала, няня накрыла одеялом.

Мягкая, очень хорошая постель, уютно в ней себя чувствую.

- Я умру без него.
- Ну все, спи.

Говорит нянюшка и закрывает за собой дверь. Целоваться не было принято, няня не целует.

- Спать хочется, - последняя мысль перед засыпанием. Очень устала, выдохлась.

Вспоминает случай, как катались с братом на лошади.

Зима. Поле, лес, красиво. День светлый. Он в мундире, без головного убора. У него темные волосы, усы. Сидит на крупной вороной лошади. Я по-женски, боком, сижу на большой рыжей лошади. На мне короткая шубка. Развлекаемся галопом.

Вижу лицо брата в гробу. Идет отпевание в церкви. Вокруг гроба стоят свечи, одна из свечей в руках умершего. Лицо восковое, спокойное, волосы зачесаны. На мне длинная коричневая юбка.

- Прими, Господи, душу раба твоего Бориса.

Здесь уже успокоилась, пытаюсь запомнить его черты. Чувство любви к брату. Он погиб на дуэли.

Думаю, как же его лошадь будет без него, как я сама без него, с кем буду кататься? Я осиротела, лошадь осиротела.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

у преклира столь сильное чувство потери в инграмме, что она даже не представляла, что можно испытывать такой силы чувство, впервые в жизни столь сильно плакала. До сих пор чувствует связь с братом и знает его по этой жизни. Еще до того, как узнала дианетику, очень удивлялась парадоксальности дружбы и общения с этим человеком, чувству своей ответственности за него. После прохождения этого случая потрясена схожести ситуаций, происходящих с ними в этой реальной жизни, вплоть до моментов участия его в современной дуэли. Этот человек все время играет свою старую роль. Всю юность вместе катались верхом в конных кооперативах, что вызывало глубокие узнаваемые эмоции.

До сих пор проскакивают в речи такие обращения к родителям, как здесь: "матушка" и "батюшка". Именно эти слова выражают теплые чувства к родителям. Картина в комнате Наташи и на ее столе точно такая же, какой бывает и теперь: горы книг, засохшая роза, картинки, и лошадей в том числе. Любовь, к подобному быту.

2. Бедная старушка повесилась. Россия, XVIII в. (2 сессии).

Ранняя весна, слякоть, серая пасмурная погода, идет дождь Запах тающего снега. Русская деревня, средняя полоса. Бедные маленькие домики, покрытые соломой. Дом в одно окно. Нищета, бедное хозяйство. Я - старушка в черном. Пахнет дымом

- Где чугунок? Да ну его на фиг. Все равно пустой, варить нечего.

Мысли вслух.

- Фу, грязно, все в грязи. Урожая нет. Все померли. Корова сдохла (корову Муськой звали).

Видит распухший труп коровы на обочине.

Пустая изба. Было ощущение присутствия, а теперь никого нет. Церковь, дорога к ней. Рядом с церковью кладбище. Я в темном салопе на меху, в руках палка.

- Вон отсюда, на улицу. Скоро служба, надо идти детишек проводить.

- Ну вот опять, снова дождь. А что дальше? Голова болит. Опять я забыла... Как все надоело, черт их побери. Не могу, спать хочется. Сил нету, сейчас засну.

Поле и дорога, то сверху вижу, то с дороги. Церковь голубая, карета перед ней. Служба идет, богатые люди подъехали. Солнышко, березки, а тоскливое состояние. Пошли все к черту, не могу их больше видеть.

- Пошел вон отсюда.

- Дальше нельзя.

За оградой люди стоят. Возгласы с разных сторон. Ничего не происходит, скучно.

- Пора домой.

Вечер. Ну вот, солнце заходит. Я иду домой. Темная одежда, белый платочек на голове, с палкой. Острая нехватка цивилизации, ощущение скуки. Безысходность, унылость. Скучная дорога до церкви и обратно.

- Как скучно, как все надоело. Жить надоело. Я хочу помереть, подохнуть. Сил нет терпеть. Хочу свободы, хочу к Богу, больше света.

Навязчивое состояние, что умру и будет лучше. Будет свет после дождя.

- Все, хватит, пора уходить. Повеситься что ли? Приду -повешусь.

- Все надоело. Быстрее, а то тошно. Да ну их всех. Прими, господи, душу мою.

Ощущение, что веревка затягивается, узел под правой сто-онной нижней челюсти. Доступ крови к голове прекращается. Оглушенность в голове, давление, боль от веревки.

, Ну вот и все.

Челюсть отвисла, тело перестало шевелиться. Смотрит и со стороны, и как бы в теле. Странно без тела остаться, но и присутствие в теле ощущается. Видит со стороны старушечье серое лицо, язык высунут, трогательно висят ножки. Оказываешься с самим собой лицом к лицу. Веревка висит прямо в избе. Жалко это тело, слезы текут. Смотрит печально на тело и говорит: "Ну, пока". Звук из горла: "Фу, быстрее отсюда!" Чувство освобождения из тела приятное. Наконец-то свобода! Слезы и от жалости, и от радости. Запомнить все хочется сверху и уйти. Все кажется маленьким и тесным, не понятно, почему люди запираются в домах. Через крышу ухожу с большой скоростью. Жалко стало тело, вернулась. Не знаю, что делать, снять не получится. Жалко, что не сможешь воспользоваться и не жалко. Видишь все без тела. Не известно, чем ты видишь. Странно в пустоте, можно двигаться. Забавно, форму какое-то время сохраняешь.

Мужчина заходит, снимает шапку, перекрестился.

- Померла старуха наша. Отмучилась, царство ей небесное.

Вижу сверху. Грустно слушать про себя. Раз небесное, поняла, что можно уходить.

Дождь кончился, и выглянуло солнце. Приятная погода после дождя. Смотрю на деревню сверху с большой-высоты. Деревня кажется достаточно большой, домов 20. Людей не видно. Дорога к высокой каменной церкви. Интересно все рассматривать, Мысль "Вон отсюда!". Приятно видеть окружающее, но хочется быстрее ввысь. Солнце, тучки, хорошо. Кувыркаюсь. Хочется на всех плюнуть сверху, не получается. Лучики солнца слепят. Полет над землей. Радость, свобода, крик "Ура!". Хочется новых приключений. Полная осознанность, нет бессознательности.

Больше не видит. Перекрыто... Чье-то присутствие.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

Пошла в сессию с настроением, что конец учебного года в институте (преклир - студентка художественного вуза), на следующей неделе развеска, надо сделать последние постановки, а сил нет, все надоело, видеть не хочется ни работы, ни на-ТУРЩИЦ.

Преклир отмечает, что ее связывает с этой старушкой любовь к русской деревне, к церковным обрядам, это состояние

скуки, которое прослеживается у той в течение жизни, когда нет сил и желания жить, все надоело, безысходность. Преклир отмечает у себя очень теплое чувство к пожилым людям, понимание их.

Нет чувства вины за насильственно прерванную жизнь грехом это не считает. Когда читала о несправедливом обращении с людьми, совершившими самоубийство, возникало понимание и жалость к тем, которые это совершили, и еще большая жалость в адрес тех, которые их не поняли и осудили.

"Скучно было в прошлом. Как они жили раньше? Как мы жили раньше? До сих пор травмирует, что в России много грязи, особенно по весне, а в русской деревне именно весной особенно голодно и тоскливо. Так жить нельзя!"

3. Барыня наказала крепостную девку Фимку, 16 лет, оттаскав ее за косу и посадив в чулан. Юг России, XVIII в. (1 сессия).

Крепостная девушка, 16 лет, сирота, ее зовут Фрося, Ефросинья, а барыня называет Фимкой. Темные волосы заплетены в косу. На ней льняная рубаха, в лаптях, тряпки на ногах (онучи) веревками замотаны.

Барыня, Прасковья Дмитриевна зовут, бедная и бестолковая в хозяйстве. Девушка не называет ее по имени-отчеству, а только "барыня". Ей лет 40. Барыня вздорная, только ругаться и может. Дворовых у нее четверо: Фрося, кухарка, Федька и конюх, он же кузнец и шорник, Иван. Иван немой, мужик на все руки, а Федор так, вышибала.

Дом барыни небольшой, бревенчатый, обшитый досками, наличники без резьбы. Крыша у дома скатная. По два окна с каждой стороны от крыльца. Крыльцо под крышей на двух столбах. Сени чуть выдаются. Все грязное, пыльное. Небогатая барыня, старая дева.

Утро не раннее, уже солнце пригревает. Барыня еще в ночной длинной рубахе, растрепанная, недавно проснулась, еще не одевалась, роется на столике типа этажерки у кровати. Кровать неаккуратно разбросана, стоит на возвышении под пологом из плотной ткани, что-то типа балдахина. Примитивная обстановка, попытка выглядеть богаче того, что есть. У кровати коврик из лоскутков.

- Где гребни, опять гребни потеряла?

Знаю, что она их сама куда-то задевала, и я смотрю на нее с ненавистью.

- Что ты зыркаешь? Не гляди на меня так, не смей на меня так смотреть.

Барыня хватает меня за косу, нагибает изо всей силы голову к полу.

- Ах, дрянь, ах, гадина.

Хватаю за ее руку, чтобы ослабить, но не имею права оттолкнуть. А она изо всей силы мотает моей головой.

- Да я тебя собаками затравлю, да я тебя голодом заморю. Будешь у меня в чулане сидеть, пока там не умрешь. Федька, Федька, иди сюда.

Появляется бородатый мужик с угрюмо-безразличным выражением лица. Он похож на пса, которому свистнут - и он прибежит. Здоровый Федька, руки здоровые, волосатые. Рубаха у него серо-синяя, косовороткой, рукава по локоть засучены, не подпоясан, растрепан, темно-синие штаны, лапти на босу ногу.

- Тащи эту гадину в чулан.

Как это ей не стыдно перед мужиком в одной рубахе. Он хватает тоже за косу. Я держусь, руками за его руку, чтобы ослабить боль, стараюсь перебирать ногами, чтобы коленки не ушибать.

Молчу, не кричу и не визжу.

Он волочит через порог, три ступеньки крытого крыльца через двор по пыльной земле в чулан. Довольно жарко на улице. Все вокруг недобротное, неаккуратное, пыльное, не хватает зелени. Длинный бревенчатый сарай, три-четыре двери и ворота. Это и скотный двор и шорная. Створки ворот открыты, внутри на стене виден хомут кожаный на здоровенном крюке. За воротами мастерская, и там же лошадь стоит. По двору бро-¹дат несколько белых пыльных кур. Больше ничего в хозяйстве нет. У сарая стоит телега хозяйственная с тремя бортами, с двумя оглоблями, она остается справа, тащит мимо. Федька толкает самую правую маленькую дверь ногой, нагибается (дверь низкая), затаскивает, поворачивает и швыряет к стене. Небольшой чулан, в котором стоят ведро и грабли, немного соломы накинуто. - Сиди покуда тут.

Выходит. Подпирает колом дверь снаружи. Я сильно ударила голову, падаю. Какое-то время была без сознания, очнулась, тело затекло от неудобного положения, болит шея, затылок. Полусидя, полулежа на соломе, голова упирается в стенку. Стена бревенчатая и давит в области седьмого позвонка. Свет падает из щели над дверью.

Волосы из косы выбились, лохматая. Рубашка помятая, грязная внизу, пока Федька по двору тащил, ниже колен вымазалась. "Как цыпленок растрепанный". Хочу устроиться поудобнее и хочется пить. Осматриваю чулан, нету ли крынки или какой-нибудь плошки, чтобы попить. Губы сохнут.

Обида вперемешку с болью. Это наказание не впервой, мне и пощечины дают, и за косы таскают, к этому привыкла, но все равно обидно, что наказали несправедливо.

- Не могу ей угодить, потому что не хочу, она это чувствует.

Плачу. Хочется расплести косу, кажется, что, если расплету, пройдет боль в затылке, которая мешает все время. Расплетая волосы, они до пояса, трясу головой, раскидываю их по спине, немножко легче становится. Хочу выглянуть в щель под дверью, но боюсь. Обхватываю руками колени, кладу на них голову подбородком.

- Почему она такая злая, она может делать со мной все, что хочет, а меня никто не может защитить, обидно очень. Свиной кормит лучше, чем меня. Фимкой зовет, а я Фрося. (У прекли-затылок болит, ощущение, что грудь стискивает от обиды, хдо не имеет права высказать это кому-нибудь. Это сидит внутри и сильно давит.) Очень хочется плакать, а я не могу, обида стоит комом в груди.

Порывается стучать в дверь, кричать, чтобы выпустили, но признает, что это бесполезно.

- Будут еще издеваться, я здесь сяду и буду тихой. Пускай они думают, что я тихая, я буду тихо ненавидеть, потому что она взбалмошная и злая, несправедливая, она все время орет на меня. Даже если я никуда не могу уйти, я все равно буду ее тихо ненавидеть. Не могу из этого уйти, миновать этой судьбы, крепкая связь с этой барыней.

Знает, что должна терпеть все эти издевательства, побои, унижения.

- Я не должна показывать, что я слабая. Я должна быть сильной, но она не должна этого знать. Не буду унижаться, буду все это терпеть. У меня обязательно найдутся силы, я все это выдержу, и она не победит меня никогда. Буду ждать шанс, чтобы уйти из этого.

Ощущение затиснутости, неволи, ограничения, от которого невозможно уйти. Я верующая. Верю, что барыня - мой крест, и я должна нести столько, сколько могу. Плохо, что ненавижу, но не получается вызвать другие чувства. Соревнование, чья воля сильнее. Я не могу ей ответить, но я сопротивляюсь внутри.

- Я должна держаться.

На шее на веревочке висит крестик медный. Вытаскивает его и сжимает в руке.

- Сама я не могу ничего сделать. Мне нужно, чтобы внутри меня что-то поддерживало, тменя должна поддерживать вера в Бога. Бог не может быть на стороне зла и несправедливости. Знаю, что Бог на моей стороне, он эти мысли вдохновляет. Здесь, в этом чулане, как испытание. Знаю, что я все вынесу, я буду сильная и умная. Обида исчезает, крепкая уверенность, ^xтго правда за мной. Теперь мне ничего не страшно, ничего она со мной не сделает, ей меня не победить.

Заплетает решительно косу, собирает солому, устраивается поудобнее. Еще долго сидеть, но уже не будет плакать и не бу-дет одиноко. Чувствует, что с ней что-то надежное.

- Бог поможет мне, не физически... Мою гордость, мою честь они не сломают.

Думает, что скоро вечер, уже полдня просидела. За стеной слышно, что хрюкают свиньи, их там четыре. В этом же сарае куры. Думает, что они тоже сидят в своей одиночке и что с ними тоже могут сделать, что захотят. Что она сейчас выйдет а они там останутся. Что и Федька не злой мужик, но тупой какой-то, похож просто на преданную собаку.

- И я на него зла не держу, просто он делает, что скажут Он послушный, а я, наверное, нет. Я не могу угодить барыне как бы я ни старалась, потому что я ее не люблю. Она чувствует, что я сильнее ее, поэтому старается всячески унижать и наказывать. Она хочет мне сделать всячески больно, но я знаю что она меня все равно не сможет победить.

Федька открывает дверь:

- Выходи, барыня зовет.

Барыне-то куда деваться, народу-то никого.

Идет через двор, барыня это видит из окна и сразу окликает:

- Фимка, иди сюда. Ну что, одумалась, негодная?

Она в благодушном настроении, не настроена скандалить. Одета в цветастый сарафан. Волосы заплетены в косички и уложены в две баранки по бокам головы. Кто ее успел заплести? Всегда я заплетала. Наверное, кухарку просила, косы заплетены плохо: "Ага, вот так-то без меня!"

Глаза не поднимает, молчит, знает, что, если посмотрит, все сначала начнется.

- Фимка, где пяльцы?

- Не знаю, барыня.

- Ну пойдешь найди.

Рада, что будет их искать и будет какое-то время подальше от нее, но не слишком долго, чтобы она не разозлилась. Знает, что пяльцы лежат в комод, сама их туда подальше положила, чтобы ее послали. Идет в другую комнату. Это спальня для гостей в другой половине дома от той, в которой барыня живет. Комната небольшая, в одно окно, над ним одна белая занавеска, обшитая кружевами. Полы дощатые. Деревянная дощатая дверь. Потолки низкие. Кровать застлана большим лоскутным одеялом, обшито атласной лентой. Подушка с льняной наволочкой тоже с кружевами. У кровати вязаный из лоскутков коврик, пестрый, длинный. В правом углу икона висит в деревянной раме с позолотой, типа "домика" открывается, за стеклом. Икона дорогая, Богородица с Христом на руках. Выписаны лики, а фон в окладе. Под иконой горит лампадка, под ней полочка с кружевной салфеткой, выглядывающей уголком. Комод по грудь, состоит из двух половинок, снизу три больших ящика, сверху два поменьше. Над комодом зеркало в деревянной раме, дает кривоватое отражение. На комод большая салфетка, обвязанная кружевами, лампа типа керосиновой, видимо, масляная. Все вещи недорогие, попытка их украсить.

'Открывает ящик комода. Достает большие деревянные пяльцы, холстину, на которой вышивка барыни.

- Какая она безрукая, как она плохо вышивает, - в адрес барыни. - Я бы это сделала гораздо лучше. Я деваха рукодельная, мною кружевами украшено и под иконой, и занавеска, и на комод. Мне нравится. Одеяло на кровати обшито голубой атласной лентой тоже мною.

Сидит на корточках у комода с пяльцами в руках и красными нитками с иглой. Ждет, пока барыня позовет. Смотрит на икону и немного про себя молится: "Матерь Божия, защити меня от барыни, как бы ты защитила своего младенца".

Фрося - сирота, поэтому у нее такое сильное чувство, что ее никто не может защитить.

Барыня ее зовет. Она вздыхает, закрывает ящик и идет. Знает, что сейчас барыня будет вышивать.

- Даст мне книгу и будет заставлять меня, читать.

Читает плохо, по складам, вслух читать тяжело. Это не самое приятное для нее занятие. Успокаивает, что барыня не в злобном настроении и вечер пройдет спокойно. Только бы на нее не смотреть очень пристально.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

Такая головная боль в затылке часто бывала в настоящем времени, особенно когда волосы были собраны резинкой. После сессии подобная боль больше не возвращалась, а прошло более двух лет.

Осознала, что столь же подневольное подавленное состояние испытывает перед матерью. После сессий стала меньше реагировать на вспышки материнской несдержанности. Рассказывает, что, когда последний раз навещала мать, та бурно возмущалась, пытаясь вызвать ответную реакцию с чувством вины перед ней. А у преклира возникло спокойное недоумение: "По какому поводу шумим?", отслеживала в себе невозможность выйти из состояния внутреннего спокойствия. Мать, не встречая сопротивления и привычных режикций преклира, быстро 'сошла на нет', успокоилась. Что было редкостью и удивительно.

Осознает, что в том положении, в котором она находилась в прошлом как крепостная девушка Фрося, сделать ничего не могла, но ощущала присутствие некоей силы, которая со време-

нем должна восстановить справедливость. Для столь молодой девушки того времени, подневольной, сироты, которой неоткуда было почерпнуть знания, чувствует себя более осознанно чем можно было предположить, ощущает внутреннюю зрелость, разделяет свое положение и свое "Я". У преклира в настоящем, когда ее начинают заставлять что-то выполнить, возникает сильное чувство протеста, способность противодействовать. В этом прослеживает связь с Фросей, находит состояние очень похожим, эта черта характера не раз ярко проявлялась в настоящем.

После сессии на работе накатывали длительные приступы хохота, заразила этим весь отдел. После

того, как отхохоталась, стало значительно легче.

Заметки историка:

Типичная ситуация для России XVIII в. - "золотого века" крепостничества. Описано типичное небогатое помещичье хозяйство и нравы его обитателей. Очень интересен образ мысли крепостной девушки: он одновременно и типичен и нетипичен для ее времени и положения. Традиционные религиозность и послушание сочетаются со способностью анализировать и понимать поступки людей, с чувством собственного достоинства.

Заметки аудитора:

Я знала, что высказывание К.Маркса о религии у нас всегда вырывали из контекста, а оно имело совсем иное значение, чем мы предполагали. Только после данного процесса я поняла его. "Религия - это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому, как она - дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа". Здесь "опиум" не в смысле "одурманивающий", а как "лекарство", то есть религия играет роль лечебного средства, притупляющего боль.

Дружинник князя Ярослава в Новгороде Лерг отправляется с набегом на чужую северную территорию, на поле брани, битва с рыцарем. Русь, XI в. (8 сессий).

Время Владимира, его сын Ярослав - наш князь. Здесь город-то торговый, просто так друг к другу в гости ходим: норманны, мадьяры были, поляки, они, правда, сидели в основном в своем болоте и не особо рыпались.

Разговор в сенях моего дома с боярином. Он как-то наездом приехал, просто знакомы. Гость должен субсидировать мою экспедицию.

Дом мой немного темненький. Дверь деревянная, некрашенная, чуть приоткрыта. Бревенчатые стены, потолок деревянный, не очень высокий. Дерево старое. Если очень захотеть, до потолка можно допрыгнуть. Большой половик, красный, с голубыми полосами и мелким орнаментом. Что-то типа комода, на нем горящий светильник типа чаши. Налево вверх лестница с перилами, балясины резные, а направо проход в комнаты. Два маленьких окошечка. Пасмурно, утро или вечер.

Боярин весьма почтенного вида. На нем шубища светлого-коричневого цвета, почти не мохнатая, под ней что-то красивое, красного цвета, в узорчик. На голове шапки нет, волосы не длинные, аккуратные борода и усы. Лет 40-50, молодцеватый. Довольно аккуратные у него сапожки, у меня тоже. Я не так хорошо одет, по крайней мере довольно опрятно. Длинный кафтан на мне расстегнут, темный, с орнаментом. Белая рубаха заправлена в штаны в бело-синюю полоску. И этот товарищ при себе, меч который, святое дело.

Разговор то-се, пятое-десятое. Потом заспорили, ехать ли. Он хочет отговорить от экспедиции, я же хочу ехать. У него аргументы, что нет там, мол, никого, стоит ли, сколько будет стоять данная экспедиция. А меня интересует золотишко, я в ответ: "Там всяко может быть". По моему разумению, там предполагаются поселения. Готовлюсь экспроприировать кое-что, у местного населения, чтобы оправдать расходы, а то в следующий раз не дадут.

- Вы же оттуда живыми не воротитесь, уже три отряда было.

По его мнению, достаточно веские аргументы, а у меня Другие.

- Нет, а почему же первые не вернулись, видать, там есть кто-то.

- У тебя же людей нет, - говорит он.

- А я у князя одолжу.

Князь новгородский Ярослав. Я - дружинник князя, живу поблизости от Новгорода. Обыкновенный город, удельный центр.

- Где же он тебе наберет столько?

- Для меня будет.

Дело было уже решенное, он попытался образумить, но ничего не вышло. Победа, наша взяла! На этом мы и прервались, договорились ехать в город. Он вышел в дверь, а я пошел к лестнице. Переоделся, я при всем параде: рубашка-кольчужка железная, пластинки крупные на груди, на рукаве, достаточно длинном, тоже что-то прилеплено; под ней рубаха и что-то типа кофточки. Сверху плащ голубого цвета, длинный, чуть не достаёт до пяток, тяжелая ткань и довольно мягкая. При таком параде я выхожу на улицу. Из дома уехал быстро, ни с кем не прощался. В доме народа было достаточно, но, когда уходил, никого рядом не было.

Поехали в город, с нами сопровождающий верхом, с моим коняшкой. Сопровождающий - мой подчиненный, он нас ждал на улице. Он тоже в кольчуге и шлеме, но без плаща, в шубе. Мы с боярином в саночках, запряженных тройкой. Саночки с небольшими перилами, на них навалены шубы медвежьи, сзади

поднимаются над головой, устроены козырьком. В них довольно тепло. Дорога заняла часа четыре. Видно, что по дороге ездят, но снежок свежий. Мне зима нравится: и не очень холодно, и снежок. В город приехали и зашли к боярину. Большой высокий терем, вход хороший, хорошо освещен изнутри. Довольно солидно. Во дворе люди суетятся, кто-то из них наших коней увел. Коняшки серые, один даже в яблочках. В тереме потолки довольно высокие. Все освещено факелами.

"Не мог свечками обзавестись, от них не столько гари", - я про себя.

Поднимаемся по лестнице. Я в комнате для гостей. Стены обшитые, деревянные, гладкие, бревен не видно. Небольшие окошечки, стекла слюдяные, аккуратненькие розовенькие занавески в горошек. Стол прямо перед окошком, довольно изящный относительно того комода, что у меня в прихожей стоит. На нем белая скатерть с узорчиком, больше, правда, серая, давно лежит. А койка больше на лавку смахивает, без постельных принадлежностей. Зато дверь какая! Толстая, деревянная, с засовчиком (две петли и язык - без премудростей), косяк украшен резьбой. Два светильника. Свечи в подсвечнике -блюдце с ручкой и завитушками. Одна свеча горит на столе.

У боярина плащ красный, сапожки тоже, шлемик позолоченный, еще и с маской, кольчужка вся разукрашена, на пластинках изображения. У меня мысль: "Петух". Он не очень хорошо подобрал цвета. Ехали минут десять шагом, приехали в большой солидный теремок, не так красиво обструган, как боярский. У нас лошадей забрали. Сопровождающий пошел проследить, чтобы не стащили. Мы вошли вовнутрь. Это собрание. Господи, сколько там народа, спорят, возмущаются. Кто в шубах, кто в кафтанах, а кто в кольчугах. Боярин покривился от этого, я тоже, но не показал вида. Мы протиснулись вперед, вправо. Здесь не так шумели, но кто-то с кем-то подрался.

Обсуждение идет, что когда тепло станет, лето будет, кто куда пойдет, кто сколько принесет, кто что раньше принес, кому землю дадут, кому дали, кому сколько заплатили. Одним землю дают за заслуги, другим просто деньги, кто только на питание и вооружение получает, а кто просто за хорошее слово. Боярин относится к последним, а я к тем, кто получил достаточно земли и еще денежку. Какой там сзади шум все-таки. Затихают.

- Горожане недовольны, - говорят сзади, - денег мы много получаем, а в казну мало остается. Бунтом грозятся.

- Это не проблема, - сказал кто-то из нашей группы.

В помещении скамейки есть, но все, кто спорит, стоят, на скамейках отдыхают. Когда споры очень жаркие, они проходят с применением холодного оружия, редко бывает, тогда разбирают и выносят по разные стороны.

Обсуждается недовольство. Я хожу от человека к человеку с частными намеками, мол, поедешь ли. Кто говорит "нет", а кто интересуется, а кто: "Ты что, помирать собрался?" От таких я отхожу, другие: "Не прибыльно это, слишком опасно. Это невозможно. Очень интересно". Один в уголочке прикорнул, на мое предложение - "Когда?". Массивный товарищ, в полушубке. Самое интересное, без оружия. Он, наверное, полагает, что, если к кому-нибудь приложится, тот уже не встанет.

С раскалывающейся головой мы оттуда уходим.

Приехали к боярину, я быстро в свою комнату. На лавке уже матрасик перьевой и подушка. Одеяло мягкое, на шерсть похоже. Простыня и наволочка есть, пододеяльника нет. Снимаю свой наряд и спокойно укладываюсь. Спокойно на душе: народа натаскал - шесть человек и я.

Непонятно, почему все это дело было зимой. Летом предполагается, что слишком мокро.

Чаща северного хвойного леса южнее Карелии, чуть над озерами. Идем на неизведанную территорию. Долго ехали, недели две. Снежок, снежка здесь порядочно, довольно холодно Птичка какая-то орет. Мы лошадей держим в поводу, прислушиваемся. Вдалеке что-то очень неприятное за деревьями маскируется. Конный бочком-бочком медленно передвигается Снег, деревья черные, и лошадь у него черная. Мы разнохиваем дорогу, а он тут ходит. Я перекрестился. Стоящий за моей спиной спрашивает:

- Что это?

- Не знаю.

- Жуть какая, - в адрес конника.

- Встал, едет сюда (встревоженно-недоуменно).

Он нас видит, а мы его. Он во всеоружии, подъехал метров на двадцать.

- Что он тут делает? Ишь куда забрался!

На нем металл, но кажется черным-черным. Шлем в виде кастрюли с рожками, у лица кастрюля плоская, сверху - плас- \ тинка, и все это еще в решеточку.

- Нечего ему здесь делать.

- Стоит и ничего не делает, и ни туда, и ни сюда, подъехал бы хоть.

Продвинулся чуть, метра на два.

- Интересный товарищ.
- От своих что ли отбился?
- Ты куды?

Тот потихонечку бочком-бочком и уезжает. Мы шумною толпой стоим и обсуждаем происшествие. Все одеты довольно тепло - в шубки из лохматого длинношерстного коричневого меха, может быть, медвежьего. У одного из спутников за распахнутым воротом просматриваются металлические пластинки. Шлемики на головах у кого остроконечные, у двоих шапки, у одного из них железный набалдашник, а из-под него мех, а у другого что-то лохматое. Три коня сзади и у меня под уздцы, гнедые, с разными пятнышками. Я своего по морде хлопаю, у него белая проточина на морде. Конь собственный, отношусь к нему довольно бережно. Сбруя кожаная, достаточно аккуратная, но и грубая. Седло и попонка на коне старенькие. Возвращаемся минут десять на полянку, а там шатерчик, это полушатер, полуземлянка, что-то на скорую руку сооруженное. Полступеньки выкопано в снегу. Крышка, под ней завалено тряпками довольно плотными, мешок, продукты, плащ теплый.

По дороге сюда пару заброшенных поселков встретили, не особо интересных. На одной из полян обломки довольно капи-

талльной хижины встретили, решили переночевать. Дверь в хижину закрыта изнутри, пришлось выламывать. Там тело. Умер, видимо, от ран, дырок в нем было порядочно, рука сломана. Вынесли все съестное. Рядом решили вырыть землянку, но наткнулись на второй труп, без верхней основной части тела, не больше месяца пролежал. Голову так и не нашли. А одеты они не по-нашему, местные, не наши.

Еще три лошади и один человек возле костра, тот здоровяк, который сразу же согласился ехать. Смотрит на лезвие своего тяжеленького топора. У него удрученный вид по этому поводу. На мне тоже есть оружие: меч длинный висит на боку, бьет по ноге, щит за спиной висит, справа висит небольшой топорик, лук привязан к коню. А у того махина топорик, вообще не понятно, как его поднять можно. Не ели. Я забираюсь в землянку на боковую. Засыпаю, а этот товарищ в мозгах крутится: его достаточно таинственное появление и отъезд. Ну это-то понятно, оценил, что дадут по шее, и уехал. Устал немножко.

Поселок у какой-то маленькой речки. Добровольно они не отдавали, пришлось добровольно-принудительно. Мы, правда, у них не спрашивали, согласны ли они добровольно. Мы самым наглым образом напали на несчастный поселок.

Подождали, когда большая часть смоеся, много народа ушло в лес. Прежде всего мы разделились: четверо пошло поселок грабить, трое в пещеру. Там рядом оказалась пещерка, нечто типа храма. Мы быстренько налетели, но не ожидали, что там может быть столько народа. Они еще не окончили молитву, когда мы ворвались. Бормочут. Священнослужитель, старичок в каком-то халатике, закричал. Было довольно темно, и мы шли инстинктивно. Они тоже были при оружии, кто-то сразу схватился за лук, кто за топорик, кто за меч. Это морально нас подзадорило: раз они оборонялись, значит это не грабительский налет, а честное сражение. Чисто морально это уравнивало. Вооружения у них было мало, у нас было явное преимущество в вооружении как качеством, так и количеством.

У нас уже некоторое злорадство: "Получи, гад". Это не убийство. Во-первых, они не относятся ни к нашему народу, ни к нашей вере, а так как они вооружены и могут убить меня, поэтому это не убийство. Неприятно, что они тут молятся. Всех вырезали, минут за пять успели, они оказались вояками никудышными. Так получилось, они сами виноваты, что я мо-ГУ сделать.

Старичок спрятался, но мы его вытащили. Он показал нам дверцу, которая хорошо закрывалась. Низкая пещерка. Пока мы лазили, старичок смылся.

- Это было самым большим упущением, он побег сообщать. Его же не прибили, оставили целым, а он, гад, сбег.

Когда заблестел металл драгоценный, глаза завидующие, руки загребущие... Там были исключительно мирные вещи, к сожалению, оружия не было. Я пошел в поселок, а двое наших стали собирать к отправке чаши, блюда, шкуры, камни. В поселке все обошлось хорошо, я порадовался, пожарища удалось избежать, что могло стать сигналом для возвращения остальных. Домики маленькие, избы остались, а хлипкие сооружения, сараи, землянки наши погромили. В одних из них люди жили, в других что-то хранилось, три были пустые. В поселке оставалось всего два-три человека. Было кое-что, но не настолько, чтобы тащить. Все были при оружии, это морально нас поддержало, уравнивало. Раз они оборонялись, значит это не грабительский налет, а честное сражение.

Вопли из пещеры, пришлось туда бежать. Наши товарищи умными были, на входе забаррикадировались, подкатали камень изнутри, швырялись стрелами. Явно не в нашу пользу было количественное преимущество. Подрались. Четыре трупа уже лежали. Обходной маневр не удалось сделать, те уже бежали к нам, достаточно много, человек десять. Это в принципе нормально, но периодически появлялись новые группы человек по пять, прибежали уже на крики. Подходили достаточно порционно, мы

справлялись. Во время боя главное успевать смотреть, чтобы стрелой не подстрелили. Те усиленно пускали стрелы, мы за щитами лица закрывали.

- По холке мечом - и готов.

Они не очень сопротивлялись, кто с мечом, кто с топором. Моськи круглые, забавные, помельче нас. Двуручный топор неудачным оказался, обе руки заняты, нечем было щит держать, вот в него стрелой и попали. Стрелы попадали кому в руку, кому в ногу. Мы бились у скалы, так кто-то спихнул небольшой камень, и один из наших был придавлен, череп проломили.

На меня товарищ какой-то бежал и орал, пришлось раздвоить его череп. Это было неприятно, некоторые внутренности на меня попали. Был еще достаточно увесистый товарищ, секирой замахивал, щит я подставлять побоялся. Меч прошел почти до середины груди, он оказался довольно мягким. Может быть, я оказался достаточно злым, потому что У

нас к тому времени уже произошла одна потеря - наш массивный. Он ударял редко, но уж если ударял, то труп обеспечен.

- Мы же говорили, убери свой топорик, а он размахался, вот и получил соответственно. Думать надо.

Его жалко. Я его лично уговаривал идти, он сам сразу согласился, и мне еще одного человека обеспечил. Тот, правда, да представлял из себя ничего ценного, ныл. Вот и не дошел, с^то камнем свалили. Кто-то из наших поскользнулся и полетел под горУ- Правда, сразу сообразил, покатился дальше и успел встать. Когда к нему подбежали, лучше бы они не успели.

Трупов много было. Мы не ожидали такого количества народа в таком хилом месте. Все мы были грязные, как чушки. Когда вокруг тебя всякие фонтаны, а мыться-то негде. Нам повезло с этим культово-религиозным местом. Трупы мы считать не стали, своих загрузили, утварь загрузили и отошли подальше. Своих лошадок в их сани запрягли, кое-что на себе тащили. Только двоих потеряли. Успокаивало, что делить придется на меньшее количество частей. Этих двоих похоронили, у нас освободилось два транспортных средства, и продовольствия меньше потребуется.

Удаляться приходилось достаточно быстро, насколько могли лошади. Первые три дня ехали без перерыва. Господи, устал. Они же подлые, эти местные жители, один какой-нибудь с елки свесится - и крышка.

- Смотри на елки, будь внимательным, - я говорю остальным.

До дома довольно долго добирались, недели две. Приехали, наше возвращение прошло тихо. Экспедиция себя оправдала: мы денег получили много, боярин был доволен. Но самое главное, нам сообщили, что у нас здесь был бунт, смуту умиряли. Князь отказался налог платить отцу в Киев. У нас тут проблемы грядут, могут и наказать. Волнения, куда кому податься. В этой обстановке наше золотишко оказалось весьма популярным.

Подлесок. Опять он, едет навстречу, я еду в город. Кто это, он еще жив? Но это поправимо. Дождь идет, довольно холодно. Кто-то из наших кричит. Мы большим отрядом. Он спокойно едет по касательной, выезжает на дорогу, поворачивается к нам, смотрит. Мне становится как-то не по себе, кажется, что он смотрит на меня. Наши замолкают. Такое впечатление, что у него в глазницах что-то блестит. Мой конь ушами дерга^т, как-то беспокойно себя ведет. Зато у того как каменный. Мы стоим. У меня чувство недоумения по его поводу: во-

- Зато они спят, - молодой говорит, хлопает по мечу, - щц Сильнее.

- Нас разобьют, - старший говорит. Ему лет 35-40. Сзади еще один подъезжает, довольно старый.

- Свен, надо вылазку сделать, - обращается к старшему.

- Нельзя.

- Мы его разобьем, - молодой говорит, смеясь, - нас почти полтыщи.

Старший говорит:

- Четыре сотни. Подъезжает еще один, говорит:

- Этого хватит.

Дождь еще сильнее льет, все закоченели.

- Нельзя в такую погоду, - старший говорит. Я ему отвечаю:

- Сейчас и надо.

- Нет, стоим в городе, нельзя. Я начинаю явно злиться.

- Мы должны сохранить рать, - это он говорит. Я:

- А землю?

- Будем ждать помощи, мы здесь засохнем.

- Скорее размякнем, - отвечает третий. Все немного посмеялись.

- Людей я не выведу, - старший.

- Тогда выведу я, - я говорю.

- Я старше.
- Я не в твоём подчинении.
- Не смей. Молодой говорит:
- Я тоже. Он берется за меч.
- Бунт!
- Войска все же надо вывести.
- Кто выйдет, будет казнен.

Я разворачиваюсь, быстро отъезжаю, подъезжаю к своим. Они в кучку собрались. Говорю: "По коням". Те трое тоже разъехались. Старший приказал закрыть ворота, но, правда, не закрыли. Две сотни вышли, я вывел третью. Построили квадратами. Объехали их, оказалось, что все сотни неполные, часть осталась внутри крепости. Единогласно выбрали начальником пожилого товарища. Обращались к нему "Сельд". Он нас разделил на две части. Я не в его части. Со мной этот молодой. Мы должны были обойти город справа, а они пошли слева. Потом мы подъехали к своим, когда мы подъехали, подняли стяг. Это должно было быть сигналом, что готовы. В лесу увидели тоже стяг поднятым. Потом понеслось.

На их несчастье на лагерь налетели с двух сторон. Он был не укреплен. Они все выскочили из шатров. Подрубаем шатры, они запутываются под дождем. Вопли, крики, лязг... их было больше, чем мы ожидали. Думали быстро покончить, а пришлось возиться довольно долго. Самое неприятное, что к ним еще народ подъехал, перемешались. Отличались по одежде: у них доспехи и шлемы другие. Они были не при полном вооружении. Мечи у них больше, широкие, щиты круглые, деревянные, кожей обтянутые, пластинками укреплены в виде солнышка, топориками все пользуются. Четко определяем, свой или не свой. Своих в основном знаем по крикам. Крик слышно плохо: дождь, гроза, все звенит, звон оружия. Мой отряд оказался ближе к лесу. Спокойно громим лагерь, но спокойного разграбления не получилось. Сотню, которая была со мной, оттеснили к лесу. Мы галопом, они за нами, мы сильно оторвались. В лесу я своих успел построить. Они на нас налетели, а на копья неприятно налетать, мы их с двух сторон и взяли. Получилось избивание младенцев. Копья долго не выдерживали, но главное было сделано.

Пока мы с этим разбирались, другие громили лагерь. Это было уже почти ночью. Весь день был приличный ливень, все мокро до нитки. Пленных до какого-то времени не брали, пока было массовое сопротивление, но, когда разгром был явно виден, начали подбирать. Тяжелораненых собирали легкораненые. Постепенно возвращаемся в город. Мы заключительными идем. Осмотрели, прочесали лагерь. Их, пленных, впереди провели.

Когда я въезжаю в город, вижу следующую картину: как начальник дерется с молодым, который тоже сотейник, как я, на мечах. Народ вокруг молча смотрит. Дерутся, я подъезжаю, спешиваюсь. Смотрим на это все. Это считается нормально, но вообще между чиновниками не принято так выяснять отношения, особенно в момент несения полномочий. Но это логично, или он должен был нас всех пересажать, либо мы. Он сотейника ранил, мы разошлись по домам, которые нам любезно предоставили местные жители. Спали довольно долго, ведь перед этим четыре ночи не спали толком. Телоповреждений у меня не было, принял несколько касательных ударов, может быть, есть синяки. Это был какой-то сброд вооруженный, даже весело было их туда-сюда мотать.

Мы на мосту стоим, двое нас. Без коней, даже без щитов, один меч висит только, он в ножнах. У меня даже шлема нет.

Мостик небольшой, деревянный через речку в полшага: переброшены два бревна, сверху настил, на нем перильца из веток с одной стороны, и то не полностью. У въезда солидные загородки из бревен.

Мы стоим смотрим на воду. Рыбка плескается. День обыкновенный, не очень. Вдруг мой товарищ толкает меня довольно ощутимо в руку. Вижу, что на мостике с той стороны стоит наш старый знакомый. Между рожками перышки что ли. Что-то поднимает - меч обыкновенный, не тот, что был. Конь, на нем висит щит и двуручный меч. Щит интересный - металлический, шесть углов, очень красивый, выдавлен шар, борозда, резьба. Судя по тому, что не особенно помят, ясно, что мало использует. Меня дрожью немного пробило. Он вышел на мост, дошел почти до половины. Мы стоим смотрим. Я наха-лявку, с одним мечиком. Дурак, что не вооружен. Тот : "дни-мает меч, показывает на моего товарища и говорит: "Один". Акцента не заметно, глухой голос, но звучный и в то же время хриплый.

- Сейчас я этого бродягу проучу, - напарник.
- Аккуратнее.

Черный разворачивается, отходит к коню.

- Хей, - мой спутник.

Тот берет щит с коня, хлопает по коню, который разворачивается и уходит. Он стоит там, мой подходит, замахивается - и они начинают. Удар довольно сильный, а щит не гнется: очень сильная вещь. Они дерутся, черный подставляет щит под меч, плашмя им ударяет. Мой спутник с обрывчика сваливается,

начинает выкарабкиваться, я подбегаю помочь. Тут выходит конь, этот спокойно кладет на него меч, щит и достает двуручный меч, хлопает коня. Мой товарищ успел вылезти, удивленно посмотрел на смену вооружения. Я начинаю волноваться, но подумал, что с двуручным управляться труднее, не так маневренно. Мой товарищ имеет шанс. Делает пару ударов черной, мой напарник уходит к мосту, потом ударяет того слева по голове, тот отбивает, потом протыкает в грудь - и напарник падает. Я подбегаю, а тот успевает отойти. Смотрю этого, устанавливаю, что он мертв, подбегаю к тому. Тот уж возле коня, садится на него. Я замахиваюсь, он отбивает, отскакивает и показывает по направлению севернее и ускользает. Возвращаюсь к своему. Он был сильным воином. Что меня повергло в недоумение, так то, что, когда он отходил, я думал: он играет, но, когда его с первого удара свергли, мне стало страшно. В некоторой панике бегу к селу, возвращаюсь с народом, уносим.

Мы здесь, чтобы народ набрать. У меня уверенность, что я его должен уничтожить. Я его уничтожу, желание этого есть.

6-й год, июнь, первое, XI век.

Где же он? Схожу с коня, хлопаю по загривку. Вхожу на поляну, поляна довольно круглая. Березки встречаются, но в основном лес хвойный, густой. Трава зеленая. Солнца еще нет, но уже достаточно светло. Ветерок слабенький, влажность большая. На мне кольчуга моя любимая - кольца, пластины четыре на четыре, пластинки кое-где украшены. Шлем тоже украшен. Штаны полосатые, бело-зеленые. Сапоги красненькие, очень удобные на ногах. Ткань белой рубахи достаточно мягкая, не думаю, что она льняная была. Мой конь рядом гуляет. Свежий - имя коня.

Тот появляется спешенным в черном плаще пепельного оттенка. Плащ закреплен серебряной застежкой с гравировкой. Меч двуручный, простой, не украшен, в отличие от моего. Рукоятка же моего обтянута бархатом, набалдашник украшен резьбой и камнями. Это трофей, сам добыл. У того под плащом рубашка кольчужная ниже колен плюс панцирь металлический до тазобедренного сустава. На суставах рук типа шарниров пластины, на ногах тоже. Сапоги железом отделаны на икрах, тоже очень аккуратно. Он крупнее меня. На голове шлем - пластины полукруглые снизу и сверху, встречаются углом, согнуты рельефно, матового железа. Два рожка, небольшие, из места над и за ушами. Из-под шлема выходит кольчужка, как будто вязаная. Лица не видно, но смотрит через дырки в глаза, сверкают белки, я его знаю. Щита и другого оружия у него нет.

Идет, опустив меч. Подходит. Стоим. Ритуал у него какой-то есть, я не понимаю: между нами палка, которая обозначает, что мы по разные стороны этого мира. Страх, возмущение. Солнце от меня где-то справа, небо чистое, несколько облачков беленьких. Все мое внимание сосредоточено на его движениях. Я первым начинаю, на него нападаю, удар в область шеи, но удар до цели не доходит, он укрылся, вывернулся. Слева бьет, двумя руками держа меч. Я отбиваю удар, удар очень сильный. Такие вещи неприятны, радуюсь, что не на солнце смотрю, оно где-то сзади, иначе все. У меня меч длиннее стандартного, а у него вообще длиннющий. Бьет еще раз, но выше, я частично уклоняюсь, отбиваю. Я бью, хочу по боку ударить, он отбивает. Потом он бьет справа, я подставляю щит, удар пришелся по щиту. Больно левой руке и в затылке, я отлетаю. Голова начинает кружиться, двоится все, мутно, расплывчато, невнятно его вижу. Потом ударяет еще раз, я отбиваю его удар, но он начинает крутить мечом. Я в основном отпрыгиваю. Чуть лучше вижу, но все равно не очень. Он меня достает сверху. Я отпрыгиваю, но он снова замахивается, я подставляю щит. Руке очень больно. Я его ударяю в область груди. Он рывкнул. Меч в правой руке у него.левой рукой он бьет по моей правой руке, у него ж в железе, толкает в грудь по незащищенному месту. Я спотыкаюсь, падаю, боком ударяюсь. Я достаточно огорчен, что он задел, знает, куда толкать. Мне все время кажется, что в его глазницах что-то горит белое, кажется, что за ним даже небо темнее. Подходит, замахивается, держит надо мной меч, я пытаюсь подставить свой.

- Забудь, - говорит голосом шипящим, не тем, и опускает меч.

Я успеваю сказать: "Нет". И все, темно. Боль в левом боку. Я подумал, что он убил меня. Я все еще за меч держусь. Звон в несчастной черепашке. Обездвижена левая рука, спина болит, правая рука висит, ноет за грудиной. Наплывает другой образ - согбенная фигура в темном плаще с большой палицей (булава без шипов).

Открываю глаза: этот товарищ стоит. Утро прохладное, приятно пахнет, солнце светит, небо синее-синее, одно облачко между его рожками, он на этом фоне довольно красиво выглядит. Думал, что у него на шлеме рифление, а оказалось при ближайшем рассмотрении - дырки, пипочка наверху красная, отделанная позолотой, вставлено много камешков, смахивает на миниатюрную корону. Вижу этого рыцаря, поднимает меч, опускает на голову, удар пришелся по шлему. И я отрубаясь. Это был уже дополнительный удар, ведь я лежал. Легче было ударить чуть пониже, а не плашмя. Все, на этом все.

Долго не прихожу в себя. Бой произошел утром, сейчас день. Солнце печет. Левому боку холодно, правому жарко, потом только жарко, даже ухо жжет. Верхушки деревьев вижу - хвойные. Небо белесое.

Стону. Лежу. На поляне птичка какая-то поет. Какое-то насекомое по шее ползает- гадость.

- Ой, тяжело. Почему он ушел и не стал добивать?

Лежу на левом боку, голова отброшена, левая рука подмята. Неприятно, чувствую раны, полный физический упад. Под левой лопаткой мешает камень. Правая рука вроде цела, пытаюсь шевелить левой рукой, сомневаюсь, есть она или нет. Подозреваю, что она на месте, но в онемелом состоянии. Нет, пальцы чуть-чуть чувствуются. Голова звенит, значит, на месте. В груди боль, дышать трудно. Я всем пытаюсь двигать, но ничего не движется. Пытаюсь найти хотя бы одно место, которое осталось целым, поиски не увенчались успехом. Полное отсутствие

всякого присутствия. Состояние ужасающее, полный кошмар, даже хуже.

Прошло какое-то время, земля стала прохладней, солнца уже нет. Холодно стало. Вздохнуть не могу, сильно жжет в груди. Помираю, но жить еще нужно. Надежда есть, но маленькая-маленькая.

Рука начала оживать, а ноги онемевшие, голова болит, дышать трудно.

Смогу ли выкарабкаться или нет? Голоса: "Что это? Кто это? Помоги мне. Подведи сюда, если сможешь". По-моему, меня куда-то тащат, несут двое за ноги и за руки. Голова болит, спина болит, все подпрыгивает. Остановились. Я в одной рубашке. Кладут, видимо, на коня, головой ударился.

- Живой?

- Живой.

Открыл глаза, смотрю на небо чистое, звезды. Спина болит. Почему именно спина? Взяли ли они его?

Провалился.

Внесли в избу. Закопченный потолок, стены бревенчатые, серая печь.

- Кто это? - женский голос. I

- Принеси воды.

- Сейчас.

Темно, огонек справа.

- Жить будет?

- Будет.

"Будет" - отдается в голове. Подносят к печке, на ней что-то навалено. Потолок с перекрытиями, с трещинками и пауком. Отключаюсь. Рассвет. Женщина молодая - волосы черные, не очень длинные, что-то делает с плечом. Смотрим друг на дружку. Немного удивлен. Пытаюсь что-то сказать, посто-нал. Испугалась. В руках мокрая тряпка в крови.

- Ну как ты, больно?

Мотаю головой: "Нет". Голова гудит. На мне нет ни коль-тужки, ни сапог.

- Он очнулся, дедушка.

Вижу паучка, отключаюсь. Я здесь провалялся достаточно. Резкая боль в плече. Просыпаюсь. Сумеречный свет. Смотрю в потолок. Рука работает нормально, ноги тоже чувствуются, спина нормально. На третьи сутки понимаю, что не ел давно. Пытаюсь сесть. Тяжесть, усталость, боль в плече. Слез с печки, она не высокая (показывает до высоты подмышки). Стою свободно, но плохо чувствую ноги. Сделал несколько шагов, пошатывается, нога волочится. Левая рука плохо функционирует. Вижу два окошка, посередине стол с табуретками. На столе

³- Зак. 2210.

миска металлическая, в ней вода. Свеча тонкая, грязно-белая, в подсвечнике черного металла, с ручкой, у меня такого нет. Несколько лавок у стен. Удивление: книга толстая, обложка металлическая, бронзового оттенка, крест по центру выгравирован, корешок затерт - Библия. В углу висят иконки - большая и несколько маленьких. На большой - Иисус. На мне крест серебряный, большой, на цепи. Снова полез на печку, на нее не очень залезешь, подпрыгнул.

Дверь скрипит. Старик входит. "Гей", - говорит. Я спрашиваю: "Где я?" Усмехнулся: "Где он". Кто он? Солидный, большой, чуть сутулый. Рубашка и штаны грязно-белого цвета. Крестик висит достаточно простой. "Да ты ляг", - говорит. Почему он ушел?

Едет на меня. Кто же? Ударяет меня, перерубает меч. Открываю глаза. Передо мной опять женское лицо. Протирает плечо. Весь мокрый. Еще не пришел в себя. Жарко и слабость. Поднимаю левую руку, все нормально. Пытаюсь поднять правую. Улыбаюсь. Тяжесть. Она начинает смеяться, я тоже улыбаюсь. Стемнело.

- Ну что у вас там? - не старик.

- Наш хворый очнулся! - кричит женщина.

- Ну да, - появляется еще кто-то.

- Ну здравствуй.

Смеется. Становится интересно.

- Кто ты?
- Лерг, - отвечаю.
- Как ты попал к нам?

Мне становится плохо: голова, плечо. У девушки испуганное лицо.

- Мы должны были здесь встретиться, я и он.
- Кто он?
- Я не знаю, кто он.

Смотрю в потолок. Кладут что-то под голову - холодную тряпку. Отключаюсь. Жарко очень, душно. Просыпаюсь, открываю глаза, утро. Смотрю наверх, любимого паука нет. Я опять сажусь, везде слабость. Осматриваю избу: в углу ведро с водой. Девушка за столом, спит, по-моему. Хочу встать, пытаюсь слезть с печи. Сажу, не чувствую, как встаю, меня мотает. Смотрю на себя: белые штаны на мне не мои, мои были бы в полоску. Без рубашки, чем-то затянут. Смотрю на руку, страшно, она вся синяя, кровоточит в двух местах, плечо тоже синее. Удручающее состояние.

- Ты чего? - она испуганно.
- Со мной все в порядке.
- Ляг.

Я улыбаюсь. У нее вид становится сердитый, она снова говорит: "Ляг". Улыбаюсь. Смешно видеть ее испуг, как она сердится: "Ляг же ты". Я начинаю смеяться, она тоже начинает улыбаться. Мы стоим так.

- Ладно, - вскарабкался на печку, ног не чувствую.
- То-то, - говорит она и выходит.

Проснулся от вкусного запаха борща. Я ем сам, правая рука двигается. Тарелка деревянная и ложка тоже. Наелся. Грудь болит, достаточно сильная боль. Удовлетворенный, валяюсь. В окошке изгородь, кроны деревьев. Какая-то птица вскарабкалась, большая, темная, на петуха смахивает.

Просыпаюсь. Утро. Пятый день. Я ее вижу, а она меня не видит. Около двадцати лет. Стоит рядом миска и чашка, тряпка. Оборачивается. Я притворяюсь, что еще сплю. Она рассматривает мои дырки, протирает на груди. Я подглядываю. Берет другую тряпку, бережно промывает раны настоями, периодически посматривает. Раны не очень глубокие, до кости не добрались, а вот на ключице достал.

- Ты спишь?

Я улыбаюсь. У нее возмущенный вид. Когда она сердится, то становится очень смешной. Я начинаю смеяться, она улыбается.

- Как тебя зовут?
- Альта, - отвечает.

Пытаюсь поднять правую руку, не получается. Она начинает смеяться. Я делаю удивленный вид, она еще сильнее смеется. Я сажусь, сажаю ее рядом. Кидается мокрой тряпкой, я успеваю поймать. Я хочу слезть, но она делает серьезный вид, говорит: "Нельзя". Я возвращаюсь в тяжелое погружение. Я опять вспоминаю рыцаря зимой на коне, избушку и два трупа.

Вбегает Альта, говорит: "Сядь ". Я сел на печи, она рядом села, начинает бинтовать, перевязывает тряпочками.

- Подними руки. Поднимаю руки.
- Слишком сильно.
- Не умрешь. Остолбеваю.
- Где же мои вещи?
- Там, в углу за печкой.
- Кто вы?

На меня смотрит, прищурился один глаз.

- Я же не знаю.

Страшно интересно. Она смотрит, улыбается. Я начинаю опускать руки. Она: "Подними обратно". Входит старик. Она-"Здравствуй". Он: "Здравствуй-здравствуй". Садится на табурет-' ку.

- Как наш гость?

Я: "На перевязке". Она дальше забинтовывает, быстро кончила, выходит.

- Я сейчас.

Я встал, подошел к столу, сел. Старик:

- Ты чей?
- Княжеский.
- Мы тоже. Помолчали.
- Далеко ли до города? Старик призадумался.
- Верст двадцать.

- А вы коня не видели? Он усмехается: -Гнедого?

-Да.

- На морде полоса белая.

- Да, тот самый.

- Да, рядом с тобой и нашли. Ты ходить можешь?

- Плохо, ноги немеют.

- Слава Богу, вообще ходишь.

Мы опять молчим. Второй входит: "Встал?" Старик кивает.

- Ты почему не в поле?

- Лошадь ногу подшибла.

- Не смей моего брать, - я.

- Твой дастся, - старик. - Поди воды принеси.

Тот нехотя берет ведро, выходит. Смотрю за угол печки: в куче кольчужка лежит, меч. Ноги уже чувствуют. Подхожу. Меч мой в футляре, я его достаю. Почти весь целый, в мелких царапинах. Улыбаюсь немножко злорадно, главная радость, что меч цел. Великолепный меч, изящный, красивый. Беру шлем, пояском рисуночек. Шлем мой, слева в шлеме промятина. Посмотрел на шлем, потом на старика, взгляд туда-сюда. Порвана внутри шлема подкладка. Пощупал голову. Аккуратно положил его. Кольчужка с пластинами, нагрудные пластины раскурочены.

- Да, пропала кольчужечка.

Дешевле новую будет взять, чем с этой возиться, восстанавливать, к тому же будет надежнее. Смотрю одежду, она вся в ови дырявая. Сапоги, один слева залеплен кровью, а я как помню, там ударов не было.

- Дай мне кольчугу.

Я приношу ее старику. Он смотрит на нее, на меня. Бросает ее мне, я ловлю.

- Да, пропала вещь.

- Да, это точно. Мы сели, посидели.

- Мне пора в поле.

- Я могу помочь. Усмехается: "Ради тебя, сиди".

Я возмущен, потом подумал, ладно.

Сажу за столом, думаю об этом товарище, где же его найти.

- Такое свинство. Это просто обязательно, без этого нельзя, я должен его найти, переиграть. Он довольно честно надавал мне по шее, правда, он применял все-таки изощренные манипуляции. Допустимо все. Да, допустимо размахивание этой штукой, а как, не важно.

Свист. Я выхожу из избышки. Стоит повозка. Всадник, который свистит, один из моих постоянных. Лошадь заставляет танцевать. Подхожу.

- Как ты?

- Отлично.

- Вот, за тобой прислали.

- Ну и хорошо.

Залажу в эту повозку. Одежда на мне не шикарная, но ничего. Со стариком раньше попрощался. Альта еще в избе, она собирается. Выбегает - веселая, очень энергичная. Периодически мне это нравится, а иногда кажется, слишком. Залазит в повозку.

- Пошел.

Едем в город в мой дом. Земли моей не очень много. На юге - там много дарим. Там не свое, поэтому можно было да-рить. Князюшка дарует всякие милости. Он отсюда, кстати, перебрался в Киев. Сейчас старшего нет в городе.

Приезжаем в город. Тут много народа. Родных здесь нет, они живут отдельно. Прислуга. Удивился, что такое паломничество в гости.

- Рады... А то пропал, ни слуху ни духу почти два месяца.

Кто-то обнимает. Народы выше крыши: просто знакомые подчиненные, начальство.

Ее отвел в отдельную комнату. Переоделся, не "мог же появиться на публике в таком виде. Ближе к вечеру, уже часов пять-шесть. Столы к встрече не накрыты. Они до этого сидели кто о чем судачил. Толпятся. Я стал всех разгонять, кого по соседям разместили, кого по комнатам. Рад, что вернулся, что не один вернулся. Еще бы, домой! Все такое старенькое, хорошее. Дом такой старый, но крепкий.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

Преклир - школьник. Очень любит этот период истории. Вспоминает, что часто со своим другом сочинял разные красивые истории, а как-то года два назад, когда придумал одну из таких историй, выбрал

для героя имя Лерг как самое красивое.

"Черный цвет плаща у того рыцаря некрасивый, неприятный оттенок, я такой не люблю".

Заметки одитора:

На данный случай вышли с проблемы прекира: он был неусидчив, не мог выполнять уроки, долго находясь в одной позе за столом, должен был периодически вставать и разминаться, испытывал ощущения, что тело затекает. Узнал это состояние затекшего тела в сцене, когда находится в лежачем положении после схватки с рыцарем и ни рукой, ни ногой пошевелить не может. После проработки данного материала острота состояния прошла, стало легче находиться в статичной позе. Год назад успешно окончил школу и поступил в высшее учебное заведение, хорошо учится.

Прекир очень ярко проявлял себя в сессии как личность того времени. Аргументировал свое поведение там психологическим состоянием несовременного человека. Отметил такую деталь в поведении: "Никогда за собой не замечал, а тут крещусь".

Любит очень старые вещи, всегда возражает, когда мама собирается выкинуть что-то изношенное. В случае привязанность к старым вещам четко прослеживается.

Заметки историка:

Дружинник Лерг служил, вероятнее всего, князю Ярославу (1019-1037), впоследствии нареченному Мудрым, сыну Владимира I, крестившего Русь. Ярослав действительно при жизни отца княжил в Новгороде, а после его смерти стал киевским князем, на что имеются указания в материалах сессии. Православие, только что принятое Русью, не успело еще в то время пустить глубоких корней, и именно потому герои все еще носят языческие, с заметным скандинавским влиянием (север Руси) имена: Лерг, Альта.

Быт, одежда и вооружение средневекового русского дружинника описаны в целом довольно точно. Не случайно особое внимание среди предметов снаряжения уделено плащу: широкий цветной плащ из прочной дорогой материи - "корзно"-являлся своего рода знаком принадлежности его хозяина к воинскому "благородному" сословию. Он же служил в походах одеялом, на торжествах - парадной одеждой и становился саваном погибшему дружиннику. Очень достоверна также сцена раздачи князем богатств, достояния и почестей дружине за службу - так называемого кормления.

Поход, предпринятый Лергом и несколькими его товарищами, направлен скорее всего против "чуди"- финских племен, так как они действительно были в то время одним из самых неразвитых народов в прибалтийском регионе. Возможный вариант с литовцами, или "жмудью" (латышами), отпадает: они были отличными воинами.

В эпизоде с набегом пруссов (воинственного славянского племени, проживавшего на территории Восточной Прибалтики и впоследствии истребленного тевтонами) отлично воспроизведена излюбленная тактика русских дружин раннего средневековья - внезапная атака в конном строю с охватом неприятеля сразу с разных сторон. Конечно, легковооруженные пруссы не могли устоять против натиска кольчужной русской конницы... В бою Лерг ведет несколько сотен бойцов, что свидетельствует о его принадлежности к "старшей" дружине - набиравшей в XI в. немалую силу служилой знати, богатством и положением выделявшейся среди простых дружинников. Тут следует заметить, что Лерг получает от князя кормление и земель и деньгами (то есть он не беден), содержит собственных слуг и на равных общается с боярином и воеводой (то есть он влиятелен).

"Черный рыцарь", победивший Лерга и его товарища, несомненно западноевропейского происхождения. Вероятно, это германский воитель, пустившийся на Восток бороться с язычниками и русскими еретиками в преддверии намечавшихся крестовых походов. Такими, как он, был в конце XII в. основан в Прибалтике Тевтонский орден.

Мужчина в горах скрывается от преследователей. Фран- ; дня, 1905 г. (1 сессия).

Мужчина в горах от кого-то спасается, убегает. В оборванной одежде. Должен перейти какой-то перевал. Скалы, куда-то лезет, подскользнулся, затылком ударяется о камень. Голова болит после удара, но нельзя отлеживаться, надо идти дальше.

- Надо спешить, пока они не пронюхали. О черт, угораздило стукнуться, как голова болит. Холодное что-нибудь приложить что ли. Нет, совсем замерзнешь. Не знаю, что делать, так холодно. Нет, надо идти дальше. Здесь должно быть недалеко. Дальше не знаю.

Видит то место, куда шел. Знает, что те уже не догонят, что спасен.

- Все, я пришел, я нашел. Теперь я уже в безопасности, можно вздохнуть свободно. Головная боль связана с этим напряжением от опасности. Чувство безопасности дает расслабление, снимается боль.

Там внизу хутор в долине, там спасение, там накормят. Домик, около него постройки. Знает, что там его укроют. Находит каменистую тропинку. Там уже трава начинается, и не так холодно. Опираясь обеими руками на палку, из-за изгороди смотрит старик с большой белой бородой. На нем белая баранья шапка, он в жилете, в мокалинах. Сухощавый, крепкий, живой. Ощущение от него как от отца, защитника. Преклир машет ему, а тот молча смотрит. Они не знают друг друга, но преклир знает, что именно к нему отправился. Старик молча открывает дверь. Дом небольшой, темный. Из камней сложен очаг. Преклир садится на большую деревянную лавку у очага. Старик режет лепешку, наливает кипятка из котелка в деревянную миску. Чувство голода не испытывает. Ест. Душа расплавляется, тает. Дед надежный, он свой, он - друг, он "как мое второе "Я", как мой тыл". Становится тепло, приятное растворение, умиротворение. Голова же становится тяжелой, распухшей, потом тяжесть уходит. Размаривает, хочется спать. ; Старик показывает на лавку, покрытую домотканым ковриком. Преклир ложится на скамью, на которой ему лежать очень приятно, приятно, что лежит на твердом. Остаток тяжести в голове уходит в эту скамью.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

В конце сессии: "Место мира и покоя нашла в этих горах". У преклира всегда спазмы в голове возникают, когда холодно или когда эмоциональное напряжение, состояние очень похоже на ощущения в сессии.

6. Зизи (Сюзанна), 8 лет, падает с пони, Франция, начало X% в. (1 сессия).

Я - восьмилетняя девочка. Длинные светлые волосы ниже лопаток, в волосах большой белый бант, больше для украшения. На мне широкое белое летнее платье по колено, с широким поясом, гольфики белые, башмачки типа сандалий. У меня есть еще старшая сестра, которая живет в семье, и еще братья и сестры, живущие отдельно. Я самая младшая в семье. Папа пост высокий занимает, у него предприятие, с акциями что-то связано, с драгоценными металлами. В доме много людей бывает. Особенно мною не занимаются. Родители часто бывают в отъездах, много путешествуют. Свободное воспитание, надавливающая атмосфера. На протяжении всего этого периода чувство хорошее, беззаботное, радостное. Всех люблю, но ни к кому особо не привязана.

Четырехэтажный желто-белый усадебный дом с полуколоннами кажется очень большим. К нему ведет высокая широкая лестница - ряд ступеней, уступка, ряд ступеней, еще уступка. У входа лакеи в красных ливреях и в париках. В доме пол где-то паркетный, где-то плиты. Напротив двухэтажный дом красного кирпича для прислуги. Лето. Очень ухоженный большой парк вокруг, лужайка перед домом. Очень яркая зеленая трава и кусты. Есть озеро. Вдалеке по поляне гуляют люди. Богато все. Кожаная закрытая темно-коричневая коляска подъезжает к дому. Красивые ухоженные гнедые лошади. В семье есть и коляски, и машины.

Семья за завтраком. Сидим за большим квадратным столом. На столе посуды мало, высокие бокалы, сыр.

Мать попросила оседлать пони для меня. Только позавтракали, еще сидим за столом. Лакей докладывает: "Лошадь готова, мадам". Мама кивает, разрешая идти. Я выражаю нетерпение.

- Спасибо, мамочка.

Выскакиваю из-за стола. Мне не до завтрака, бегу на ули-ДУ, лакеи открывают дверь, сбегая по лестнице. Гувернантка не успевает за мной. Вижу пони, которого держит конюх. Конюх, рыжеволосый, с усами и бакенбардами, одет в светлый пиджак и клетчатые штаны из плотного материала, перчатки, он без головного убора. Держит очень милого светлого пони со светлой же гривой, аккуратно расчесанной. Смотрю на пони, Для меня он как настоящая лошадь, для конюха не выше пояса.

- Милый; послушный, ласковый пони, такой хороший.

Конюх подводит ко мне пони, подставляет для ножки руки, и я быстро, по-мужски вскакиваю в седло, это дело привычное. Пони очень хорошо выезжен специально для меня Сбруя под меня подогнана, стремяна, уздечка тоже. Нет привычки погладить пони или угостить сахаром. Я его разворачиваю, сразу разгоняю рысью, галопом и быстро еду. Восторг чувство радости. Заставляю пятками пони бежать, хотя понукать его не требуется, он сам бежит. Долго учили ездить, но не разрешали прыгать через препятствия. Воспользовалась моментом и решила прыгнуть, пока нет гувернантки, а то та не разрешит.

Погнала пони на специально построенный барьер - палка между кустами. Он идет хорошо на препятствие, прыгает, но я падаю на правую сторону. Земля резко приближается. Сильный удар головой и спиной. Состояние оглушенности, головокружение, болит правое ухо и правая часть головы. Видимо, на недолгое время потеряла сознание, подташнивает. Запах травы. Встать не хочется, продолжаю лежать, зная, что меня поднимут.

Пони не убегает, стоит рядом, послушный, хороший. От дома бежит гувернантка. Разговор с конюхом вежливый, все как бы понятно. Все очень официально. В окружении вообще, нет теплых отношений.

- Она упала.

- Но как это произошло, кто допустил? - встревоженный голос гувернантки. - Смотреть надо было.

Конюх и гувернантка подходят ко мне сначала обеспокоенные, но сразу успокаиваются, когда видят, что я жива. Конюх держит пони, гувернантка наклоняется, приседая.

- Зизи, где больно? Показываю на голову: "Вот здесь".

- Осторожнее надо было.

Голова сильно болит, но не жалуясь, не плачу, так как боюсь, что больше не дадут покататься. Гувернантка поднимает, ставит на ноги, отряхивает.

- Пошли в дом.

- Я не хочу.

- Потом покатаешься.

Я пытаюсь сопротивляться, но знаю, что это бесполезно. Обидно, что так хотела покататься, и вот сегодня не дадут больше. Знаю, что в любой момент, когда хочу, могу покататься. Хочется остаться на лужайке. Оборачиваюсь, смотрю на пони, который стоит сиротливо. Жалко. Вижу черную большую машину с открытым верхом, большим бампером, "Роге!" напи-

но на ней. Несмотря на то, что было сотрясение мозга, все равно

беззаботное состояние

Гувернантка за руку ведет через лужайку по траве к дому. Поднимаемся на второй этаж в мою комнату. Гувернантка - высокая женщина в светлом узком закрытом платье до пят, за-боанном складками, с бантом сзади на поясе. Темно-каштановые волосы собраны в пучок. Воспитанная, в меру строгая ко мне. У меня отношение к ней как к предмету, как к обслуживающему персоналу.

Вижу кусок комнаты, освещенный солнцем. Комната большая, но вытянутая. Высокое окно, на нем тяжелые розовые занавески. Вид из окна на парк. Все убрано. Мебель аккуратная, красивая. Столик круглый, маленький, на трех ножках в углу у окна, стульев много, изящные, один из них маленький, детский. Большая кукла, у нее фарфоровые ручки, ножки, голова. Платьице у куклы похоже на мое, но только длиннее и с воланами. На стене три похожие гравюры с изображением пейзажей парков, водопада. Кровать высокая из-за лежащих на ней нескольких матрасов, узкая, деревянная, накрытая покрывалом с оборкой, стоит у стены, ближе к входу.

Гувернантка укладывает в постельку не раздевая, снимает только туфли. Приложила лед в тряпочке. Грамотно себя ведет.

Постельное белье мягкое, чистое. Ткань не знакомая - тонкая и тяжелая. Бахрома и по одеялу, и по подушке.

Я притворяюсь сначала, что заснула, потом на самом деле засыпаю. Слышу голоса сквозь сон.

- Доктор пришел.

- Тише, она спит.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

С детства обожаю лошадей, люблю на них ездить, но всегда испытывала страх при галопе и никогда не прыгала через препятствия, потому что испытывала страх. Если лошадь сама прыгала, то я тут же падала. В детстве я увидела фильм, в котором девочка упала с пони и разбилась насмерть. Этот фрагмент поразил меня, врезался в память на всю жизнь. Я была потрясена до глубины души, теперь я понимаю, почему.

В подростковом возрасте мне иногда говорили, что я похожа на француженку, мне это очень нравилось. Я очень люблю звучание французского языка. Думаю, что это была самая красивая и приятная жизнь из всех, мною увиденных. Я даже на-РИсовала картину по этому сюжету, постаралась изобразить все детали. Особенно мне понравилась машина. Интересно, что и в ней был значок "Форда" без кружка. Позже узнала, что на первых моделях он таким и был.

Мой диапазон восприятия жизни значительно расширился краски стали ярче и вокруг, и в живописи. Я стала получать больше удовольствия от жизни, наслаждаться ею. Самооценка и самосознание себя как личности возросли. Желание попасть во Францию из смутного стало явным, я туда обязательно съезжу. Жизнь прекрасна и сейчас и тогда!

Заметки аудитора:

Преклир написала картину с очаровательной девочкой по этому сюжету и выставилась в

выставочном зале на Кузнецком мосту. Я была очень взволнована этим событием и обратила внимание, что картина привлекала внимание зрителей, они долго оставались около нее. В изображенном чувствуется глубина, искренность, реальность и поэтичность. Картина вызывает очень приятные ощущения.

7. Джакомо, 19 лет, получает травму на темной улице города Турина. Италия, 1827 г. (1 сессия).

Окраина небольшого города, Джакомо пришел в него с гор. Темная ночь, довольно теплая. Спешит к какому-то человеку. Чувствует опасность. Дома маленькие, улочки узкие. На улицах совершенно темно. Один, вокруг никого нет. Он - худенький юноша 19 лет, одет в кожаные штаны до колен, широковатые, засаленные, клетчатую рубашу и кожаную жилетку. На ногах башмаки типа мокасин с веревками. Под штанами что-то холщовое в облипку.

Быстро, почти бегом, идет вверх по улице с уклоном. Слева на этой улице одноэтажные дома с закрытыми ставнями, потом двухэтажные, а справа высокая стена метра три, как подпорная - для откоса. Над стеной растительность из переплетенных кустов. Не успевает свернуть за угол, чувствует, как сзади в спину бьет что-то твердое. Очень сильная тупая боль в области левой лопатки и плеча. Это^ видимо, булыжник, запущенный со стены. Слышит звук катящегося камня по булыжной мостовой. Хочет оглянуться, но не может, так как упал навзничь. Некоторое время лежит неподвижно от неожиданности и из-за инстинкта самосохранения. Замирает, ждет, не будет ли продолжения, даже дыхание спирает. Холодная булыжная мостовая. Понимает, что из-за угла никто не вышел, осознает, что не было выстрела, потому что они боятся шума, в городе тихо. В уме все время крутится "Гарибальди". Злость.

- А черт, выследили, сволочи. Пока они не пришли проверить, убили ли, надо срочно отсюда убираться.

Собирается в кучку, пробует встать, но понимает, что его почему-то не слушаются ноги. Видит, что ноги на месте, трогает их руками, но не чувствует их. На локтях пытается ползти. Ползти неудобно по булыжной мостовой, подползает к стене и пробует сесть. Видимо, получил сотрясение, был какое-то время без сознания, голова чугунная. От слабости раскачивает голову: шея тоненькая, а голова тяжелая.

- Голова очень болит, тяжелая, плохо соображается, трудно сосредоточиться.

Теряет сознание, приходит в себя. Руки очень напряжены.

- Надо с этой дороги отползти, чтобы они не нашли.

По стене поднимается, делает два шага, но падает на колени. Снова поднялся, идет пошатываясь, ноги заплетаются. Прислоняется к стене передохнуть и собраться с мыслями и силами. Опускается на корточки очень медленно, так как ноги плохо слушаются.

- Я не знаю, что делать.

Понимает, что самому трудно будет куда-нибудь добраться так как большая слабость. До того места, куда шел, далеко, туда не добраться. Там его не ждут, никто не знает, что он пришел, и искать не будут. Помочь некому. Поворачивает в совершенно узкий проулок, метра два шириной. В переулке дома одноэтажные, сплошной застройки, по одной-две ступени торчат на улицу. Полуидет, полуползет. Прислоняется к углубленной части стены, переводит дыхание. Сильно болит голова и спина. Не знает, что дальше делать, в растерянности. Боится вызвать шум. Преследователей не боится, но знает, что надо от них уйти.

Слышит шорох, поворачивает голову и видит силуэт мужчины на фоне тусклого сероватого света, падающего из двери следующего дома.

- Синьор, пожалуйста, не бойтесь. Помогите мне, синьор. На меня напали, стукнули в спину и что-то повредили. Я не могу подойти к Вам, меня не слушаются ноги, мне нужна помощь.

Объясняет, что у него нет оружия, он не бандит и не причинит никакого вреда. Мужчина осторожно выглядывает из дверей, он долго всматривается в темноту, пока глаза не начинают что-то различать, раздумывая, не решаясь выйти. Пытается рассмотреть, нет ли у меня чего-нибудь в руках. Через некоторое время подходит.

- Синьор, пожалуйста, разрешите опереться на Вас, мне надо подняться.

Мужчина пытается подхватить меня под мышки, но у него не получается, ему тяжело.

- Нет, давайте по-другому, я попытаюсь опереться руками о стену, тогда Вы сможете меня поднять.

Юноша опирается о стену, а тот приседает и взваливает его себе на правое плечо. Джакомо левой рукой держит его за шею, а за правую тот подтягивает. Неудобно, плечо мужчины упирается в грудь. Юноша медленно переставляет ноги, мужчина тащит его к дому. От него пахнет старой засаленной кожаной вещью, немножко дымом. Мужчине лет 40-45, темноволосый, волосы курчавые, короткие. Лицо у него грубоватое, темные глаза, нос крупный, чуть с горбинкой, крупный рот, небольшие темные усы, выбрит. Очень спокойный. Большие руки мастерового. Он одет в серо-коричневую куртку без застежек, с короткими рукавами, под ней полотняная серая рубашка. Штаны с вытянутыми коленями, темно-серого цвета.

Кожаные, с тупыми носами башмаки на толстой веревочной подошве.

Из двери пробивается тусклый свет. С трудом преодолевая одну каменную шершавую ступеньку. Полукруглая дверь из плотно пригнанных досок, на двери железный засов, старый, с ялетом. Хозяин сажает Джакомо на пол в прихожей, тот некоторое время сидит на полу, передыхает. Прихожая очень маленькая, в ней ничего нет, каменные небеленые стены, пол тоже каменный, из хорошо подогнанных плит. Потолок очень низкий, деревянный, в нем люк, видимо, кладовая.

- Синьор, о, благодарю Вас. Вы, наверное, спасли мне жизнь. Я шел издалека, очень устал. Не могли бы Вы дать мне приют на некоторое время.

- Если Вас устраивает мое жилище, пожалуйста, но я бы хотел узнать, кто Вы.

- Простите, я не хотел бы говорить Вам. Я не причиню Вам никакого вреда, я прошу: укройте меня здесь.

- Ну что ж, дело Ваше, если Вы не хотите называть своего имени. Давайте я втащу Вас в комнату.

Мужчина не испугался и не удивился, почему я не хочу называть своего имени. Тащит в комнату, подтаскивает к кровати, которая стоит в правом углу, сваливает на нее, перебрасывает туда же ноги.

Холостяцкое бедное жилище, не уютное, но не нищее. Небольшая комната, метра три на три. Стены из тесаных камней, небеленые. Полукруглая дощатая дверь открывается направо вовнутрь, хозяин ее не закрывает. Камин напротив входа, сложенный из камней. В нем что-то догорает, тлеет. Над ним металлический колпак, выступающая часть каминной трубы. Рядом горка полешек. Пахнет дымом не сильно, видимо, хорошая вытяжка.

Стол деревянный, на нем много наставлено, навалено: три высоких темного стекла бутылки (одна из них закрыта тряпичной пробкой, в ней, возможно, масло или лак, две другие пустые, из-под вина), кубок, две деревянные плоские тарелки, одна медная, объедки, кусок полусухого хлеба. Здесь же столярные или для резьбы по дереву инструменты. Слева одно окно, как и Дверь, полукруглое, закрыто деревянными ставнями. Драпировок или занавесок нет. Два стула - один недалеко от камина, второй у стола. Кровать деревянная, с высокими, треугольной формы, пикообразными спинками, с претензией. На ней одеяло, плоская подушка, набитая соломой, на нее накинута холстина, подогнутая под края подушки. Одеяло грубой шерсти.

Над кроватью большое деревянное распятие и зажженная лампадка. Слева от двери на стене висит деревянная полка для посуды, в два ряда. На ней две медные или железные тарелки и

большая глиняная кружка. Под полкой деревянный ящик типа сундука без замка. Сразу справа от двери примитивный деревянный двухстворчатый шкаф.

Не понятно, чем мужчина занимается, на столе долото стамеска, большой деревянный молоток. Человек, видимо, занят своим делом, и ему хватает на жизнь.

- Благодарю Вас, синьор. Не знаете ли Вы какого-нибудь доктора, чтобы он посмотрел, что у меня со спиной.

- Хорошо, давайте подождем до утра. Сейчас ночь, опасно куда-нибудь выходить.

- Тогда я смогу поспать здесь?

- Да уж, конечно, я посижу здесь.

Садится на высокий деревянный стул около стола. Юноша вытягивается на кровати поверх одеяла, расслабляется, приятно пахнет сеном от подушки.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

Здесь преклир прослеживает связь своего характера с характером Джакомо в склонности к приключениям с тайной, в чувстве внутренней гордости, что тебе такое поручают, что другому бы не поручили. Ощущает в себе романтический настрой личности именно в этой связи.

Ощущение мышечной скованности в определенном месте спины в районе лопаток периодически возникало в течение нескольких лет, эти боли были связаны с сильным эмоциональным напряжением и с чувством повышенной опасности. В таких ситуациях, когда требуется быстрая действенная реакция, у преклира наступал ступор, ощущалась скованность в теле и как будто "ноги отнимаются". Эти реакции четко отследил в случае с Джакомо, что по шкале тонов*¹ точно соответствует тону "притвориться мертвым". Долгое время после сессии подобное состояние не испытывала, боль не возвращалась, в настоящее время значительно реже появляются слабые болевые ощущения в этом месте, связывает это с тем, что мало времени уделяла проработке, одной сессии оказалось не достаточно, есть осознанная потребность продолжать работу.

Связь с мужчиной, который так по-человечески помог там Джакомо, видит в своих действиях в настоящем: не может пройти спокойно мимо лежащего на земле человека, пытается

*! Шкала тонов (дианет.), шкала, показывающая последовательные эмоциональные состояния личности, которые человек может испытывать. Под тоном понимается кратковременное или

продолжительное эмоциональное состояние. Каждый тон шкалы обозначен числом.

омочь, несколько раз помогала пьяным. Удивляется, как они "то чувствуют и тянутся за помощью к ней. На мужчину, ма-

щца которого забуксовала на темной пустынной улице, произвело сильное впечатление желание женщины помочь вытащить машину в таких обстоятельствах, а для самой совершенно естественным порывом было подойти предложить помощь.

8. Герцог Онри... из Англии, кузен королевы Марии-Антуанетты, подвергся пыткам и осужден королем Генрихом на казнь через повешение. Франция. (1 сессия).

Я, герцог Онри... кузен королевы Марии-Антуанетты, чужестранец, приехал из Англии во Францию, где мне все знакомо.

Высокий, красивая фигура, тело накачено мышцами. Упрямый взгляд как орлиный, молниеносный, из-под бровей. Чрезмерная гордость прямо кипит во мне. Аристократическая натура, но не настолько утонченная: подчиняюсь правилам этикета но могу быть и простым в общении. На мне темно-синий плащ из бархата с гофрированным воротником, сапоги с широкими отворотами (ботфорты), широкий пояс, шляпа с бриллиантом очень блестит. Она сейчас у груди.

Вижу себя со своей кузиной, мы в оранжерее. Шикарный ковер роз, а нас разделяют, как дорожка, высокие, на уровне нашего роста, особенно красивые чайные розы.

Женщина великолепная, очень симпатичная, высокого роста. Тело сложено правильно, на мой взгляд, все соответствует: красивая грудь, тонкая талия, руки очень утонченные. Глаза не очень крупные, но красиво посажены, брови вразлет, мягкий чувственный рот не очень большой, на щеках помимо своего румянца еще и искусственный. Высокий парик с буклями. Ярко-розовое платье. На утонченных пальцах рук перстни. В руках веер большой из перьев, воротник платья большой, гофрированный, как веер. На шее бриллиантовое кольцо, а в волосах черное и розовое перья крепит крупный бриллиант. Она как в сиянии.

- Вы не должны больше здесь появляться. Вы рискуете оказаться в темнице, а то и на виселице.

- Ради Вас готов отдать свою жизнь, да и честь.

- Но я не хочу, чтобы Вы погибли из-за меня. Прошу Вас как можно скорее уехать из Парижа, мой герцог.

- Вы гоните меня?

- Прошу Вас, если он узнает, что Вы в Париже, Вас ждет виселица.

- Под Вашим взором мне не страшна даже плаха. Если мне суждено умереть вперед Вас, я буду ждать с Вами встречи там.

- Вы невозможны. Я могу обидеться на Вас, - тихо говорит. - Сюда кто-то идет.

- Вечером я буду во дворце.

- Нет-нет, только не это!

- Я хочу вступить с ним в открытый бой. Я вызову его на дуэль, я не позволю Вашему супругу унижать Вас.

Нет, Вы не можете сделать этого, король не участвует в дуэлях.

- Тогда я заколю его при всех, и пусть меня после этого повесят, но я освобожу Вас от этого подонка.

- Прошу Вас, сюда кто-то идет. Появляется служанка.

- Ваше величество, Ваш супруг просит придти Вас к нему в кабинет.

- О боже, ему известно все, Вы погибли, Онри! К служанке: - Предупреди его, отдай ему это (снимает что-то с шеи) и выведи его через потайную дверь.

Шуршит платье, быстро уходит.

- Милорд, прошу Вас со мной, сюда, пожалуйста. Продираясь через кусты, идем с ней в глубину сада.

- Королю известно о Вашем приезде, он в гневе. Вы должны немедленно исчезнуть. Это Вам просили передать.

Отдает мне кольцо, я смотрю, прижимаю к груди, целую и возвращаю.

- Верните это ее величеству и скажите ей... а впрочем, нет, ничего не говорите, просто верните.

Согнувшись, быстро идем к маленькой дверце в глубине сада. Выхожу на мощенную булыжником улицу. На улице темно. Силуэты домов.

Колонны, очень светлый зал, высокие белые двери, обрамленные золотом.

- Вы опоздали, мой дорогой, Ваше место уже заняли. Возвращайтесь, если еще не поздно. Я Вам настоятельно советую уехать.

Целую ее руку. Она стоит передо мной такая красивая в пышном светлом платье, белом парике, на шее блестят драгоценные камни. На голове украшение в виде башенки. Я в коротком парике темного цвета.

- Возвращайтесь.

- Мадам, я всегда буду помнить Вас, мне очень жаль, что так вышло.

- Прошу Вас, поторопитесь, он будет здесь с минуты на минуту.

Я в поклоне, придерживая шпагу, резко отдергиваю руку. Рывком двери открылись. Входят солдаты в коротких плащах.

- Взять его!

- Вашу шпагу, милорд. Быстрый взгляд в ее сторону.

- Я делаю это только ради Вас, моя королева.

Вынимаю шпагу, целую и отдаю ее старшему.

- По приказу его величества Вы арестованы, милорд! Меня выводят из зала четверо солдат. Слышу вздохи-ахи

шепот. Длинный дворцовый коридор с колоннами. Ступени подвала, темница, немного соломы, в углу оконце. Сажусь на солому, обхватив колени руками, голова склонена на них. Оставили одного. Киплю негодованием.

Стол деревянный, табурет. Стены из камня обмазанные впечатление, как будто их мыли. Напротив меня ступеньки правее - дыба. Это деревянный щит, на нем кольца, широкие браслеты, цепей не видно. Помост как сцена невысокая, в нем дырки проделаны, желобки, куда стекает кровь, эта часть пола покрыта досками, прибиты очень плотно, на них бурые пятна. В самом центре этого сооружения большое кольцо.

Мышь бежит. Запах гнили, тухлятины какой-то.

- Господи, страсть-то какая!

Через какое-то время входят солдаты и мужчина в черном коротком плаще на красной подкладке.

- Расстрел или отсечение головы Вам заменены виселицей как простолюдину.

- Король решил меня обесчестить, ну что ж, пусть будет так.

- Вы и так запятнали свою честь, и мне поручено узнать все о Вашей связи с ее величеством.

- Я не знаю, о чем Вы говорите. Ее величество - моя кузина, я питаю к ней дружеские чувства, ни о какой связи не может быть и речи, но как ее брат и как благородный человек я не позволю оскорблять женщину, тем более в присутствии челяди.

- Милорд, Вы понимаете, где Вы находитесь? Я готов поверить, что между Вами и королевой ничего не было, но король не верит этому. И мне приказано подвергнуть Вас самым тяжелым пыткам и вырвать признание всеми доступными и недоступными средствами. Мне нравится Ваше поведение, мне нравится, как Вы защищаете Вашу кузину, но поверьте, она в самом деле того не стоит. Королю известна ее связь с герцогом Бургундским (Бекингом). Эта связь была доказана, ее отрицает только королева. Признайтесь - и Вам пытки заменят расстрелом как дворянину.

- Мы с Вами в неравных условиях, граф. Мое теперешнее положение не позволяет мне бросить Вам перчатку и вызвать Вас на дуэль, но если Господу будет угодно даровать мне жизнь, я при первой же на то возможности сделаю это, и тог-

граф, я уверяю Вас: честь моей кузины я буду защищать до о'следнего вздоха. А пока делайте то, что Вам приказано, но ее мою честь прошу оставить в покое.

- Мне очень жаль, милорд, что Вы не вняли голосу разума. Я вынужден применить пытки. Если Вам все-таки захочется что-то сказать мне или через меня передать что-то королю, я весь во внимании.

Входят два солдата и граф, он остается на ступенях. Солдаты берут меня под лопатки, а я разворотом отбрасываю их. Голова поднята. Солдаты вскочили, пытаются снова наброситься на меня. Граф жестом их останавливает. Иду к дыбе, смотрю на эти бурые пятна, которые вызывают во мне сильное волнение. Вскидываю голову, поправляю рубашку, одергиваю манжеты, становлюсь на помост раздвинув ноги, руки в боки. Гордость, я собой люблю, что я не сломлен. Сегодня я себе нравлюсь. Граф спускается по ступеням, взмахом руки показывает солдатам снять сапоги с меня. Я резким жестом останавливаю его, снимаю сапоги сам. Сам продеваю руки и ноги в зажимы, не разрешая никому к себе прикоснуться.

- Не прикасайтесь ко мне, я сам все сделаю.

Крюки, цепи идут на какое-то странное приспособление, которое очень легко, с подъемом держит мои руки. Руки над головой вверх и немного в стороны, ноги вместе. Уже нет парика. Срезают верхний кафтан и сдергивают, остаюсь в белой рубашке.

- Палач, начинайте!

Обращается к вошедшему, похожему на мясника, в красной рубаше с закатанными рукавами, руки волосатые, толстые. На нем кожаный фартук, лицо под маской-колпаком.

- Начинайте работать. И мне: - На рассвете Вы будете казнены, Вас повесят, как бродячую собаку.

Бьет. С каждым ударом отклоняюсь вперед, все тело сводит.

- Передайте Генриху, что он свинья.

Слышу свой стон, тяжело дышать, захлебываюсь, кашляю. Тело, руки ничего не чувствуют, дрожь и озноб. Сердце сжимается, выгибается все тело, на шее платок давит. Они уходят, оставляя меня на дыбе. Глаза открыты, смотрю вниз из-под бровей. Руки занемели и болят, голова свешивается, не держится, чувствую холод и сырость, щемит и пересохло горло.

- Пить.

В полубредовом состоянии как видение перед глазами прокручивается сцена ареста, и ее милый образ, и та последняя встреча в саду.

Вошел кто-то, снимают с цепи, волокут в угол. Мои руки как плети. Бросили на солому.

- Хорошенькое будет зрелище. На рассвете он будет казнен

- Все-таки жаль его, собственно он ничего и не сделал - смеются вошедшие.

Отупение во всем теле, ничего не чувствую, дрожь внутри особенно в коленях. Плачу, обидно.

Лежу, меня сняли с дыбы. Пить очень хочется. Очень обидно, я ничего не могу сделать, я проиграл, я не защитил ее. Глупо, Господи, как глупо, надо было скрыться, переждать, а теперь...

Быки тянут клетку. Стою расставив ноги. Руки и ноги цепями прикованы к ядру. Оттого, что били по голове, тяжесть в ней, тошнота. На шее красный платок. На сопровождающих телегу всадниках шляпы, черные плащи с красной подкладкой, широкие ленты через плечо. Качается телега. Вокруг много народа. Крики из толпы:

- Так ему и надо, он это заслужил!

- Расторопный какой, он посягнул на честь самой королевы. Он заслужил смерть!

- Так ему!

Кругом темнота. Вишу на виселице. На мне белая рубашка с воротником жабо, голова в мешке.

Ощущаю легкость и свободу, полет. Подо мной река, домики за рекой, замок и город на возвышенности. Восходит солнце.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

В случае я сижу в темнице, обхватив колени руками, в очень характерной для меня позе. В жизни - это моя любимая поза, часто сижу именно так. Другая поза, увиденная в сессии, как я стою раздвинув ноги и руки в боки, тоже очень характерна для меня. И еще, когда я сильно нервничала, у меня внутри все тряслось, было впечатление, что все органы дрожат. С удивлением ощутила в случае такое же состояние. С тех пор такого больше не испытываю.

Когда читала в книгах о пытках на дыбе, представить себе не могла, как она выглядит, а когда читала роман Алексея Толстого "Петр Первый", то описание пытки стрельца в темнице Троицкого монастыря на дыбе всегда ощущала как очень

знакомое состояние и удивлялась этому. Очень не любила на запястьях носить часы и браслеты, они мне всегда мешали, и я чувствовала дискомфорт, как будто бы они сильно давят. В сессии вдруг поняла, почему мне это было так неприятно, почему так раздражало. Теперь с часами не расстаюсь.

Мукой в настоящей жизни было то, что я никогда не могла носить одежду с закрытыми воротниками, они всегда меня душили. Не переношу ничего, что давит шею. Я оттягивала их и портила одежду. До слез было смешно, когда я в сессии нашла и поняла, почему же это со мной происходило. Это же платок на шее, давящий, когда поднимают на дыбе, точно, вот оно, как удивительно! Через день после прохождения этой сессии пошла в гости, надев водолазку с тугим воротом, и ни разу ее не оттянула, была вечером очень удивлена, когда дочь спросила, что это вдруг я надела кофту с воротником под горло. Теперь ношу одежду с любимыми воротниками.

В настоящей жизни всегда отказывалась от помощи, и моя любимая фраза: "Я сама, я сама все сделаю". И, делая, я ощущала, как будто своими действиями держу события на цепях, как бы "заковываю себя". Поняла в сессии, что во время пыток, когда герцог сам себя вдевает в кольца дыбы, сказанная им (мною) фраза: "Не прикасайтесь ко мне, я сам все сделаю" - определяла многие-многие поступки в моей жизни. Теперь не отвергаю помощь людей, даже приятно, когда дочь помогает мне по хозяйству, раньше я этого не допускала.

Всегда очень раздражало золото, блеск драгоценных камней и парчи. Их сияние, видимо, связывалось с теми муками, которые пришлось пережить потом, что и стало понятно из сессии. Теперь вид золота меня уже не раздражает. Иметь его у себя не хочу, но протеста видеть его на других уже нет.

В детстве, когда папа ругал меня за что-либо, я смотрела на него исподлобья так, что это выводило его еще больше из себя, и он орал на меня: "Убери свои глаза, не смотри на меня так!" И именно этот взгляд я прочувствовала в герцоге, когда исподлобья смотрю на своих мучителей, сколько в нем чрезмерной

гордости, упрямства, как говорят в народе, орлиный взгляд.

Заметки историка:

Речь идет скорее всего об одном из неудачливых фаворитов супруги короля Франции Генриха IV Бурбона (1589 - 1610) Маргариты Наваррской. Мужские костюмы соответствуют XVI-XVII вв., можно найти и определенное внешнее сходство королевы с сохранившимися описаниями и портретами знаменитой королевы Марго". Поведение короля, приказавшего схватить и подвергнуть пыткам своего соперника, весьма в духе честолюбивого и мстительного характера Генриха. В это время пытки

во Франции все еще применялись даже к дворянам, тем более иностранным. Казнь же через повешение действительно счита⁶ лась уделом простолюдинов, для дворян существовали более "благородные" топор и пуля.

Имена Марии-Антуанетты и Бекингема здесь, вероятно не при чем.

9. Граф Жорж-Генри Младший при дворе Генриха II, герцога брата короля, получил ранение головы при столкновении во время усмирения бунтующего народа. Германия, Гамбург, 1674 г. (1 сессия).

- Вы очень упрямы, Жорж. Почему Вы не хотите поехать в Париж?

Беру Луизу под руку.

Она невысокого роста, вся подтянута, собрана, маленькие плечики, большой бюст не портит ее. Лицо без косметики, румянец небольшой, глазки небольшие, брови симпатичные, в разлетик. Прическа невысокая, это не парик, свои светлые волосы, финтифлюшки висят. У нее губки тонковатые. Сказать, что лицо неприятное, нельзя, но что-то отталкивающее есть, как и. во мне, - гордыня и упрямство. Просто хорошо прибранная, чистенькая дамочка. Шляпа синяя, с белыми перьями.

- В такое смутное время как Вы не понимаете, что нужно быть подальше от этого места. Мой отец и я еще раз приглашаем Вас совершить это путешествие, но имейте в виду: если Вы и на этот раз откажетесь, то откажетесь не от путешествия, а от меня.

- В такой момент я не могу оставить своего короля, провинция бунтует, король одинок, поэтому я и мой брат должны быть рядом с ним. К тому же мой брат зависит от его величества. И если я уеду, то не смогу получить согласия на наш брак.

- Я поговорю с отцом, может быть, он сумеет уговорить его величество позволить нам обвенчаться.

- Вы моя королева, как бы я был рад, если это было возможно. Мне самому надоело здесь находиться. Король позволил этому идиоту поднять налог на землю. Его величеству докладывали, что это может привести к бунту, а то и к революции, но жажда денег не обрала его.

- Я поэтому и предлагаю Вам ехать с нами.

- Увы, мадемуазель. Надеюсь, Вы поймете меня правильно. Мои чувства к Вам самые нежные и возвышенные, я готов пожертвовать собой ради Вас и Вашего благополучия, но мой король и моя честь заставляют меня отказаться от Вашего предложения. Я приеду в Париж, как только управлюсь здесь. Я виноват перед моим королем и должен оправдать доверие, которое он мне оказывает.

Ощущение, что это обязательный ритуал, наш будущий брак. Мне приятно находиться в ее обществе, не отталкивает ее внешность. Умная женщина. Скорее всего мне это мероприятие выгодно. Мой настойчивый отказ и желание остаться

ей, кажется, нравится. Ее ко мне притягивает. Она ведет себя свободнее, чем я, я чем-то не добираю. Наслаждаюсь: птички летают, приятно очень... блеск платья из какой-то кисеи.

- Когда Вы едете?

- Шестнадцатого.

- Так это завтра.

- Да, это наша с Вами прощальная прогулка.

- Надеюсь, Вы не забудете своего маленького Жоржа. Выходим из оранжереи. Здесь стоит карета, очень красивая

красного бархата, по ребрам золотая обмотка, спускаются черные ступени, на окнах шторы и бубенчики. На дверце герб - щит с изображением льва. Четверка лошадей парами, впереди две серые в яблоках, сзади две рыжие. Подаю руку, подсаживаю ее, поправляю маленький шлейф у платья. Ступеньки закручивают, дверца закрывается.

- Что, бунт? Гнать, гнать их всех, - говорит мужчина с усами, в черно-красной одежде, в большой шляпе с перьями, башмаки с широкими большими пряжками. Это герцог Генрих II носится по комнате раздраженный.

Вижу зал с узкими длинными окнами, полукругом наверху. Много придворных: ряд женщин в красивых платьях с одной стороны, мужчины в другой стороне. Все молчат.

Герцог подлетает к окну, оттуда слышны выкрики. Я чувствую себя провинившимся, со склоненной набок головой следую за ним. За окном вижу людей, у них руки воздеты вверх.

У меня черные длинные прямые красивые волосы, тонкие черты лица, немного заостренный нос, маленькие усики. Губы сжаты в упрямстве. Лицо симпатичное, но не очень внушающее доверие. Худой, высокий, пальцы тонкие. В дворянской одежде, рукава пышные, на широком поясе шпага, в руках шляпа. На ногах чулки и башмаки с удлинненными носами, похожие на его, только с меньшими пряжками.

- Что они хотят на сей раз?

- Ваше величество, это ненасытное быдло, их не устраивает налог, который был введен 13 сентября на зерно, он для них слишком высок. К нам поступали сведения о начале бунта в деревнях, но кто мог ожидать, что эти скоты за ночь проделают такой путь, который не под силу даже хорошему наезднику. В том, что свиньи прошли в замок, не моя вина. Позвольте мне разобраться, - оправдывается полный мужчина.

Герцог визгливо:

- А чья?

Мужчина отступает. Я вступаю в разговор:

- Если позволите, монсеньор, я хотел бы объясниться.

- Опять Вы, Жорж-Генри Младший. Уже однажды я имел неосторожность доверить Вам свою судьбу и столицу, и тогда Вы не оправдали этого доверия, а сейчас Вы осмеливаетесь просить объяснений! Вы говорили, что остановите их, а они - вот они, под моими окнами. Как Вы смели утверждать, что я могу быть спокоен. Вы нарушили данную клятву. Почему мои придворные должны страдать от каких-то бандитов и Вашей нерасторопности. Если в течение десяти минут эта толпа не будет выброшена за ворота, я лишу Вас возможности быть во дворце. Вы будете сидеть в своей провинции, и руки маленькой принцессы Вам уже точно не видеть.

- Монсеньор, я отдаю Вам свою честь и голову. Я разгону это быдло, чего бы мне это не стоило. Будьте уверены, они будут помнить этот день очень долго, - я с визгом в голосе.

- Так почему они еще здесь, и почему Вы еще здесь?

- Монсеньор... Перебивает резко:

- А где Ваш брат?

- Он собирает солдат для...

- Примените к ним боевые действия, идите, Жорж, я даю Вам последний шанс.

Кланяюсь, машу шляпой у ног, выхожу. Вслед слышу женский насмешливый голос:

- Милый Жорж, наш красавчик сегодня в опале, ха-ха-ха! Мрачный длинный коридор. Солдат стоит, в шлемике, с

копьем в руках. Бросаюсь к нему: - Где? Он, видимо, не понимает, о чем я, недоуменный вид.

- Дерьмо, кто допустил их сюда? Где Альфред, где этот оболтус?

- Да вот он.

Он показывает рукой на выход. Мчусь по коридору, по ступенькам во двор за замком.

- Все ко мне! Альфред, мы должны доказать, что на что-то способны. Это быдло перешло все границы, надо их усмирить.

Альфред - это мой младший брат, мы похожи, но у него волосы светлые, и ростом он пониже, и в светлой одежде. У обоих на груди слева вышит герб красно-бело-черный: поле разделено на четыре части - две белые, две черные клетки, как шахматная доска, и в центре красная огнедышащая голова дракона на фоне щита. Края эмблемы обшиты красной каймой.

- Ты бери роту кирасиров, иди через западные ворота во-круг, а я со своими пойду правой стороной, таким образом мы возьмем их в кольцо, затопчем, они окажутся у нас в кулаке.

шие.

Он бежит, зовет кого-то. Я машу своим, собираются

пе-

- За мной! Открывайте ворота, давай!

Двор очень большой, огорожен достаточно широкой стеной, по которой ходят солдаты, они стреляют в толпу и перезаряжают ружья, слышится щелканье. С трех сторон ворота, а с четвертой - здание с заостренными, как шпиль, башнями Альфред бежит, за ним много солдат, у них короткие клинки Открывают ворота, я бегу вправо, машу рукой:

- Вперед, за мной, устроим мыльню этим свиньям! Народ пытается прорваться в открытые ворота. В нас летят

грязь и камни. У людей деревянные вилы, большие ножи с толстыми лезвиями. У солдат и у меня

длинные толстые стволы ружей-пистолетов с широкими курками и деревянными прикладами.

- Разойдись!

А толпа надвигается. Слева выскочил Альфред со своими на лошадях. Большая, покрытая булыжником площадь. Масса, не обращая внимания, продолжает проталкиваться в ворота. Сдвигаю эту толпу. Стреляю, перезаряжаю, опять стреляю. Гул стоит. Стреляют и со стены.

Вперед выбегают солдаты, у них мечи и копья не длинные. Берут в кольцо часть толпы. Люди пробиваются. Я в них стреляю, то на колени припадаю, то стоя.

- Эй ты, поди-ка сюда, - подзываю солдата. - Этих надо взять живыми, перекрыть выход в город, когда их останется меньшая часть. Беги на конюшню, скажи Генри, пусть ротой кирасиров отрежет им путь, когда я выйду за ворота, налетит на них через северные ворота и всех бьет, чтоб другим неповадно было.

Гул, крики, слышится набат. От городских ворот бежит много народа. Бегу из ворот замка им навстречу, ноги длинные, шпага вынута. За мной бегут солдаты в железных шлемах, что под ушами расходятся в стороны, бьют народ, разгоняют толпу. С другой стороны площади в похужей на мою одежду, на лошадях, в шлемах с перьями летит рота Альфреда. Мы на улице, мощенной булыжником. Здания кирпичные, двухэтажные, одно к одному, со ставнями и небольшими ступенями. Темно, улицу освещают только факелы с большими ручками в руках бегущих. А сзади меня ворота низкие замка, башенка над ними, мост. Вижу бегущих женщин в темных юбках, в белых кофтах с пышными рукавами, на головах чепчики с ушками, в фартучках. Мужчины, видимо ремесленники, рабочие в кожаных штанах, кричат, ругань. Орут не понятно что.

Бегу в гущу этой толпы. Бью там шпагой некорректно, ПРОСТО колю, не так, как на поединке. Кто-то выбил шпагу, на вырывается из рук, на нее наступили. Меня отбрасывает назад. Ужасно ругаюсь: "Ах ты, свинья!", выхватываю пистолет, стреляю в того, который выбил шпагу, перезаряжать некогда, и патронов нет, отбиваюсь рукояткой пистолета - и на кулаках. Куча-мала.

Солдаты выдергивают женщин из толпы и вталкивают за ворота. Улица от ворот, маленькие домики. Меня толпа прижимает к дому.

- Ах ты, скотина безмозглая! - он мне.

Сзади удар... руки... взмах назад-вперед, падаю. Ощущение, что меня с размаху ударяют сзади молотком на длинной ручке. Чувствую, как мошки в голове копошатся. Падаю вперед на булыжную мостовую. Рабочий в штанах, он меня и ударил, здоровый, фартук на нем кожаный. А толпа бежит, толкают, кто-то наступил мне на спину. Справа появляются всадники, стену обогнули, сдвигают народ. Я остаюсь лежать, но не только я, много людей лежит, какие-то женщины. Слышу топот копыт, мелькают ноги, мужики кричат, машут руками, конница сминает, гонит их. Очень быстро двигаются. Из ворот бегут двое солдат, подбегают ко мне, переворачивают, смотрят.

- Допрыгался, Жорж, - голос.

- Давай его сюда скорее, смотри, как по башке двинули. Наверное, пробрили череп.

- Надо же, как ему размозжили, а нечего лезть.

- Да, доскакался, в другой раз умнее будет.

- Давай скорей, а то не ровен час помрет, нам же с тобой и влетит.

- Может, оставим здесь и позовем лекаря?

- Нельзя, ведь может все обернуться не так, как сейчас. Я слышал, что идет подкрепление.

Берут меня за ноги и под мышки, несут как мешок, вносят за ворота во двор замка. На воротах цифры 1671. А там толпа ремесленников, окруженных солдатами, которых нахватили для наказания. Меня кладут. Ступени каменные, на них что-то подстилают.

Подбегает Альфред.

- Что с ним?

- Раскроили череп.

- Ах, свиньи! Нужен лекарь. Лекаря быстро.

- Уже зовут.

Он двумя пальцами трогает пульс на шее.

- Жорж, очнись.

Появляется лекарь, бежит. Он в черной одежде, с маленьким саквояжем. Колени острые, на одно колено опускается и осматривает рану.

- Он не выживет.

Появляются с носилками в виде крытой кареты. Альфред и солдат поднимают меня, усаживают, я полусидя. Четыре человека бегом несут. Тащат не во дворец, а налево, к другому входу. Дверь открывают, сразу помещение круглое, с маленьким апендиксом входа. Узкое длинное окно, полуколонны, посередине кровать широкая, с высоким резным изголовьем, полуторная, под балдахином, банкетки с кривыми

ножками, шкаф, буфет с цветными стеклышками. Бюро, поверхность вся стертая, рядом стула нет, писали стоя. Мебель светлого дерева, резная, красивая, массивная, а обивка, шторы и балдахин малинового бархата, с висялками. Еще столик с инструментами странными, он на колесиках.

Ставят носилки, перекадывают на кровать, на правый бок. Вижу свои острые колени, так как кровать явно мала мне. Врач склоняется, выстригает волосы. Запах лекарств. Сумерки, пасмурно, дамочка держит фонарь, это изящная лампа из железных прутиков и стекла. Факел горит сильно, но света не хватает.

- Быстрей, попробуем наложить бинт.

Вижу: у меня сзади в голове дыра, оттуда серо-розовое. Крови немного, сплетено все с космами. Врач что-то делает, берет тряпочки, как бинты, закладывает. Дырка хорошая. Вперед перекадываюсь, поддерживают.

- Послушайте, он должен жить, от этого многое зависит. Что скажете, доктор?

- Помочь ему вряд ли можно. Вы же видите, вываливается мозг.

Он его за грудки.

- Ты будешь висеть на столбе, если он умрет. Слышишь ты, он должен жить. Я дам тебе все, что захочешь, но он должен жить.

- Я делаю все возможное, а жизнь или смерть в руках Господа. Если он чудом выживет, то ума у него не прибавится, он будет недвижим. Вас устраивает это положение? Не лучше ли, как в старые времена, облегчить его участь и позволить ему умереть. Послушайтесь моего совета, если хотите ему помочь, сделайте, как делали наши рыцари в старину: удар мечом в сердце облегчит его страдания.

Альфред ходит взад-вперед.

- Вы мешаєте мне работать. Я бы советовал Вам подождать в коридоре.

- Делайте ваше дело, доктор.

Фрау Линда, налейте графу успокаивающего снадобья и приготовьте чистые повязки, мой рабочий столик, слейте мне.

Из кувшина моет руки.

Края соединяет, шьет. Тряпочку подкладывает, смоченную в каком-то растворе, завязывает, надевает сетку на голову. На спину переворачивает, а под шею валик кладет.

- Я сделал все, что мог.

- Не отходите от него и помните: Вы отвечаете за его жизнь.

Это уже указания брата Альфреда находящейся здесь женщине.

- Мадемуазель, о каждой перемене пульса срочно сообщайте мне, - ей же врач.

Доктор уходит в другую дверь. Она присаживается справа на кровать. У нее красного цвета платье с очень пышной юбкой, сверху передник белый с широкими крыльями. Черная брошь в вороте. Рукав - сверху пышный фонарь, а к запястью очень узкий. Волосы у девушки под беленьким чепчиком с отогнутыми ушками.

- Миленький, какой же ты...

Расстегивает пуговицы до половины камзола, снимает башмаки, расстегивает пояс. Я пытаюсь шевелить головой, бормочу, брежу.

- Пить, битте, фрау.

А глаза у меня открыты. Она берет графинчик, наливает в хрустальный бокал, приподнимает мою голову с подушки. Глоток, второй...

- Больше нельзя, все.

Прикрывает очень тонкой простыней. У меня выскакивают пышные манжеты из-под рукава. Веки дрожат, состояние ненормальности, перекошены рот и лицо. Ощущение дебилизма, это написано на лице. Тело неподвижное, никакое.

Какой-то кровавый день.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

Чувствую свою вину, чувствую себя виноватой и в этой жизни перед людьми. И, как бы искупая свою вину, способна совершать необдуманные поступки: вопреки возможностям, бросая семью, свои интересы, бегу на помощь исполнять просьбы других людей. Всегда боялась любых драк. Если драка где-то рядом, старалась обойти подальше, боясь нечаянного Удара. После сессии это чувство ослабло, страха такого не испытываю, могу даже предпринять действия по предотвращению конфликта. Прошли состояния головокружения и ощущение

низкого кровяного давления. В настоящей жизни людей оскоо] бить не могла, боялась обидеть их словом. В сессии оскорбила то, что я так могла неблагоприятно отозваться о людях. У_{Мен}^ бывало состояние тика

век, чувствовала себя неудобно в ситуации, когда люди думали, что я им подмаргиваю, подмигиваю] Это окончательно прошло, я даже забыла, что это у меня было! Признаю, что получила поделом.

Заметки одитора:

К данному тексту для примера даю образец первого прохода, когда преклир попадает в прошлое и сначала не может разобраться, где он и что с ним происходит:

Удар, удар по голове. Ощущение, что меня с размаху ударяют сзади... на длинной ручке молоток. Мошки в голове. Взмах, ничего пока... Здание кирпичное, улица булыжником. Четко не вижу, ощущение, как падаю вперед на булыжную мостовую. Здание, кирпич. Темно, какие-то факелы, здание двухэтажное одно к одному. Ставни. Ступенечки. Не русское. Ворота низкие, как в Кремле, башенки над ними, мост. Не разберу... булыжник крупный. Лежу на этой мостовой. Много народа вокруг. Факелы - большие ручки. Что-то повернуто, горит, лежу. Я не женщина, но волосы длинные., темные. Руки вперед - утонченные, не очень-то рабочие. Народ кричит, все движутся - из ворот. Я лежу ногами к воротам. Удар в левую часть груди. Глаза дергаются.

Заметки историка: Типичная история из жизни Германии периода позднего средневековья, раздробленной на множество мелких государств. Народные восстания, особенно в городах, где пассионарность*¹ масс была в то время весьма высока, не являлись редкостью, вспыхивали, как правило, стихийно, под влиянием введения какого-то нового налога, и протекали так, как описано. Сам молодой герцог - типичный аристократ своего времени, гордый, высокомерный, самолюбивый и жестокий. Характерно презрение с оттенком безразличия к "черни": она существует как бы вне его жизни. Описаны типичные для Западной Европы конца XVII в. войска: тяжелая конница носит название "кирасир", подразделение - рота, солдаты вооружены палашами и огнестрельным оружием, короткими копьями-протазанами, имеют защитное вооружение (упомянуты пернатые шлемы кавалеристов).

ТрПЛ^{1*}: тм^{га}»^{млб} (СР- исп. разаопапо), пламенный, страстный. Термин Л.Н.Гумилева.

10. Роллану фон... 32 лет, плеснул кислотой в лицо разгневанный обманутый муж. Фландрия*¹, 1670 г. (1 сессия).

Я аристократ, высокий, статный, физически сильный мужчина, 32 лет. Красивое, аккуратное лицо, светлые кудри чуть выше плеч. Правильные черты лица: прямой нос, пухлые губы, голубые глаза, чисто выбрит. На мне бархатный малиновый камзол с очень широкими сверху рукавами, типа буф, с прорезьями, внизу зауженные, кожаные штаны. Шпага на боку с резной рукояткой. Высокие кожаные сапоги. Люблю хорошо одеваться.

Вспомнилась шляпа с перьями.

Есть друзья, бываю в обществе, хожу по кабакам, иногда выезжаю на охоту. Держу хороших лошадей. Испытываю усталость от женщин, слишком их много было, уже стадия мудрости.

Довольно большой город (не у моря). Квартал людей среднего достатка. Сплошная застройка. У меня двухэтажный богатый дом в ряду себе подобных. Дома на улице все двух-трех-этажные светлых оттенков - голубого, розового, с высокими решетчатыми окнами. На первом этаже дома лавка (то ли моя, то ли нет). Чистенько.

Очень большой зал разделен на два поменьше небольшими полустенами. В глубине дома несколько небольших комнат. Полумрак. В принципе беспорядок в комнате, быт холостяцкий. Обстановка - на полукруглых окнах с решетками бархатные шторы, тяжелая мебель, много столов и стульев. Посередине комнаты дубовый стол, на нем скатерть с кистями, много чего навалено: книги, бокалы высокие, кружки, большие квадратные бутылки, остатки еды: кусок мяса, ребра чьи-то, фрукты. Тяжелые стулья с высокими квадратными резными спинками. У окна стоит деревянный узкий клавесин с клавишами в один ряд. Камин с металлической вытяжкой не зажжен. На стене висят в ряд три-четыре картины. На одной из них натюрморт голландских мастеров. Красный бархат брошен. Висит большой светильник - металлическое колесо, в нем свечи по кругу.

Есть собака типа борзой с вытянутыми пропорциями.

За окном на улице экипажи, верховые. Лампы масляные горят. Женщины в длинных платьях, шляпках.

Фландрия, средневековое графство, затем одна из 17 исторических провинций Нидерландов, один из наиболее экономически развитых районов средневековой Европы. В последующем основная часть Ф. - в составе Бельгии, часть - в составе Франции и Нидерландов.

Я в дальнем зале, пишу письмо с обращением "виконт" Письма пишу часто родственникам, различным высокопоставленным особам. На письменном столе много бумаг, чернильница с металлической крышечкой, гусиное перо, карманное издание Библии в кожаном переплете с золотым крестом на обложке, четки, книга доходов-расходов, просматриваю ее. Занимаюсь хозяйственными делами, но без особого рвения. Сложившаяся за долгие годы рутинная привычка пролистывать хозяйственные книги.

Слышу стук в дверь. Прислуга есть, но где-то в нижнем этаже, приходит строго по часам для выполнения необходимого. Без доклада гостям не принято входить. Вышел в ближний к двери зал. - Входите.

В комнату входит пожилой мужчина не очень примечательной внешности: почти лысый, чуть венчик волос пушится, маленькие темные глазки, нос мясистый, губы тонкие растянуты в гримасе напряжения. Серьезный, взгляд затаенный, настороженный. Он ниже меня ростом, худощавый, лицо круглое. На нем застегнутый на все пуговицы темно-зеленый камзол, весь расшит золотым позументом. Треугольный воротничок обшит по краю. Отвороты рукавов широкие, тоже расшиты: такие же, как на камзоле, золотистые полосы с петлей на пуговицы. Коричневые панталоны по колено, белые чулки. Носы у башмаков квадратные, с квадратными же пряжками.

Когда он вошел, я узнал его. Видел его раньше, знал, кто он, но никогда не общались.

- Что Вам угодно?

Мужчина приближается, я делаю шаг навстречу.

- Ты знаешь, на, получи!

Он держал, прикрывая в руках, небольшой круглый пузырек. Подойдя совсем близко, ловко выплескивает мне в лицо содержимое флакона. Я успеваю зажмуриться.

Я имел отношения с его женой Терезой. Он пришел отомстить. Его молодая жена, естественно, его не любит, любит меня. У нас с ней отношения больше дружеские, я к ней испытываю теплые чувства с оттенком покровительственности. Встречаемся не часто, она бывает у меня. В обществе не встречались ни с ней, ни с мужем.

Все лицо горит, сильный ожог. Хватаюсь за лицо, кричу: "За что, сволочь?!" Чувствую сильнейшую злобу, негодование. Выкрикнул больше инстинктивно для себя, как констатацию факта. Обидно, что люди уроды и способны на такую подлость.

Получил совершенно незаслуженно, я не прикладывал к этому никаких усилий, не моя инициатива. Взбалмошный, в принципе трусливый старик. Думал, что будет выяснение отношений, но не до такой же степени...

В доме один, хорошая изоляция, и нет смысла кричать, кого-то звать на помощь. Стою с закрытым руками лицом, глаза боюсь открывать, чувствую опасность, что он может напасть. Прислушиваюсь, уйдет ли, или придется отражать удар. Страх не испытываю, почти безразлично, что будет с лицом. Ушел. Хлопает дверь.

Падаю на пол, продолжая держаться за лицо, весь сжался, сознание потерял, все эмоции вырубилась. Долго состояние оцепенения. Встал, на ощупь умылся в этой же комнате из медного, не очень высокого таза с широким краем. Обессилен-но доползаю до кровати, прямо в одежде зарываюсь в ней и засыпаю. Кровать под пологом, бордо с кистями, не очень широкая, одноместная.

Вечером пришла служанка, полненькая добрая женщина в возрасте.

- Что случилось?

- Да вот... (рассказываю). Все жжет, лицо горит.

- Что делать, я сбегая за мазью?

- Ну иди.

Лежу в постели, лицо горит. Снова засыпаю. Позже возвращается служанка, смазывает лицо.

- Вот сейчас помажем, все пройдет.

- Вот лысый черт...

- А завтра...

Мазь немного стягивает кожу, боль уходит. Утром просыпаюсь, лицо болит, не придаю этому значения. Лежачий режим, все размеренно. Два дня промучился. Еда, постельный режим, мазь. Заходили двое приятелей, разговор "фенька".

Зрение не пострадало, только кожу затронуло. После этого кожа просто была розового оттенка и очень чувствительной, поверхность ровная, рубцов не было. Видимо, концентрация кислоты была слабой.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

Преклир отмечает, что у нее очень чувствительная кожа, часто краснеет от всего буквально, реагирует на изменение температуры в любую сторону. После того, как отработали этот материал, при

работе в офортной мастерской с кислотой не возникает никаких затруднений, не чувствует дискомфорта, ко-

жа спокойна. Раньше могла сильно покраснеть при сейчас этого не отмечает. При неблагоприятных лових нет сильной реакции.

Если испытывает боль или затруднения, никогда не гасит, зовет на помощь, не нуждается в сочувствии. В этом чувств в характере его черты.

При путешествии по Европе из всех европейских городов* больше всех понравился Брюссель. "Здесь я могла бы жить Теплое и приятное чувство. Когда зашли в один из католических соборов, возникло ощущение, что я здесь уже была к детстве рисовала фламандские дома, не видя никогда их изображения, они поражали воображение. Я знала, как они устроены."

11. фрейлина принцессы Антуанетты, французка 19 лет, брошена в темницу замка Тауэр*¹, где подвергается пыткам, насилию со стороны охранников, а затем повешена. Названа в каземате Маргаритой. Англия, XVII в. (7 сессий).

Юная девушка с пышной копной черных вьющихся волос, которые создают контраст с очень белой кожей.

- Не пускайте ее, держите, перекройте ей дорогу, держите-держите. Ловите, держите крепче, не упускайте. Тащите ее сюда.

- Она сопротивляется.

- Ну что, мужики, не можете справиться?

- Да в ней сам дьявол сидит.

- Тащите скорей, набрасывайте на нее веревку, завязывайте крепче, связывайте ее. Держите крепче, олухи. Руки свяжите, выворачивайте. Держите ноги, связывайте ноги крепче. Завязывайте крепче, чтобы не упорхнула. Что вы остановились? О, черт побери, с девкой не можете справиться.

- Она же кусается.

- Выбейте ей все зубы, чтобы не кусалась.

- Мы ее привели, вот она.

- Попалась пташка к нам в сети, теперь от нас не уйдешь. Полетала, порезвилась, теперь посидишь в клетке, красавица.

- Как вы смеете меня задерживать!? Не трогайте меня, не прикасайтесь ко мне. Вы не смеете меня трогать. Отпустите меня, я ничего плохого не делала.

- Ничего, пташка, у нас с тебя спесь быстро слетит. У нас умеют разговаривать и с более гордыми, ты у нас заговоришь.

- Не трогайте меня, как вы смеете со мной так обращаться, мерзкие скоты.

- Она еще и ругается.

- Не дотрагивайтесь до меня, я фрейлина принцессы Антуанетты.

- Забудь о Франции, теперь навряд ли ты туда попадешь. Теперь можешь забыть об этом, забудь свое имя, ты теперь будешь Маргаритой. Это, конечно, звучит не так благозвучно, как твое, но по тебе теперь никто не скажет, что... Ты обычная Девка, вас раздеть, вы все одинаковые.

- Вы не смеете со мной так разговаривать, меня будут искать.

Тауэр (англ. Tower - башня), с конца XI в. замок-крепость в Лондоне, одна из королевских резиденций (до XVII в.), главная государственная тюрьма (до 1820), затем - музей.

- Навряд ли найдут, поищут-поищут да бросят. Да и кому Вы нужны? У них сейчас дела поважнее, чем судьба какой-то фрейлины, бросьте Вы.

Достаточно темное помещение, кирпичные стены. Это угловая комната, из которой в разные стороны расходятся два коридора. Здесь тюремщики отдыхают, удобно просматривать. Их много. Стол и лавки.

- Отдайте ее солдатам.

- Нет, нет, только не это. Я не войду туда.

- А хороша птичка, ничего не скажешь. И кровь горячая. Хороша, наверное, была в постели, не зря ж граф аж из-за пролива тащил. Видать, наши ему не по вкусу. И нам с графского досталось.

- Ненавижу, оставьте меня, не подходите ко мне.

- Валите, валите ее, да на стол. Она у нас сегодня будет вместо обеда. Держите крепче, держите голову. Вот это глазищи, она глазами убить может. Закрой глазищи-то. Завяжите ей глаза, а то страшно в ее глаза смотреть.

- Не могу, оставьте меня. Неужели у вас нет никакого сострадания?

- Не сопротивляйся, тебе это все равно не поможет. Лежи смиренно и не дергайся.
- За что? Нет, не трогайте меня.

Лежит на столе. Они стоят над ней, одинаково одетые, в одинаковых головных уборах. Ощущает, как пальцы сильно сдавливают колени. Ноги разведены, держат за руки и за волосы, чтобы голова не моталась.

- Не трогайте меня, не дотрагивайтесь до меня, вы мне противны. Ну и вонь от вас.
- Ничего, чуть-чуть посидишь у нас, посмотрим, чем от тебя будет пахнуть.
- Какая маленькая грудь.
- Меня тошнит от ваших прикосновений, мне противны ваши прикосновения. Отпустите, не трогайте

меня.

Их руки грубые. Трогают, боль причиняют, неприятно из их уст это слышать.

- Сейчас мы тебе покажем (имеется в виду их "боевое оружие").
- Посмотри, чем не хорош? Ты столько, наверное, не видала никогда.
- Как же мне стыдно (плачет). Как⁵противно. Не хочу видеть, какая гадость.
- Выше ноги.
- Нет, нет, не хочу. Оставьте меня, не трогайте. Я вас ненавижу, я вас проклинаяю.
- Брыкается, как необъезженная лошадь, удила закусил. Гогочущий грубый-грубый смех.

-Дрянь.

- Ничего, сейчас мы постараемся, и из тебя пена пойдет. Сидеть не сможешь, куда твоя горделивая осанка денется. Ее теперь не узнать.

Сильно зажмуривается, мотает головой, зажимает рот, так как подносят к лицу и запах отвратительный. Старается крепче сжать рот, глаза, дыхание задерживает. Отвращение, невозможно на все это смотреть.

Пытается свести ноги, усилия предпринимает. В паху боль появилась. Пытается обороняться. Они в грубой одежде, внутренняя часть бедер как стертая. Боль ужасная. Не столько боль, сколько унижение.

- Потом родишь нам мальчика. Интересно, кого он будет папой называть.
- Видеть вас не могу. Как я вас ненавижу, как все это мерзко.

Под общее ржание кто-то из солдат:

- Кровь пошла.
- Заканчивай быстрее.

Платье разорвано, из-под него выглядывает тонкая белая рубашка. Платье темного бархата, лиф облегающий, шнуровка, юбка пышная. Белые нижние юбки задраны (белоснежные-белоснежные). Ноги задраны, в коленях согнуты. Вся мокрая. Сил нет под конец. Закусывает губу.

- Не могу, оставьте меня. Уроды, когда вы меня мучить перестанете? Неужели у вас нет никакого сострадания, одно скотское желание?

- На вид леди, а ругается как простолюдинка, в выражениях себя не сдерживает, шлюха подзаборная. Переключка, как в очереди.
- Заканчивай скорей.
- Скорей, нам не достанется. Всем хочется, ты не один.
- Ну кто на мое место?

Капрал в стороне, он не принимает участия, немного сочувствует. Единственное лицо с состраданием, понятием, повыше, чем эта толпа.

- Как вы можете смотреть на это? Заканчивай скорей, хватит, она уже без сознания. Оставьте ее, посмотрите на нее, она

уже сознание потеряла. Ну хватит, порезвились - и хватит, а то еще помрет. Она нам еще нужна.

- Ты успел полакомиться, поэтому так и говоришь.
- Она уже ни на что больше не пригодна, оттащите вниз в темницу. Во что же мы ее превратили.

Видит себя со стороны. Двое с факелами тащат волоком за руки вверх лицом. Болят вытянутые руки. Пятки бьются о ступеньки. Платье на груди разорвано, волосы растрепаны. Злость, протест, колоссальное эмоциональное напряжение.

Я буду молчать, я не скажу ни слова. Слезы душат.

- Она молчит, ничего не говорит.
- Откройте ей рот.
- Она рот зажала.

Рот зажат, аж зубы сводит, шея напряжена, челюсти не разомкнуть.

- Молчишь? Разожмите ей рот. Не можете, выбейте зубы. Она должна сказать.
- Молчит.

- Примерьте ей испанский сапожок, может быть, впору придется. Ну давай сюда свои прелестные

ножки, примерим на них новые сапожки. Сейчас Ваша маленькая ножка станет чуть-чуть пошире.

- Нет, я не хочу.

- Тебе не жмет, красавица? (с сарказмом). Ну как, Вам пришлось по вкусу новая обувь? И еще раз повторить?

- Хватит, у нее уже кровь пошла. Она без памяти. Эта дрянь молчит, из нее слова не выжать. Никогда бы не подумал, что в таком хилом теле такая сила. Она скорее умрет под пытками, чем скажет. Я боюсь для нее более суровое... придумать, она нам нужна живая. Брось ее в темницу, там, может быть, придет в себя, будет поговорчивее.

Вечерний сумрак. Видит стену замка, горят факелы, которые вставлены в крепления на стене, идут вдоль этой стены. Потом коридор, стены с нишами и арками.

Почему я здесь? Ничего не понимаю. Губы опухли, пересохли, тяжело говорить. Разбили весь рот, ни одного целого зуба не осталось. Я не могу ничего вспомнить. Все болит, не могу придти в себя, где я, куда меня притащили. Я ничего не понимаю, что происходит. Я не могу в это поверить, я не верю (плачет). Мне 19 лет. Я не верю в предательство людей, я не

очу в это верить. Не может такого быть. Как он мог предать, ведь он пригласил меня к себе в гости. Предатель. Зачем он это сделал? Почему они не хотят понять? Это несправедливо. Они хотят меня убить. Не хочу умирать. Я ведь не ведьма, чтобы меня сжигать, я ничего плохого не сделала. Что со мной собираются делать? Я ни в чем не виновата. В чем меня хотят обвинить? Это очень жестоко так со мной обращаться. Почему? Как будто не со мной.

Как здесь ужасно пахнет, какой здесь тяжелый воздух. Сыро, скользко, холодно. Мне очень холодно. Как же здесь темно, я ничего не вижу. Никого рядом нет, одна. Мне очень страшно, я так боюсь темноты!

- Я уже разговариваю сама с собой. Я схожу с ума. Я не могу больше здесь находиться.

Тауэр - какое это страшное слово. Отсюда живым никто не выходит. Неужели я в крепости? Тауэр - это зловещее слово. Этот ненавистный английский язык, я не хочу его слышать. Как я хочу забыть этот язык, эти слова, на котором говорили мне столько гадостей. Как отсюда убежать? Они меня здесь решили замуровать. Вокруг меня стены, какие они скользкие и неприятные. Нет, отсюда не вырваться, стены крепости крепко держат. Какое меня будущее ждет?

Я не должна плакать, но не могу себя сдерживать. Не улыбайся, не смейся, не плачь, никаких эмоций, все держи в себе.

- Когда ж ты заговоришь, из тебя слова не выдавить.

- Я не буду говорить, хватит меня мучить. Делайте со мной, что хотите, вам меня не сломать. Мой Бог, он мне поможет.

- Я придумал для нее пытку: надо поставить перед ней зеркало, пусть посмотрит.

- Нет, это не я. Не может быть, это не я, от меня моего ничего не осталось. Нет, я не могу на это смотреть (сильно зажмуривает глаза), это не я. Я не хочу это видеть, мне больно на это смотреть, страшно смотреть, лучше выколите мне глаза. Уберите, я не могу это видеть. Что вы сделали со мной, я никогда не смогу стать прежней. Уродство, на меня невозможно будет смотреть без боли и отвращения.

- Наконец-то заговорила, хоть голос твой услышим. Сильный эмоциональный всплеск - и отключилась, в бессознательном состоянии, голова болтается.

- Мы с ней, наверное, перемудрили, во что же мы ее превратили.

- Совсем заврался.

- Приведите ее в себя. Она уже от одного вида этой прелестной комнаты теряет сознание.

- Сдавливайте ей голову.

На полу полусгнившая солома. Какое-то кожное заболевание от грязи, по шее и на лице фурункулы, в голове насекомые. Болячки корками за ушами, на лбу. Лицо чешется, зудит здесь и кровь запекшаяся. Раздираются глаза.

Тело зудит. Как мучительны и унижительны эти воспоминания. Это есть невозможно, я не могу это есть, лучше вообще не есть. Мой живот эту еду не принимает.

Как мне отсюда уйти? Как я хочу вырваться отсюда! Я больше не могу здесь находиться, стены давят, я хочу все забыть, чтобы все прошло, как страшный сон, чтобы я проснулась утром, и ничего не помнила, и была далеко-далеко отсюда. И чтобы я проснулась счастливой, и беззаботной, и вольной, как птица, без этих оков, что меня сковывают, на солнце, а не в этой черной зловонной яме. Как хочется на волю, на свежий вольный воздух. Как хочется вновь увидеть теплое, ласковое солнце Франции, а не эти мрачные серые тучи. Как я хочу оказаться в другой стране, в другом веке, подальше от моих мучителей. Как я хочу, чтобы в следующей жизни мне попалось больше хороших людей (инквизиция, видимо, из-за моих воззрений). Эти мысли как будто из другой жизни, это происходит не со мной. Хочется стать птицей и улететь, вырваться из своего тела. Почему я не птица? Как мне хочется отсюда улететь! Я птица в клетке. Я мыслями далеко

отсюда. Видит окно сверху, душа стремится вырваться из оков. Боже, ты же все знал, почему ты не уберешь меня от этих мук, до тебя было не достучаться.

Я была увлечена интригами при дворе. Предупреждения были, к чему все это приведет. Я же знала, чем это все может для меня обернуться. Я не послушалась своего внутреннего голоса и попала в беду. Кто меня отсюда выручит, кто поможет? Душно мне, тяжелый воздух, задыхаюсь, от этой духоты болит голова, больно глотать, мысли путаются, уши заложило. Опять слезы застилают мне глаза, мои глаза уже перестают видеть от слез. Голова болит от слез, все тело ноет, грудь болит.

- Хотя бы они что-нибудь острое дали, мучения бы мои закончились. Когда кончатся мои мучения, скорей бы смерть меня забрала. Я жить не хочу, устала сопротивляться.

Проплачется, что-то скажет, снова в полузабытьи, приходит в себя и вслух высказывается:

Я потеряла счет времени. Как я здесь долго нахожусь? Что они сделали с моими руками, руки как будто не мои. Руки мои руки опухли. Боже, дай силы мне все это перенести. Не оставляй меня. Господи, забери меня. Почему ты не хочешь забрать и избавить меня от этих мук. Неужели я должна их пройти. За что мне такие испытания? Как я хочу, чтобы скорей мои мучения закончились. У меня нет сил сопротивляться.

- Ненавижу, как я их ненавижу. За что, почему, что плохого я им сделала. Я содрогаюсь от этих воспоминаний. Меня тошнит. От одиночества я сойду с ума. Пусто в голове, я не хочу ни о чем думать. Как больно все это видеть, свое изуродованное лицо и тело. Меня изуродовали, что со мной сделали. Как меня такую люди увидят? Я больше не вынесу пыток. Я уже разговариваю сама с собой, я схожу с ума, запуталась в своих мыслях. Боже, дай силы мне все это перенести, не оставляй меня. Господи, забери меня.

- Эй, солдатик, неужели я тебе не нравлюсь. Пормотри на меня, какое у меня красивое лицо. Отворачиваешься. Ах, мои ножки, как я теперь на них туфельки надену. Мои маленькие туфельки теперь не надеть на мои ножки, какие они стали широкие, они теперь не влезут в мои маленькие ботиночки.

Интонации как "в детство впала".

- Она не в себе, у нее помутился разум.

- Не обижайте меня.

- Она ничего не понимает, что ей говорят.

- Я хочу на бал, я там буду танцевать, я там буду веселиться.

- У нее мысли путаются, она ничего не понимает, что ее спрашивают. От нее сейчас невозможно ничего добиться, отвечает невпопад, повторяет одно и то же. Бред сумасшедшей, она с ума сошла. Она сумасшедшая. Мы с ней перестарались. Кто бы знал, что она окажется телом сильнее, чем разумом. Она без сознания.

- От нее надо скорее избавляться. Мы все равно от нее ничего нового не узнаем, она или молчит, или говорит невпопад.

- Не бойся, говори спокойно, она все равно нас сейчас не понимает.

- Переоденьте ее в платье попроще. Ночью ее перевезем в Другую тюрьму, а на утро ее надо повесить, и концы в воду. Никто ничего о ней не узнает, да и узнать ее сейчас тяжело, это горбатая, седая, беззубая старуха, коростой покрылась. Хо-

/

рошо наши мастера над ней поработали, никто не узнает Пусть ею займутся.

Вывели на улицу. Идет босиком, вялая, еле волочит ноги согнувшись, с опущенной головой, смотрит под ноги, выбирая куда наступает, сама с собой разговаривает.

- Устала, я очень устала, быстро устаю. Еще осталась слабость после болезни, меня качает от слабости. От пыли чешутся глаза. Не могу ни на что смотреть, солнце слепит глаза, ничего не вижу.

От солнца после темноты слезятся очень больные глаза сильно жмурится. В желудке боль от голода, мутит сильно, болят ноги. После тяжелого, затхлого воздуха камеры как опьянела от свежего воздуха.

- Воздух пьянит. Я не хочу умирать. Этого не может быть, я не готова. Почему я должна уйти, это не справедливо. Господи, почему я так боюсь. Это же не страшно, это же всего один миг. Нет, я боюсь.

- Сумасшедшую ведут.

- Ну пошла, еле ногами передвигаешь, как старая кляча. Иди быстрее.

Я не могу идти, сил нет.

Глубоко внутри болит все. Из полусознательного состояния не выходит, как во сне передвигается.

- Ветер волосы растрепал, я, наверное, некрасиво выгляжу. Волосы падают на лицо, она отмахивается, так как они раздражают раны на лице.

Виселица. Помост деревянный, стоит на нем. Руки связаны сзади. Растрепанные поседевшие волосы, как войлок, свалявшиеся, торчат в разные стороны. Обезображена, как старая бабка. От нее плохо пахнет. На ней темная одежда. Перед тем, как повесить, хотят надеть мешок на голову. Отказывается, хочет смотреть на небо. Шум толпы. Всматривается в лица, но читает на них непонимание, отсутствие сочувствия, видимо,

считают ее виноватой. Взгляд на небо, желание устремиться к Богу. Нежелание говорить, все мысли устремлены вверх. Ветер свежий в лицо. День солнечный. Чувство облегчения - избавление от мук. Подспудно небольшой страх перед предстоящей болью.

- Приговор: казнь через повешение.
- Веревку набрасывайте на шею скорей, заканчивайте быстрей.
- Вздернули (всю трясет).
- Наконец-то отмучилась.
- Еще одной ведьме свернули шею.
- Ничего не чувствую, надо скорее вырваться, скорее. Наконец-то вырвалась!
-

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

"Правильно говорят, что от тюрьмы и от сумы никто не застрахован. Это теперь знаю точно, надо и там и там побывать". Считает, что в этой жизни должна была испытать на себе предательство других людей. Всегда присутствовал страх темноты. В настоящее время, по прошествии более двух лет, этого страха не испытывает, спокойно входит в темный подъезд и находится в темном помещении.

Когда в прошлом русской была, четко шли предложения, а здесь с усилием ищется фраза, обрабатывается с английского, идет дополнительная работа. Появлялись несложные короткие фразы по-английски.

Во время сессий всегда сидит прикрывая глаза руками. После слов: "Закрой глазищи-то. Завяжите, ей глаза, а то страшно в ее глаза смотреть" - преклир: "Вот почему у меня всегда рука на глазах. После этой фразы рука сама опустилась". Не смотрит никогда на иглу при инъекциях и бормашину в зубо-врачебном кабинете, относится к ним как к орудиям пытки. Признается, что всегда очень больно было смотреть на изуродованные лица, старалась отвернуться и не смотреть. В настоящее время нет болезненной реакции на это. Очень не любит, когда волосы на лицо падают, носит прически, когда все волосы убраны назад.

"Интересно, если во Францию съездить, я там что-нибудь узнаю? Как стану клиром, по Англии и Франции буду совершенно спокойно разъезжать. Хочу на экскурсию в Тауэр".

Мощный заряд проклятия шел в сессии. Чувствует, что, видимо, ни один из солдат по-человечески жизнь не закончит. "Точно теперь понимаю, как проклятия работают. В инграмме внутриутробного периода (которую проходила позже) соседка с кем-то ругалась и проклинала, а беременная мама рядом находилась. Вот эта инграмма с Тауэром и могла включиться у ребенка. Такое чувство омерзения необыкновенного здесь, в этой жизни, поднималось, такая злость к мужу просыпалась, если там на всех, то тут на нем одном концентрировалась".

Когда в инграмме выбили зубы, пошло мощное слюнотечение, как будто рот наполнился кровью. Такое же бурное выделение слюны бывает всегда на приемах у стоматолога. Очень рано зубы стали разрушаться, сейчас нет ни одного здорового ³Уба, много под коронками (а женщина еще молодая).

Любит смотреть в небо, оно вызывает такое же чувство как и у фрейлины Антуанетты перед казнью. "Если представить как рестимулируется такая инграмма полностью и начинает действовать, чем бы я закончила жизнь, если бы не дианетика"

Заметки историка:

Во время происходящих событий замок Тауэр использовался именно как тюрьма. Несмотря на некоторую неразработанность сюжетной линии, условия содержания в Тауэре и орудия пыток, применявшиеся в XVII в., описаны достоверно. Следует заметить, что титул принца в Европе того времени носили не только представители королевских династий, но и высшая аристократия. Вероятно, речь идет именно о фрейлине какого-то из знатных французских домов: первого имени Антуанетта среди членов французского королевского дома XVII в. мне найти не удалось.

Начало следующего процесса даю как образец, чтобы стало понятно, как разворачивается работа в случае, с чего он начи-ается и как при этом ведет себя преклир. Отмечаю внешние проявления поведения преклира в процессе, частично его со-матику, на которую он жалуется (в скобках). При первом проходе все очень смутно и непонятно, постепенно, по мере повторных прохождений, картина расширяется и уточняется, обрастает деталями.

12. Жаннет Ковчак, жена барона Манфельда, подвергнута насилию со стороны наследника престола, который воспользовался правом первой ночи. Муж, узнавший об этом, убит. Казнь сына. Слеплена, и вырван язык по приказу герцога. Схвачена как ведьма, изнасилована солдатами, сожжена. Прага, 1587 или 1581 г. (2 сессии).

- Что с моими глазами?

Сильно стянуло. Красное пятно. Тело ощущает, что огонь (щурится, стонет, сжала кулаки).

- На костер (сморщилась, кричит).

Черные тени (охает, стонет). Черные капюшоны рядом... пропали. Светлеет (сквозь зажатые губы, руки как когти).

- Ничего у меня нет.

- Ведьма! (сильно морщится).

Ощущение, что вокруг люди. Распущенные волосы, космы. Булыжник. Что-то у меня творится с лицом, либо я слепая. Столб или крест (боль в желудке). Ощущение, что я сильно голодна. Церковники в черных накидках. Я не вижу, я только ощущаю. Руки вытянуты, как будто прошупывают что-то. Женщины в белых чепчиках и передниках, синие юбки, кофты красные, плетеные завязки, как у Красной шапочки. Хворост. Очень худая я, немолодая. Вероятно, слепая. Космы темные. Глаза, веки в тике дергаются. Много народа (охает, стонет).

- Еретичка (зжала веки с силой, охает, стонет, держится за голову и область желудка).

На мне черные лохмотья. Хворост не горит (чмокает губами, лицо все дергается в страшных гримасах, руки зажаты в кулаки, отдувается). У меня пустая челюсть, нет языка и зубов. Я чавкаю, хочу что-то сказать (корчится, охает, вздыхает). Я что-то пытаюсь говорить (трясется, кутается в одеяло, охает).

- 1587 или 1581 год. Я не вижу. Желтое пятно... Нет, я ви-жу: длинный стол, дубовый. Инквизиция. Голос, всю зажало (корчится, хрипит). Площадь круглая, тюрьма, цепи, ворота.

Меня бьют. Тяжелые сапоги как ботфорты (стонет, крутятся).

Толпа расступилась, воины в доспехах, в шлемах, с длинными копьями подошли (кряхтит). Волокнут. Телега. Солома Одна лошадь. Бросили на телегу. Четверо идут за телегой. Везут. Люди машут руками, кулаками, ругаются, кричат: "На костер ее!" (кричит).

Ощущение, что перед этим было солнечное затмение (тяжело было).

- Теперь Вы моя супруга. Я буду любить Вас всю свою жизнь!

Мы идем по цветам, не очень много ступенек, колонны, зал, музыка играет. На голове у меня веноч из живых цветов -похожи на ромашки, но не ромашки. Платье со шлейфом, небольшим, прозрачным. За венком ленточка вместо фаты. Подобраны волосы, гладко зачесаны. Так, ничего себе. Мужчина не очень молодой, но крепкий, достаточно симпатичный. У него на голове берет из бархата малинового. Волосы свои, короткие, русые. Светлые брови, приятный тип лица, обыкновенный, нормальный, без особых примет. Одежда - ворот стоечкой, шпага, не сапоги на ногах, а типа ботинок, немного кверху носы, пышные шаровары.

Я не красавица, не уродина, волосы потемней, чем у него. У меня не очень большой бюст, на котором красиво слева несколько цветов, похожих на лилии. Платье не очень декольтировано, это не платье, а юбка и кофта. По низу юбки розоватая отделка. В руке у меня белые цветы с очень большой серединкой, крупные, очень красивые, похожи на колокольчики, ветка вся усыпана ими - всякие, синие, розовые, желтоватые. Красиво.

Зала, вступили. Пол выложен красивым рисунком: в центре ромбики, треугольнички, многогранник, красиво очень. Все открыто, балкон и сад перекликаются. Помещение очень высо? кое, высокие двери открыты во второй зал, а там столы большие накрыты, кубки, чаши.

Чувство счастья, радости. Сейчас все будет хорошо, начинается новая жизнь, мирная, красивая.

Большой дом со стороны сада, это усадьба. Там музыка, трубы.

- Вы будете моей.

- Нет, Вы обманули меня!

- Ваш муж ни о чем не догадается, его хорошо сдобривают.

- Пустите, мне больно! Я стану кричать.

- Кричите. У меня готова карета, и, если Вы крикните, я увезу Вас туда, где никто не услышит крика.

- Вы подлец, пустите меня.

- Лучше по-хорошему. Право первой ночи обязывает меня выполнить с Вами первым супружеские обязанности. Если Вы будете сопротивляться, останетесь вдовой, не успев обрести мужа.

- Держи.

Слуга рот держит закрытым. Этот меня... Белое платье, так резко поднимает подол, он... (плачет, корчится, изворачивается). Насилие во время свадьбы герцогом по праву первой ночи. Я на траве, у меня все задрано, я пытаюсь встать.

- Вы оказали мне сопротивление, сударыня, за это будете наказаны.

И слуге: "Возьми ее ты" (стонет, корчится, воеет, извивается, плачет).

Следует второе насилие.

- Вам не стоит плакать, сударыня, Вас ждут гости. И помните, это было первое наказание, и, если Вы расскажите своему супругу, будете вдовой.

- Ой, у меня сил больше нет (плачет).

Кто-то выбежал из дома - мужчина, это мой муж.

- Жаннет! - он кричит.

Я пытаюсь подняться, держась за дерево какое-то.

- Жаннет, что с тобой?

Чувствую боль внизу живота, состояние отрешенности, полусумасшествия, безразличия.

- Жаннет, герцог воспользовался своим правом? Ведь он обещал, что на меня, на нас это не распространяется. Он поплатится! Он поплатится!

Впечатление, что за нами наблюдают.

- Я убью его! Я кричу:

- Нет, пожалуйста, не думай об этом, если ты это сделаешь, я не смогу жить без тебя! Они тебя убьют, так он сказал.

Он меня ведет в комнату. Вся обшита красной тканью, красное покрывало на кровати. Укладывает меня. Я опять невменяема. Кричат люди в доме. Встаю, иду в зал. Мой муж лежит на полу с кинжалом в груди.

- Вы убили его.

- Он поднял руку на наследника короны!

Я падаю на грудь мужу, обнимаю его, на его груди кричу слышу свой стон (охает, стонет, кричит).

- Да, милый, лучше бы я умерла! (плачет, лицо искажено).

- У Вас все впереди. Я просил Вас молчать, Вы поплатились за свои ошибки и за свой длинный язык.

В следующий раз он будет укорочен. Прощайте, сударыня.

Уходит. Я на коленях около мужа. Все расступаются, а я только покачиваюсь...

Мне тридцать пять - сорок лет. Милая, высокая, стройная, аристократического типа женщина. От переживаний плохо выгляжу. У меня шляпы нет, плащ с капюшоном, черная брошь закрепляет вуаль в волосах. На ногах ботиночки на шнуровках.

Балкон над дверью, с тряпичной крышей под шатер, с креслами. Еще нет герцога, ждут, когда он придет. В здание дверь. Я жду, оттуда должны вывести сына. Стража, в шлемах, с пиками, доспехи железные, сдерживает толпу. Вокруг, не очень близко народ. Тихое роптание в толпе. Женщины - у них лица не злые, сочувствующие. Есть так же одетые, как я, но они в каретах и на балконах домов. Я через толпу протискиваюсь.

- Пустите, там мой сын, пустите же меня!

Помост, плаха. Черный плащ. Палач в белой накидке на голове, и глаза за щелями. Топор. Прорвавшись вперед, кричу:

- Люди, послушайте меня. Сейчас будут казнить моего сына, но он ни в чем не виноват, он виноват только тем, что я не смогла защитить его, увести его. В двенадцать лет нельзя быть вором, это клевета. Я скажу вам, в чем здесь дело: право первой ночи. Пять лет назад у всех нас была радость: был отменен указ права первой ночи. Я жена барона Манфельда, но меня обесчестил наш нынешний герцог. Это он - вор. Казнить надо вора, а не моего сына. Мой сын - наследник короны.

Когда я говорю, меня пихают, на балконе появляется герцог, герцогиня, свита.

- Вас надо называть не его высочество, герцог Розенблюм, а его высочество разврат. С Вашей женой никто до Вас не спал, так почему же за Ваши действия должен страдать Ваш сын. Я заявляю, он - наследник короны. Я требую, люди, слышите, мой сын - наследник короны!

Мужчина, рука в черной перчатке, закрыл мне рот, оттаскивая:

- Молчите, Вы можете погибнуть сами. Вам надо было остаться дома, это я упустил из вида.

Вот сына выводят четверо солдат. Он взросло выглядит, лет на пятнадцать.

- О, Господи! (Он похож на Юрочку, умершего сына в этой жизни, только старше возрастом, у него такие же глаза и затылок (плачет) и такой же лопухий.)

Я к нему бросаюсь: "Марек". Он тянет руки вперед ко мне, я к нему, меня пихают назад, в толпу, его - на помост. Нас растаскивают.

- Уйди. Уберите ее, стража!

Сын ко мне тянет руки. Я падаю на колени. Его на плаху заводят. Он поворачивается.

- Мама, не надо, не доставляй им радость. Я люблю тебя! (плачет).

Я кричу:

- Помогите, он еще совсем ребенок!

На балконе в бархатной одежде герцог, рукава широкие. Он опускает большой палец вниз. За ним стоят еще богатые, тоже так делают.

- Измена! Изменнику смерть!

Приговор объявляют не очень громко, люди ропщут. Народу много.

- Несправедливо (плачет). Я ненавижу Вас, сударь. , Сын к ним повернулся, гордо так поворачивается.

- Начинай!

Герцог жестом руки, ладонью сверху вниз, чтобы быстрее заканчивали. Тот, что приговор зачитывал, оборачивается к палачу: "Давай". Мареку руки сзади связывают. Рубашечка белая, с небольшим воротничком круглым. Расстегнутые пуговицы. Быстро за руки, под коленки, рывком бросают голову на плаху, воротничок только в сторону отвели. Раз... и все... головы нет (плачет). Голова в сторону, за короткие волосики палач поднял, в разные стороны показал - и в мешок. Только такой вздох в народе. Я на коленях, покачиваюсь, голову схватила. Меня пихают ногой, падаю назад. Солдат. Люди берут, поднимают, куда-то ведут... нет, я вырываюсь, бегу к балкону.

- Вы - убийца, Вы убили своего сына!

Меня толкнули, качаюсь из стороны в сторону, кто-то меня подхватил.

- Похоронить, дайте похоронить сына! (плачет, лицо искажено гримасой, заламывает руки).

Герцог уже встал.

- Нет, его место в огне, тело изменника будет сожжено.

- Я отомщу Вам за него.

- Уберите ее! Встают, уходят.

- Это Вы изменник, Вы вор! Это Вас казнить надо! Он совсем еще мальчик! Вы предали его, своего сына! Вы...

Мне рот закрывают. Тащат, я кусаюсь, вырываюсь. Там герцогиня как-то странно смотрит.

- Мать изменника тоже должна быть казнена, я должен был об этом подумать.

Герцогиня:

- Ей надо бы отрезать язык, она много болтает. А Вы, мой дорогой, будете иметь со мной разговор.

Меня тащат. Он что-то рукой показал, туда, мол, в ту дверь, из которой выводили сына. Длинный-длинный коридор подвала. Там просто решетки без окон, стены и решетки вместо двери. Закрыли. Идет по коридору с другой стороны герцог, еще кто-то с ним. Я смотрю исподлобья, вуаль поднята. Герцог приказывает взмахом руки всем отойти.

- Вам, сударыня, захотелось посрамить меня. Вы принадлежали мне по праву первой ночи. Никто не просил Вас объявлять его моим сыном. Могли бы дать ему имя, ха-ха-ха, Вашего сбежавшего со свадьбы на тот свет мужа. Вы дерзки, стропти-

вы, как Ваш несостоявшийся муж. Если бы у меня не родился сын, я бы, может, и сделал Вашего наследником, но ведь Вы знаете: трон узок для двоих. Я надеялся, что Вы сможете молчать, но, поскольку Вы слишком болтливы, Вам отрежут язык.

- Я смогу рассказать людям правду об их властелине и глазами, и руками, и душой своей.

- Ну Ваши руки и душу еще побережем. Еще не пришел срок, и я не смогу забрать ваши поместья.

Насчет глаз это Вы верно заметили.

Он отходит, отдает какие-то распоряжения. Меня держат, привязали тяжелой веревкой. Прут раскаленный, горячий - неглубоко в глаза - в один и в другой (сильно жмурится). Далее ощущаю клещи, они большие. Зажимают голову. Язык зажимают через салфетку клещами. Вынимают салфетку и резко клещами нажимают на язык (болит, показывает вокруг рта).

- Укажи ей дорогу, вышвырни ее, - один другому говорит. Палач тот же.

- Нет, вечером надо увести ее подальше от города, пусть там подыхает.

В теле боли нет, мышцы лица сводит, состояние отрешенности. Ощущаю прохладу земли, траву. Все...

- У, ведьма, опять ты пришла в наш город, мало тебе в прошлый раз досталось. Уходи лучше, а не то не миновать тебе костра!

Я шаркаю, бреду по улице. У меня воспоминания, как тут моего сына казнили. Стою на той же просторной площади. У меня старческая одышка. В мелкую складку длинная пышная юбка, оборванная, подогнут край, там тоже серое. Ноги босые. Широкая полудекольтированная кофта. Плащ с капюшоном тоже ободранный.

- Солнце закрывает тьма, - чей-то крик и топот ног, бегущих куда-то.

Я иду, знаю, куда иду. Стена. Ров. Это происходит за стеной города. На стенах и на рву много людей.

- Скроется солнце, наступит тьма. Беда, будет беда. Люди, беда нас ждет, беда нам всем.

Это какая-то женщина говорит рядом со мной, рвет на себе волосы, стоя на коленях. Те же слова проговариваю я мысленно. Моя рука протянута к небу. Люди затихли, я не вижу их, но ощущаю, я слепая.

Ропот в толпе. Вой как стон.

- Быть беде.

Я немного спускаюсь вдоль стены. Ухожу по мосту с цепями из города. А сзади ощущаю, что ночь на солнце находит... ночь наложила на день, это очень мучительно.

- Держите ее, хватайте ее!

- Что вы стоите, держите ее! Это она напустила на нас божий гнев. Ловите ее!

А я вдоль стены ухожу. Базар, торговое место, поваленные телеги, какие-то мешки. Мне тяжело идти дальше, я устала, прячусь под перевернутую телегу, они одна к одной, как шалаш. Села, подбородок на коленях. Толпа шумит, я сжалась под телегой.

- Найти ее!

- Ищите ее!

- Проклятье! Ведьма, она наслала на нас проклятье! Это она - ведьма! Ищите ее!

/Бегут, расшвыривают, разбрасывают телеги. Я комком... нашли. Такие здоровые, тащат за волосы, бьют ногами. Я ничего не чувствую. Бьют только в живот ногами. Сжата в комок.

- Бей ее!

Один бьет, здоровый, сапоги такие мушкетерские, тяжелые, бьет... Люди кричат. А у меня тело как под заморозкой, уже не столь больно, я не чувствую тела.

- Не забей до смерти, побереги ее для костра.

Толпа расступилась, воины в доспехах, в шлемах, с длинными копьями подошли. Волокит. Телега. Солома. Одна лошадь. Бросили на телегу. Я скрючена. Четверо идут за телегой Везут куда-то.

- Нам запрещено, ей тоже. Все равно накажут ее, а не нас а она никому не скажет.

- Какая разница, в какую дырку пихать, хоть в замочную скважину. Ей все равно не жить.

- А ты не боишься, ведь говорят: она ведьма?

- А мне все равно, ведьма - не ведьма, лишь бы баба была.

- Она рукой махнула, солнце закрыла, потому ее сегодня избивали.

- Тихо ты, кто узнает. Отвезем ко мне в подвал, а вечером отправим в темницу. Можем сказать, что она пряталась, а мы ее искали. Она-то все равно никому не скажет.

- Вообще-то она ничего, лет 35-40.

- А мне все равно, лишь бы дыра была... Дырка есть не только внизу, ха-ха-ха, ну вот я верхней и воспользуюсь.

- В чувство-то приведем или так?

- А все равно, сама придет.

Ступеньки, тащат в подвал. Там топчан с соломенным матрацем. Очень маленькое окно с решеткой, мало света.

- Ну давай, времени мало.

Я не вижу, но я вижу. Я руками пытаюсь отбиваться.

- Держи руки ей!

Четверо. Это везде - и сверху и снизу... (плачет, корчится, вскрикивает, трясется, морщится, дергается, крутится, нога как бы выворачивается в бедре на 180 градусов).

- Господи, у меня что-то с костями происходит, а я не могу ни сказать, ни кричать. Меня тошнит, какая гадость (стонет).

- Она никому не скажет.

Я лежу в подвале жилого дома, там полумрак. Лавка, стол, лестница и деревянная тяжелая дверь. На улице телега и четыре воина стоят. Это имение, домик на взгорье.

Подземелье. Решетки. Я уже безразличная, хочу умереть. Я сначала потеряла мужа, потом сына, меня уже ничего не держит на этом свете. Пусть лучше меня прикончат, я уже этот позор не перенесу. Очень пить хочется.

- Работать надо, дура, а не лезть в государственные дела. Много лишнего болтала, - это солдат-охранник.

Я его вижу за решеткой - в железных башмаках, странная железная шапка. Он меня увещевает.

- Скакала, скакала, доскакалась.

Выводят на площадь по тем же ступенькам, по которым мой сын шел. Народ. Булыжник. Площадь большая знакома мне. Ведут меня. Высокие ступеньки. Я иду по тому же пути, по которому мой сын шел.

- Доскакалась ведьма на метле.

- Посмотрите на эту ведьму, впечатление, что ей все равно, что она сейчас должна умереть. Слепая, а шустрая. Размечталась, что станет великой герцогиней. Мечтать не вредно.

Охранники смеются, издеваются надо мной. Это тихо очень говорится, но у меня очень обостренный

слух.

- Господи, помоги мне (рыдает в позе молитвенного экстаза). Что я им сделала, за что они хотят меня убить? За что же они меня так ненавидят? За правду, за то, что я им глаза открыла на этого изверга. Я ничего не вижу, а мне так хочется посмотреть на выражение их лиц. Я так хочу посмотреть ему в глаза! Услышь меня, Господи.

Не очень тепло на улице.

- Ничего, сейчас согреешься, поджарим тебя, как петуха (морщится).

- Она вся скукожилась, чует ведьма огонь. Сколько она нам горя принесла.

- Какое же горе принесла, если я им правду сказала, за что я все время страдаю. Что я им сделала плохого? Отмучаюсь, пусть им будет хорошо. Меня ничего не держит на этом свете (плачет), если я никому не нужна. У меня все отняли, а сейчас и жизнь отнимут. Господи, спаси и сохрани (рыдает, захлебывается). Я крещусь, а кто-то говорит: "Крестом от возмездия не спасешься".

- Господи, скорее бы они уже кончили, у меня нет сил уже это терпеть (бормочет, хлопает носом).

Мне уже безразлично, мне уже на все наплевать. Ощущение удавки на шее.

- Ты меня хотела запугать, так получи по заслугам. Не связывалась бы ты со мной, была бы живой.

Ехидно самодоволен. В руках чрезвычайно пышных. Он выглядит элегантно, но улыбка, насмешка...

- Все-таки я тебя раздавлю, гадину.

- И моя мучительная смерть выйдет тебе боком. Не радуйся, и тебя тоже ждет мученическая смерть.

Ноги подкашиваются, еле стою.

- Они все не начинают эту казнь. Когда же они начнут когда же он даст команду? Когда же все это кончится?

- Кончайте с ней. (Хриплым, еле слышным голосом, стонет, хрипит, язык еле ворочается, морщится, плачет, извивается, дергается, затихла...)

- Затяни ее потуже.

Я уже на столбе, внизу хворост. Веревка, он затягивает узел. И вьюи... и желтое пятно.

- Смотри, она потеряла сознание. Приведи ее в чувство она же должна чувствовать огонь.

Вижу этих двух внизу, здоровые мужчины, и я к столбу привязана. Лопатки чувствую.

- Боже мой, меня же привязали веревкой, я не могу отсюда выбраться (кричит, рыдает, дергается, извивается, бьет ногами). Я не могу... У меня все свело... Ой, я задыхаюсь... Этот дым... душит меня... Выпустите меня отсюда. Господи, я не могу выйти. За что? Я умираю.

Вижу себя на столбе обугленную. Я чувствую, что я на этом бревне, не могу понять, неужели я жива. Я их всех вижу. Мне хочется смеяться: они меня хотели убить, а я живу. Этот гаденьш: "С ней покончено".

- Я жива!

Народ смотрит вверх, чертыхается, крестится.

- Ведьма, она не горит.

- Господи, как же я могу быть живая. Господи, отпусти мою душу. Господи, не оставь меня, помоги мне.

Смотрю вверх, а там образ в одеждах белых. Я молюсь, а он как бы смотрит, чем можно мне помочь.

- Помоги мне выпутаться из этих веревок, помоги, я не могу сойти с этого столба.

- Каждый должен нести свой крест сам. Не понятно, кто это говорит, как будто он.

Я на этом сгоревшем шесте. Очень странно, но я жива. Столб очень высокий, хворост давно сгоревший. Внизу солдаты переговариваются, а я на них смотрю со столба, хочу сказать: "Что же вы не доделали до конца, хвороста не хватило". Интересно, я их вижу, хотя слепая, сказать я им тоже не могу. Все уходят, я опять остаюсь одна.

- Господи, когда же все кончится, я в теле, но его не чувствую.

- Она ничего не почувствовала.

Это говорит герцог, ухохатывается. Хочется ткнуть его, промеж глаз стукнуть. Витаю вокруг него, а он посмеивается, рядом его мадам.

. Так что же хочешь, она же ведьма.

- Вот посмотришь, ее смерть не принесет тебе удачи, - это брат ее.

Я - две половинки: я - тело, и я - дух.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

В этой сессии произошло осознание событий всей моей теперешней жизни, они совпадают один к одному с той, прежней, и даже фразы те же. Я осознала, почему не сложилась моя супружеская жизнь и

почему мне была неприятна ее интимная сторона. В начале моего супружества начались соматика из этого случая: муж произносил фразы, которые в случае произносились при насилии, и тем сильно выводил меня из себя. Так же осознала, что обстановка в семье была настолько драматично схожей с темой случая, что и потеря второго ребенка была как бы предрешена. В случае моему сыну отрубает голову, а в настоящей жизни у ребенка развилась такая патология, при которой он оказался нежизнеспособным, не держал голову в возрасте полутора лет. От этой патологии и умер.

Жизнь сложилась так же: я потеряла мужа (развелась с ним), потом и сына. Отношения в семье были напряженными, сейчас, когда прошло много времени после развода и я проработала много материала на подобную тему, наши отношения с мужем стали улучшаться, общение происходит более человеческим языком. Много новых осознаний приходит ко мне со временем по поводу того, что именно этот случай блокировал многое в моей жизни и жизнь была невыносимо тяжелой. Справляться со сложными ситуациями я не могла, теперь у меня появились возможности и силы для *преодоления* их.

Интересные наблюдения в сессии, что я как личность, которая слепая, не вижу, а как тетан*¹ вижу все до мельчайших подробностей. Веки дергаются, как при тике, - это же проявление у меня было и в этой жизни. Теперь этого нет. В сессии фраза "Быть беде", поняла, почему последнее время прислуши-' валась к приметам, теперь смеюсь над этим. В сессии сижу под телегой в характерной для себя позе - подбородок на коленях. Я часто садилась так же, когда чувствовала себя уставшей, для того, чтобы передохнуть, как бы готовясь к дальнейшей тяжести жизни. С детства не люблю ботинки со шнурками, но всю эту жизнь они меня преследуют. В сессии ощущение удавки на шее, а в этой жизни душит ворот одежды, ощущение этой удавки. Перед казнью у меня там ноги подкашиваются, еле стою, в этой жизни я никогда не могу стоять, всегда должна сесть. Там высказывание чье-то, что не надо было лезть в государственные дела и что много лишнего болтала, а здесь я их терпеть не могу, эти государственные дела, но осталась очень болтливой. Видно, случай мало чему научил. И в этой жизни я правдоискатель, все высказываю резко в лицо человеку, если мне что-то не нравится, но и получаю в ответ, конечно. Некоторые встречающиеся в сессии фразы слово в слово произносились в мой адрес в этой жизни. Там в конце настроение, что отмучаюсь и пусть им будет хорошо, так и тут готова мучиться, пусть мне будет плохо, если им при этом станет хорошо. Когда я сижу на стуле, все время чувствую лопатки, место, где стула касаюсь, поняла, откуда это ощущение. Поняла, почему меня всегда кремация пугала, теперь не просто не боюсь ее, а даже приветствую.

*' Тетан (саентол.) (от греч. буквы "тета", которой древние греки обозначали понятие "мысль" или, может быть, "дух" с добавлением буквы "н", чтобы создать существительное в современном стиле), сама личность - не тело человека или его имя, не его ум, а то, что осознает, что оно является осознающим. Этот термин был создан, чтобы устранить возможность путаницы с более старыми понятиями.

Заметки аудитора: /

У историка возникли сомнения, происходит ли подобное в Чехии, он считает, что сцены больше похожи на нравы Испании, где право первой ночи было характерно даже для высокопоставленных особ. Мы спорить не будем, но для терапии подобное и не важно, аудиторы исходят из момента истины для пациента. Для нас важно, что, проработав материал, человек избавляется от боли, страданий, страхов, что мы наблюдали и в данном случае.

13. Римский легионер Марк, из рода Паллатини Умбрийские детство, учеба, служба, гибель в 32 года. Римская империя, '448 г. (5 сессий).

Север Апеннинского полуострова, Римская империя. На увиденной карте место, где горы Северные Апеннины близко подходят к Генуэзскому заливу Лигурийского моря (названия из современной карты). Тепло, конец мая - начало июня.

Лагерь в небольшой крепости на пустынном каменистом плато. Стены из крупных камней, местами обмазанные глиной, еще не достроены. Строят рабы, над ними поставлены надсмотрщики. Слева от ворот стена еще не высокая. Ров еще не заполнен водой, через него будет перекидываться мост, делается устройство для его подъема, канаты будут накручиваться на большие катушки. Внутри палаточный городок - шатровый.

Я уже не молодой опытный воин, мне 32 года, служу здесь с осени. Крупный мускулистый мужчина, волосы светло-русые, чуть выются. До этого был легионером*¹ на судах (морская пехота), несли патрульную службу у берегов полуострова. Участвовал в сражениях, брали неприятеля на abordаж, в наши задачи входило врываться на захваченное судно. Дважды был ранен - в области правой лопатки и в живот - левая паховая область. Хорошо рассекли, перенес в этом месте операцию. Хирурги опытные, могут зашивать раны. Операция проводится под наркозом винного опьянения, применяют лечебные травы (идет соматика приема

наркотических средств, состояние оглушенности). Выхаживали дома.

Я из достаточно обеспеченной семьи. У нас крупные земельные наделы в Умбрии*² - в центральной части полуострова. Районный центр Умбрино. Отец недавно умер, жива старушка мать. Дома жена и двое сыновей. Старшему двенадцать, младшему семь. Хозяйством заправляют два младших брата. Я в армии с пятнадцати лет. Старший сын должен быть на государственной службе.

С детства любил спортивные состязания, борьбу. Светло-русый, курчавый, озорной, активный, был забиякой. Любимец матери, она баловала, многое мне прощалось. Жил вольно, носился с ватагой мальчишек. Получил домашнее образование, читать и писать умею. У отца в библиотеке произведения греческих философов. Знаю Гомера, современную поэзию. В доме бывали литературные вечера. Отец занимал пост в руководстве Умбрии. С ним связаны понятие "олигархия"*³, имя Флавий*^{1*} Семья крупных землевладельцев, имеем много рабов. К рабам безразличное отношение, мол, так должно и быть, на то воля богов, так распределено судьбой. Знаю, что должен ими руководить не жестко, но требовательно. Пользуемся таким понятием: "Раб должен быть всегда сытым, голодный раб - опасный враг".-

*"Легион (лат. *legere* - выбирать, собирать), основное подразделение в армии Древнего Рима; первое название всего римского войска.*

*² Умбрия, область в Центральной Италии. Административный центр - Перуджа. Разделена на провинции Перуджа и Терни.

Недавно я назначен на береговую службу как воспитатель кадров. В лагере мы несем патрульную службу, но и много занимаемся, так как это и учебный лагерь. Я обучаю тактике. Готовлю руководящий состав, у меня декада в подчинении и обучении. До этого они два года обучались в большом учебном лагере, где много внимания обращалось на физическую подготовку. К постам и чинам я никогда не стремился. Характер разудалый по молодости, а сейчас уже в возрасте, спокойный, рассудительный, веселый. Бивуачная жизнь устраивает. Мы хорошо получаем, не наемники, свои.

Вижу себя пятнадцатилетним мальчиком, уезжающим из дома в полк. Нарядно одетый, в красивой светлой тунике. Ма- , тушка еще молодая. Рядом отец. Суется рабы, запрягают повозку, укладывают небольшой скарб и питание. Сборы внутри двора. Повозка двухколесная с красивым узором, простая, без паланкина. Сидение сзади, чуть завалено назад. Большущие колеса, две лошади. Впереди мешки. Я в нетерпении, что меня ожидает.

- Тебе пора отправляться, будь достойным.

Мне отец дает рекомендательное письмо, делает последние наставления.

- Мы тебя всегда ждем, не забывай родительский дом. Средства на экипировку выделены.

- Мать, не раскисай.

Братья похожи на моих теперешних сыновей - четырнадцати и десяти лет, более тихие, чем я. Я же сорванец.

*³ Олигархия (греч.), режим, при котором политическая власть принадлежит узкой группе наиболее богатых лиц; государство с таким правлением.

*⁴ Флави, династия римских императоров в 69-96 гг. К Ф. принадлежали Веспасиан, Тит и Домициан. Проводили политику широкого предоставления прав римского и латинского гражданства провинциалам, вводя их знатных представителей в сенат.

Отправляемся за ворота. Пыльная дорога, вокруг зелень. Наш дом на отшибе. Хозяйственные постройки. А в стороне поселок, где живут наши рабы. Едем спокойным шагом. Проезжаем город на равнине - большие двухэтажные дома, крытые красной черепицей, узкие улицы с булыжной мостовой. Недалеко горы. Запахло морем. Около моря палаточный лагерь - лагерь сборов. Палатки как улица, они в форме шатров - середина выше, чем четыре угла, вход широко распахивается. Земляной пол застилается коврами. В палатке тростниковые циновки, которые легко скручиваются и перевозятся. На них спят. Постельных принадлежностей нет. В палатке в большом красивом кувшине вода.

Спортивная подготовка для юношей - борьба на мечях, умение метать диск (гранитный, тяжелый), езда верхом. Проводятся различные соревнования - по плаванию, бегу, метанию диска, борьбе рукопашную и на мечях. Во время борьбы на мечях одеты в мягкую кожаную одежду, чтобы не поранить друг друга. Фехтование, нанесение ударов сверху и снизу, выпады. Тренировка на привязанном сверху соломенном чучеле. Болтается как груша, на нем и кулачный бой отрабатывается. Неудобно, солома растрепывается, можно руку поранить до крови. Вот сейчас наношу удары, поранился, зализываю разбитый кулак.

Есть тренировка на колесницах по метанию камней и дротиков. В колеснице можно запасти удобные

камни. Тренировка метания по дощатым целям (обозначены круги, куда следует попадать). Лучные тренировки. Луки большие, тетива кожаная - толстые, замызганные полосы. Большие стрелы с металлическим наконечником (остренькие), оперение обстругано как бы ножом. Мишени на зеленом заборе - большие белые кольца с покрашенной серединой, размером с ладонь. До забора метров 20, даже меньше.

Мы кучно стреляем, попадаем в центр.

Бои контактные. Есть правила борьбы, но не жесткие.

- Можно так повалить, - говорю с азартом, хватаясь за одежду противника. Разгоряченный. У меня характер спокойный, нет борьбы за лидерство. Больше интерес, чтобы было красиво, а не чтобы быть первым.

Еще одна тренировка: стена невысокая, метра два, через нее надо перебраться по составляющим ее камням. Перелезаем. И еще задача пройти по стене сверху, а она неровная, волной. Для тренировки сохранения равновесия ходим и по бревну, уложенному между каменными тумбами. Забраться на него легко. Сначала учились по нему проходить, теперь уже бегаем. Еще преграды как для барьерного бега, но при этом бег трусцой, высота преград постепенно повышается. Были упражнения и на конях, но мало, так как нас готовят к морской слух-бе. От нас требуется знание такелажа, занимаемся греблей. Я оснастку судна знаю плохо, лучше правовые вопросы. Нас готовят для государственной службы в налоговой инспекции.

Сильно развита бюрократия*⁵ - большой чиновничий аппарат, строгая подчиненность власти Рима. Выполняются распоряжения императора. В данный момент неприятности с руководителем армии, его сняли. Политика, партии, выборы, сенат местное управление в каждом городе.

Я должен владеть географическими картами Эйкумены^Ч Под властью Рима весь юг Европы, Испания, Греция до Босфора, север Африки. По Черному морю плавают наши корабли. Торговые пути на Восток. Есть политические отношения с Англией. Христианство насаждается, но не очень проявлено. Я не чувствую себя христианином и вообще не испытываю какого-либо религиозного чувства. Старые боги в нашей среде более уважаемы. Когда спускают корабли на воду, есть ритуал освящений, при отправлении в поход ритуала нет. Вольное отношение к религии, допустимы шутки по отношению богов. Нет амулетов. Шутка в адрес чьего-то амулета: "Поддай кикимору, сами справимся".

Мы молодые, здоровые, обеспеченные - военная каста. С семьей связь не сильная. Семья помогает в экипировке. Получаемое жалованье идет на прожиточный минимум.

Сна дают немного, я не высыпаюсь. Поднимают рано, часа в четыре утра. Дисциплина. Похлебка гороховая, фасолевая в глиняной миске (необлито). Простая деревянная ложка. Хлеба суп-похлебку, просто густая масса. Хлебная буханка большая, зажаристая, отламывают большие ноздристые куски сероватого хлеба. Рыбу готовят вкусно, под соусом, запекают на металлической решетке над костром на подпорках 5-10 см. Рыбу, типа плотвы, укладывают целиком, запекают, переворачивают и обжаривают с другой стороны. Подлива с мукой густая, розового цвета. Лепестки роз применяют в приготовлении еды. Оливки в бочках на зиму (зеленые и черные). Каши кукурузная и пшеничная из крупно дробленных зерен готовятся размазней. Мясо на вертеле (металлический прут с ручкой). Лук, какие-то зеленые стволы, фасоль некрупная, горох, что-то типа физалиса. Фрукты: инжир, виноград (виноделие). Есть каменные жернова, их на палках поднимают, большой деревянный чан. Виноградный сок выдавливают из ягод прямо с ветками. Есть ароматные травы типа черемши, кинзы, петрушки, сельдерея. Виноградные молодые листья используются в еду, готовят что-то типа голубцов с мясом. Домашние сыры типа "Сулугуни". Из дома в лагерь присылают питание, привозят на телегах.-

*⁵ **Бюрократия**, высшая чиновничья администрация государства.

*⁶ **Эйкумена** (ойкумена) (гр. ойштепе, ойсео - населять), геогр., совокупность тех областей земного шара, которые заселены человеком.

Армия большая, много призывается в армию.

Абордаж - большие палки с крючьями в форме гребня петуха. Приходится перепрыгивать небольшое пространство между суднами. Когда подплывают, производят маневры, с одной стороны весла затягиваются вовнутрь судна. Перекидывают палки с крючьями, подтягивают второе судно к себе. Бой на мечях, здесь дротики не используются. Бой ведем с похожими на нас цивилизными людьми, это контрабандисты, пираты. Суда должны, приходя в гавань, платить пошлину. Эти же пристаю в неположенных местах. При их захвате на абордаж мечи просто для острастки, надо их арестовать и сдать на берег в специальную службу по взиманию налогов. За контрабанду судят. Привозят ткани, лес, украшения. Леса своего нет, он у нас низкорослый. Лес очень ценится.

Рыбаки привозят улов, суда у них намного меньше, чем у охраны. Сети крупноячеистые они плетут сами. Стада некрупных овец. Из шерсти делают зимнюю одежду (плащи), подстилки, потники для лошадей,

матрасы набивают. Матрасы бывают и соломенные. Мебель набивают овечьей шерстью. Например, канапе - диван с боковинками без спинки. Прядут шерсть, делают нитки, но из них делается в основном верхняя одежда. Есть небольшие большеголовые рогатые коровки, которые дают немного молока. Используют в пищу и лошадиное молоко. Много сортов меда, его используют для обмазывания продуктов для сохранения. Поля, небольшие наделы с хилым горохом, невысокой пшеницей. В лесу собирают дикий лук, травы (их не сеют). Есть плантации абрикосов, их сушат. Ягодников нет, но есть барбарис, кизил в лесу, мелкая дикая смородина. Это собирают, но не сажают. В садах груши, яблони, мелкие жесткие сливы. Используют мясо: говядину, баранину, козье. Отдельно тсасут стада коз.

Лагерь имеет свои стада. Жизнь молодежная, много интересного. Спать холодновато. Приучают к холоду - плавание, обливание холодной водой. Зубы чистят пальцем, натирая мелом, листьями. Для мытья используют листья растений. Посуда глиняная, ее моют рабы, готовить пищу им не доверяют.

За военную службу платят, призывают на большой срок. Хорошо обеспечиваемся.

Вижу один из парадов, когда красивым строем проходят бойцы. Выступление перед ними центуриона*⁷.

Я уже мускулистый, развернувшийся юноша, прохожу подготовку в морском отряде береговой охраны на случай нападения с моря. Одет как воин - короткая светлая туника, подпоясанная широким поясом с простой металлической застежкой крючком. На боку висит меч в кожаных ножнах. Корабль у узкой пристани на деревянных сваях. Он как большая лодка - корма и нос задраны, одна большая мачта с парусами. Сейчас паруса спущены. Посередине - палатка. Есть гребцы, по два человека на каждое весло, весла большие в уключинах, по четыре с каждой стороны. Длинные лавки, на которых сидят гребцы. Я сижу на широкой отполированной лавке на последнем в ряду весле слева, ближе к борту. Под ногами доски. Нос корабля сзади меня, перед глазами поднимается корма, сбоку - борт с балясинами. Моря я не вижу. Весло неудобное, широкое и тяжелое, полностью ладонью не захватывается.

Штиль, корабль идет вдоль берега на веслах. Мы гребем. На корме стоит старший в шлеме, его обдувает ветер, он командует: "Раз-два, раз-два". Проплываем маяк на высоком мысу скалистого берега - сооружение из крупных камней, масляные светильники. Знаю, что есть винтовая лестница в стене маяка с деревянными стойками, наверху открытая площадка под крышей. Светильник как таз, в нем плавают фитиль. Ночью его видно далеко вокруг.

Средняя часть полуострова. На его выступающей в море части западного побережья небольшой поселок. Рим севернее. Выходим на юг. Остров, видимо Сицилия, но до него не доходим. Побережье равнинное, местами берег высокий.

Мне 18 лет. Я - обычный воин, служу на море в таможенной службе. Окончил недавно учебный корпус, получил свое первое звание (первый чин), это еще не совсем офицерский чин. Несем дозоры. Сейчас военных действий нет, только на севере беспокойно. Неприятности из-за нарушителей порядка - контрабандистов, торговцев рабами, корсаров*⁸. Раб лько тот, кто захвачен в бою. Торговцы же недостойно дотают рабов - мирных жителей уводят в рабство. Это преступление - и серьезное. Свободный гражданин - это важно. Были восстания рабов. К ним сейчас отношение другое, их надо лучше кормить, телесные наказания без повреждений. В воинской службе они не используются, только при строительстве. В армии служат свободные граждане.

*⁷ **Центурион** (лат. *сепито*), командир подразделения (центурии, манипулы) в древнеримском легионе, выбиравшийся из опытных солдат или назначавшийся полководцем. Звание Ц. соответствует примерно ка-питуану, но по социальному положению Ц. принадлежали к солдатам.

*⁸ **Корсар** (ит. *согеаго*), морской разбойник, пират.

Знаем свои корабли приписки города Николь. Здесь же недалеко поселок с военным лагерем. Офицеры ночуют дома, солдаты в лагере, я как офицер уже имею право жить в городе. Еще не женат. Снимаю комнату. Живем вдвоем с моим сослуживцем, служим с ним на корабле императора Антония (имя корабля?). Он немного старше меня. Живем на первом этаже хорошенького двухэтажного дома. Хозяева на втором этаже. Это дом недавней постройки, на окраине городка, с небольшим садом и виноградником, двор простецкий, обнесен забором из сплетенных веток и небольших стволов деревьев. Кухня в доме, на дворе очаг. Киски гладкошерстные. Здесь есть собаки. Собаки используются и на службе для охраны. Лохматые псы, горные овчарки.

Комната на двоих скромная, для меня и слуги. Слуга - бывший раб, отношение к нему как к более достойному, чем рабу. Он служивый человек, поэтому остается в моей комнате. Помогает хозяевам доставлять пищу с рынка. В доме есть и женская прислуга. Столуемся у хозяев. У приятеля другая комната. Напротив моей комнаты хозяйственные складские помещения. Там хранятся орудия производства, овощи,

бутыли с вином в плетеных корзинах, кувшины. Беспорядок. В конце коридора лестница с площадкой на второй этаж к хозяевам. У них более светлые и просторные комнаты. Двое детей - девочке лет двенадцать и мальчику около семи.

Нам платят армейские, всего получаем пять талантов, 1,5 таланта уходит за жилье, а 3,5 на питание. В лагере питание из общего котла, здесь же питаемся сами. Мне не хватает на экипировку, родители оплачивают вооружение и обмундирование. Если бы служил в коннице, то поставляли бы и коня. Офицерский состав из обеспеченных семей. Нет других потребностей тратить, если разве на женщин, но пока у меня нет таких проблем. Вино покупаем у хозяина. Наши комнаты чисто мужские. Во время праздников приглашаются музыканты, принимают участие и женщины. Инструмент - кифара, маленькие гусли. Танцовщицы - восточные женщины. Греческие танцы мужские и в кругу, римские - простого рисунка. В танцах могут принять участие и гости. В городе нет театра, только в столице. Чтение принято, но в армии редко кто читает. Я читаю, знаю

5- Зак. 2210.

свой латинский и греческий языки, которые мне преподавали дома. Знаю Геродота, греческие и римские мифы. В обществе это принято. Книги в кожаных переплетах, небольшие, страницы жесткие, большие поля, мало иллюстрированы. Переписка на бумаге типа папируса, в трубочке, цветные нитки, печати. Документы печатаются. Бумага желтоватая, листы разного размера. Чернила, чернильницы, гусиные перья. Много их надо, очиняет слуга. Пишу письма родителям. Есть специальная почтовая служба. Получаю из дома благополучные вести. Хозяйство отнимает много времени у родителей.

Лежанки типа софы покрыты шкурами. Моя придвинута к находящемуся высоко небольшому окну, изголовьем к боковой стене, покрыта бело-серой козлиной шкурой, мягкой. Моим хозяйством занимался все время службы один и тот же раб, который уехал вместе со мной из дома. Здесь он еще молодежавый. Небольшой высокий круглый стол между кроватями, на котором едим. Одежда на стене. Стена побелена мелом, пачкается, так что место для одежды закрыто шкурой. Одежды немного, обувь - сандалии. По дому тоже ходим в сандалиях, не как рабы. Туалет предусмотрен.

Мы собираемся на службу. Служба не очень активная, давно не было неприятностей, но мы в полной боевой готовности. - Распустились, не ожидаем неприятностей. Раннее утро. Солнце еще не вставало, но светает. Дверь на улицу занавешена тяжелой тряпкой. Ступени каменные. Обливаемся водой у колодца круглой формы, сложенного из крупных камней, верх хорошо заделан, плоский. Хорошая вода неглубоко, забрасывается большой кувшин, который находится тут же привязанным. Мне помогает слуга. На бедрах у нас набедренные повязки - это просто кусок ткани, обмотанный вокруг бедер и между ног. Слуга поливает меня до пояса, потом на ноги. Взбодрился. Еще рано, я люблю поспать. Выходит приятель умываться. Толкаемся, растормаживаем друг друга. Шутки, юношеская задиристость. Обычно, когда бывает полное мытье, натираемся мылящейся глиной, которую после подсыхания смываем холодной водой. А в лагере просто плаваем голыми. Женщины моются в помещении.

Завтрак - яйца, первая зелень, сушеные финики, изюм, инжир, кусочек холодного мяса, оставшегося с вечера. Запиваем травянистым горячим ароматизированным напитком. Слуга принес напиток в крупной глиняной чаше. Утром пить вино не принято, вино не люблю. Есть вилка из двух зубцов, больше наших современных, она - чтобы подцеплять целый большой кусок, едим же мясо руками. Когда бывает похлебка, едим ложкой. Вилка металлическая, ложка деревянная.

Выходим на улицу. Я выше напарника, иду легкой пружинистой походкой. Идем на службу. Сейчас часа три, а в четыре «ходить в море. Сегодня, как всегда, не выспался. Ориентируемся по солнцу. Горы на северо-востоке, там восходит солнце, потом оно над землей, а вторую половину дня над морем и садится в море. Разговор шуточный о женщинах мне нравится, я не против.

Выхожу на берег, справа небольшой мыс. Берег пустынный поросший невысокой травой. Трава пожухлая. Ниже нас географически есть поселки с виноградниками, бухточки, песчаные пляжи. Море серенькое. Сегодня прохладно. Одет легко. Тепло одеваться не принято, приучены к холоду. Пристань близко. Прибываем на судно. Оно стоит у небольшого причала. Это наше постоянное место швартовки. Здесь всего два нешироких причала - короткий и более длинный; настилы из половинных стволов сколами вверх. Для торговых судов должны строиться более широкие причалы, так как надо таскать крупногабаритный груз. У малого причала лодки. Наш корабль сидит поглубже, поэтому и причал подлиннее. Рядом в стороне наш лагерь. Местность не зеленая, лагерь на голом месте, равнинный берег. Сейчас в гавани два корабля. Бухта чашей, на берегу какое-то помещение.

На носу нашего корабля женская фигура (богиня) в развевающейся тунике. На судне уже сидят заспанные гребцы. У них есть свой старший. Корабль большой, есть кубрик в два этажа, верхняя палуба у кормы, огорожена балясинами. Борта высокие. Сходим с борта на верхнюю палубу, потом вниз. Капитан смотрит с капитанского мостика под большой мачтой. Рулевой у рулевого управления под капитаном, но

редко используется, больше в работе весельники. Командует голосом. Одеты одинаково, украшение на тунике только у капитана - коричневый узор, знак отличия - бляха. Шлем положен, но большую часть времени им не пользуемся. Я в шлеме, так как возможен абордаж. Сегодня ветер с берега. Поднимают паруса из тяжелой серой ткани типа мешковины над капитанским мостиком, на корме и на носу. Парус сужается кверху, внизу на палке. Палка может переноситься, менять положение. При парусе дежурные матросы. Сейчас двое возятся у большого паруса на корме. На судне суется, звуки вставляемых в, уключины весел, трепет парусов. Спускают весла на воду. От причала отходим на веслах. На веслах скучная служба, рабов в службе не используют, на ней используются стажеры или наемники других национальностей, малоценные для империи, не римляне, но из римских провин-

ций - из Южной Европы, Македонии, Греции. Наемников готовят, но подготовка слабая. Капитан отдает команды. Мне хотелось бы посидеть на весле, поразмяться, но не положено.

Утренняя проверка. Выходим в море. Объявляется задание Отправляемся в обычный дозор вдоль берега на предмет выявления неконтролируемых судов. Имеем сведения о своих кораблях. При столкновении с неизвестным судном имеем задачу подхода к объекту, сход на корабль. Это ритуал каждого утра - маршрут, инструкция. Так положено, но надоело. Задача находиться на верхней палубе и вести осмотр поверхности моря во всех направлениях. Мы в основном дело имеем с таможней, которая находится в административном центре. Прибыл Лукреций Васисубаи, чиновник из городского порта. Там находится суд. В море небольшие рыбацкие лодки. У них есть лицензия на отлов. Документ на жесткой, очень плотной, свернутой в трубочку бумаге. У капитанов есть судовые журналы, в которых указан капитан, хозяин, порт приписки, что за товар. Товары должны поступать только через порты. Имеются оценщики на разные виды товаров. На проверяемый корабль их сопровождают два гвардейца. Служба скучная для меня, однообразная. В основном имеем дело с рыбацкими судами.

Парус поднят, с одного борта подгребаем, чтобы отойти. Море спокойное. Серый, неяркий день. У морской пехоты шлемы отличаются от шлемов береговой службы, есть приспособление от солнца, удобно смотреть вдаль. Шлемы изнутри выстланы типа войлочных шапочек. Сидим, нам особенно-то и делать нечего. Сижу, смотрю через борт назад на скучный берег.

Идем вдоль берега на юг, берег тянется по левому борту. На рейде судно заметили, стоит недалеко от высокого берега. Свои суда узнаем по очертаниям, фигурам на носу, флажкам. Флаг сзади на корме и на высокой мачте. Корабли могут переговариваться флажками и звуковыми сигналами из рога. Наши подали сигнал: "Судно на горизонте". Темный силуэт на горизонте, но на его палубе нет признаков жизни.

- Берем их на абордаж, их надо проверить. Это не заявленное судно и не нашего порта приписки. Надо их пошебуршить, что они тут делают. Незаметно не сможем подойти.

- Что за судно? Какого порта приписки? Что оно тут делает? Не рыбацкое, не военное. Это не рыбаки. Торговое - каботажное*⁹.

*⁹ Каботаж (фр.), судоходство вблизи берегов, вдоль побережья (между портами одного государства); флот прибрежного плавания.

(В одной из сессий странной неправильной формы судно. Нет порта приписки. Матросов немного, разложенный сброд, типа крестьян. Команда спит вповалку на кормовой части судна. Видимо, это суда из разных случаев.)

Сейчас же небольшое красивое судно хорошей отделки, мостик с балясинами на корме, по два весла с каждой стороны, пулевое управление - большой руль и киль. Капитанская площадка над помещением типа кубрика, еще одна - над задним управлением. Одна большая мачта, оснастка, парус через блоки опускается в штиль на дно между тумбами. У капитана свой кубрик. Ковер.

Наш корабль на веслах подходит. Примерились, своим правым бортом подходим к незнакомому судну с кормы, наш нос идет на них, скользим вдоль борта. У них на борту тишина. Наши борта стукнулись, их борт ниже нашего.

Нам интересно, что что-то происходит. Приключение. Их команды не видно. Для нас звучит команда:

- Выстроиться по правому борту!

Мы выстроились - команда из пяти человек и старший. Стоим не по росту, я в центре, выше всех. Собраны, все в шлемах, с мечами, в туниках с отделкой кожей, металлических доспехов нет. Строимся на палубе спиной к чужому кораблю, старший видит корабль, дает команду, определяет задачу - перейти на борт неизвестного судна и проверить, что оно здесь делает.

- Перейдем на соседний борт. Это недолго времени займет.

Вижу борт чужого корабля, он как будто из красного дерева. Двое держат кошки. Я перелезаю,

прыгаю и оказываюсь первым у них на палубе. Палубы фактически нет, между бортом и каким-то пологом нет верхней палубы. Пусто на банках*¹⁰, весла подняты, пусто и на капитанском мостике. На судне никого нет, видимо, успели выяснять что-то на берег. Целый угол загорожен натянутым тентом из жесткой ткани. Я наклоняюсь, заглядываю под полог...

- Я не могу рассмотреть.

И возникает боль в голове. Сначала не понимаю, что произошло, позже осознаю. Вижу испуганные глаза людей, удивленные, со страхом. Очевидно, что судно торговцев рабами. Они, видимо, прикованы. Их человек восемь-девять, сверкают белки глаз. Вижу негра и пожилого белого мужчину. Сидят у задней стенки, съежились. Смотрю, соображаю. Вдруг справа вижу двоих полуодетых, которые прячутся в углу и держат бревно метра два. Выскакивают, поднимают бревно, размахиваются и швыряют в меня. Оно увесистое, шкурка как у сосны Тент невысокий, и я стою наклонившись, заглядывая под него Вижу, как бревно наезжает на меня на уровне лба. Бревно сшибает шлем, ремень шлема дергает голову - и удар идет по касательной.

*1⁰ Банка (от нем. **Bank** или голл. *Bank*), доска, служащая сидением гребцов и пассажиров на шлюпках.*

- Ох, голова!

Чувствую этот удар, боль в макушке головы. Вижу себя без сознания. Это произошло мгновенно. Зашатался, осел, заваливаюсь на правый бок. Оглушенная голова. Ссадина в левой плечевой области. Я слабею, подташнивает, звон в ушах, хочется спать, язык не ворочается, боль в глазницах. Двое спрыгивают за мной. Стычка. Сшибают тут же одного, что был с бревном, зовут на помощь, прыгает еще кто-то. Один наклоняется надо мной. Вижу это со стороны.

- Его надо перетащить.

Двое, один подмышки, другой за ноги, поднимают меня, передают третьему на свой корабль. Я без сознания. Внутреннее беспокойство, что нельзя потерять оружие, меч. Важный момент, чтобы оружие всегда оставалось с тобой. Тащат по палубе, кидают довольно-таки неаккуратно. Сейчас им не до меня.

- Положите здесь и дайте полежать спокойно, пусть отлежится.

- Давай отдохнем.

- Ой, - периодически стону. Валяюсь у борта, волосы слипшиеся, видимо, от крови. Голова как бурлящий котел.

Возникает ассоциация. Очаг - небольшая печка с дыркой, на огне стоят котлы, металлические, с круглым дном, есть и как чугуны из обожженной глины. Так каши варят: заливают горячим, немного варят, заворачивают в шкуру до готовности. Люблю очень кукурузу молочной спелости. Вспоминаю лето, когда прошу сварить кукурузную кашу.

А пока прихожу в себя. Солнце встало, день не жаркий, тень от паруса. Лежу в тени. В первый раз получил. Пить хочется. Банки (скамейки) пустые, никого нет. Одного оставили, без присмотра. По-дурацки как-то произошло, эти двое появились неожиданно. Они внизу затаились, полуголые, загорелые, на головах косынки.

- Это им так не пройдет. Дикари, неграмотные в правовых вопросах, а мне по госпиталям валяйся. Врагов так толком и не видел.

Наши возвращаются. Рядом друзья. У меня под головой уже что-то подложено. Дали пить из высокого кувшина с но-

Дежа пить не привык, облился, ворот мокрый. Кто-то ги по этому поводу, а мне не до шуток, голова болит.

Буксируем корабль в город на толстых канатах. Город недалеко да и нужна длинная пристань. Порт больше, чем тот, где стоят наши корабли. Сложный маневр подхода в такой ситуации. Вижу загрузку одного из судов: катят бочку, на носу у судна птица-- Это рыбацкое судно. Зелененький городок из отдельных домов (звучание типа Костилии) с садами. Есть древний храм старой языческой религии. Местность плоская. Пристали к пристани. Их здесь несколько.

Меня укладывают на кусок плотной ткани, сносят на берег показать врачу. При движении усиливается головная боль, тошнит, хочется спать.

Первый осмотр тут же на берегу.

- Положите.

Полусонный, слабость, состояние усталости. Промывают рану. Кувшины, полотенца. Осматривают, рана небольшая, рассеченная. Промокают, кладут салфеточки, голову забинтовывают через подбородок. Приносят носилки - две палки и между ними ткань. Двое несут в дом рядом с причалом. Административное

здание длинное, как сарай. Зелени вокруг нет. Вход, длинный коридор, вторая комната налево; Здесь дежурят, поэтому есть несколько лежаков, один справа в углу, два торцом к стене. Слева столик. Высоко небольшое окно. Носилки на пол, перекаладывают на лежак в углу. Подушка жесткая, скрипит - водоросли. Слабость, голова болит, безразличное спокойствие. Врач в длинной тунике ниже колен, рукава подвязаны, руки обнажены. Он в возрасте, за сорок. Светлые курчавые волосы с проседью. Мускулистые руки. Дает распоряжения, кладет подушку ниже с заходом под лопатки, смотрит зрачки, язык, трогает за лицо. Рука в области сердца, слушает. Пошупал руки и ноги, все ли в порядке. Все осмотрел.

- Главное, это покой. Можно дать вина. Пусть он пока здесь лежит. Кормить не надо. Когда станет лучше, отнести домой, если за ним есть кому ухаживать. Можем прислать санитаря. Когда ему полагается отпуск? Хорошо бы отпуск. Ничего, парень здоровый, выдержит.

Шутит, хлопает по щеке.

- Ты женат? Ничего, до свадьбы все заживет. Вот тебе и повод съездить домой, только не скоро, надо отлежаться.

- Следите, чтобы он не вскакивал рано. Держите его в постели недели две. Покой. Если будет беспокоить, можно дать опиум в разведении.

- Ну как, беспокоит?

- Нормально, - отвечаю, а у самого язык еле шевелится Мыслей нет, апатия, безразличие, состояние оглушенности, в голове звенит, сонливость, слабость.

Мне тут неуютно, чужой человек - слуга меня стесняет Хочется, чтобы рядом был свой слуга. Доктор говорит, что пришлют.

- Выздоровливайте, молодой человек.

Это меня, война, задевает. Хотелось бы более высокой оценки, так как я на службе.

Скучно. Стены темно-зеленые, неприятные, неровно оштукатурены, вызывают раздражение, делали не мастера. Потолок деревянный. Два бруса вдоль длины комнаты. Деревом доволен, проморенное. Дверь в правом углу, деревянного откоса нет, вставлена просто, двухстворчатая, филенчатая, белая, крашенная, высокая и узкая. Можно толкать в обе стороны. Ручка на правой створке желтого металла, фигуристая. Пол дощатый, некрашенный, хорошо скобленный. Кровать не мягкая, топчан, застлан цветастой тканью, она старая, замуранная. Подушка большая, скрипит, жесткая. Одеяло - валяная шерсть, цветное, в полоску, цвет размытой вишни. Сначала лежал в тунике, сейчас лежу обнаженным. На второй день пришел мой слуга. Обрадовался, мне с ним проще. Он суетится, поправляет постель.

- Что желает господин мой вкусенького?

- Доктор не велел. Ничего не хочу. Не суетись, дай спокойно полежать. Скоро домой поедем, мне здесь ужасно надоело. Как там в полку? Васисиан ничего не рассказал, забежал ненадолго. Живы будем, не померем, попрыгаем.

Ужасно скучно здесь лежать. Неудобство в шее и затылке, возможно, долго и неудобно лежал. В голове проясняется, отпускает. Никаких новостей, хоть бы кто-нибудь зашел. Что с тем судном? Будут ли вызывать на суд, как положено. Врач предупредил, что месяца два нельзя участвовать в занятиях. Диагноз прозвучал - контузия. Туалет - ночной горшок, ваза с ручкой, большой. На столе еда, ничего не ел эти дни, пил вино плюс витаминные напитки, разбавленные соки.

Медицинская палатка. Дают попивать вино, раны обрабатывают тоже вином. Повязка на голове. Когда нет военных действий, отпуск можно получить длинный.

Дома. Сухое варенье из абрикосов, изюм, белый хлеб с корочкой. Похлебка жирная, фруктов хочется, салат. Соображают и угощают хозяева, у которых снимаем комнату. Апрель, зелень хилая. Прохладно, но мы не кутаемся, спортивные и закаленные. Зимой - теплые плащи.

Гордость, что служил всегда в войсках чистых легионеров, -войска элитные, сохраняют добрые старые традиции, в них нет наемников. У нас нет проблем.

В один из отпусков дома. К семье нет привязанности, привык жить в лагерях. К жене теплое чувство. Дома бывал не часто и не долго, больше, когда выхаживали после ранений. Они кудахчут, это раздражает.

- Курицы, - в адрес женщин.

Отношение к детям - гордость, что сыновья, что тоже будут воинами. Римский воин хорошо получает, семья обеспечена. Знатный род Умбрии - Паллатини, по месту проживания называют Умбрийские. Звучало название местечка рядом - Умбри-но. Есть нечто вроде герба с изображением латинского "P" -вензель.

Вижу родительский дом, в котором сейчас живут престарелая мать, жена и дети. В очередной раз гошу дома. Это отпуск за полтора года до смерти. Знаю, что к осени получу распоряжение перейти на берег в отряд подготовки новых кадров. Предложили передавать военное искусство молодым командирам.

Братья имеют свои дома. Наш дом одноэтажный, с плоской крышей. На передней части дома одна

дверь во внутренние помещения. Вход в дом оформлен крытой балюстрадой из восьми колонн. Перед домом каре закрытого двора. Я нахожусь в просторной комнате с малым количеством мебели. В доме прохладно даже в сильную жару. Потолки высокие, стены оштукатурены, светло-желтые, на уровне головы украшены небольшой полосой орнамента в виде стилизованной волны, высоко небольшие окна ничем не закрытые.

Лениво полулежу на невысокой кушетке, у изголовья и у ног которой боковинки в форме завитушек светлого дерева. В комнате еще одна кушетка у противоположной стены, у стола два деревянных низких кресла со спинкой на уровне лопаток, Удобные, но я предпочитаю положение лежа, к креслам не привык. Рядом низкий стол, ножки иксообразные, не очень устойчивым кажется, столешница с инкрустацией. На столе широкая ваза с фруктами: виноград, инжир, финики, что-то похожее на мелкие абрикосы. Виноград некрупный, розовый, Удлиненной формы, сладкий. Глиняный кувшин тонкой работы с длинным горлом, обожженный, гладкий, с рисунком. Бокал стеклянный, пузатый, ножки почти нет. В нем розовое, разбавленное вино. Любуюсь на свет цветом вина.

Дома я совершенно светский человек, как бы могу себе это позволить. Матушка - маленькая седая старушка. Она гроза в доме, но только не для меня. К ней очень теплое чувство. Целую обе ее руки и за ухом, принято проявлять нежные чувства В проявлении чувств с матушкой нет стеснения, с женой более сдержан, и уж совершенно не принято проявление чувств на людях, рабы не в счет. Жене 28-30 лет. Она из всей семьи единственно темноволосая, волосы длинные, заколоты сзади. Голова покрыта газовой, типа шарфа, накидкой с узором. Она пришла с улицы, смотрит сдержанно, почтительно и с любовью. На ней длинная туника, что придает походке плавность. В доме воля матери, она госпожа. Отец умер давно. Мальчики тихие, не моего характера, видимо, больше в мать, да и воспитываются замкнуто в усадьбе среди женщин. В доме в основном прислуживают женщины-рабыни, которые живут неплохо, одеты прилично. Да и играть с детьми крестьян сыновьям не позволяется, не то, что в моем детстве. Старший уже скоро пойдет в военизированную школу, но он не очень хочет. Сыновья похожи на меня, тоже светловолосые, курчавые. Старший вытянулся, а младший еще по-детски плотненький. Дети отвыкли от отца, держатся настороженно. К ним нет особых чувств: редко виделась, да и в том возрасте, когда ими больше занимались женщины, С женой хорошие отношения близости, ее люблю. Очень важен момент разделения супружеского ложа. Сейчас в общей спальне. Это большой зал. В центре на возвышении кровать, очень широкая, под балдахин, с него свешивается кисея, закрывая всю кровать. У изголовья кровать высокая, в ногах нет возвышения. Сейчас жарко, лежим нагими. Испытываю сладкое состояние чувственной неги к жене. В походах по этому вопросу нет проблем, обеспечено, но с женой - это другое чувство, очень нежен, ласкаю ее. В минуты близости она преобразается. Если в доме она не хозяйка, то здесь полностью госпожа положения, раскованна, шаловлива, игрива. У нее красивые длинные волосы, изящные черты лица, хорошая фигура - тоненькая, длинноногая. Шучу с женой, не собирается ли она мне родить дочку. Приятно находиться в постели без одежды. В спальню может по вызову придти служанка, это естественно, слуг не стесняемся. У постели на небольшом столике фрукты, вино, вода.

Утро. Я одеваюсь, мне помогает слуга-раб. Это мой старый, преданный слуга, у нас довольно теплые отношения, он давно сопровождает меня в военных походах. Следит за порядком в моей палатке, ухаживает за лошадьми, выполняет отдельные поучения. Одет он в простую, без украшений, короткую туну-

Он ниже меня ростом, щущенький, но жилистый, с короткими сидящими волосами. У него хорошее положение для раба - только один господин, который с ним хорошо обходится. *a* за все время ударил его плеткой только один раз, больше никогда не позволял себе его наказывать. У него размеренная жизнь в лагере, определенный круг обязанностей, всегда обеспечен едой. Он относится ко мне почтительно, но и заботливо, тепло. Старше меня, знает еще ребенком, в то время ему меня поручила матушка.

Завтрак - овощи: ранний дикий чеснок, мелкие луковички. Большим обоюдоострым ножом, похожим на меч, отрезаю кусок поджаренного на костре мяса. Едим руками. Есть металлическая посуда: бокалы, тарелки. Запиваем разбавленным вином. В отряде вино плохое, несравнимо с вином из родного дома. Кормят нас всегда хорошо. Охотимся, охотой любит заниматься молодежь.

Захожу в шатер одеваться. В нем уютно. Вещи сложены в одном месте, постель сложена, узкий травяной матрас, утварь в мешке. В шатре я сплю один, слуга спит на улице на войлоке. Сейчас он помогает мне надеть короткую, выше колен, тунику, белую, с кремовым оттенком, из хорошей шелковистой ткани. Туника приспособлена у ворота, вырез позволяет протиснуть через него голову, завязок нет. Боковины не защиты, просто заходят друг за друга, схватываются поясом, но сейчас держатся доспехами. Доспехи - металлические, широкие, удлиненные пластины до пояса, они позолоченные. Пояс с застежкой из двух голов львов. Застежка очень удобная - металлические большой крючок и петля. Беру шлем, под него надевается круглая мягкая шапочка, он очень красивый, блестящий, с султаном розовых перьев - это знак воинского старшинства. Сандалии - толстая кожаная подошва и завязки до колена из кожаных ремешков, там, где завязываются, уже измочалились. Короткий меч в грубых кожаных ножнах слева у пояса, справа нож. За

спиной круглый небольшой щит. Луками мы не пользуемся, с пращей мы умеем обращаться, но это вооружение других войск, колесничных. Я привык к пешему бою.

Слуга приводит коня. Конь серой масти (белого цвета), мощный, с широкой грудью, очень спокойный. Покрыт большой светлой попоной, седло хорошее, с высокой передней лукой. Снаряжение коня похоже на современное, но постромки более широкие и украшены, на груди у коня большая круглая бляха. Стремена широкие, очень удобные для ноги. Плетка за поясом, в бою нужна.

Сегодня со мной из декады едут семеро, двое остаются в лагере: у одного болит нога, другой остается на хозяйственных работах - сбор хвороста для костра. Местность малолесистая поэтому обеспечение огня - сложная задача. Готовим на кострах. Воины собрались, стоят шеренгой. Кони у всех светлые. Проверяем подпруги, снаряжение.

Лагерь на высоком каменистом плато. Мои беспокойные мысли направлены все время на север, там наша граница, откуда можно ожидать неприятностей. В Европе бушуют какие-то события. Сзади свои владения. Из лагеря моря не видно, но оно недалеко, за высоким крутым берегом. Маршрут обычен: к морю, по краю скал над морем, заезд в нижний поселок у реки, от него снова углубляемся по пустынному плато вглубь от моря, петлей возвращаемся к морю и в лагерь. Охрана питьевых источников - это простые каменные колодцы. Воду достают забрасывая сосуд на веревке и вытаскивая руками. Приспособление - палка для упора и веревки, веревка мочалистая. Местность, каменистое плато, кое-где кустарник, небольшие оливковые рощи, густая растительность только в нижнем поселке у реки. Сейчас ранняя весна, прохладно, а летом бывает жарко.

С отрядом выезжаем за высокие ворота. Они пока выше недостроенных стен, обиты кованым металлом, закрываются изнутри: в металлические скобы задвигаются большие бревна. Двое ратников задвигают задвижку, третий принимает и направляет. Едем на запад в сторону моря, по высокому берегу взбираемся все выше и выше. Настроение приподнятое, веселое. Хороший день, все размеренно и спокойно. Дорога на север, потом на северо-запад. В стороне небольшой поселок с малым количеством зелени. Потом дорога спускается в долину реки, здесь еще один поселок, но значительно больше и очень зеленый из-за достаточного количества воды. Эта река течет с гор и здесь впадает в море. Здесь Итальянский "сапог" уже изгибается на северо-запад. В поселке позволяем себе немного отдохнуть. Здесь особенно хорошо осенью, когда много фруктов: инжир, финики, мелкие абрикосы, виноград. Здесь есть виноградники. Сейчас в поселке мало людей. За одной невысокой изгородью вижу моего старого знакомого, это пожилой человек. Перекидываемся неспешно с ним новостями. Он говорит о том, что сейчас все на полях, выше в горах, где больше влаги. Из дома женщина выносит большой металлический кувшин с металлическим бокалом, из которого я пью. Дома в поселке небольшие, с плоскими крышами, с небольшой балюстрадой перед входом, из хороших бревен. Во дворе есть хозяй-енные постройки. У моего приятеля есть осел для мелких перевозок, хвороста например, лошади на работе в полях, овцы козы, птица. Зимой очаг внутри дома, в крыше есть отверстие для дыма.

По поселку поднимаемся в гору, потом направляемся на восток, снова выезжаем на каменистое плато, доезжаем до низкорослой рощи олив. Растительность хилая. Петлей начинаем возвращаться к морю в сторону лагеря. Наш обход занимает полдня. К обеду мы должны вернуться. Едем спокойно. Я чувствую себя степенно, спокойно, как зрелый, опытный боец, молодежь же резвится, пускают лошадей в галоп, устраивают соревнования. Для этого очень удобное место - степное, каменистое. Я посматриваю на молодых по-отечески снисходительно. Во время обходов я рассказываю и показываю им, какие и где можно делать засады, о тактике боя.

Оборачиваюсь на шум сзади. На гребне широкого каменистого холма появляются странные лохматые фигуры, толпа их растет. Я их увидел появившимися со спины, с правого бока. Их много, бегут не строем, орут.

Севернее нас есть значительные регулярные войска. В случае опасности нам должны сообщать, прислав гонца, или дымовыми сигналами. Сегодня никаких знаков не было, мы знаем, что на севере какие-то военные действия.

- Эгей, сюда, посмотри, кто это там.
- Никак галлы-варвары.
- А чего они тут делают?
- Стройся!

Не ожидали напоротья, немая сцена. Ребята подскакали. Сначала кажется, что можем справиться, потом чувствуем, что их многовато. Отступить к крепости невозможно, мы достаточно далеко, спокойно ждем их приближения. Я спокоен, мы всегда готовы к встрече с врагом. Готов погибнуть в любой момент. Мы под охраной богов.

- Чего-то их многовато.

Вижу одного из них, бежит на меня, размахивая палицей, рот раскрыт в крике. На нем лохматая шкура (меня это просто изумляет), подпоясанная чем-то вроде веревки, на ногах тоже что-то лохматое, схваченное тесемками. Другие в чем-то типа рубищ, мешковине.

- И чего в такое время года в мехах, жарко же.
- Смешные фигуры.
- Дикари - прямо-таки пещерные жители.
- Топтыги-торопыги, разбежался. Ну вооружение, ну позорище.
- Что с ними делать, дети, просто цирк. Просто обрекли на позорище.
- Свалились на нашу голову!
- Многовато, справиться трудно. Придется уложить по десятку, умирать героически.

Мы с короткими мечами и круглыми небольшими щитами. Это легкое вооружение, не ожидали встретить такого количества неприятеля. Сигналов не было. Они подбегают. Их все больше и больше переваливает через хребет. Позже справа появились верховые, их пять человек. Они одеты уже более цивильно, в туниках, но более длинных, чем у нас, и из грубой ткани, вооружены луками. У них большие, удлиненной формы щиты. На одном из щитов вижу металлический крест или типа буквы "Т", по краю окантован металлом. Наши щиты небольшие, ими прикрываем только голову и плечи. Они тоже укреплены металлическими пластинами, рисунок типа солнышка - круглая середина и что-то типа лучей. У-тех кони мелкие, темно-серой и гнедой масти. Вижу одного на сером коне в яблоках, еще одного на почти вороном. Верховые неуверенно топчутся, собираются в кучку.

Толпа же вооружена очень пестро: у кого-то длинные мечи, владеют они ими очень плохо, у кого-то просто дубины, некоторые дубины в форме палицы.

Наш отряд собирается и выстраивается в "галочку": я впереди, за мной, как крылья, мои воины, крылья загиваются вовнутрь, готовые в любую минуту сомкнуться в кольцо.

- Примем бой, отступать некуда.

Хочу послать в форт гонца, но понимаю, что нет смысла, конные его догонят.

- Поздно, справа конница.

Выстроились. Враг бежит на нас, орет. Мы ждем спокойно, когда добегут.

- Лохматые, - это уже наши комментарии.

- Эй, ну просто туча несмышленная.

- Смерды, ну чего, не желаете рабского ошейничка? У, собаки клыкастые.

- Ну смотри, никакого построения, несутся гурьбой. Ну просто унижительно с такими сражаться, не регулярные войска. Ну просто позор!

- Ладно - со своими рабами, а тут эти гунны... этих ну совсем не ожидал.

- С этими идиотами сражаться не интересно.

Ну не хочется с ними сражаться. Угнетает недостойность кого боя, это унижительно для римского воина. Унижение оевать с такими. У нас есть чувство собственного достоинства, ГОРДОСТЬ, честь - фамильная, государственная, Мы привыкли к красивому тактическому бою по правилам. Для нас очень важна тактика, правила ведения боя, достоинство воина. У нас все есть а у них ничего нет. Жалкие людишки, пришли, хотят уничтожить, нападают, а нам надо защищаться. Хочется как того пса отшвырнуть ногой, не хочется их убивать.

- Рты раззявили. Унижение для воина. Ну так осрамить, унижить, никогда я так не был посрамлен!

- Ну ребята, ну дают, как же они нас посрамили!

- Да, Марк, не скажи, дави его, как таракана, копытами лошади, грудью, грудью!

Я орудую мечом, но конь высокий, неудобно, меч коротковат для боя с коня. Враг вооружен дубинками, приходится увертываться и от камней. Подскакивают их лучники-конники, они выбили двух моих человек. После того, как они выпустили стрелы, отошли в сторону, почему-то в бой не ввязываются. Меня удивляет, что конники не активны.

- Они не хотят с нами связываться.

Понимаю, что это передовой отряд, и они, видимо, хотели углубиться на нашу территорию без стычек, не ожидали встретить наш отряд.

Я размахиваю мечом, полоснул одного направо. Он загородил лицо рукой, удар пришелся по голове в области правого глаза и загородившей голову руке. В это время меня схватили за левую ногу, оборачиваюсь и наношу удар в область левой ключицы нападающего. Он падает. Поднимаю меч - следующий шарахнулся. Опасность справа. Отступаем группой. Конь перетаптывается. Мы рубимся почти молча, хорошо выучены и в бою чувствуем друг друга. Все знают свое дело, старший не вмешивается. Редкие выкрики:

- Ну ты скажи, цепляются, мерзавцы.

- Осторожно, стрелы!

Загораживаю щитом голову. Оберегаем лицо, голову, шею, в тело пусть попадают стрелы, не страшно.

- А черт, задели.

В мою правую голень попала стрела. Вытаскиваю, кровь, боли не чувствую. Привычные болевые ощущения, на такое мы не привыкли обращать внимание. Стрела с металлическим наконечником. Враги издают гортанные звуки, речь неизвестная. Их с полсотни, почти все они около нас.

Стрелы летят не часто, но справа ранили одного из моих товарищей, стаскивают с коня, я поворачиваю своего коня в его сторону. Ко мне бросаются наперерез, хватают моего коня под уздцы, начинают стаскивать и меня. Тащат коня за узду, он вздыбился, тут-то они меня и сдернули. Оседаю, спешен, узда намотана на левое запястье, теперь это мне мешает, так как они тянут коня и вместе с ним и меня влево, приходится рез-, ким взмахом меча разрубить уздечку. Заодно полоснул кого-то по шее. Я мощно орудую мечом, они отступают. Я выше их почти на голову, мощнее и лучше подготовлен. Наших пятеро (двое убиты лучниками), все они спешены, группкой отбиваемся и медленно пятимся в сторону моря. Одного из нас, справа от меня, сломили, и он исчезает в их массе. Они пытаются достать дубинками, но мы увертываемся. Один из них орудует мечом, но бестолково, держит двумя руками и вертит над головой. Пытаюсь его достать, он задевает меня мечом по касательной под левой ключицей. Разрублена туника, обрублены шлейки доспехов, они болтаются, кровь, но боли не чувствую, рана небольшая. Пока размахнулся мечом налево, огрели по голове и шее сзади справа, достали дубиной. Удар пришелся несколько вскользь, пошатнулся.

- Получил по шее, удар был хорошенький.

Припадаю от удара на левое колено, состояние оглушенности, головная боль, подташнивает. Возглас:

- Держись, Марк, я рядом!

Справа от меня мой товарищ, он меня подхватывает за правую руку, не дает упасть. Он опытный боец. Становится ко мне спиной, поддерживает таким образом меня, дает опору для спины и возможность очухаться.

- Не падай, Марк, держись!

- Ты вовремя, Аркадий (в чей-то адрес еще звучало и Антоний). Здесь обращение к нему по имени звучит как благодарность.

Руки повисли, язык еле ворочается, голова мотается, состояние оглушенности, пошатывает.

- Хорошо огрели.

Проваливаюсь, уплываю. Хорошо, что меч пристегнут к руке кожаным ремнем, когда потерял сознание, то меч остался в руке.

Он пытается пугать их, кричит:

- А, собаки!

Мы спинами друг к другу, огрызаемся в разные стороны. Я понемногу прихожу в себя.

- Можешь отойти, не бойсь, я контролирую ситуацию.

Я хорохорюсь в этот момент.

Мы хорошо поработали. В схватке расклад один к четырем-пяти. У нас потери - четверо, а вот их многовато. Около наших, оставшихся в живых, по несколько трупов. Около меня лежит один, уткнувшись в землю лицом, второй в сторонке, третий еще живой. Трех из четверых я уложил, а четвертый меня достал. Дубинка оказалась длинной и увесистой, палица целая. Дурное это оружие, но оказывается эффективно иногда.

- Уродец, хорошо он меня достал, аж в глазах потемнело.

Медленно пятимся к обрыву. Нас четверо - Аркадий, молодой и юноша без шлема. Держимся вместе - красавцы ребята. Я немного вяленький. Но эти псы от нас отстали и отошли. Вокруг нас большое кольцо лохматых. В стороне пятерка конных.

- У, жарко, - говорит мальчик.

У него тоже разорвана одежда, кровь на левом плече, со спины, на ноге. Я про себя "птенец", а вслух, чтобы подбодрить: "Да, потрепали тебя, соколенок".

Отходим, пятимся к обрыву над морем.

- Что будем делать, за спиной обрыв?

- Давай лучше как птицы летаем.

Я должен умереть красиво. Это не бравада, а внутреннее состояние - достойно умирать. Не хочу умирать от рук варваров, дурацкая смерть от дикарей. Такая смерть не достойна римского воина.

- Нам остается только достойно уйти, ребята.

Здесь высоко, хорошо, надежно. Смерть по своей воле, как я хочу.

Мы четверо стоим наверху на краю скалы. Враги отступили, стоят полукольцом в некотором

отдалении, смотрят удивленно, видимо, поняли наше намерение. Они думали, что мы сдадимся. Здесь настроение, как у актеров в театре, мы все делаем картинно. Конные так в стороне и держатся. Вокруг лохматые. На мысу красавцы ребята. Прекрасный вид, ветер с севера. Удивительное внутреннее спокойствие, какой-то азарт, не бравада, а внутреннее естественное состояние, готовность умереть в любой момент, мобилизация всех внутренних сил.

Рассчитали, что надежно разобьемся, внизу камни острые и Достаточно высоко, метров 30-40. Камни, потом полоска песчаного берега. День серенький, облачный, какая-то зыбкость, распогодилось, солнце через небольшую дымку высоко над морем слева. Зимой солнце примерно здесь опускается в море. Испытываю эстетическое чувство. Часто любовался на этом месте закатами. И сама скала живописная. Внутреннее ощущение

свободы. Чувство сплоченности, ощущение даже веселости, что мы вместе.

- Сейчас красивенько сделаем.

- Ну что, полетели что ли, ребята!? - я шутливым голосом.

- Полетели! - в ответ тоже с шутливостью в голосе молодой.

У нас в отряде хорошо с дисциплиной, всегда команды подбираются по симпатиям. Неприятель наблюдает сначала полубезразлично, потом появляется на лицах интерес, уважение. Мы как петухи перед ними, как актеры. Обставляем все красиво, есть зритель. Стоим небольшим кружком. Теплая волна, дети будут гордиться.

- Давайте простимся, ребята.

Подняв, скрестили мечи "гей-гей", как будто чокаемся бокалами, они ответили глухим звоном "бям-бям". Опустили мечи, сняли и отбросили щиты, которые во время боя тоже пристегнуты к руке, освободившейся левой рукой обняли друг друга за плечи, постояли. Стоим картинно в ряд перед варварами, лицом к ним, спиной к обрыву. Отходим к самому краю. Справа от меня Аркадий, слева молодой без шлема. У меня шлем набекрень, туника на левом плече порвана и окровавлена, порваны и лямки доспехов, окровавлена правая нога после попавшей в нее стрелы.

Через левое плечо оглянулся в обрыв, отталкиваюсь и лечу назад, больше развернувшись правым плечом. В полете делаю дугу как сальто-мортале и оказываюсь головой вперед. (Полет воспринимаю как в замедленной киносъемке.) Слева до меня кто-то шмякнулся "блужом" и покатились немного вниз. Справа чуть выше себя вижу другое падающее тело - это Аркадий. Первый удар приходится о выступ скалы в области правой стороны затылка, голова резко дергается - и удар уже в область правого виска. Кровь во рту, язык кажется разбухшим, кровь заполняет рот и начинает стекать по правой стороне подбородка, позже образуя лужицу на земле. Потом чувствую удар в области правой стороны спины, крестец, правая ягодица, правая нога. Левая нога оказывается согнутой, прикрывая вытянутую правую. Левая рука на груди. Все тело с наклоном направо. Шлем рядом. Правая рука и мертвой продолжает стискивать окровавленный меч. Из тела некоторое время выходить не хочется, потом вижу его уже сверху. Очень доволен, долго люблюсь телом:

- Красивый мужик! Тело такое мускулистое, загорелое и лежит красиво. Красивое лицо и крупная красивая голова с копной курчавых светло-русых волос. Гордость за него, столь-

ко труда было вложено в его совершенствование. Смерть достойная и не мучительная. Чувствую себя героем. Очень важно ощущение достоинства и красоты смерти. Умереть как достойный гражданин - это главная задача моей жизни. Смог выдержать! Жизнь была хороша! Рад, что достойный пример подчиненным, важно остаться в памяти потомков, что дети могут гордиться отцом. Перед смертью вспомнил о семье.

Гунны обошли наш лагерь с северо-востока, в лагере тихо. Опасности нет, послан отряд очистить местность. Через некоторое время за нами пришли человек семь с носилками из похоронной команды.

- Красиво ушли, хотел бы и я так умереть.

Четверо тащат мое тело на носилках, на него навалили тело молодого кучерявого. Несколько возьмется с другим молодым, он застрял между скал.

Спокоен, что с телом будет как положено, будут соблюдены все почести, положенные героям, по высшему разряду. Испытываю гордость. Героев должны хоронить с почестями. В моей палатке женщины обрабатывают тело маслами, благовониями. Снаряжены специальные катафалки-колесницы в Рим, где позже будет проведен ритуал воинских почестей. Катафалки в длину тела, с крышей на четырех столбах, большие колеса с деревянными резными спицами, четверка лошадей попарно цугом. Тела накрыты ярко-красными, шелковыми, нашими праздничными плащами. Похоронят в родовом серого скромного камня склепе, где покоится и отец, у скалы среди зелени. Здесь захоронены только мужчины рода. Прощальное застолье. Горд, что все соблюли честь по чести.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

Прекир отмечает, что никогда не испытывала страха высоты, наоборот на высоте всегда чувствует эмоциональный по-Дьем, радость и желание полета. Много путешествовала в горах (Памир, Алтай), с удовольствием живет на 21-м этаже. К горам испытывает особо благоговейное и эстетическое чувство.

Во время тяжелой операции под наркозом пережила много вариантов смерти. Несмотря на страдания, не было страха перед смертью, было состояние даже какого-то экстаза, теперь и это понятно: у Марка именно такое состояние перед смертью, он как бы упивается моментом.

Интересно, что у римского воина пояс с застежкой из двух голов львов такой же, как у папы прекира на парадной форме морского офицера.

"Приятно находиться в постели без одежды", - это чувство удивляет прекира, так как для нее это проблема, она стеснительна, не бывает обнаженной даже когда одна.

Интересно, что прекир в сессии заявила, что ей не хотелось бы смотреть в настоящий момент фильм "Спартак": "Он раб, и я не на его стороне". В процессе часто прекиры полностью отождествляют себя с человеком того времени и психологически "ты не ты, а он".

У прекира возникло интересное ощущение в сессии, что на правом запястье Марка - кожаный широкий браслет, никак не могла понять, зачем он, какую функцию выполняет, не для украшения же. И только уже перед самым моментом, когда бросились со скалы, а потом увидела момент боя, когда теряет сознание и Аркадий помогает ему, поняла: меч оставался до конца в правой руке, он пристегнут к руке кожаным браслетом. Смотрим в Советской военной энциклопедии про меч.

Меч - вид холодного оружия, применявшийся в древности и в средние века в пехоте и коннице. Представлял собой прямой обоюдоострый клинок с рукоятью, отделенной от клинка перекрестием и оканчивавшейся навершием. Бронзовый меч появился во 2-м тысячелетии до н.э., железные - к началу I тысячелетия до н.э. В зависимости от формы и длины клинка мечи делились на колющие и рубящие, были мечи одинаково приспособленные для колющего и рубящего действия. Древнейшие мечи были короткими и являлись в основном колющими. В это же время в Европе и Азии появились длинные мечи рубящего действия. Короткие мечи долго сохраняли свое значение в связи с распространением колесниц и на случай спешивания конных воинов. Древние римляне (III в. до н.э. - III в. н.э.) имели для пехоты короткий и широкий колющий меч, для конницы - длинный рубящий.

У прекира в руке явно колющий меч, очень удобно было им нанести удар сверху вниз за ключицу врага. На флоте привык именно к такому. Явно удобнее стало им пользоваться, когда оказался спешенным. Такой детали, как ремешок, в словаре не оказалось. Историк подтвердил, что находили мечи с просверленной дырочкой, видимо, как раз для того, чтобы посадить его на ремень. "Правая рука и мертвой продолжает стискивать меч". Прекир и после процесса некоторое время продолжала это ощущать. Интересно, что женщина, не выносящая никакого оружия, здесь испытывала самые приятные эмоции. И внешне она приобрела вид мужественного римского воина, это звучало и в лице, и в осанке.

Четко звучала "декада" относительно численности отряда. В словаре иностранных слов: "гр. ёеказ (ёекаюз) десяток - 1) в древности - группа, состоявшая из десяти каких-либо единиц (в летоисчислении, счете солдат и т.д)". Но это греческое, а латинское? Смотрим в латинско-русском словаре: *сесас!а* = *йекав* (греч.) - декада, десяток.

Интересно, не было ли в то время города или местечка с названием Умбрино, так как кроме Умбрии, о существовании которой прекир никогда в жизни даже не подозревала, звучало название Умбрино относительно административного центра. Много греческих терминов. Так ли распространены были греческие понятия в Риме V в. н.э.?

Заметки историка:

Один из самых ярких и достоверных материалов. С поразительным количеством подробностей и вполне верно, с точки зрения современной исторической науки, воспроизведена жизнь Римской империи того периода, когда ее могущество только начинало клониться к упадку. События, описанные в сессии, происходят скорее всего во II в. н. э., в период так называемого "золотого века" империи. Особого внимания заслуживает, так сказать, ментальная сторона материала - психология, образ мысли и система ценностей римского солдата, профессионального воина на службе у "своей" великой империи. Чувство собственного достоинства, гордость, высокие понятия о воинской доблести, равно как и презрение к "варварам" - все это было очень характерно для воинов Рима согласно сохранившимся свидетельствам современников. Остальное - усердное отношение к службе, чувство товарищества, гордость своей воинской профессией - легко можно принять логически, учитывая то, что во II в. н. э. армия Рима несомненно не имела равных во всем мире.

Сценки легионного быта, гарнизонной и пограничной службы тем более ценны, что органически дополняют имеющиеся в нашем распоряжении данные археологии и документальных источников того

времени, кардинально не расходясь с ними. Легко прослеживается боевой путь легионера Марка. Он начинал службу в легкой пехоте - "велитах". Велиты не носили металлических доспехов; их кожаное защитное снаряжение действительно могло быть легко принято за вставки в одежду. Отдельных абордажных команд в Древнем Риме не было, и для Действий на кораблях использовалась специально подготовленная обычная пехота, например подразделение, в котором служил Марк. С выслугой лет он был переведен в другой гарнизон, расквартированный в пограничной крепости. Действи-

тельно, со II в. н. э. император Траян начал ограждать восточные и северные границы Рима системой укрепленных застав и протяженных стен - так называемым "римским лimesом". Марк служит вероятнее всего в пехоте: подробно описано снаряжение и оружие пехотинца, в частности знаменитые "калиги"-римская солдатская обувь. Лошади, вероятно, применяются в пограничном гарнизоне даже пехотой для патрульной службы. Круглые кавалерийские щиты применяются в конном строю вместо прямоугольных пехотных скорее всего просто для удобства. Показательно, что в ходе боя солдаты спешиваются: они пехотинцы, кавалеристы никогда не поступили бы так. Сам Марк является "деканом"- командиром подразделения из десяти солдат, именованного "декурией" (действительно от слова "дека"- десять, но на латинский манер).

Сцена последнего боя и гибели Марка происходит вероятнее всего где-то на восточных границах империи, а не на юге Апеннинского полуострова, бывшего в то время самым центром Рима. Варвары, с которыми сражаются Марк и его товарищи, могут быть кем угодно - дакийцами, сарматами, скифами, но не гуннами: последние появились на границах империи много позднее.

14. Смерть Района, 13 лет, лошадь сбросила в овраг. Норвегия, III в. н.э. (1 сессия).

Я мальчик-подросток. Одет в шкуру мехом наружу, не очень длинную, подпоясан, на ногах типа меховых мокасин тоже мехом наружу. Сверху ноги голые, руки тоже голые.

Племя кочевников, занимаются скотоводством, рыбной ловлей, охотой. Здесь на пастбище одни мужчины-табунщики, все молодые, физически здоровые, не болеют. На пастбище пожилых и женщин нет. Живем в землянках, когда тепло - в шалашах.

День пасмурный. Очень чистый, свежий воздух, холодно.

Подходят двое друзей, между нами хорошие отношения, чувствую дружелюбный тон.

- Поехали кататься, кто быстрее.

- Давай.

Большой табун лошадей нашего племени. Все лошади добрые и спокойные, гуляют на свободе. Приятель выбирает толстого коня и говорит:

- Вот поросенок.

И мальчик и конь добродушные. Я выбираю глазами себе лошадь, выбрал темно-рыжую с темной длинной гривой. Подхожу к ней, глажу, хлопаю по шее. Лошадь мне нравится. У лошади большие темные глаза, она невысокая, подвижная, не очень толстая. Экстерьер не очень, просто лошадь. Лошадь спокойно стоит. Как только, взявшись за гриву, запрыгнул на нее, та сразу понеслась галопом. Скачет бешено. Я хорошо умею держаться на лошади без седла и без уздечки, удерживаюсь за гриву, сижу на балансе. Это привычное занятие, чувствую себя вольготно и уверенно. Она такая теплая, приятно на ней сидеть и приятно на ней лететь по широкому полю в сторону ближайшего леса. Скачем несколько человек, краем глаза вижу двоих друзей рядом. Соревнование, кто быстрее доскачет до леса.

- Осторожно, там яма, - кричит приятель слева.

Овраг не очень глубокий уже рядом с лесом. Лошадь должна была прыгнуть через него, но спотыкается на передние ноги, падает вперед, я ничего не успеваю сделать, перелетаю через ее голову. Уздечки нет, лошадь нечем поддержать. Вижу момент падения (возникает чувство страха). Земля летит навстречу. Лошадь сваливается за мной, частично придавив. Для меня получилась большая высота - высота самой канавы и "РУпа лошади.

- Вот дрянь, - в адрес лошади.

Распластанное тело. Сломаны шейные позвонки. Подошд, мужчины. Говорит один из них:

- Вот и все, он умер, не дышит. Не надо было...

Вокруг человек пять мужчин, двое склонилось над телом. Одеты так же, как мы, но на некоторых еще и кожаные штаны есть.

Я спокойно рассматриваю свое тело, которое, распластавшись, лежит на дне канавы. Голова на боку, внешних сильных повреждений нет, лицо, руки, ноги испачканы в земле. На дне канавы сыро. Странное, необычное чувство - не верю, что это я, хочу продолжать говорить, двигаться, пытаюсь что-то сказать. Хочу вернуться в тело - не получается. То чувствую себя лежащим в канаве, затекшее тело, то вижу сверху, со стороны. Боли нет. Чувство жалости к телу не испытываю. Обидно, что все случилось слишком неожиданно,

не хочется уходить. Странно, что все слишком быстро и просто произошло. Кажется, что не должен был умереть. Хочется еще пожить. Не уйду далеко, наблюдаю. Вон коня потащили на трапезу. Трое мужчин вытаскивают лошадь за ноги копытами вверх. Тащат уверенно, сильные. Обидно, что вечером не буду-присутствовать на трапезе. Меня больше в этот момент интересует, как коня будут разделять, жадно слежу за этим. Все спокойны, почти равнодушны, это не редкость, что умирали в молодом возрасте. Спокойные чинные голоса, никто не плачет. Обидно, что к лошади даже с большим интересом отнеслись.

Стало скучно, ушел вверх. Как похоронят, не интересует. Сверху вижу табун, лес, поле. Очень сочная осенняя зелень. Уже холодно. Озера. Обидно, что еще не покатался, что очень скоро... Там вверху много дождевых туч, туманность.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

Я всегда очень любила и боялась лошадей. Начала ездить, преодолевая страх к ним. На галопе лошади всегда несли, и я без причины падала. Я думала, что с лошадьми что-то не так, что мне дали плохую неправильную лошадь. Как же на них прекрасно ездят другие? Здесь что-то не так. Оказывается, это у меня в голове что-то не так. Я всегда провоцировала лошадь на разнос, а потом очень удивлялись этому. Меня все очень жалели. Всегда было немыслимо сесть на лошадь без уздечки, сколько раз предлагали, испытывала животный ужас. Думала, что, если сяду, умру.

Здесь очень легкая смерть: ни боли, ни переживаний окружающих. Поэтому ощущение легкости, нет болезненных эмоций ни своих, ни чужих.

Всю жизнь мечтала иметь кожаные штаны и безрукавку из волка мехом наружу, как у этих мужчин. В школьные годы впервые на приятеле увидела сапоги мехом наружу, помню, как они меня поразили и очень понравились. Даже сам мальчик

стал больше нравиться после этого.

15. Последний день жизни актера Эвклипия, 33 лет. Греция, I в. до н.э. (2 сессии).

Опять утро. Впереди целый день. Хочу спать. Так утром тяжело вставать, тяжело начинать новый день, даже не хочется просыпаться. Так бы целый день и провалялся не вставая. И спать не спится, и вставать не хочется. Я очень устал от жизни. Она не приносит мне радости, не хочется жить. Мне не несет радости начало дня.

- Приготовь мне ванну и сделай воду потеплей. Ты же знаешь, я не люблю холодную.

Ванна меня еще больше разморила. Кровь пошла. Боль не отпускает, сердце сжимается. Эта боль меня изматывает, я ничего не могу с ней сделать, она меня сковывает (сильно болт-низ живота, возможно, рак нижнего отдела кишечника). В глазах темнеет, не могу разогнуться от боли.

- Дайте мне мой настой (ощущение, что выпил что-то одурманивающее).

Мне сегодня надо играть.

- Меня отнесут. Мне закрытые нужны. Я не хочу, чтобы меня видели такого.

Приходится опять надевать на себя маску лицемерия. Как мне это ненавистно - улыбаться, смеяться. Удивляюсь, это место для меня священо. Когда я выхожу к публике, когда я вижу лица людей, боль исчезает. Я себя не узнаю, я совсем другой человек. Я живу на сцене, я забываю обо всем. Я ничего не замечаю вокруг, я как во сне, есть только чувства, которые я хочу передать, больше ничего не существует. Одухотворенность поднимает над телом, я не замечаю боли, она отступает.

Я не владею сам собой. Лицо живет независимо от меня, оно меня не слушает.

Такое впечатление, что театр мимики и жеста. Арена амфитеатра. Я в белых длинных одеждах из льна или хлопка. Лицо покрыто белой краской.

- Вам выходить. Вам надо собираться.

Надо выходить. Я очень волнуюсь. Мое тело мне не подвластно, оно говорит за меня, передает мои мысли.

Вот и конец, я на сцене в последний раз. Больше я не смогу выйти.

Боль опять подступает. Пойду к морю.

- Эвклипий, подожди меня. Ты сегодня прекрасно играл. Ты должен быть необыкновенно счастлив. А почему у тебя грусть в глазах? Ты как будто не рад своему успеху. Что с тобой происходит, я не понимаю. У тебя сегодня было столько вдох-

новения, ты сиял, глаза у тебя искрились, в них было столько огня- Вся арена тебе рукоплескала. А сейчас я тебя не узнаю, ты такой подавленный.

- Когда я сегодня стоял перед публикой, я понял, что я больше не смогу играть. У меня что-то сломалось, как будто оборвалось. Я понял, что я больше не смогу свободно выступать перед публикой. Мне им больше нечего сказать.

- Ты говоришь правду, ты не смеешься? Слезы душат меня. Мы тебя больше не увидим в представлениях? Пытаюсь представить и не могу.

- Нет, я решил твердо, к старому возврата нет. Дважды не войдешь в одну реку. Я больше никогда не смогу стать прежним, что-то сломалось во мне, и это выше меня.

- Эвклипий, ты же великий актер.

- Не называй меня так, я не хочу им быть. Мне ненавистно мое тело, которое должно есть, пить, которое нужно всячески ублажать, которое требует к себе постоянного внимания. Душа моя стремится к другому. Мне не жалко расстаться со своим телом.

- Мне кажется, что ты еще не вышел из роли, ты продолжаешь читать монолог.

- Мне надоело играть. Я хочу пойти к морю, немного успокоиться. Прогулка, свежий ветер и море меня успокоят. Мне о многом надо подумать, чем я буду дальше заниматься, что я буду делать. У меня впереди туман. Надо опять чему-то учиться. Моих средств надолго не хватит.

- Но это лучшее, что ты умеешь. А чем же другим ты сможешь заняться? Ты просто хандрить, у тебя просто сегодня плохое настроение. Тебе надо отдохнуть. Пойдем к морю, оно тебя сразу успокоит. Что может быть прекраснее моря. Ты что молчишь, о чем задумался? У тебя сейчас такой странный взгляд, как будто ты где-то далеко, не здесь. Спустись на землю, не витай в облаках. Не усложняй себе жизнь, живи проще, как все.

- Я так не могу, я не могу не думать. Я постоянно пытаюсь понять, кто я, зачем я живу на земле, зачем я сюда пришел, куда я уйду, что будет после меня. Этот вопрос не дает мне покоя. Он меня мучает.

- Странный ты, я тебя не понимаю. Ты куда-то рвешься, сам не знаешь куда.

- Я устал от себя, от постоянной борьбы внутри себя. Во мне живут два человека, они постоянно друг с другом спорят. Один говорит "да", другой "нет". Эта борьба меня изматывает. Я порой спорю сам с собою. Мое тело не ладит с духом, мое тело

не соответствует моему духу. Оно тянет меня в бездну. Мое тело сильнее меня, сильнее моего разума. Внутри меня нет гармонии. У меня нет выбора, но это ужасно.

- Да ты так с ума сойдешь. Неужели тебе не хватает того что ты имеешь?

- Как ты не понимаешь, что я завидую людям, которые знают больше меня. Я перед ними преклоняюсь. Я кажусь себе таким ничтожеством. Эта мысль меня угнетает. Мне хочется все знать, все понимать, но это невозможно.

- Проснись, посмотри вокруг. Неужели ты не видишь, сколько вокруг прекрасного. Ты ничего не замечаешь, сам себя мучаешь, не можешь наслаждаться жизнью, не можешь пользоваться тем, что она тебе дала.

- Ты меня не понимаешь. Если бы я мог так же относиться к жизни, как ты, с такой легкостью воспринимать жизнь. Как я тебе завидую, ты живешь без проблем, весело и легко. Ты молод и прекрасен, тебя ничего не тяготит. Ты наслаждаешься жизнью, ты воспринимаешь ее так, как она есть, а я постоянно копаюсь в себе. Странно, я думал, что у меня все прошло, что я не буду возвращаться к этим мыслям, но они меня не оставляют. Они постоянно ко мне возвращаются.

- Какой же ты слепец. Ты мучаешься сам и мучаешь тех, кто тебя любит. Ты даже не замечаешь этого. Ты от них отгородился каменной стеной и никак к себе не пускаешь. Ты скоро останешься один, от тебя отвернутся люди. Ты - нарцисс.

- Может быть, это и лучше, мне одному будет проще. За сегодняшний день я так устал, день был очень напряженный. Как я хочу заснуть и проснуться, чтобы все мои тревоги и печали были далеко-далеко. Мне надоело жить, мне надоело бороться с самим собой, я устал. Я тебе не могу передать, что у меня сейчас в душе происходит, какие это муки, все сжимается.

- Как сегодня шумит море. Посмотри, какие волны. Вот и день подходит к концу. Как я люблю смотреть на закат, это самый прекрасный момент, сколько в нем поэзии, сколько в нем прекрасного, неповторимого, сколько в нем тоски и светлой печали, сколько чувств он вызывает, что все уже пережито, все прошло, страсти улеглись, наступает тишина и покой. Сколько умиротворенности в закате и созерцании. Небо, оно прекрасно, в него можно смотреть не отрываясь.

- Меня удивляет, что я вообще ничего не вижу, я не вижу ничего, это страшно. Я никого не хочу видеть. Я хочу побыть один, чтобы была тишина. Не мешайте мне. Неужели я все это вижу в последний раз, как больно это понимать. Я не могу

больше так мучиться. Я не знаю, за что я прогневал богов, за что меня Зевс наказал. Море меня зовет. Море, заведи меня! Посейдон, прими меня! Прощай! Видит волну.

- Вернись.

Чувствует себя плывущим. (В это время идет мощная сома-тика сопротивления волнам.)

От боли не спрятаться. Я больше не могу так мучиться. Я устал сопротивляться и жизни и волнам, я

устал бороться сам с собой, это идет из глубины меня, это выше моих сил. Эта борьба меня изматывает, сил ни на что другое не остается. Нет сил, я больше не могу бороться. Надо нырнуть поглубже - и всем мукам конец. Меня тянет глубина.

Содрогается мощно всем телом. Крупные волны по телу сменяются мелкими и частыми. Вода в рот попала. Уши закладывает, как когда погружаешься в воду (реальные ощущения пациентки в сессии).

- Да, мы потеряли великого актера!

(Пациентка воспринимает, что смерть была ужасной.) Тело колыхает в полосе прибора. Слышит шум прибора. Птицы слетаются. Вокруг тела выются мелкие морские животные и рыбки. На лице волосы с песком перемешаны, это вызывает болезненные эмоции, хочет очистить лицо. Тело в воде бьется, бесхозное тело... Сожаление, что если бы нормально умер, то тело было бы похоронено. Ужас перед бесхозностью тела, исчезает желание когда-нибудь делать так же. Понимание, что не следовало этого делать, надо было до конца отработать.

Рыбы и рачки растаскивают тело, откусывают куски (у пациентки идет соответствующая соматика, зудит все тело). Три дня смотрит за судьбой этого тела, беспокоится, что происходит с ним.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

"Полная переключка со мной теперешней, это все мои мысли, мои настроения. Знаю теперь, откуда у меня барские замашки идут, мечты, что когда утром изнеженно лежишь в постели, а слуга чтобы ванну приготовил с пахучими травами. Всегда были мысли, что как приятно, когда это делает кто-то Другой". Когда актер говорит, что в нем живут два человека и они постоянно друг с другом спорят, такие же настроения отмечает всю жизнь в себе и преклир. Во время сессии ей становится понятным, откуда у нее постоянный насморк: вода попала в нос, когда он тонул.

"Мамуля не любит, как я говорю, что все лицо крутится кривляется, а это отсюда: "Я не владею сам собой. Лицо жи: независимо от меня, оно меня не слушает". Колоссально! маленькой с удовольствием выступала на сцене, а потом как отрезало после первого класса. В восьмом-девятом классах готовилась-готовилась, а как дело доходило до выступления, не могла выйти на сцену. Было то же самое ощущение, что в ин-грамме. Зал рукоплещет, а с меня что-то спало, и я знаю, что больше никогда не выйду к зрителям. А потом и по жизни все меньше и меньше было всплесков какого-либо воодушевления".

"Моих средств надолго не хватит", - это одна из проблем пациентки. Всегда сидит подспудный страх, что денег не хватит, хотя хорошо обеспечена, одета. На фразу: "Как я хочу заснуть и проснуться, чтобы все мои тревоги и печали были далеко-далеко", - преклир замечает: "Вот эти печали и проснулись здесь, вот я далеко-далеко, а они-то остались". К высказыванию о закате - и для преклира это самый прекрасный момент, это как итог целого дня, целой жизни, какого-то понимания. Страсти к вечеру успокаиваются, это момент пережитого за день. Здесь много именно такого знакомого ей чувства. Всегда была неприятной холодная вода. В сессии дергается всем телом и смеется: "У меня, как у Титана, силы высвобождаются, как он, цепи рву".

"Я просто поражена, потрясена! Столько впечатлений. Всегда была боязнь утонуть, чуть-чуть глотну воды - и сразу такой испуг. Даже под душем, когда вода льется на голову, страх, что захлебнусь. Неужели, наконец, я сама с собой помирюсь, перестанут воевать душа и тело, неужели будет гармония? Как это прекрасно и здорово! Как много понимания эта инграмма дала в жизни, сколько я всего сниму!"

Америка

16. Энрико Вуткасту, 37 лет, из Кейптауна, проводят электрошок в госпитале для ветеранов войны в Сиэтле 19 ноября 1946 г. Психиатр хочет доказать Рону, что его метод лучше (2 сессии).

На кровати в палате. Надо мной окно, но оно высокое. Я у стены, сплю, отвернувшись к стене. Сетка прогнулась подо мной. Подходит сестра, трогает за плечо.

- Рики, мальчик, вставай-вставай, дядя доктор тебя ждет. Пойдем, тебе полегчает сегодня.

Переворачиваюсь, встаю как во сне. Светло очень и бело. Вокруг много народа, кто с головой перевязанной, кто с рукой. Они у меня в глазах двоятся-троятся. Один сидит, а кажется их четверо. Мотаю головой, чтобы скинуть это видение. Сестричка-мулаточка небольшого роста. У нее в руках моя история болезни.

- Может быть, Салли, ты его полечишь, это будет полезней.

- Сейчас тебя в память приведут, крепись и, чего не было, вспомнишь, - возгласы.

- Эй, вы там, ребята, не пугайте мне парня, перестаньте, не доведу, в штаны наложит. Рики, пошли.

Выводит из палаты. Столы, проходы, коридоры, под ногами дорожки. С кем-то она по дороге разговаривает, историю несет.

Привела. Вхожу в комнату как будто не на своих ногах. Дверь задвинулась, как в бункере. Комната круглая почти. Окон нет. Рентгеновская установка, много кабелей. Столик со многими лекарствами. Каталка стоит. Кресло с приспособлениями. На потолке какая-то аппаратура. Стол как хирургический или рентгеновский.

- Спасибо, Салли. Заходи. Здоровый парень.

- Давай, приятель, садись. Посадите его.

В кресло сажают, как зубоучебное. Читает мою историю болезни.

- Там контузия была 17 августа (на корабле в те дни, когда бомба была сброшена над Хиросимой, стычка была в море). В сознание не приходил.

Мигающая лампа направлена на меня.

- Смотри-смотри.

- Тяжелый случай. У него зрачки не реагируют. Сейчас попробуем. Готовь его.

Беспокойство, ощущение, что голова пустая.

- Ты же не хочешь умирать. Мы сейчас с тобой поговорим. I

- Стив, ты же знаешь, Рон просил несколько таких боль-ных с шоком. У него было две-три контузии.

- Зачем ему?

- Для его экспериментов.

- Кто ему разрешит?

- Разрешили.

- Таких больных много, отбери ему несколько по истории. Пускай пробует.

- Может, этого?

- Посмотрим. Этот мне самому нужен. Этого сейчас сами попробуем. Он мне для работы пригодится.

- Он просил чистых, без гипноза.

- Что он там ерундой занимается.

- Ты же знаешь, как он работает.

- Я не верю, что у него что-нибудь получится. Все это ерунда. Из шока можно вывести только направленным шоком. Нужен обратный шок. Клин клином. За моей методикой будущее. Я докажу, и этот случай мне поможет.

- Рон просил встретиться.

- Мне нужны доказательства. Сажай.

- Но Рон хотел с тобой поговорить.

- Мне нужен здесь положительный результат, чтобы было о чем говорить.

- Смотри, чтобы не получилось как вчера...

- Ладно, сейчас работаем. Эй, приятель, ты как?

Пристегивают. Ноги закрепляют в щиколотке и под коленом, руки в двух местах. На голову надевают кожаный обруч с металлической бляхой на лбу, за ушами. Кожей пахнет. Прижата голова, на всей голове датчики. Со спины прикладывают к чему-то холодному. Бляхи какие-то на позвоночнике и заправке. По поясу тоже пристегивают. По коленке стукнули, по груди провели.

Лампа направлена в глаза. Мне безразлично, что свет бьет в глаза.

- Никакой реакции, и здоровое тело. Посмотри, ни одной царапинки, то, что мне надо. Ладно, попробую. Рон обойдется, он мне самому нужен. Таких крепких еще поискать надо.

- Смотри, чтобы, как вчерашний, не загнулся.

- Тот хлюпик был.

Странное состояние, никакое...

- Придет в себя.

- Или придет, или совсем уйдет. Что у него сейчас в голове

- А ничего, в кубики, небось, играет. Прокручивается какое-то сражение - автоматы, самолеты.

- Постарайся вспомнить все. Сейчас будешь вспоминать. Мы тебе немножко поможем. Будет капельку больно, но ты ведь потерпишь?

Освободи ему руку. Ну ладно, вводи. Введи три кубика.

- Ты что, это очень много, опасно.

- Я знаю, что делаю. Ничего, он крепкий, попробуем. Тело крепкое, хотя столько месяцев без движения. Часы на

руке, но они их снимают. Руки не очень волосатые, грудь тоже. Волосы отросшие, светлые, лоб высокий, глаза ввалились. Обросший Немножко, щетина. Обыкновенный. Белые рубашка с коротким

рукавом и штаны. Разрез в рубашке на груди. Укол делают в вену.

- Вены как надулись. Одно удовольствие в такие вены вводить.

Рука левая онемела. Расслабление мышц, ком в горле. Дышать напряженнее, не проглатывается.

Проверяют по мышцам, что расслаблены.

- Ты не много ввел?

- Все будет нормально.

- Так, давай попробуем, готовься, маленький заряд. Ну по первому разу немножко, на три ампера.

Дашь ровно на оба полушария, а потом резкий толчок на гипофиз.

- Понял, как всегда.

- Подожди, все проверил, все готово? Посмотри, ровно установил на обоих полушариях? Первый раз делаем ровно по всему.

- Все-все, чего ты тянешь?

- Готов, поехали. Включай!

Звездочки поплыли, включаются, на темном фоне то здесь, то там. Маленькие уколы по голове, маленькие гвоздики забиваются. Не по себе. На затылке, по позвоночнику ощущение неприятного ожидания. Томление до копчика доходит. Дыхание учащается.

- Смотри на меня. К тебе вернется сознание, ты сейчас все вспомнишь. Смотри мне в глаза. Все будет нормально. Ты вспомнишь себя, родных, девушку свою. Забыл? Давай-давай вспоминай, мы тебе поможем. Давай потихонечку так же, еще немножко.

6.3а

. 2210.

- Смотри сюда, смотри на меня. Смотри, вспоминай. Смотри мне в глаза.

Смотрит мне в глаза. Я его не вижу совсем, голова клонится, вижу только низ фигур.

- Откинь ему немножко кресло. Откидывают спинку.

- Ну что еще у тебя? Внимание, запускай. Давай! Опять пошли заряды.

Вспышка в глазах, удар в затылок, под затылок, резонанс от головы по всему позвоночнику до копчика. Тряхнуло, все тело передернуло под ремнями. Глаза полезли из орбит. Поползла тошнота со стоном, звериный крик. Сердцебиение участилось, грудь сжимает, все тело сжимается. Затылок заболел сжимается. Голова вниз склонена. Сверху навалилось.

- Стоп, хорошо, зрачки расширились. Хватит. Ну вот, не все потеряно.

Я стону, тошнота подкатывается, дрожь по всему телу, спазмы желудка. Учащенное дыхание, потуги к рвоте. Передергивает тело, пытаюсь пошевелить головой, руками, но все зафиксировано. Пытаюсь сказать:

- Пустите, уходите, пок съют (ругательство по-английски). Пытаюсь вырваться, обмяк, силы нету.

- Ничего, приятель, ничего. Что там с пульсом?

- Около 200.

- Введи ему камфору, а то еще загнетса, сердце не выдержит.

- Напрямую?

- Давай напрямую. Он мне нужен живым, его нельзя потерять. Аккуратнее.

Вкалывают прямо в сердце. Теплая струйка, пустота в области груди, сердца. Онемела левая сторона тела. Расслабление немножко. Тепло. Пустота.

- Убирайтесь! Где я? Пустите!

- Успокаивайся. Все-все, ты в безопасности. Ничего, приятель, все будет хорошо. Посмотри на меня, посмотри мне в глаза.

На лица их смотрю: молодые. Один в очках, светлый, другой темный. Обычные. В белых халатах.

- Вспоминай! Имя? Давай!

От последнего удара потрянуло только. Обмяк.

- Уходите, выматывайтесь... Тошнота, рвота.

- Я тебе приказываю! Ты все будешь вспоминать, все будешь называть. Ты все вспомнишь.

Лампа посередине яркая горит.

Смотри на свет, смотри. Ты будешь вспоминать. Все помнишь» все сможешь. Что ты еще хочешь вспомнить? Как ³ первый раз девчонку трахал? Что тебе еще надо? Внимание. Лица надо мной.

- Так, все хорошо. Что на приборах?

- Нормально. Синусоида в пределах нормы.

- Отлично, проход есть. Так, еще разочек. Смотри на меня в глаза... Так, поехали, давай включай потихонечку. Посильнее. Давай!

Снова включил. Удар. Все тело задергалось. Удар, еще раз-раз Тело дергается, стягивает, сжало все и голову. В висках заболело.

- Давай, давай, давай!

Заряд в голову. По всей голове искры, как салютинки, и вниз по телу пробежали. Все, как в кулак, собрало. Подбросило, посадило обратно. Опять тошнота пошла. Рвота. Хочется плюнуть ему в лицо с его вопросами. Больно, пытаюсь вырваться. Ругаюсь, кричу на него.

- Вашу мать, пустите. Убирайся, иди к черту, к черту. Трясет, рвота выворачивает, озноб, стянутая голова.

- Имя, имя, быстро говори.

- Энрико Вуткаст.

- Возраст?

- 37.

- Где ты родился?

- В Кейптауне. Пустите.

- Часть, где служил?

- 11-й специальный полк. Не могу больше, пустите.

- Возвращайся в случай. Смотри, ощущай. Ты там? Я приказываю! Ты там? Ты видишь? Ты спишь и видишь. Я знаю, что делать. Смотри, я тебя поведу. Не смей отходить в сторону. Сон глубокий, ты не можешь пошевелиться. Он тебя охватил всего. Сон со всех сторон. Это все шарлатанство. Только я могу тебя туда увести. Хаббард, дианетика - это все ерунда. Ты в моей власти. Уходи туда, в огонь, я буду с тобой. Ты меня видишь?

- Да. Иди к черту. Идите к черту, пустите меня.

- Хорошо, приятель, сейчас отдохнешь, все нормально. Ты молодец, хорошо поработал. Освобождай его.

Отстегнули, руки падают на кресло. Лечь хочется. Простукивают голову, ноги. Под обе руки взяли, переложили на каталку,

■ Все, хватит, достаточно, отлично. Давление?

ложнения - переломы грудных позвонков... Целость зубов нарушается при недостаточно тщательной санации полости рта или несвоевременном введении шпателя. Это осложнение чревато аспирацией обломков зубов с последующей аспирационной пневмонией или абсцессом легких..."

Простите, мой дорогой читатель, Вы устали читать, Вам не нравится, а каково это переживать ослабленному болезнью человеку. Теперь понимаете, почему врачи считают, что больной "забывает", знаете, куда идет запись, и видите, что эта запись хранится в инграммном банке не только на протяжении одной жизни, а может воздействовать на человека в следующем теле, приводя к тяжелым заболеваниям.

Как Вам кажется, это описание медицинской процедуры или напоминает нечто другое, что-то средневеково-дикое? Эта выписка из справочника для представителей самой гуманной профессии, как нас, врачей, привыкли называть в обществе, или инструкция "запечных дел мастеров"? Врачи должны осознать и отказаться от использования электрических шоков на тело человека с любыми целями, ни при каких обстоятельствах это не может считаться гуманным. Это очень опасно и не проходит без следа для человека. За электрошоком всегда следует ухудшение здоровья, и это никогда не приводит ни к чему иному, кроме ускорения смерти человека. Так хочется верить, что наша книга дойдет до тех, кто сможет нечто переосмыслить, оценить и пересмотреть в подходах к лечению людей с психическими заболеваниями, и что в учебниках для врачей указание на этот метод останется лишь в исторических справках.

И еще вопрос для размышлений. Врачи, проводящие процедуру в случае, возможно, еще живы. Как Вам кажется, понравилось бы им, чтобы подобные свидетельства становились достоянием публики? Самое интересное, что и в следующей жизни они "подсознательно" этого не захотят. Вам известно, как психиатры США относились к создателю метода, в котором все тайное становится явным? Вам известны люди, которые активно сопротивляются пропаганде дианетики и саентологии? Вопросы, вопросы... Задавайте себе эти вопросы, когда читаете очередную статью про Л.Рона Хаббарда.

Относительно результатов работы с данной пациенткой должна Вас обрадовать. Недавно я ей позвонила, и она сообщила, что диагноз гипертонии у нее снят, она снята с учета как хронический больной.

17. Томми Хофмав (Хартман?), сын исследователя-биолога Маргарет, проходит аудитинг в одиннадцатилетнем возрасте; заболевает коревой краснухой 7 марта 1943 г., долго болеет; простудившись на рыбалке, заболевает двусторонним воспалением легких и умирает в двенадцатилетнем возрасте, 24 октября 1943 г. Лос-Анджелес, США (2 сессии).

- Какой бутуз хороший. Маргарет, какая ты молодец, второй сын, поздравляю. Мы с тобой не виделись...

Мне месяцев семь. Головку держу. Полосатые короткие шароварчики с нагрудником, перекрестно

сзади бретельки. Ножки голенькие. Тепло. Пустили ползти по дивану. Ползу к нему на колени, переползаю через них.

- Родился 4200. Молока хватает, сама кормлю. Скоро выходить на работу, кормилицу подобрали, хочу минимум до года на естественном вскармливании поддержать.

- Нам тебя не хватает.

- Трудно дома сидеть, хочется вырваться. Генри меня не пускает, он не разделяет моих намерений, считает, что я должна только детьми и домом заниматься. Я с этим не согласна, для чего мы получали образование. С домом справится и прислуга. Ты с этим согласен?

- Да, твое право выбора. Хотя я тоже не рекомендовал бы тебе спешить, несмотря на то, что тебя нам не хватает.

- А как твой?

- Тоже подрастает.

- Зачем ты это затеял, это ни в какие ворота.

- Я хотел с тобой посоветоваться, что ты по этому поводу думаешь.

- Давай в следующий раз, я подумаю. Мне пора кормить.

- Я уеду ненадолго. В редакции дали добро. Я думаю, справлюсь. Главное, найти средства, все упирается в это.

- Кто бы мог подумать... Нужны средства.

- Это вопрос будущего. Я вижу тебя соратницей.

- Нет, я пока ничего положительного сказать не могу. У меня другая тема, другое направление интереса. Не соблазняй, я не верю, не может этого быть. Я как биолог считаю: не может этого быть. И не уверяй меня, это все мистика. Это для меня не авторитет.

- Но ты этого просто не видела.

- И видеть не хочу. И не уговаривай, не может этого быть. Это фантастика. Это твоя фантазия, твое болезненное воображение, распаленное Востоком. Мало ли что у них, мы - цивилизованные люди. Чем ты докажешь?

- Ты только сама попробуешь, увидишь. Сама попробуй Мегги, как хочешь, я тебя не уговариваю. Занимайся Томми занимайся домом. Да, конечно.

- Фантастика, не может быть. Не может быть потому, что не может быть никогда. Фантазер. Не хочу знать.

Мама молодая совсем, волосы заколоты в пучок. Ей 27 лет. Ползаю по дивану, по ковру, все хорошо, приятно. Зимний день, неяркое освещение. Для этого возраста тут нет ничего интересного. Сижу стучу погремушкой. Скукотища тут в детстве.

- А как тетушка?

- Я у нее давно не был. Некогда родственные контакты поддерживать, некогда. Передавай от меня привет, когда увидишь. Целую ручки, я побежал.

- Ну забегай. Ты забыл перчатки. До скорого.

- Ты что думаешь, это впервые. Все законы давно определены, ты их как бы открываешь заново.

Светлая комната, стена с большим окном, за которым океан. Я - одиннадцатилетний мальчик, сижу за партой, ручки аккуратно сложены. Мы одни в комнате - я и он.

- Ты еще очень мал для осознания.

- Но я же это помню.

- Ну и умница, что это понимаешь, но тебе еще многому вдо научиться. То, что ты проходишь одитинг, это еще не все. Это малая толика всего, что тебе предстоит узнать и услышать. Ты знаешь, что с детьми мы только начали работать, мы еще к знаем их возможностей. С Бобби мы начали в восемь лет, ю технология работы с детьми должна быть иной.

- Но почему, если я это все понимаю.

- Не все дети так развиты, как ты. Тебе повезло с родите-ими, что они работают в нашей исследовательской группе.

- Я тоже хочу там работать.

- Подожди, и ты там будешь работать.

- Нет, я хочу сейчас. Мне скучно учить в школе то, что не [ужно.

- Ты 'не можешь знать всего, что происходит в жизни. В жоле ты получишь все, что нужно, только надо правильно об-чаться. Ты же учишься по новой технологии. Все, что ты уз-гаешь, будет всегда с тобой. Не капризничай, ты же теперь поймал, что это проявления реактивного ума. Это стоит от-ледить на одитинге, попроси маму поработать с этим материа-ом. Можешь сказать, что я рекомендую.

Большая комната, узкий диван. Низко завалена голова. Рядом мама - молодая светловолосая женщина с пышной прической.

- Томми, не шали.

- А мне можно, это проявление моего реактивного ума. Это не я, это он.

- Это кто же он?

- А это дьявольские структуры. Она хохочет.

- Все хорошее у тебя от Бога, а все плохое от дьявола. Все, Томми, пора работать.

- А когда ты мне разрешишь самому работать?

- Це спеши, всему свое время.

- Нет, я очень хочу. А ты мне разрешишь одитировать Роксану, когда она подрастет?

Сестричке пять лет, она очень похожа на маму. Брату Роберту четырнадцать лет.

- Да, конечно, ты будешь ее одитором.

- Как здорово.

- Закрой глаза. Вернись в этот случай.

- Все хорошо, открывай глаза.

Я потягиваюсь, зеваю, скатываюсь на край дивана, голова и рука свешиваются. Изображаю побитенького. Мама все пишет.

- Как ты себя чувствуешь?

- Я устал.

- Взбодрись.

- Я хочу чаю.

- Сейчас пойдешь выпьешь, но осторожнее, смотри, чтоб голова не закружилась, выпей сладкого чая.

Джем в баночке, сахарница синего стекла с металлической ручкой-скобочкой. Прислуга возится на кухне. В сад дверь закрыта, холодно, хотя все зеленое. Ветер с океана. Уроки сделаны, скучно, а одитинг - развлечение. Дети в гости не ходят, не принято. Книги, игры с сестрой. Отец занят в администрации штата, часто по командировкам. Он часть исследований финансировал.

Я вожусь с сестренкой.

- Томми, не таскай, она уже тяжелая. Мы прыгаем. Я - лошадка.

- Иго-го, поехали.

Она смеется.

Лос-Анджелес, 1943 г., мне двенадцать лет. Утро. Мама заглядывает в комнату.

- Томми, Томми, пора вставать. Детка, в школу опоздаешь.

- Я еще хочу поспать, не выспался. Я сейчас, мамочка, еще немножко.

В моей комнате прибрано, убраны игрушки. День яркий, приятный.

- Мне нехорошо.

- Вставай, вставай, не задерживайся. Уже пора, завтрак на столе.

Я встаю, босыми ногами иду в туалет, ванную комнату, они рядом с моей комнатой. Ванная с окном. Чищу зубы. Холодно босыми ногами на кафельном полу. Слабость, опираюсь рукой о раковину. Надеваю чулки в резиночку. К завтраку иду без галстука и пиджака. Тупо соображаю, какие сегодня уроки.

- Томми, что ты копаешься, давно пора идти в школу. Поторопись, иначе ты опоздаешь. Уже пора выходить. Что-то ты мне сегодня не нравишься. (У преклира в это время разламы; вающая боль в голове, головокружение, затрудненное дыхание, еле говорит.)

- Когда папа вернется из Вашингтона?

- Через три дня. Я уже тоже соскучилась.

Разговор с мамой в большой столовой, в которой мы одни. Это большое с низким потолком помещение, одна часть которого кухня, а вторая - столовая. Застекленная стена, выход в сад. Дорожка к океану. Шикарное место. Завтракаем. Брат Роберт уже позавтракал, на столе после него грязная посуда. Вижу, что он ел яйцо. Тарелка с синей каемочкой, вилки большие, тяжелые. Сестра еще не вставала. Сменные горничные, но сейчас с утра никого из них еще нет. У Роксаны - бонна. Они встают позже.

Мама очень занята работой. Она исследователь-биолог, преподает в университете, сейчас должна бежать на занятия. Она в темной ниже колен юбке, кремовой тонкой кофточке с ажурным воротничком. Волосы сзади заколоты, с пышным коком впереди. Мама на высоких каблуках суетливо носится по 'кухне, ей некогда посмотреть на меня. На ходу допивает чашку кофе.

- Будешь? - предлагает яйцо.

- Не хочу.
- стакан джуса, оранжада? Выпей оранжад. Ну съешь хотя бы бутерброд. Сыр.
- Не хочу.

. Что с тобой? Ну тогда я тебе заверну с собой, съешь в школе. Поторапливайся, уже пора. Съюзи придет, уберет. Ноги ватные, голова кружится. Мама вскакивает.

- Ну я побежала. Не задерживайся.

Мне тяжело дышать. По лестнице наверх иду тяжело. Надеваю пиджак, беру сумку. На улицу выход с этажа моей комнаты. Дорожка выстлана природными камнями. В школу плетусь. В кепочке и костюме мне жарко. Расстегнулся нараспашку, снимаю пиджак. Становится холодно, снова его надеваю. Коленкоровый коричневый портфель, ручки к нему и длинная, и короткая. У башмаков тупые носы, "как морда бульдога". Улица из небольших частных домов. Ярко синее небо, жарко, хотя летом будет намного жарче. Песчаная разбитая дорога. Проехала машина, допотопная. Колея от машины. На улице никого нет. Из переулка выходят двое из старшекласников. Навстречу господин с собакой типа колли.

Школа недалеко, это частный колледж - двухэтажное здание. Подхожу к ней, за ней поворот улицы. Детей около школы не видно, опаздываю. Мне бы надо поспешить, но не могу. Перед школой, как и перед домами, лужайка. Небольшие, округло подстриженные кустики-деревья образуют бордюр. За школой зелень и бейсбольная площадка. Огромные окна. Крыша очень далеко выходит за стены, как китайская. Площадка с флагом, на ней в торжественных случаях выстраивается вся школа. Я окончил начальную школу, а это средняя, есть и более старший лицей. Мы считаемся малышами. Брат тоже здесь учится. Мы с ним разных интересов: он спортивный, я все больше в себе, у меня больше близости с папой и мамой, интересуют книги, история. Стучусь в класс.

- Томми, что с Вами, опаздываете. Проходите, садитесь. Классная комната на первом этаже. Освещение слева из больших окон, которые выходят в сад за школой. Два ряда парт на двоих. Я сижу слева за предпоследней партой в правом ряду, который дальше от окна, у стены. Стена сверху почти до половины застеклена. В каждом ряду по пять парт. Парты и доска зеленые. Учительница средних лет в строгом темно-сером английском костюме с двумя рядами пуговиц. Волосы уложены коком спереди и подколоты сзади. Белая кофточка. У нее и стол, и высокий пюпитр, за которым она может стоять. Тепло, за окном яркая буйная растительность, округлые маслянистые листья. Океанское побережье рядом.

Я в бежево-коричневом клетчатом костюмчике с галстуком. Нас называют "джентльмены". Частная привилегированная школа, обращаются как со взрослыми. Мы - маленькие взрослые, такие чопорные.

Расстегиваю портфель, не могу сообразить, какой урок.

Идет урок английской словесности. (Преклир видит, что на доске написано по-английски). Учительница пишет на доске: Брет-Гарт... Чиви Крепе... сравнительный анализ. Это разные уроки, английской и американской словесности. Американской словесности - это как урок литературы. Голова раскалывается, все плывет перед глазами.

- Ты чего? - это сосед.

- Отстань.

- Томми, ты сегодня не внимателен. Что с тобой?

- У меня болит голова.

- Ты сможешь остаться на уроке или зайдешь к миссис Ко-ломбан, она тебе что-нибудь даст.

- Нет, я не пью лекарств.

- Ну это твое дело. Если ты болен, то можешь идти домой. (Слышится что-то типа "ТГуои аге Ш, уои тиз! §о Боте".)

Голова болит, урок я этот не люблю. Писать люблю, но грамматика... Будущее продолженное время, упражнения, примеры привести, конструкция предложения в английском языке, староанглийский язык, романская группа языков, разбор происхождения слов и сравнение с другими языками, отличие американизированных форм, взаимовлияние культур старой Англии и Америки... Сохранение чистоты английского языка.

- Вы должны быть носителями старой доброй культуры, и красоты, и безупречной английской речи) Вы - будущий цвет нации, джентльмены. От вас потребуется много усилий.

- Сравнительные формы. Посмотрите в таблицу конструкции предложений. Признаки будущего времени. Кто даст определение?.. Как вы думаете, правильно ли это?.. Я тоже так думаю. Не спешите, подумайте. Какое тогда здесь будет окончание? Правильные и неправильные глаголы, их надо заучить наизусть.

Мне ужасно скучно. У меня мысль: "Это надо понимать".

- А сейчас разберем, что хотел сказать писатель в этом произведении. Читаем вслух. Ланс, прочтите первый абзац, пожалуйста, ^с выражением.

- Продолжает Томми Хофман. Ах, прости, Томми, ты себя сегодня плохо чувствуешь, садись.

Продолжай, Рамон.

Девочка читает за первой партой слева, потом встает мой сосед по парте. Замечаний ему не делается. Читает с напором, пытается декламировать с выражением.

- Хорошо, садись.

- Может быть, ты пойдешь домой? Потом узнаешь домашнее задание.

А я совсем плыву, кружится все перед глазами. Идти домой сил нет.

- Нет, я побуду здесь.

- К следующему разу параграф 32, все упражнения к нему.

Урок окончен. Все встали.

- Не забудьте проветрить класс, здесь душно, - говорит учительница уже у двери, выходя из класса.

Дверь ярко-зеленая.

Перемена. Суточно. Дети выбегают на улицу. Жарко. Сейчас март, уже тепло. Мальчики в костюмчиках с галстуками. Драк не бывает. Есть надзиратель - это молодой мужчина. В его обязанности входит предложить игру. Он хлопает, призывает к каким-то соревнованиям. Мне скучно, слоняюсь, топчусь у двери.

На втором уроке преподаватель - энергичный мужчина.

- Хофман, что Вы хотели сказать? Мне передала миссис Мерфин, что Вам нездоровится. Не стрит ли Вам пойти домой? Если Вам сильно нездоровится, то я могу сообщить Вашей матери. Я бы Вам все-таки порекомендовал пойти домой, у Вас

нездоровый вид.

- Нет, спасибо, сэр, не надо ее беспокоить, я смогу дойти сам.

- Вас могут проводить.

- Нет, я сам.

- Прощайте, до следующего раза.

Я собираюсь очень вяло, ухожу с урока. В коридоре портреты на стенах. Ступени. Тащусь по дороге. Еле иду, сумка очень тяжелая. Очень жарко. Снимаю пиджак, потом становится холодно, надеваю.

На улице все красивое, яркая зелень, цветы. Красивый вход на нашу виллу - невысокая ограда из диких камней и вход каменной аркой, дорожка из таких же камней между зарослями Деревьев. Вхожу на основной этаж. Так как скала, то нижний этаж уступом. Внизу, на основном этаже, большой холл и спальни родителей, наши детские комнаты на первом этаже. У каждого своя комната.

Служанка пыль вытирает.

- Что-то ты сегодня рано.

- Меня отпустили.

- Есть будешь?

- Нет, я не хочу, я пойду к себе.

Вхожу в свою комнату. У меня угловая вытянутая комната. Стол, над ним полочка с книгами, кровать типа софы, на ней можно валяться днем. Закрытые платяной шкаф и книжный со стеклами, которые задрапированы занавесками. Много игрушек. Вешаю пиджак на вешалку в шкаф. Беру книжку, она мне кажется скучной. Книги: "Робинзон Крузо", "Великие путешествия", "История древних царств", большая книга "Глобус", Купер, Джек Лондон, фантастика, словари, детские красочные журналы с картинками "Юный испытатель", "Юным любителям природы", достаточно потрепанные.

Я люблю историю, географию, биологию, к математике отношусь спокойно. Учусь хорошо, без напряжения. Литературу люблю, а структуру языка (письменный) не очень.

Смотрю, чем заняться, книги перебираю. Сьюзи заглядывает в комнату с ведром в руках. На голове наколка.

- Томми, переоденься. (Я в школьной рубашке и брюках.) Есть будешь?

- Ты меня уже спрашивала. Не хочу.

- Выпей хотя бы сока.

- Ладно.

Подхожу к окну. Два окна в разные стороны. В одну сторону высокий мыс с маяком. В другую сторону океан, крыша части нашего коттеджа, она плоская, залита гудроном. Вокруг много зелени. Чайка пролетела. Скучно, читать не хочется, не знаю, чем заняться, ничего не привлекает. На большом столе микроскоп, препараты к нему, большой пластмассовый прозрачный письменный прибор с двумя чернильницами, в одной чернила, на подставке прозрачная пластмассовая ручка, флакончик с перышками, пресс-папье, большая тяжелая металлическая настольная лампа с зеленым абажуром. На подоконнике

мелкие предметы навалены. Нашел орех, колю на углу стола металлической ступкой. Пожевал. Скучно. Достая игрушки: трамвайчик, вагончики, игрушка, надевающаяся на руку, типа клоуна, кубики, серенький, старенький, залезанный медвежонок, прыгалка. Тяну прыгалку. В навале старый, открытого типа, без верха автомобильчик. Красный конструктор, можно делать мосты. Сажу на ковре, роюсь в ящике с игрушками.

- У нас сегодня гости.

Это мама пришла.

Уже вечер. Гости сидят на диване в гостиной. Мужчина лет сорока и молодая женщина. Ричард Ахман из Оклахомы и Сьюзи Стайер с биологического факультета. Мама напротив них в кресле. На столе чашечки кофе, журналы, печатные материалы. Я подхожу, прервав их разговор.

- Исследования начались в конце тридцатых. Нас небольшая группа энтузиастов. Накапливаются очень интересные материалы. Методология очень простая, сейчас разрабатывается. Мы ищем подходы, идут исследования. Война перечеркнула наши планы, откинула на несколько лет. Рона призвали в армию, без него тут ничего не движется. Он - стержень, нерв всего дела. Когда приедет, я вас с ним обязательно познакомлю.

- Очень приятно.

- А это Томми, мой младший сын. Томми - средний ребенок.

Шаркаю ножкой. Такой залезанный, в костюмчике. Паинька.

- Томми тоже участвует в наших исследованиях пока в ранге подопытного кролика, но рвется в бой. Мы с ним уже проработали 56 часов. Это не мало, результаты уже сказываются. Да, стал лучше учиться, стал устойчивей. Знает, как работать со словарем. На это Рон обращает особое внимание в работе с детьми.

- Я не ребенок.

- Прости, Томми, это общее выражение. Ты у меня совсем взрослый. Мы проработали внутриутробный период.

- Вас это не смущает? - спрашивает женщина.

- Нет, отчего же, это не секрет. Он очень разумный мальчик. Мы с ним откровенны. Для него уже нет тайн внутриутробной жизни. Это очень интересный пласт исследований. Он имел на днях интересный опыт. Расскажи, что было на последней сессии.

- О, это было так интересно: я плавал эмбриончиком в мамочкином животике.

Прижался к маме, она смотрит ласково.

- И как ощущение?

- Все очень интересно. Мне хочется самому попробовать поработать.

- Мы говорим на все запрещенные для детей темы, от него нет секретов. Он участвует во всех наших разработках. И всюду нос сует. Вот рвется в бой.

Шлепает по носу. Я оскорбляюсь, надуваюсь.

- Уже пытается проводить эксперименты над сестричкой. Схватывает все на лету. Томми, может быть, ты пойдешь заниматься своими делами? Я тебя прошу выйти, нам надо поговорить.

- Ну, мамми, мне же это тоже интересно.

- Дай нам поговорить. Мы с тобой уже договаривались, не рассчитывай, что я пойду у тебя на поводу. Какой настырный. Томми, не капризничай. Извините нас, я сейчас приду.

У меня слезы на глазах. Мама встает, берет меня за плечи, подталкивает к двери и начинает выговаривать: "Томми, мы же с тобой договаривались".

- Но мне скучно. Разреши мне с вами посидеть.

- Делай уроки.

- Я уже.

- Не мог ты их сделать. Когда ты успел? Иди почитай.

- Но я хочу быть с вами, мне интересно.

- Но у нас тут свои дела. У взрослых свои разговоры, ты должен это понимать.

- Ну вот, сама, то взрослый-взрослый, а тут как с ребенком, не считаешься с моим желанием. Сама говоришь "самоопределенность личности".

- Томми, не передергивай. Как с тобой стало сложно. Я в состоянии обидчивости, расстроен, слезы.

- Но я же очень хочу.

- Ну что ты раскапризничался, у тебя никак горячая голова?

Трогает голову.

- У тебя температура.

Голова туманная, подташнивает, становится нехорошо, уплываю...

- Иди ляг в постель. Скажи Монике, чтобы дала тебе градусник. Что стоишь как вкопанный, иди к

себе. Томми, милый, ты же видишь, я занята, я не могу тебе внимание уделить. Погоди немного, я освобожусь. Мальчик мой, ты заболел. Иди ляг, я приду к тебе позже. Сьюзи, отведи Томми в постель, он заболевает, измерь температуру. Что-то вид его мне не нравится. Что ты ел за обедом? Покажи глазки.

Оттягивает нижние веки, смотрит.

Лежу тихо. Попросил не зажигать верхнего света, резь в глазах.

- Доктор, что с ним? Он весь горит, всего обсыпало.

- Это коревая краснуха. Пролежит недели две. Не должно быть контакта с детьми. Брату и сестре нельзя с ним встречаться это инфекционное заболевание. Не беспокойтесь, миссис, это обычное дело для детей. Все они переносят инфекционные детские заболевания. Не беспокойтесь, ничего не произойдет страшного. Да, высокая температура. Ставьте компрессы на голову, протирайте водой с уксусом. Препаратов никаких не надо. Побольше питья, живых соков, все, что ему хочется.

Мама говорит, что переложит в свою спальню, чтобы не было контактов. Я люблю лежать в маминой постели, она большая.

- Нет, я так не думаю, сидеть около него не обязательно. Он уже взрослый мистер, найдет, чем заняться. Да, первое время свет может раздражать глаза. Можно зашторить окна пока.

Стоит врач толстенький, как шарик, пожилой, остатки волос седых на голове. Мама рядом высокая. Кофта желтая, на шее черная ленточка, юбка длинная, черная, пышная, ткань переливчатая. (Мне кажется, юбка не характерная для того времени.) Я хнычу. Сюзен зашторивает занавески, в комнате становится темно, зажигают маленькую настольную лампочку. Тумбочка ниже кровати. Градусник во рту, боюсь раздавить. Стоит под салфеткой чай в тонком гравированном стакане, дно в плетеной облатке. Чай с лимоном, другой стакан с оранжадом. Сахарница со щипчиками покрыта салфеткой. Почему-то тут лежат очки с кругленькими стеклами в тонкой металлической оправе. Не знаю, чьи очки. Газета сбоку "№\у БаДу" или "Вайу

Сил нет у меня. Я лежу в постели не в своей комнате, а в маминой спальне и стону. Кровать большая. Окна в комнате зашторены. Меня отделили от брата и сестры. Протирали, компресс на голове. Жар, губы обветренны, есть не хочу. Рядом кресло. Служанки крутятся, сменяясь, а сейчас пришла мама, трогает лоб.

- Мне скучно, посиди со мной, мамочка. Почему папа не едет?

- У него дела, он скоро будет. Он со дня на день будет.

- Почитай мне.

■ Сынок, прости меня, мне некогда. Как головная боль пройдет, сам будешь читать. Можно попросить Сьюзи, но у нее Много дел по дому. Не капризничай.

- Скучно.

- Ну поиграй во что-нибудь.

- Мне все надоело.

Играю с маленькими фигурками, разложил их на одеяле, в индейцев - завоевание, освобождение, война, вигвамы, войска окружение, борьба, костры.

Долго болел, была высокая температура, держались высыпания, слабость. Ко мне никого не пускают, скучно, радио в доме нет.

- Скуотица, прямо умираю от скуки. Прошу, чтобы мне читали.

- Как мы сегодня, молодой человек?

Вкатился доктор с саквояжем. Мама рядом. Я полусидя, полулежа.

- Шторы уже можно открыть.

- Как, дорогой, тебя свет не беспокоит?

- Нет, я хочу солнышка.

- Покажи горло.

Доктор смотрит горло металлическим шпателем.

- Зев чистый, остались единичные высыпания, температура уже нормальная, появился аппетит. Дело идет на поправку.

Рядом разговор: "К власти придут консерваторы... Рузвельт был прав... Война затягивается. Америке придется вступить в войну". Обсуждают политические дела и мое здоровье.

- Я так беспокоюсь за Рона. В последний свой приезд брат так плохо выглядел.

У доктора энергичный голос: "Все будет в порядке". Прилетел, посмотрел, вылетел. Мне повеселей, скоро уже вставать можно будет. Приносят на большом металлическом подносе с резным краем обед.

- Куда ты босыми ногами, пол холодный.

Это я соскочил с кровати, что-то на мамином туалетном столике заинтересовало.

- Попроси, тебе подадут. Что тебе дать?

Там меня заинтересовал флакончик и раковина. Беру раковину, слушаю, как шумит.

- Что ты еще хочешь?

Играю с сантиметровой лентой, ножницами. Прошу клей. Составляю картинку из цветных кусков бумаги.

- Я напишу роман.

- О чем же?

- О путях становления взаимоотношений между индейцами и белыми.

- Не рановато ли сразу за роман?

. А чего там, у меня уже сложились главные герои, победят взаимопонимание и дружба, войн больше не будет. Там будет и любовная история между янки и девушкой из племени.

. Это ты из личного опыта? - мама смеется.

- Ну вот, не смейся. Он же пишет не все, что сам пережил.

- Он очень талантливый, многогранный человек.

- Ну и я таким буду.

- Это очень похвально. Что тебе принести?

- Перо и бумагу.

- В кровать? Это очень неудобно. Потерпи, уже скоро встанешь. В школу пойдешь не сразу, успеешь поработать над романом.

- А ты свою пишущую машинку мне дашь?

- Ну если ты ее окончательно не разломаешь. Ты с такой силой бьешь по клавиатуре.

- Я буду тише.

- Ну вот и славно, договорились.

- А дай мне сейчас машинку, тогда не надо будет ручки и чернил.

- Но ты же быстро устаешь.

- Не устану. Ну мамочка, ну пожалуйста, ну разреши, пусть принесут мне машинку.

- Ну хорошо, что с тобой сделаешь. Я вполне понимаю твоё состояние.

- Дядя Рон приехал! Мамочка, мамочка, Рон приехал! Приехал, приехал!

- Томми, ты так подрос. Мы с тобой давно не виделись. Как успехи? Ты не бросаешь словарь больше, нет? Мне это нравится. Научился пользоваться? Чем ты сейчас занимаешься?

- Меня теперь интересует история Египта, история древних Царств.

- Эко куда тебя занесло. Прощлый раз мы с тобой говорили о Китае, об Индонезии, а теперь тебя интересует Египет.

■ А ты там не был, как жаль.

■ Но мы с тобой еще там побываем. Подожди, не спеши, мы потом с тобой поговорим.

Дело происходит в холле. Я его тащу к себе в комнату. " Я с дороги.

- Ты к нам надолго в этот раз? " Не надолго, на пару дней.

Ну вот, так мало. Почему ты так не надолго, мы с тобой ^{He} Успеем поговорить.

- Обязательно успеем. Томми, ты же понимаешь, в Европe идет война.

- Но это же не у нас.

- Но и нам, Америке, приходится участвовать.

- Дядя, Салли говорит, что мы победим.

- Никто в этом не сомневается.

- Когда же мы с тобой пойдем порыбачить? Ты же обещал. И папе все время некогда. Ну вот, всем некогда, не с кем даже по-мужски поговорить.

- А Робби что же?

- Да ну его, с ним не интересно. А ты расскажешь что-нибудь новенькое?

- Я думаю, твоя мама расскажет нам больше, у нее должно быть больше новостей. Мегги, что скажешь?

- Исследования продолжаются. Какие структуры в клетке могут нести эту информацию? Все очень необычно, странно. Большинство нас не поймет. Ты же понимаешь, как к этому относится научная общественность. Нам приходится не обнародовать результаты. Все пока очень спорно. Ты никому ничего не сможешь доказать, пока не наберешь достаточное количество материала. Все очень спорно, фантастика какая-то, это не укладывается ни в какие научные парадигмы.

- А кто тебе сказал, что они истинны. Кто это проверял? Вот мы и проверим.

Воскресенье. За мной пришел старший приятель Ник Ни-кольсон, живущий по соседству.

- Я тебе не разрешаю.

- Мамочка, мы не надолго, только немного порыбачим у мыса.

Раньше меня отпускали, дело знакомое.

- Сегодня погода не очень удачная для этого: накрапывает дождь, как бы море не разыгралось. Ну хорошо, оденься потеплее. Вы на катере?

- Да.

- А кто из старших?

- С нами будет Арчи.

- Ну хорошо. Последи за Томми. И не надолго, чтобы к обеду успели.

Осень, 24 октября 1943 г. Серый холодный день, ветер. Тащим весла на катер с мотором на всякий случай, мотор может заглохнуть. Я тащу большое неудобное весло, удочку, банку-Трудно, все рассыпается. Как-то неуютно, холодно, день се-

й нехороший. Думаю: "Не нужна мне эта рыба". Иду как бы а поводу. Пришли на причал. Причал семьи моего приятеля, где стоит их небольшой катер, беленький, с синей полосой. В катере за рулем их темнокожий слуга Арчи в кепи морского типа. Залезаем в катер, его бьет о сваи.

- Осторожно, масса Том, - говорит Арчи (ассоциация с Томом Сойером).

Он встает, подает руку, второй рукой подтягивает за канат, чтобы лодку меньше било. Все, что притащил, положил на пирсе, Ник мне подает. Складываю сзади. Арчи тоже принимает. Ник спрыгивает.

- Садитесь, нельзя стоять. Волна, опасно. День не очень удачно выбран.

Арчи всю дорогу ворчит, что хозяин, Ник, настоял на поездке.

- День не для рыбалки.

- Арчибалд, перестань, - это уже Ник.

Строит из себя хозяина. Ему 16,5 лет, скоро 17. Я дорожу дружбой с ним, он взрослый, уже школу окончил, старше моего брата, а берет меня на рыбалку.

- Пойдем к мысу, там потише, встанем с подветренной стороны.

Мыс, на котором маяк, высокий, скалистый. Остановились.

- Бросай якорь... Не выдумывай, Арчи, все нормально. Кто тебе сказал?

- Если бы отец ваш был дома, он бы не разрешил.

Мотор заглох. Они берут веревку, чтобы его запустить. Возятся с мотором. Скалистые нехорошие камни, барашки волн, забрызгивает. Стало совсем холодно.

- Пора возвращаться, улова все равно не будет.

- Не торопись, весла в ключины. На весла поднажали.

Сначала Ник сел на весла один, потом Арчи его подвинул, сел рядом. Дождь, небо свинцовое. Замерзаю. Плыдем. Ужасно продрог, зуб на зуб не попадает.

" Не ёжься, вовсе не холодно.

Я весь мокрый, на мне плащ-накидка вся промокла. Ведер^{ко}, в нем пара рыбок.

- Томми, что с тобой? Ты промок, срочно растереть.

- Пневмония - двустороннее воспаление легких. Хрипы. Одышка, тяжело дышать.

- Он недавно перенес корь, а тут еще это. Доктор, это опасно?

- Да, состояние тяжелое, организм ослаблен.

- Сделайте что-нибудь, доктор. Не может быть, чтобы це было, чем помочь.

- Александр Флеминг... пенициллин. Надо доставать пенициллин.

Как тяжело дышать, воздуха нет, голова тяжелая.

- Томми, мальчик мой дорогой, как ты?

- Дышать нечем.

- Кислородную подушку. Срочно в клинику. Круглосуточный необходим надзор. Боюсь кризиса.

Состояние крайне тяжелое, в любой момент может наступить отек легких.

В клинике. Задыхаюсь. Капельница, трубочка с кислородом к носу.

- Состояние крайней тяжести.

- Он умер.

- Не может быть.

- Мы делали все, что могли, большие дозы антибиотика. Сердце не выдержало. Отек легких. Сердечно-сосудистая недостаточность. Термический шок.

Лежу на постели. Голоса раздаются усиленно. Я их слышу из тела, но это как бы не про меня. Я провожу ревизию тела: пустое, тетан его покинул.

- А этот трус, слабак сбежал, покинул... Он не боролся. Палата интенсивной терапии. Лежит голенький, худющий,

ребрышки торчат, обметанные губы, слипшиеся волосы на подушке. Рядом электростимулятор. След

на теле в области сердца. Рядом врачи - заведующий отделением, анестезиолог, палатный врач, сестра со шприцем.

- Адреналин в сердце.

- Уже поздно, семь минут после остановки сердца. Накрывают простыней.

Вскрытие. Эмоций никаких по этому поводу, так и должно быть. В морге чисто, квалифицированно готовят к похоронам.

- Кремация.

По этому поводу испытываю радостное оживление: "Красота, эффективность, качество". Везут в зал на каталке. Мама в черной вуали. Папа очень красивый, мужественный, солидный, молодеватый. Старший брат. Бабушка старенькая в гипсоре -это мамина мама, мы у нее гостили в детстве в Филадельфии-Народу немного. Дети держатся стайкой.

. Попрощаемся.

Папа подводит маму. Она целует в лоб, прижалась щекой. Папа ее поддерживает. . Маргарет, держись.

Почему так несправедливо, мой любимый мальчик. Пому он? Столько надежд. Почему так рано ушел? Сколько горя, страдания.

- Попрощайтесь.

Католический священник в черном костюме и поверх в бе-Й накидке. Все опустили головы, у мамы сложены руки на груди.

- Господи, прими его. Безгрешная душа... по воле господи...

да пребудет в царствии твоём.

Я злюсь на эту безгрешную душу. Что там еще священник?

- Сегодня предается... Томми почил... Сейчас, дети, подойдите.

Но я высоко, они не дотягиваются. Гроб красного дерева, с металлическими ручками. В черном костюмчике. Цветы кладут. Уютно лежать, приятненько, не испытываю страха, радуюсь, что кремация. Эмоции приглушены.

Речи. Мама плачет, рядом испуганный брат.

Ногами вперед. Огонь охватывает. Очень приятно, не как когда на костер ведут. Не испытываю неприятных ощущений. Плавится, как восковая свеча, тельце, волосы сначала, костюм. Все нормально, культурно. Хорошее дело кремация, не зря хотел именно ее.

Азия

18. Лейтенант армии США Джонни Смит, 24 лет, сбит в полете. Вьетнам, 1968 г. (2 сессии).

Военно-воздушная база. Небольшой кабинет. Стены серо-зеленого цвета. Небольшой письменный стол. Бедная походная обстановка. Чувствуется, что надолго обосновались. Он в кителе темного цвета, полковник.

На мне походная форма обычного серо-зеленого цвета, ботинки, рубашка с засученными рукавами. На голове фуражка армейская. Тело такое же, как сейчас, но более спортивное чувствуется армейская подготовка. Шатен. Чувствую волнение! Я говорю:

- Мы должны помочь им выбраться из того дерьма, в которое сами же их и посадили. Они не смогут выбраться оттуда без нашей помощи. Я предлагаю их немедленно вывезти оттуда. А лучше всего сделать это сегодня, потому что завтра там может никого не остаться в живых. Пока ничего не случилось, мы должны вытащить их оттуда.

- Что Вы предлагаете, лейтенант?

- Я прошу разрешения вывезти четвертый взвод. И лучше всего сделать это до вечера, иначе потом вывозить будет уже некого.

- Хорошо, действуйте, лейтенант. Но чтобы к вечеру все машины вернулись на базу. Я предупредю кого надо о вашем вылете, вас прикроют. Все, Вы свободны, выполняйте приказ.

- Есть, сэр, - отдаю честь правой рукой открытой ладонью ко лбу. Развернулся на каблуках и вышел. Поворачиваю сразу налево. Иду по коридору. Коридор неширокий, типа балкона, с видом на поле. Мне идут навстречу двое в штабной форме, более нарядной, чем моя, женщина и мужчина.

Стою на балкончике. Внутренний монолог: "Это невозможно выполнить. Я боюсь, что все потеряю. Я опять откусил больше, чем могу проглотить. Ну ничего не поделаешь, придется выполнять".

В себя прихожу. Хлопнул по перилам и пошел. Балкончик заканчивается лестницей, спускаюсь.

Площадь. Большие двухвинтовые американские вертолеты камуфляжного цвета.

- Лейтенант, все готово.

- Ну всё, по машинам, у нас мало времени, пора в путь-Эти ребята заждались нас. Через час двадцать там будем.

Я подхожу к вертолету, ко мне подходит второй пилот.

- Кто будет вести машину?

- Вы, сержант.

Обхожу вертолет с носа и сажусь с другой стороны, справа, кресло второго пилота. Двигатель уже работает. Предстарто-³ подготовка. Рассматриваю карту. Сержант включает тумблеры-

- Этот чертов шлем всегда мне мешает. Санитары сели, все

на месте? - спрашиваю. Нас двое, и еще санитары и стрелок обязательно.

Беру микрофон и сообщаю в эфир, объявляю предвзлетную готовность для вертолетов. Запрашиваю у базы разрешение на взлет.

- Звено, готовность номер один. Подтвердить готовность.

- Первый готов.

- Второй готов.

- Третий готов.

- Четвертый готов.

- Башня, я Кондор-один, прошу разрешение на взлет.

- Кондор-один, я Башня, взлет разрешаю.

- Всё, ребята, поехали.

Нарастает гул двигателя. Взлет, вертолет оторвался от земли, вперед и вверх, набирая высоту и скорость. Я первым в клине, два по бокам, сзади замыкающий. Компактно уходим с базы.

- Давай быстрее, у нас два часа до захода солнца. Мы вытащим этих парней, иначе на утро от них ничего не останется.

Вычисляю время, когда можно будет связаться с пехотинцами, чтобы сообщить, что мы подлетаем.

- Сколько времени нам лететь до них?

- Около часа. К семи будем на месте.

- Эти ребятки, поди, заждались нас. Четверо суток в джунглях в окружении вьетконговцев. Интересно, большие у них потери? Как бы нам не пришлось везти больше мертвых, чем живых.

- Ладно, лейтенант, все будет в порядке. Не первый раз мы копаемся в таком дерьме, - отвечает стрелок. - К вечеру уже Дома будем пить пиво.

Он сидит, прислонившись спиной к переборке со стороны салона, говорит через дверь.

- Опять, небось, пойдешь к своей подруге? - я ему.

- Да, таких титек я ни у кого здесь не видел. Эти вьетнамки ^{во}е какие-то плоские, даже на баб-то не похожи. Что мужик, ^тто женщина, все одинаковы. Вот вернусь домой, заведу себе ^кРалю вот с таким бюстом, - показывает, широко разводя руками, - буду зарываться в нем, как в подушке.

Связываюсь с базой.

- Башня, Кондор-один слушает.

- Кондор-один, говорит Башня, вы на подлете к цели. Высылаем прикрытие. Будете на месте через 20 минут.

- Башня, я вас понял. Конец связи. Сообщаю для звена:

- Боевая готовность, мы подлетаем.

Прошу радиста, чтобы он связался с пехотинцами.

Звук пуль, которые прошивают обшивку, по нам стреляют.

- Лейтенант, нас обстреливают.

- Вижу.

Смотрю со стороны кабины в очень большой открытый проем. Стоит пулемет. Джунгли внизу. Говорю в микрофон:

- Звено, разойтись в стороны. Подавить огневую точку противника. Загоните этих косоглазых засранцев обратно в лес.

- Все происходит как в кино. Со мной никогда такого не было.

- Кондор вызывает Шарик. Шарик, Я Кондор-один. Вызываю Шарик (Шарик - это летающая ретрансляционная станция).

- Кондор, я Шарик.

- Шарик, нас обстреливают. Я не вижу прикрытия. Где же ваше чертово прикрытие? Они уже давно должны быть здесь. Нас собьют, пока они прилетят.

- Успокойтесь, лейтенант, истребители на подходе. Они будут через минуту, они уже на подлете к вам. Уточните ваши координаты.

- Да, хорошо, мои координаты составляют... градусов... минут северной широты и... градусов... минут восточной долготы.

- Кондор, Вас понял. Ждите поддержку. Конец связи.

- Скорпион, Кондор вызывает Скорпионов.

- Скорпион на связи.

- Скорпион, я Кондор, мы подлетаем. Нас обстреляли. У вас все в порядке?

- Относительно. Нас поджимают со всех сторон. Долго мы так не продержимся. Спасибо, ребята, что не забыли нас.

- Нет проблем. Сейчас мы вытащим вас оттуда. Много у вас раненых? Эти косоглазые уже наделали дырок в моей машине. Обеспечьте нам прикрытие с земли.

- Хорошо, я позабочусь об этом.

Поляна небольшая, мы кружимся вокруг нее. Поворот делаем, чтобы зайти на посадку.

- Скорпионы, я Кондор. Приготовьтесь, иду на посадку-Очистить место.

- Кондор, я Скорпион, Вас понял. У нас все готово, место очищено. Поторопитесь, у нас есть раненые.

- Звено, заходим на посадку по очереди. Я первый. Подтвердить готовность.

- Первый готов.

- Второй готов.

- Третий готов.

- Четвертый готов.

- О'кей, ребята, поехали (не поехали, а пошли - be'l's eo). Мы садимся.

На обратном пути. Мы уже взяли раненых.

Я в кабине пилота справа. Звук двигателя очень громкий. Джунгли проплывают, зеленая пена джунглей. Деревья такие красивые. Оборачиваюсь назад к стрелку. У него мужественное лицо. Он говорит: "Не верится мне, что нас здесь могут сбить. Эти косоглазые и воевать-то толком не умеют".

- Эй, ребята, закурить у кого-нибудь найдется?

Один из них протягивает мне пачку сигарет. Взрыв. Ощущение падения. Что-то случилось с пилотом... Второй пилот убит, я взял на себя управление. Я занят тем, что рулю. Голоса из салона:

- Этим косоглазым засранцам все-таки удалось нас сбить.

- Ебаные косоглазые, все, это конец, нас сбили.

- Дьявол, мы падаем.

- Нет, я не хочу умирать! - кричит кто-то сзади. Матерятся.

- О, черт... твою мать...

- Нет-нет, ну сделайте же что-нибудь.

- Я делаю, делаю.

Про себя думаю: "Я ее не вытяну. Это конец, нас сбили". Мы теряем управление, мы практически падаем. Я дотянул до верхушек деревьев. Сделал, что мог, но машина среди деревьев летать не может. Деревья на уровне глаз. Мы сваливаемся в деревья. Скрежет, грохот, крики, осколки. "Мясорубка". Винт ломает ветки. Машина заваливается на левый бок кабиной вниз.

Протяжный крик в салоне:

- А... а...

Я про себя: "Попался как мальчишка".

Я вцепился, растопырился, как мог. Второй пилот уткнулся в приборную доску, просто висит. Удар очень мощный. Вертолет врезался с противоположного от меня борта, буквально сминает весь его корпус. Обламывается хвост. Ломаются лобовое стекло. Меня срывает влево и вниз. Стекла летят, они пластмассовые, не задевают. Левое стекло разбилось, а правое нет. Замедленно чувствую, как вминается тело в кресло, шея

набок. Я оказался в высшей точке. Пристегнут. Удар был настолько сильным, что я сломал себе позвоночник.

Тишина, слышно только, как падают ветки - тюнь-тюнь... Затихающий звук мотора, роторы еще работали. Слышно, как барражируют вертолеты. Свалка там получилась. Человек 15 в вертолете, все друг на друга повалились. Те, кто был с краю, завалил тех, кто оказался в самом низу. Шевеление какое-то, кто-то пришел в себя. Это стрелок.

- О черт, есть живой кто-нибудь? Не может быть, чтобы я один выжил. Кто может, выбирайтесь наружу, можем взорваться в любой момент.

Это Майк. Он был на этой стороне за пулеметом, поэтому оказался выше всех. Через какое-то время:

- Джонни, Джонни, ты жив? - трясет меня.

- Он не слышит, он без сознания, - кто-то ему отвечает. Подошли ко второму пилоту.

- Он мертв.

- Помогите мне вытащить его отсюда. Вытягивайте его оттуда, тащите его на себя. Перережьте ремни. Тащи. Аккуратно. Ноги, ноги осторожнее. Поднимайте.

Меня вытаскивают, перетаскивают через крайчик Вертолет дымится, но не взорвался. Один человек уже снаружи.

- Принимайте там.

Берут подмышки, между кабиной и пулеметом протаскивают.

- Так, хорошо. Несите его сюда. Два парня несут

- Кладите здесь.

- Эй, Джонни, Джонни, сынок, ты слышишь меня? Это я, Майк.

- Он не слышит тебя. Пойдем, там есть еще, пойдем, поможем другим.

Говорит один из них, который тащил.

- Оттащите их от вертолета.

- Санитар, здесь раненый. Ему оторвало ногу, быстрее сюда. Он умирает.

Звук вертолетов. Звено кружит над нами, они прикрывают нас. Это случилось там же, где нас обстреляли в первый раз.

Я над этим. Лежит человек на земле, на нем летный шлем. Несколько человек над ним. Вижу в полуметре самого себя. Потом вижу склоненное над собой лицо в шлеме. Прихожу в себя потихонечку.

Солдат с короткой стрижкой зовет меня:

- Джонни, Джонни, ты меня слышишь? Это я, Майк. Джонни, как ты? Ты в порядке, как ты себя чувствуешь?

- Спина болит, я не чувствую ничего ниже пояса. Замораживающий эффект ниже пояса, ноги, они как бы

мерзнут.

- Держись, сынок, мы тебя вытащим отсюда.

- Мне долго не протянуть.

Присел на колено, в одной руке автомат. Он меня похлопал по плечу. Пытаюсь удержать его руку, зову: "Майк, не уходи, не оставляй меня. Мне страшно, я боюсь, я умираю". Но он не слышит, побежал. Все ушли. Там что-то происходит. Где-то на подходе вьетнамцы. Они бегут добить нас. Вертолеты не смогут к нам опуститься, так как густой лес. Они не могут вытащить нас, только барражируют вокруг.

Вьетнамцы появились, кричат. Голоса.

- Вьетконг, занять оборону.

- Майк, иди сюда.

Автоматные очереди. Сухой треск Калашникова и тяжелый звук крупнокалиберного вертолетного пулемета "М-16" - ду...

ду... ду...

Вижу себя лежащим и ухожу вверх, медленно кружась. Спокойствие, легкость, никаких ощущений. Вертолеты летают. Изменилось зрение, все необычным стало. Появилось чувство обиды, друг ушел, побежал отстреливаться, а мне нужна была всего минута проститься.

- Я ничего не вижу. Темно. Я падаю, я провалился. Л. Рон Хаббард описывает, как скольжение по ледяной горке, так же... только... умиротворенность, легкость. Чувство незавершенности. Хочется вернуться и поучаствовать, помочь друзьям. Остался Майк, он мне как брат был. Он был стрелком на моем вертолете.

- Я не могу добраться до него, он слишком глубоко лежит.

- Давайте все-таки попробуем его вытащить оттуда, пока он не провонял здесь все кругом. Смотрите, он уже начал разлагаться. Мерзкое зрелище. Должно быть, он пролежал здесь Уже несколько дней. Наденьте маски, а то мы все задохнемся здесь. Подтягивай потихонечку. Смотри, чтобы рука не отвалилась.

- Не отвалится, он еще относительно свеженький. Вот в прошлый раз нам действительно пришлось собирать по частям, ^a с этим хлопот не будет. Кладите на носилки.

Слышится треск молнии - пшик...

- Ну все, можно выносить. Пошли отсюда, здесь больше нечего делать. Пойдем поищем в других местах, может быть там чего найдем.

-

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

Что касается этого случая, то изменений у меня несколько и все они положительного свойства.

Долгое время меня мучила боль в пояснице, не дававшая мне заниматься атлетическими видами спорта. После прохождения инцидента прошлой жизни, в котором также была травма спины, боль исчезла, и, несмотря на то, что последнее время мне пришлось поднимать много тяжестей, я не почувствовал даже намека на те болезненные ощущения, которые я испытывал раньше в подобных ситуациях. Я понял причину своего очень преданного отношения к друзьям, часто заставлявшего меня действовать, что называется, "себе в убыток", так как в момент смерти я сожалел, что не могу помочь своим друзьям, ведущим в тот момент бой глубоко на территории врага и попавшим в эту ситуацию по моей вине, так как я был их командиром. Также я получил подтверждение того, что человек - духовное существо, основанное на том, что я вспомнил и ощутил мельчайшие детали эпизода прошлой жизни, как то: полет, падение вертолета, свою смерть и состояние после смерти, а также свои собственные мысли в каждом моменте эпизода.

Заметки историка:

Описана типичная операция армейской авиации США во Вьетнаме по вывозу личного состава пехотного подразделения, попавшего в джунглях в засаду вьетконговцев (южно-вьетнамских коммунистических партизан). Имеются в виду вероятнее всего действия звена вертолетов 1Ш-Ш "Ирокез", основной американской "рабочей лошадки" воздушной войны во Вьетнаме. Боевое построение вертолетов, их действия в бою, переговоры летчиков между собою и с землей вполне достоверны, как и сама боевая ситуация. Достоверно воспроизведен менталитет типичного американского офицера - отважного, самоуверенного, честолюбивого.

Однако есть некоторая недостоверность в описании формы одежды: с самого начала Вьетнамской войны американские военнослужащие пользовались там почти исключительно полевой формой. Упоминание фуражки и "штабной" формы скорее всего ошибочно. Название американского единого пулемета, применявшегося во Вьетнаме, - "М-60", а не "М-16"; так называлась автоматическая винтовка.

19. Юноша, 20 лет, убит в долине пуль в голову. XX в. (1 сессия).

В долине предполагались военные действия. Они вдвоем с напарником идут в разведку, должны узнать, возможно ли пройти через эту лощину. В конце ее их должны были подобрать.

Солнце. Утро. Камни, песок, небольшие горки, не в пустыне, но типа того, ветер не сильный.

- Что это там такое? - напарник.

- Не знаю, сейчас посмотрим.

- Как же так, если бы мы знали.

- Откуда мы могли знать?

- По сторонам смотреть надо было. Сделай хоть что-нибудь. Чему же тебя два года учили?

- Раньше думать надо было, сам виноват.

- Не могу же я все время думать.

- Давай в город.

- Все равно не успею.

- Давай быстро.

- Что же делать-то?

- Не паникуй.

- Поздно!

Хлопок, очень сильный удар в голову, падает на гальку. До удара не успевает заметить, откуда стреляли. Еще хлопки наверху.

- Черт!

После второго хлопка что-то падает на него, давление на спину. Слышит звук падающих камней, далеко глухой стук. Лежит лицом вниз, снизу холодно, а со спины жарко, солнце припекает. Не может пошевелиться, слабеет, холоднее становится, ног почти не чувствует, руки онемели. Неудобство в шее, камень давит в области правого плеча. Во рту горьковатый привкус, запах горелого, подпеченного чуть-чуть.

- Контроль нулевой над этим.

Временами ничего не видит, так как лежит лицом вниз, а временами видит местность сверху: небольшие скалы, проход среди них, небольшие пещеры и гроты в скалах.

Фразы в голове: "Как же так вышло, ведь я даже не успел... Был выход уже так близко из этих скал. Знать бы об этих гротах раньше, никто бы не ушел. Ну и грязь же". Небо очень светлое, солнце чуть закрыто обрывками облаков. Чуть позже, когда солнце поднялось, небо уже без облаков, сильно печет. Ему это неприятно. В контраст всплыли приятные воспоминания о дожде.

Видит деревце, похожее на березу, но с темным стволом. Довольно светло. Свежий запах, сильный шум дождя, мокрые деревья леса, поляна, трава кое-где зеленая, кое-где пожухлая - май-июнь. Смех

издалека... Весело, хорошее настроение, хорошая погода. Приближается девушка в светлом в цветочек платье:

- Где же ты?
- Да сюда плыл.
- Да, с плаванием у тебя плохо.
- Ну не настолько же...
- Ну в грязи точно.
- Ну только если так.
- Это же надо было в такую погоду вытащить меня в лес.
- А чем тебе собственно погода не нравится?
- По-моему, слишком грязно.
- Нет в мире совершенства.
- Ну тогда пошли?
- Ну пошли.

На дальнем холме движутся какие-то точки.

Вверху в небе точка, слышит звуки мотора вертолета, который то приближается, то удаляется (появились в конце 40-х гг., их впервые применили американцы в Корее). Вечер, солнце уже не так припекает. Видит сверху с высоты человеческого роста спину. Осознает, что это его спина. Там, где давило на спину, лежит локоть напарника, который при падении упал на него сверху. Желание убрать эту руку, чтобы не давило. Это в шок не приводит, но вниз на тело смотреть не хочется, грустно стало, когда оглядывался сверху.

Видит закат, уже вечер, тучи. Удивляет облако типа грозового, любопытство, хочет рассмотреть его поближе, а оно какое-то круглое, внутри светится. Если до этого момента видел подробности на земле, то тут уже не видит. Поднимается. Последняя мысль: "Как глупо. Еще рано, не хочу я к вам, а там было все-таки лучше. Мы еще повоюем". Злость, досада, что не получилось.

Находится в помещении типа усеченного шара, пол, на котором можно стоять, а стены как облако, вокруг яркий свет типа солнечного, матовая колонна типа полупрозрачного мрамора, но не блестит, а за ней что-то темное - тоннель - не тоннель... Стоит, ноги свинцовые, скован, не хочется в эту темную дыру, там надо было говорить, но не хотелось. Просачивается в

стенку и проваливается, падает за нее. Вокруг ни воздуха, вообще ничего. Бултыхается в этом "ничего".

Заметки аудитора:

Как-то возвращаюсь поздно домой, а дочка сообщает, что несколько раз звонила какая-то женщина. Это, оказалось, мама моего пациента, потрясенная. Ребенок никогда в жизни не надевал рубашек с коротким рукавом, даже на юге с раннего детства всегда в рубашках с длинным рукавом. А недавно ему подарили рубашку с коротким рукавом, и он собрался в ней пойти в школу. Мама потрясена: это впервые в жизни. На все наши июньские сессии приходил в этой рубашке. Очень не любил теплые солнечные дни, любил прохладные и холодные, гулял только в пасмурные дни под дождем. А здесь по прошествии некоторого времени после данной сессии мама интересуется у преклира в один из дождливых весенних дней, почему он не гуляет, на что тот удивленно: "А что же в плохой день под дождем гулять?"

20. Ритуал жертвоприношения - удушение в каменном саркофаге Юнг, 22 лет. Непал, V в. н.э. (1 сессия).

На ней что-то узкое, видимо брюки в обтяжку (лосины) длинная светлая рубашка с длинными рукавами, с орнаментом по подолу. Чуть раскосые глаза, нос довольно изящный, тонкий, красивые гладкие темные волосы, расчесанные на прямой пробор, завязаны на уровне лба тесьмой тоже с орнаментом. Ноги босые.

- И вообще я ничего, не красавица, но... Несколько хижин из прутьев и листьев. Живет в хижине с отцом или братом. Внутри ее хижины несколько циновок, сплетенных из веточек, очаг, сложенный из камней, - два круга, между ними желоб. Напротив входа что-то типа ритуальной маски. Свет падает из отверстия в потолке и открытого дверного проема. Дверь из тонкого бамбука стоит в стороне снаружи.

Собирается что-то готовить, стоит на коленях и раздувает огонь. В хижине неожиданно появляется двое мужчин. Ее же тесьмой с головы они связывают ей руки за спиной, хватают под локти и тащат. Она кричит, зовет на помощь, но никто не выходит, все боятся. Уволакивают вверх от селения по тропинке в лесу. Видит, что из своих хижин выглядывают две женщины, мужчин в это время не было. Лес густой, тропический, со спутанными растениями.

Эти двое - воины, слуги, служители какого-то культа. Ритуально разрисованы лица: жирные черные линии бровей далеко к вискам и от носа вниз и в стороны, белые пятна на щеках и желтые на висках, черным обведены глаза. На головах повязки, на них что-то болтается, закрывая частично лицо. Мужчины очень крупные, широкие в плечах, руки здоровые, бицепсы. Они в одежде довольно яркой, легкой, с ритуальными деталями.

Не понимает как, но знает, что хотят убить. Сама - верующая этого же культа. Простые люди никогда не видят служителей и их помещений.

Пещера страшно огромная, хорошо освещенная. Подиум, над ним большая ритуальная маска какого-то бога с выпученными глазами, какое-то языческое божество, страшное.

- Мне как-то не до примечательностей, пугает эта маска.

Шесть факелов, по три с каждой стороны, освещают жуткую маску. Свет неровный, и она как живая. Под ней сидит мужчина, который будет решать ее судьбу. Чувствует, что сейчас ее убьют.

В помещении человек десять, это жрецы. На них темные балахоны, темно-синие или темно-фиолетовые, они в головных уборах. Двое, что ее притащили, стоят сзади. Один из присутствующих - верховный жрец. Он сидит на троне без украшений. У него лицо не раскрашено. Черные длинные волосы до плеч и черные усы, подбородок гладко выбрит, глаза чуть раскосые, но и чуть выпуклые, как у одного из тех, которые ее схватили. Ей он кажется старым, лет пятидесяти. Он в белом балахоне, воротник расшит металлическими украшениями типа чеканки, в рогато-лунном коричнево-фиолетовом головном уборе, лоб закрыт. Рукава его балахона свободные. В руках метра два длиной резная палка типа посоха, сверху расширяется, она темного дерева, изрезана символами.

Он внимательно рассматривает ее без каких-либо эмоций как подходящую или не подходящую вещь. Кивает воинам. Все молчат. Все происходит в совершенной тишине. - Пожалуйста, отпустите меня, я не хочу туда. Хочется кричать, но еле шепчет. Один из мужчин завязывает ей рот, чтобы тишину не нарушала, связывают ей и ноги. Те, что притащили сюда, подхватывают ее и волокут по длинному темному коридору. Горизонтально тащат как ковер, как какую-то вещь. Бездушная слепая сила, они ее олицетворяют.

Спускаются достаточно долго, минуты три, по длинному коридору с уклоном вниз в крошечной тьме. Они, видимо, просто знают дорогу. Неожиданно возникает свет в этой черноте. Пока тащат, несколько раз успевает устать от того, что барахтается, извивается, пытается вырваться, освободиться. Передыхает, чтобы вновь начать сопротивление. Мычит.

Просторное помещение - выбитая в скале пещера, склеп. Три факела горят. Если в первом помещении было сильно освещено, то тут достаточно тускло. Она связана в щиколотках, коленях и руки за спиной. Один из мужчин опускает ее ноги на пол и сразу уходит, а другой запикивает ее в каменный гроб и с трудом, со скрипом задвигает крышку. Он совершенно бездушный исполнитель. Саркофаг довольно глубокий, сантиметров двадцать до крышки. Чуть видит через щель свет факелов. Крышка задвигается. Ей очень страшно, что она там задохнется.

- Надо собраться с силами, мыслями, чтобы достойно умереть.

Пытается дышать последним воздухом, который остался в этом саркофаге. Понимает, что через несколько минут умрет, не сможет освободиться. Начинает задыхаться.

Дух знает, что тело останется, а она выйдет, надо только пережить этот момент смерти. Это не паника, не страшно, немножко мучает неизвестность.

- Мне уже все равно. Тело еще мешает, отдельно от него, но еще с ним связана, оно еще тащит.

На мгновение теряет ощущение себя, потом ощущает себя в теле. Ногам становится горячо, потом они начинают неметь как будто отмирают, и руки тоже немеют. Почему-то не холодно, а горячо, все горячее, горячо в груди. Уже перестала дышать.

- Немного страшно, что я теряю себя. Огромная бесконечность, растворяюсь. Держит это тело, оно тянет назад. Оно уже не нужно, пусть растворяется, пусть уходит. Пытается растворить ту оболочку, потому что "она меня не пускает. Она мне не нужна".

- Я освобождаю себя, я освобождаю тебя.

Оно огромное, огромное, огромное это тело. Оно растворяется. Растворяюсь не я, а то, что вокруг меня. Совсем растворила его. Оно растворяется и, светлое, сгущается. Должна вся собраться, в голове собирается вся.

- Я уйду сейчас через лоб, через точку между бровями.

Ощущение, что растворяется в чем-то огромном, бесконечном. Концентрация светящейся материи. Смотрит на себя большим фиолетовым глазом, сама себя рассматривает. Она что-то небольшое в огромном пространстве. Начинает растворяться в нем. Заполнила собой весь этот склеп, как сиреневый туман.

- Какой я красивый сиреневый туман. Не ограничивает себя какими-то габаритами. Когда знает, что свободна, что ее ничто не связывает, может все рассмотреть. Рассматривает пещеру, видит каменное

подземелье, склеп небольшой, невысокий, какие-то надписи на стенах типа иероглифов. Ровная стена, потом приступочка сантиметров десять, три факела горят.

- Раз горят, значит есть там воздух.

Дверь - шершавый сухой полукруглый камень или опускается, или отодвигается в сторону. Тяжелый каменный неполированный серый саркофаг на двух маленьких подставках стоит у стены напротив двери. Крышка сантиметров десять толщиной, на ней и на боках тоже иероглифы. Не изречениями, строчками, а массами - цельные куски текста, что-то чуждое ей. В нише одной из стен два небольших факела подсвечивают страшную, из темного дерева шаманскую маску с выпученными глазами и круглыми щеками, похожую на ту, что видела в большом зале. Под ней широкая тарелка из плотного темного дерева.

- Что мне тут делать, надо уходить.

Всасывается в какое-то отверстие и по темному узкому проходу.

- Я - сиреневый туман, никуда не спешу.

Впереди розовый свет, становится чуть ярче. Каждый раз какой-то поворот. Это как лабиринт.

- Это даже забавно.

На этот свет летит, как на магнит. Путешествует по лабиринту за розовым светом, гоняться за ним надоело. В каком-то сиренево-фиолетовом мире может превращаться во что угодно, принимает разные формы: яйцо, потом маленький пушистый зверек, теперь появляется ванна.

- Больше всего ванна нравится. Превращается в ванну и плещет на себя воду.

- Так забавно, я могу стать, чем хочу.

Чувствует, что этим забавляться может сколько угодно.

- Но во лбу у меня сидит какое-то обязательство. Чувство, что некуда спешить, сменяется ощущением, что

ей куда-то нужно, надо идти что-то делать.

- Сейчас я оставлю эти забавы и пойду туда, куда меня позовут. Меня не заставляют, но все время напоминают. Они решили, что мне хватит отдыхать, хотят, чтобы я снова родилась. Надо собрать весь этот туман.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

Смеется: "Посылочка богам отправляется. Всех вас обману и буду уже свободной".

"Мучили состояния удушья непонятной этиологии, выражаясь медицинским языком, поставили диагноз "синдром затрудненного дыхания". Это происходило приступообразно и связано было с тем, что "давят" обстоятельства, и чувством невыполненных обязательств. Накатывали приступы стесненности, ощущения нехватки воздуха, безысходности, невозможности вырваться из сложившихся обстоятельств. Возникал страх, что "я сейчас задохнусь". Всегда боялась умереть от удушья, особенно впечатляли сцены из фильмов, связанные с гибелью в подводных лодках, именно связано не с морем или возможностью утонуть, а с нехваткой кислорода в замкнутом пространстве. После сессии симптомы все исчезли и не появляются уже в течение двух лет. Панический страх удушья исчез.

После работы в сессиях с переживаниями "прошлых жизней" возникла уверенность в достоверности происшедших событий, ощущение себя в прошлом было полным. Возникла ясность в связи событий, влияния прошлого на настоящее". Смеется после сессии: "Пару раз умрешь - и так полегчает!"

Африка

1. Жрица храма Изиды, 22 лет. Египет, более 4000 лет назад (7 сессий).

В кругу среди учеников с Учителем, разговор не столько словами, сколько глазами, телепатически. Общение все идет на уровне мысли у людей одной общности, одного мысленного понимания. Глаза действительно передают мысли: в голове зарождается мысль, а глаза видят образы этих мыслей, видят в конкретном изображении. Попрощались в кругу перед инициацией под землей. Это действительно испытание.

- Уходите отсюда, оставьте ее одну.

- Мысли будут приходить и уходить, они будут протекать через тебя. Тебе откроется тайный смысл многих вещей, это будет как озарение. И если ты сможешь пройти до конца это испытание... Ничего не бойся, сохрани волю, сохрани высший разум ясным. До конца надо сохранить самообладание.

Каменный саркофаг сверху закрыли каменной плитой на три дня. Состояние маленького пространства, темнота, отсутствие понятия о времени. Непонятно, где верх, где низ. Душно, жарко, нехватка воздуха, полубессознательное состояние. Отрабатывание свободного расставания с телом и возвращения в него.

Перед глазами темно. Какая божественная темнота! В это время идут "картинки", как озарения. Мое "Я" уходит в глубину до точки, как в тоннель. Не хочу раствориться, я хочу сама понять, кто я есть.

Я прошла инициацию посвящения у своего Учителя, стала лечить в храме Изиды.

Каменное помещение лечебницы. Есть помощники, которые ухаживают за больными. Я - жрица, которая владеет магическими приемами исцеления, имею высокую силу в цели-тельстве.

Приносят на носилках воина, 25 лет. Он светлый, не египтянин. На нем короткая туника. Очень крепкие мускулистые ноги, поросшие рыжеватыми волосами. Он на носилках у моих ног. Я молча смотрю на него, я его не знаю, раньше не видела. Он тяжело ранен.

- Тяжело смотреть, как он мучается, - говорит кто-то из моих помощников, - помоги ему.

- Я не могу ему сейчас помочь.

Я не поняла, не распознала, какая помощь нужна этому человеку, через что он должен пройти. Те, которые мне помогают, меня не понимают, усомнились, посчитали, что моей силы знаний не хватает. Удивленный взгляд.

- Вы меня не поняли.

Он был очень хорошим воином, долг он свой выполнил, опыт уже есть. Для дальнейшего развития ему уже надо оставить тело и умереть, но у него прекрасное тело, и я как бы не могу расстаться с этим телом.

- Я люблю тебя. Я хочу тебя спасти.

Я полюбила этого человека. Ему грозит опасность, я испугалась за него. Мне захотелось помочь, решила его предупредить. Мне не следовало помогать ему магическими способами.

- Не могу расстаться, не отдам его вам, боги.

Я решила поспорить с богами, делаю как бы вызов им.

- Ты получаешь за это наказание. Ты виновата перед нами, пошла против нашей воли. Мы вызываем тебя в круг на совет старейшин.

Утро. На воздухе. Передо мной возвышается полуамфитеатр. На нем сидят во всем белом, чистейшие белые одежды. На груди у всех золотые символические украшения типа больших кулонов, яркие, сверкающие, достаточно крупные. На кулонах второй круг поменьше и внутри изображена звезда. Солнце встает, сидящие сильно освещены его очень ярким светом, они как линза, которая концентрирует на меня эту яркость, это солнце отражают на меня. Не могу поднять на них глаза, свет слепящий. Потемнело в глазах, смотреть невозможно. Я в центре на каменной, чуть-чуть в землю углубленной 50 x 50 см площадке из плотно пригнанных друг к другу плит не идеально гладких. Смотрю в пол, на плиты можно смотреть, они поглощают свет.

- Предстань перед судом. Ты виновата.

У меня к ним чувство глубокого непонимания, что же я плохого сделала. Я из лучших своих побуждений хотела помочь, как они не могут понять. Непонимание вины.

- За что, почему?

- Ты эгоистка, кроме себя никого не видишь. Ты нарушила высшие космические законы. Ты осознала свое поведение?

- Нет, не понимаю, я это еще не готова понять.

- Подумай хорошо. Ты продолжаешь упрямяться. Ты должна осознать свою вину. Смири свою гордыню.

- Это непостижимо, я никогда не смогу это понять до конца. Это выше меня, я могу к этому только стремиться. Понять сейчас это я не готова. Я должна работать над собой, мне надо в себе разобраться.

Ничего не понимаю, запуталась окончательно, в голове неразбериха, все перемешалось. Я теперь уже и сама не понимаю что откуда.

- Сомневайся внутри себя, проверяй свои мысли. По-твоему никогда не будет. Ты будешь рабом своего тела, будешь подчиняться его желаниям, пока не смиришь свою гордыню. Смирись.

Все расплывается перед глазами, внутреннее смятение.

- Опusti голову, ты не можешь смотреть в глаза нам. Вокруг на меня смотрят осуждающе. И я ничего не могу

сказать им в свое оправдание. Под их взглядами начинаю понимать свою вину - мой эгоизм. Решила, что без их помощи, поддержки смогу чего-то добиться, без них обойдусь. Материальная реальность оказалась выше духовного познания. Осознание этого идет без слов.

- Мне нечем оправдаться. Да, я согласна, я виновата, я этого заслуживаю. Я беру ответственность за свой поступок на себя.

Это поняла я при прохождении одного из посвящений, поэтому добровольно соглашаюсь обрабатывать это на Земле.

Помещение в форме стога сена, не вижу ни окон, ни дверей. Мы с Учителем сидим друг напротив друга. В помещении темно, но какой-то внутренний свет, мы оба светимся. Идет общение, это состояние для меня близкое, родное. Учитель более земной человек, мы с ним по духу в более близких отношениях, с большим пониманием друг друга. Спокойный разговор, может быть даже мысленный. С моей стороны внутреннее согласие. У нас с ним душевные, теплые отношения.

Меня проверяют: готовят пары противоположных действий и смотрят, какие внутренние реакции у меня возникают. Соврать я не могу. Учитель смотрит, какой центр еще слаб, какие эмоции еще вызывают раздражение. Просто называются эти пары (любовь - ненависть, добро - зло и так далее). Голова У| меня спокойна, а вот вторая и третья чакры*¹ реагируют. Они|

в^евибпи?тм" КолесCO> Т6РМИН йОга, Означающий силовой в виде вибрирующего потока внутри энергетического тела челове-

азались не отработанными. Он знал и понимал мою сла-й сть а я уверенная сидела, самонадеянная.

- Я люблю его. Все перепуталось у меня в голове, как очну-ась ото сна. Все отрывочно, не понятно. Хочу понять, Учитель, что со мной?

- Тебя ослепила земная любовь. Ты потеряла контроль над своими чувствами, ты не смогла совладать со своими эмоциями ты отдалась воле чувств, ты стала обычной женщиной. Ты пренебрегла высшими законами, решила переступить через них.

Меня это так поразило, я уже плачу, у меня и рыдания, и заболевание.

- Твое тело не слушается разума. Ты не сумела до конца подчинить свое тело разуму, своему высшему "Я". Ты опустила (сошла) в реальность, У меня знание еще есть, но я теряю высшее понимание слов, я их уже не ощущаю. Я заболела, раз я стала обычным человеком.

- Трудно передать, я не могу выразить словами свои чувства, не могу сказать.

Мы понимали и выражали мысленно все, прекрасно ощущали. Когда я выразила земную любовь, разговаривая с Учителем, я уже не смогла выразить чувства словами. Нет таких слов, чтобы выразить чувства. Я лишилась, потеряла эту способность выражать без слов. Это вызвало головную боль, от этого и растерянность. Острая боль пронизала все тело.

Ненависть, во что-то черное погружаюсь. Почему я пала? Мне захотелось земного проявления любви, а не в высшем понимании. А в результате у меня ненависть возникла и к этому мужчине, который вызвал чувство земной любви. Проснулось чувство низкого проявления, нехорошая сторона. Сильное раздражение и ненависть к нему, что я потеряла высшее зрение. Все нежелательные проявления вышли наружу. Потемнело в глазах, свет померк, и душевное такое же состояние. Чувство обиды, что я стала обычной женщиной, потеряла свою индивидуальность.

- Я стала обычной женщиной, я теперь такая, как все. Я не могу поднять головы, я не могу смотреть Вам в глаза, Учитель, мне стыдно. Как мне от этого освободиться?

Я не могу говорить, слезы мешают говорить, сдавливают горло.

- Ты поспешила, не поняла моих предупреждений.

Сижу согнувшись, негативные эмоции внутри прокручиваются. Возникают низкие проявления из этих пар, из глубины Идет, из телесного проявления. Я не могу их уже заглушить в

себе. При инициации перерабатываешь, умеешь владеть ими, а здесь я уже не могу с ними справиться, и они произвольно поднимаются. Происходит внутренняя встряска. Я уже не понимаю, что говорит Учитель, лишилась понимания более высокого смысла того, что он говорит. Не могу на него глаз поднять. Его слова понимаю как обычный человек.

- Я Вас не понимаю. Не ясно, мысли разбегаются, я потеряла способность ясно мыслить, четко передавать свои мысли. Забыла, забыла, все забыла.

Это говорю тихим голосом в смятенном состоянии. Я очнулась после встряски, которая меня пронизала, может быть, и сознание в этот момент потеряла. Совершенно опустошенная голова, полная потеря знаний, которые у меня были, как вышибло.

Мне стыдно перед ним. У высокоразвитых духов нет такого чувства стыда, они равны между собой, не испытывают низких чувств, а здесь появилось чувство стыда, страха, вины. Появилось чувство уже какое-то рабское, приниженности, неприятное очень чувство. И чувство зависти к нему, что он остался таким, и злости, что не предупредили. Все низшие чувства получили развитие, все чувства, которые обуревают низких людей.

У Учителя проснулось чувство жалости ко мне. Он прочитал мои мысли, он прекрасно понимает. В какой-то степени и он пошел за мной, не сумев перебороть чувства жалости ко мне, он просто пошел за мной.

- Я знаю, какие чувства тебя сейчас переполняют. Мои мысли ты поймешь значительно позже, когда

сама, пройдя через все испытания жизни, достигнешь" уровня Учителя.

Переживает чувство Учителя. Он хочет поднять меня из моего состояния.

Сейчас в роли Учителя. Сколько чувства любви у него к этому павшему. Необыкновенная любовь, но, правда, с примесью жалости.

Понимает, что из-за сочувствия, сожаления Учитель сам опускается по тону до уровня своих учеников, остается на Земле, остается со своими учениками, чтобы потом вместе с ними поднять их до высокого уровня.

- Я еще не отыграла, я еще не веГсь опыт познания на Земле прошла. Я хочу испытать себя на прочность.

- Я рад за тебя, что ты сумела это понять. И я понимаю, как тебе тяжело было в этом признаться после стольких лет занятий. Эти знания не исчезнут бесследно, они к тебе вернуться, когда ты осознаешь в полной мере и сможешь ими воспользо-

ться когда ты сможешь преодолеть свою зависимость от тела, когда твое тело сможет подчиниться твоей воле. Дальше из жизни в жизнь ты пойдешь одна. Мы не оставим тебя. Из жизни в жизнь я буду сопровождать тебя. Это будет помогать, давать тебе силы и уверенность в себе. Ты будешь чувствовать наше присутствие, но помощи не жди. Каждый должен свой опыт пройти сам, без чьей-либо помощи. Только ты сама должна все понять, пережить и прочувствовать каждую мысль из приобретенного тобой знания. Тебе придется пройти через многие испытания. Ты будешь переходить из жизни в жизнь за опытом, за своим духовным обогащением и пониманием величия Творца. Когда мы встретимся с тобой, когда я пойму, что ты достигла уровня понимания Учителя... Поздно, изменить ничего нельзя, это не в моих силах. Прими испытания достойно и пройди их с честью. Выбор сделан. Ты сама захотела остаться здесь, на Земле.

- Ты получила наши наставления, а теперь иди, не бойся, мы всегда с тобой. Я в тебя верю! Не бойся, иди смело.

Прощание в кругу соратников. Расстаемся на какой-то промежуток времени, чтобы, пройдя определенные испытания, встретиться вновь. Главное, чтобы каждый что-то свое принес в этот круг. Кто готов что-то взять на себя, тот встает в круг, ему дается определенная ситуация. Первое посвящение в знания прошла там, а это - второе, отрабатывать эти знания. Я добровольно соглашаюсь играть в эти игры, но и со страхом, и

душевым трепетом.

Эти тысячи лет я должна идти сама, проверяя, что такое добро и зло применительно к себе. Должна сама, познавая космические законы, проверять на физическом уровне, на физическом теле, когда "больно".

- Все действия добровольны, это твое желание, это твоя воля. На все испытания ты идешь добровольно. Ты сама себя контролируешь. Проверь свои мысли и дела сердцем. Слушай его, что оно тебе подскажет.

Я в коричневой одежде странника, паломника спускаюсь по ступенькам в подземелье. Сильный страх, хочется вырваться из своего тела, чтобы избежать этого. Впереди и сзади идут с факелами. Глубоко вниз как в черную яму, как туннель. Жутко очень.

- Не могу войти в это состояние, мне еще рано туда, я не готова. Я очень устала, выбилась из сил, я не могу дальше идти, ноги не несут меня, силы меня оставляют. Я обычная женщина со слабым телом. Я переоценила себя.

Храм глубоко в скале, очень темная пещера. Полная темнота. Выбитое в скале изображение богини Изиды, снизу под-светка. Пробирает озноб от страха, хотя там, видимо, не холодно. Как мне хочется вырваться отсюда. Боюсь, страх сковывает, страх перед неизвестностью. Некоторое оцепенение. Жутко. Сдавливает горло.

- Ты готова мужественно принять наказание? -Да.

Передо мной один из старейшин, который был на суде в очень белой одежде. На груди большой круглый золотой, очень блестящий кулон. Церемония, когда подносится чаша и выпивается.

- Прими это, она безвкусна, пей.

Сажу вся сгорбленная. Перед этим был длительный пост, потом на голодный желудок что-то пью, очень горит желудок. Слова идут очень объемные, напиток вызывает такое состояние, уши закладывает. Голос звучит откуда-то сверху, он четкий, необыкновенная акустика, и он как будто со всех сторон тебя окружает, как будто все участки тела это запоминают.

- Гипноз. Полная тишина.

Приказывает: "Смотри. Ты постепенно засыпаешь, глаза закрываются, усталость окутывает все тело. Ты больше не владеешь собой, ты не подчиняешься своему разуму, ты послушна судьбе и воле обстоятельств. У тебя нет своей воли, ты - раба и отныне будешь выполнять волю хозяина, ты - исполнительница чужой воли".

На висках пластинки металлические прямоугольной вытянутой формы, они усиливают действие гипноза, что-то проводят глубже, от них что-то проходит внутрь. Болят виски. Для большей чувствительности сбрили волосы. Боль пронизывающая, она концентрируется в центре лба и идет в область над бровями.

- На сегодня хватит. До завтрашнего дня ты будешь спать. На следующий день мы продолжим.

Сажу на коленях согнувшись. Затекают ноги, уши закладывает. Абсолютная давящая тишина. Ощущаю, что воздух под землей очень тяжелый.

- Ты сейчас заснешь. Когда очнешься, ты ничего не будешь помнить. Все тайные знания, полученные от нас, ты забудешь-Исчезнет тайный смысл слов, тебе недоступным будет наше учение. Ты не сможешь больше исцелять. Ты будешь обычным человеком. По жизни ты должна пойти одна, мучаясь от собственного эгоизма. Тебе придется все постигать по-новому на

своем жизненном пути. Из жизни в жизнь будешь проходить, забывая, что с тобой случилось, и каждую жизнь проживать как последний раз, и каждый раз познавая и принимая для себя Воспоминания будут перекрываться. Боль будет отключать память и высшее духовное сознание. До тех пор, пока ты не осознаешь... Когда ты познаешь жизнь до самого низа, придет освобождение. Пройдя через боль и испытания, тебе вернутся

прежние знания.

Сеансы три раза по 15 мин, между ними там постоянно сплю. Дают что-то пить в сосуде типа пиалы, вырезанном из камня, гладком на ощупь, очень хорошо отшлифованном, с круглым дном, его не поставишь. Вытянула руки, взяла, держу сосуд. Это уже второй раз, и у меня от одного вида уже спазмы внутри. Желудок пустой, сразу загорается боль. На вкус что-то терпкое, с горчинкой.

- Опять начинается боль в желудке, судороги сводят тело.

Мне плохо, мне больно.

- Отныне всякое сопротивление высшей воле будет приносить тебе эту боль. Ты раба тела, ты подвластна телу.

- Не смею спросить, не знаю, что сказать. Не могу к вам возвратиться. Совсем запуталась... Разум помутился. Апатия, безразличие, безволие.

- Ты вся в себе, не замечаешь ничего вокруг. Внимание все на себя, подчиняешься своим желаниям. Забудь. Мы лишаем тебя духовного зрения, мы лишаем тебя всех тайных знаний, ты ничего не будешь помнить. Руки твои бессильны, они лишаются целебной силы. Ты лишаешься накопленного опыта. Ты погружаешься в небытие. Тебе все предстоит познать сначала. Забудь. Ты ничего не помнишь. Ты ничего не знаешь, все забыла. Ты лишаешься своего посвящения. Терпи. Завтра ты проснешься обычным человеком. Ты забудешь все, что с тобой делали, ты ничего не будешь помнить, что с тобой происходило. Ты очнешься как после тяжелой болезни, попытки вспомнить будут вызывать боль в голове и отключать память.

Состояние оглушенности, как в дурмане, в бреде. Желудок болит. Воздух тяжелый усиливает состояние бессознательности. Ощущаю страх и угнетенность.

Они уже тогда знали, что при бессознательности как программа записывается. Очень мощное использование одурманивающих средств: напитков, гипноза. Понимаю, что в этом состоянии с человеком можно делать все, что угодно.

- Я ничего не понимаю, все перепуталось в голове, ни одной мысли. Ум младенца, отсутствие мысли.

Состояние как летаргический сон - полусмерть, полуночь. Уши закладывает, как при погружении в воду. Выносят из храма на носилках под закрытым паланкином в состоянии бессознательности. Пронесут молча. Ощущаю покачивание. Отнесли в какую-то хижину, подбросили как паломницу к храму, будто в дороге заболела. Вернули в мирскую жизнь, сделали, чтобы это было правдоподобным. Ритуал придуман: выбирают бездетную семью, которой можно поручить этого человека. Праведная семья, хорошо живут между собой. Те с радостью принимают как дочь. И они удочеряют, выхаживают и дают вторую жизнь. Этот человек воспринимает их как своих родителей. Когда говорится, что послан Богом, это, видимо, и есть такой ребенок.

Такой наивный взгляд на жизнь, когда от этого отходишь. Когда переболел этой трудной болезнью, первые шаги как у ребенка. Состояние, что обновился, состояние невинности.

В хижине. Ничего не помню, состояние как после жуткой, тяжелой болезни. Бездетные муж и жена оставляют у себя. У них средний достаток.

В течение трех-четырех дней после гипноза:

- Не узнаю, не могу понять, где я нахожусь. Как я сюда попала, не понимаю. Что со мной произошло, я ничего не помню, что со мной делали? Я ничего не могу вспомнить. Не могу понять, что со мной происходит, во сне я или наяву, на этом или на том я уже свете. Я не помню, откуда пришла, что я здесь делаю. Как болит голова, даже думать не могу. Боль не дает ничего вспомнить. Чернота и мрак перед

глазами.

- Вы просто были тяжело больны, сейчас Вы поправляетесь.
- Воды.
- Почему я не чувствую вкуса воды? Вода безвкусная.
- Вы что-нибудь будете есть?
- Нет, я не хочу есть.
- Скушайте хоть несколько ложек. Взяла ложку, сразу боль в желудке.
- Не могу. Кушанье безвкусное, я не чувствую совсем его вкуса.

Не могу есть, во рту горько, сухо, желудок болит. Я вся мокрая, тело липкое. Как от меня неприятно пахнет. Душно. Состояние как ломка у наркоманов, колени болят, суставы ломает.

- Ничего не могу вспомнить, что со мной было. Я как во сне. Со мной происходило что-то ужасное, жуткий осадок остался. Не хочу об этом помнить.

Идет тяжелое выздоровление, но мысли о моменте пугают. Не помню, что произошло, состояние ужаса туда не пускает. Состояние слабости после болезни и радости рождения, что появилась на свет, что это не так страшно, как казалось. Открываю глаза в состоянии радости и невинности, что все впервые, чувство достаточно светлое.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

Кто бы мог подумать, что это так далеко, так глубоко корни моего характера, ощущений. "Мне нечем оправдаться", - это состояние так созвучно со школой. Были провинности, и, когда поднимали, всегда безмолвно молчала, опустив глаза. Ощущение одно и то же. В школе в младших классах этого не было, а в старших появилась замкнутость, отделение от коллектива.

Если там, в храме, боязнь этого неведения, темноты незнания, то здесь радостное ощущение, что приходится все открывать с чистой страницы. Там угнетало и пугало, что перед тобой закрывали твое духовное знание, а здесь радуешься, что начало. И там и тут "не вижу", а восприятие разное. Но боязнь испытания еще есть. Там при инициации подсветки нет, там действительно полная темнота, ложишься как в могилу, мрак должен быть полнейшим, темнота, в которой не различаешь ничего. В этой темноте скрыт очень глубокий смысл - это знание, но без опыта. Это тоже практически незнание. Только когда соединится темнота со светом, только тогда они дают третье. Крест. Знание, познание дают нечто третье. Бытие? Наверное, это то, что мы и должны принести. В жизни черное и белое дают понять, что и испытание само по себе прекрасно.

Страх перед этим меньше, чем то удовольствие, когда познаешь. Страх перед познанием рассеивается, а остается еще страх расстаться с материальным. Должна была пройти посвящение смертью, чтобы душа попыталась выйти из тела, чтобы показать, что это тоже не страшно. Ассоциация, как бабочка вылезает из кокона, так душа освобождается от этого кокона, который стягивает. Когда засовывали душу в тело при рожд^{ни}и видимо, идет отсюда нежелание возвращаться в тело, понимание, что как просторно душе.

Интересно, что во время болезни корью и были подобные ощущения, что запуталась окончательно, ничего не понимаю, в голове неразбериха, все перемешалось, и тогда же была пере-

кличка с этой жрицей и пошло осознание мыслей этой ин-граммы. Болезнь рестимулировала этот материал. В эзотерике говорится, что в основном включение осознания идет именно через болезнь. Все великие мистики проходили этим путем, те кто пережил опыт смерти, тоже.

Промелькнуло несколько воплощений. Каждое воплощение чувствуется по состоянию души. Сначала была высокая душа, потом наивно-детская, а чем дальше, тем все более земная углубленно-материальная. Скатывание из этого высокого состояния. На воплощениях проглядывается шкала состояний души, каждое воплощение имеет определенный уровень на шкале. Шкала от безмерного счастья к умиранию, погружению в материю до точки умирания, это самое глубокое погружение в материю. Так жрица переходила до сегодняшнего состояния. Корь была смертью и воскрешением, возрождением. На шкале каждая инграмма соответствует определенной эмоции, по которой я спускаюсь в самый низ.

Каждый из разделов знания, который там давался, должна познать воочию, как задание на каждую жизнь. Все, что давалось там на словах, в мыслях, в ощущениях, должна отыграть здесь в реальности.

На груди на совете у всех золотые символические украшения типа больших кулонов, всегда не могла терпеть кулоны.

Там я беру ответственность за свой поступок на себя, зато в этой жизни не беру никакой ответственности, стараюсь ее всячески избежать.

Была потрясена, когда прочитала после этого книгу Элизабет Хейч "Посвящение", что мои учение и посвящение проходили именно так, как в книге, что в книге правда. До процессов не интересовалась

эзотерической литературой, ничего не читала и толком не знала.

Заметки аудитора:

Даю для сравнения выдержки из книги Хейч Э. "Посвящение" (160).

"Приближалось время отъезда чужестранца. Во многих отношениях я могла быть удовлетворена, прежде всего как женщина. Его поведение теперь резко изменилось, он весь день ждал наших встреч и, оказывается, восхищался мной с первого взгляда, как увидел меня, и все же я не была удовлетворена. Наоборот, я была в постоянном беспокойстве, волнении. Я ой" ла уверена, что мой интерес к нему идет не из женского инстинкта, моей низшей природы, так как я все время наблюдала и контролировала себя. Но моя верная служанка находила, что У меня все признаки влюбленности и радовалась, что я, наконец "расцвела". Однако она ошибалась, потому что судила с земной точки зрения и не была в состоянии понять, что я не могу и не должна никогда влюбляться и что сейчас тоже не влюблена.

Он был не моего типа и физически казался мне странным, даже отталкивающим... Потом все произошло с быстротой молнии... Я испытала шок. Я хотела разбудить его "Я", а вместо этого он влюбился в меня. Я не хочу земной любви, я хотела привести его к Богу. Но он видел во мне только женщину, он не поднялся над чувственностью. Он не видел меня, он не понимал, что любит не меня. Я не существовала для него, он просто любил мое тело... Теперь я поняла, что люблю его...

Распростершись ниц перед Птахотепом, я молча молила его о помощи и спасении, о возвращении в царство духа, которое я потеряла. Но я не услышала ответа, я потеряла все. Лежа в своей спальне во дворце, я хотела одного - умереть. Но я уже не управляла ни своим умом, ни своим телом и была бессильна оставить тело по своей воле. Я пошла в храм, к двери подземного перехода, ведущего к великой пирамиде, надеясь, что дуга завета уничтожит мое тело. Но перед каменной дверью я как будто натолкнулась на каменную стену и догадалась - ультравещество! Материализованная ненависть! Медленно я добрела до своей кельи, и там меня охватили видения прошлого: я видела туманную фигуру, ставшую огненным существом, и себя тоже, начавшую гореть, я слышала голос, повторявший тысячи раз: "Встретимся снова, встретимся снова..." "Нет! - воскликнула я, - я ненавижу тебя!" Огненная фигура засмеялась: "Пока ты ненавидишь меня, ты любишь меня, и я имею власть над тобой... мы встретимся снова". Я узнала глаза и голос, перед которыми не могла устоять. Во всех бесконечных жизнях, которые я могла вспомнить в видении при инициации, я всегда искала тот же голос и те же глаза во всех бесчисленных мужчинах, которых я встречала в этих жизнях. Во всех мужчинах я искала того человека, которого я любила вечной любовью, каждой каплей крови, - единственного мужчину, "моего" мужчину, образ и подобие моей дополняющей половины...

Но ты привязала себя к своему телу. Чувственной любовью ты низвела божественную силу в свои низшие нервные центры "сожгла себя". Поэтому твоё сознание вместе с твоим духовным телом приковано к твоему материальному телу, ты навсегда моя пленница!... Мое духовное тело было приковано к мумии... Но наконец пришел момент, когда я почувствовала Риолижение более мощной силы, чем привязавшая меня к УТМии, которая теперь высохла, сморщилась и являла собой

ужасный облик духа материи. Эта новая сила потянула меня куда-то, и я потеряла сознание.

Два человека, связанные со мной в своих душах, соедини-лись и дали мне возможность войти в тело, соответствующее природе и уровню моего глубоко павшего сознания. Так как я пала, будучи женщиной, я должна была родиться женщиной снова и снова... Я прожила несколько незначительных, бессодержательных жизней одну за другой, все в туманном, полуживотном состоянии сознания, и все они служили только тому, чтобы пробудить мою эмоциональную жизнь".

22. Арделион, один из верховных жрецов Египта, подвергается воздействиям, отключающим его сознание. Главный жрец Египта - его брат Элшон. Около 4000 лет назад (5 сессий, сокращенный вариант).

- Сейчас подожди.

Это говорит служитель, он поклонился, когда я вошел. Дворцовое затемненное помещение, высокие потолки. Слуга открыл дверь. На мне длинные белые одежды. Это дворец фараона. Навстречу встает жрец, он останавливает меня жестом. Низкий столик, рядом три низких плетеных кресла. Он предложил мне сесть. Двери на сторону фараона золоченые. Обрамляет дверь рисунок как бы коричневой волной. Потолок высокий, свет где-то высоко проникает с улицы. Стена мраморная.

Я сажусь в кресло, у меня злость и намерение высказаться по поводу методов, применяемых другими жрецами в моей школе. Злость кипит. В приемной советник фараона. Хочу доложить непосредственно фараону. Его сын учится у меня. Я могу входить к фараону без разрешения главного жреца. Главный жрец часто меня удерживает от эмоциональных всплесков, часто мне говорит, что я не сдержан. Сидя сейчас в кресле, ужасно злюсь.

- Он ничего не добьется!

Брат - главный жрец Египта. Мне 43 года, ему 47. Он загорелый, смуглый, бритый череп блестит, пронзительные глаза, впалые щеки, выглядит очень изможденным. Сандалии на толстой кожаной подошве с лялочкой только для большого пальца. Я ниже своего брата почти на целую голову.

- Ну почему нужно отправляться твоими руками? Это вечный наш спор. Чего ты добьешься своими жесткими методами? Невозможно учить такими методами. Ты только обозлишь их, сделаешь из них зверенышей. Только личным примером. Нельзя наказывать, никогда нельзя наказывать. Вечность нас рассудит. Боль - это не метод. Я погляжу, как ты сам пойдешь на это. Ты же трус, ты струсил в последний момент, ты сам же не выдержишь. Кто это все решил? Почему кто-то должен ре-Щать за меня? Никто не имеет права властвовать надо мной!

- Мы должны подчиниться мнению большинства. Мощное возмущение, что это за "большинство".

- Почему?

- Таковы условия эксперимента, все забыть и все начать заново.

" Я не согласен.

- Но ты понимаешь, что мы должны отработать на практике все высшие принципы.

- Неужели это нельзя сделать каким-нибудь другим образом?

- Предлагай. Не оставаться же века на одном и том же уровне сознания. Это ничего не прибавляет к уже имеющимся знаниям. Что тебя смущает? Мы просто в это поиграем. В общем это и не так долго: эти века на Земле - одно мгновение ты и сам не заметишь, как все кончится. Потом сам будешь сожалеть, что все кончилось. Согласись, ведь это даже забавно. Если серьезно захочешь, ты можешь прекратить это в любой момент.

- Я сомневаюсь, как можно сделать это, ничего не помня.

- А ты только пожелай этого.

- Я не верю.

- А сам же и проверь.

- И что, все пойдут на этот эксперимент?

- Да абсолютно все. Так было решено. Ты можешь и не подчиниться, но тогда тебе придется удалиться.

- Это куда же? Мы же единая команда. Вы что же так легко исключите меня?

- Право выбора все равно остается за тобой. Ты же знаешь, без твоей воли ничего не может произойти. Почему мне надо тебе это доказывать, почему ты такой упрямец?

Я сам удивляюсь своему сопротивлению, я чего-то боюсь. Я боюсь потерять контроль над ситуацией. Все забыть, это так неприятно, столько тысячелетий наработок.

- В эти игры мы уже сыграли, мне наскучило и хотелось бы чего-нибудь новенького. Я стал довольно консервативным, наверное, старею. Что-то я в этом воплощении быстро состарился, я чувствую себя многовековым стариком.

- Видимо, ты прав, пора прервать связь времен. И нам придется испытать до конца чашу забвения. Я не хочу сейчас умирать так рано.

- А ты и не умрешь, ты просто все забудешь. Все накопленные тобой данные сохранятся и вернуться к тебе. В этом-то ты не сомневаешься? Все это заложено в программе, ты все это сам прекрасно знаешь. Почему я тебе все это должен доказывать, и почему мы с тобой спорим? Мы всегда были едины с тобой во взглядах. Меня удивляет твоя нерешительность. Чего ты боишься?

- Я боюсь не за себя, выдержат ли они.

- Ну чего ты вечно за них беспокоишься, пора отпустить их в самостоятельный путь. Каждый покажет, на что способен,

каждый проявит себя. Или ты не уверен в их знаниях и силах/ -Г-и что признаешься, что плохо учил?

Вечно ты носишься с ними, как курица с яйцом. Это в высшей степени глупо. Отпусти, отпусти без оглядки.

- Не могу, у меня сердце надрывается, болит за каждого из них. Столько трудов вложено.

- Так было решено на Верховном совете. Они все отправляются этим путем, все твои ученики. Это будет делаться с их согласия. Так решено большинством, твое мнение уже не учитывается, ты тоже пойдешь этим путем, ты должен осознать необходимость этого. Только в практике жизни они познают все, только пройдя полный цикл, только падая, они узнают, что такое подъем, только будучи побежденными, они узнают радость победы. Ты хочешь лишить их радости жизни. Ты сам видишь, что чистые знания ничего не дают, таким путем они не постигнут мир. Их следует отправить, ты должен отправить их сам. Твои теории, твои построения не спасут их. Ты их можешь учить века, но это ничего не дает им для практики жизни. Ты согласен со мной?

- Я соглашаюсь скрепя сердце, мне жаль их, я не хочу отпускать их от себя. Мы пройдем этим путем вместе.

- Нет, убери свои амбиции, они пойдут сами. Дети когда-нибудь вырастают, отпусти их. Ты будешь с ними всегда рядом, ты будешь наблюдать за ними издалека. Твои птенцы оперятся, ты будешь гордиться ими, ты будешь радоваться: их победы - твои победы. Так будет всегда, ты будешь разделять это с ними.

- И где же эти знания сохранятся, когда мы будем в беспамятстве, кто их сможет сохранить?

- Не беспокойся, цепочка передачи их не будет прерываться. Постоянно будут живые носители - это наши представители. Это как передача живого огня по цепочке от учителя к ученику. Где-то эти знания будут как бы иссякать, но потом они будут появляться вновь. Это спиралеобразный процесс извечного повторения. Извечное движение вперед, все как бы повторяется, но каждый раз на более высоком эшапе.

- Мы будем владеть миром. Знание - это сила. Чувства мешают, чувства только тормозят в развитии, ты тратишь на них свою божественную энергию.

- Нет, правда на нашей стороне. Сила сострадания, проникновения в чужую боль. Сила в любви, только энергия любви создает миры. Мы проверим это на практике. Мы встретимся с тобой и подведем итоги. Я желаю тебе достойно пройти этот путь. Будь милосердным, ласковым, сострадательным, я призываю тебя к этому. Мы с тобой встретимся, это будет еще так не скоро. Ты найдешь меня. Опыт столетий научит тебя многому.

Я сижу в том же зале, где ожидал фараона. Он вскочил, ходит по комнате, говорит, что логика, путь знания... Только этот путь достоин.

- Ты не прав. Знания сердца, интуиция, тонкость чувств эстетика, искусство, литература, живопись - это путь. Утонченное восприятие реальности, память сердца, боль и страдание за других - это проникновение в сущность вещей. Ты очень жесткий, с тобой им больно, я хочу защитить их от тебя. Я хочу научить их любить всей гармонией этих чувств, материнской и отцовской любви, любви к отечеству, чести и достоинству, когда они смогут жизни положить за эти понятия. Любовь к отечеству, к Земле, это сейчас наш дом, это дом наш на века. Они полюбят Землю, они научатся служить ее интересам, научатся беречь ее, я их буду учить этому. Маленькие дети ее неразумные, как много пришло сюда таких неразумных. Как больно за них, как хочется помочь, как хочется ускорить их развитие.

- Вечно ты желаешь вмешиваться в развитие, вечно торопишься. Все идет своим чередом, все идет как предписано. Не хочешь ли отдохнуть от своих вечных усилий? Передохни, забудься, отвлекись, поиграй в это с ними, это будет очень забавно.

Сижу, задумался, начал представлять...

- Поиграть в это интересно. Посмотрим, что из этого получится, кто из нас прав. Мы с тобой извечные половинки одного целого. Мне всегда не хватало твоей логики, а тебе не хватает моей чувственности. Спор беспредметен, истина в единстве этих двух начал. Готов отправиться в этот путь. Начинай. Как смешно, что я это получаю из твоих рук. А кто же будет отправлять тебя? Фараон еще малолетний.

- Исхимус будет рядом с ним.

- Береги его, он еще так не разумен, одиннадцать лет. Научи его всему, что требуется... Нельзя полагаться на его (фараона) решения, он слаб умом, он способен лишь картинно восседать на троне. Тутанхамон вырастет и займет его место, мальчик делает большие успехи, он слишком умен для своего возраста. Индивидуальная программа, политики не касайся, • этим займутся другие. Боевые искусства, армия, не увлекайся этим. Египет не этим прославлен. Разумность в политике, крестьянский вопрос, продовольственные программы, запасы на три года. Бывают годы неурожая, помогайте справиться народу-

Не ужесточай политику, им так трудно. Кого ты назначишь руководителем школы?

- Ахменона.

• Он слабоват, но я согласен. Он порядочный человек и знает свое дело. Пора кончать ему писать манускрипты, он способен на большее. Проверишь его в деле. Его ученость известна всем, он снискал уважение народа. Как сегодня жарко, прикажи принести мне воды. Нет, есть я не буду, я в жару мало ем. Прибыл ли гонец? Мы ждем его вторые сутки. Что там случилось? Не военные ли действия.

- На границе пока все спокойно. Во внутренних провинциях были небольшие волнения. В жару много больных: кишечные инфекции, диарея. Мы послали туда травы. У нас мало врачей, мало обученного персонала, их очень долго учить. Магия требует тренировки, развелось много шарлатанов.

- С этим тоже надо разобраться. Мало школ, не хватает кадров, мало учителей, народ неграмотен, процветают дикость

и суеверия.

- Ты как всегда слишком многого хочешь. Где средства взять, не вести же войны.

- Мы столько лет прожили в мире. Благополучие нации зависит от этого.

- Что ты пьешь?

- Всегда простую воду.

- Добавил бы цитрусов, они лучше утоляют жажду. Что у тебя все как-то попросту, как будто ты не сын Акменона, как будто не вырос в этом дворце, а сын простолюдинки. Я всегда удивлялся, глядя на это.

- Отец тоже не понимал.

- Тебе бы жить в хижине. Ты никогда не умел ценить преимуществ аристократизма, ты как плебей, ни осанки, ни манер. Ты вечно обращаешь внимание на рабов. Это их участь, это их путь. Цивилизация еще не созрела для этого. Ты и здесь торопишься, ты вечно торопишься, торопыжка ты мой.

- Ну спасибо, брат, первые ласковые слова от тебя слышу. Как ты останешься один? Кто будет наставлять тебя на путь истинный? Кто поймет тебя так, как я. Мы так надолго расстаемся. Береги себя и мать, она уже такая старенькая. Приставь к ней Земуса, он любит ее, он ее не обидит. Ее легко ранить. Как не стало отца, она такая стала обидчивая. Она совсем одна, нам некогда даже с ней поговорить. Заходи к ней почаще, присматривай за ней. Мне так не хочется оставлять ее, это будет еще один удар для нее. Смягчи этот удар, будь к ней поласко-вей, она заслуживает этого. Она столько дала нам, я столько получил от нее ласки и тепла.

вы.

- Но ты младший, ты всегда был ее любимчиком, она баловала тебя. Я всегда удивлялся, как это разрешал отец. Мен» растили более строго, да и в школу меня отдали раньше, в пять лет. Ты был слабеньким, вот она и баловала тебя, вот ты и вырос таким нюней: любовь, сострадание... Надо быть более жестким, не давать чувствам владеть тобою. Ничто не дрогнет в моей руке, несмотря на то, что ты мне брат. Я исполню, как было решено, волю старших. Ты все забудешь.

На общем совете. Амфитеатр, в белых тогах, бритые голо-

- Совсем уничтожить жалко, решили захоронить в капсулах. Когда-нибудь это обнаружат.

- Они же ничего не поймут, носителей знания не будет.

- Мы сами все вспомним.

- Истина очень проста, а потом наплетут, насочиняют с три короба. До чего же люди любят все усложнять. Все устроено очень просто.

- Ой, нет, не могу.

- Ну дай ты им поиграть в эти игры, если им так хочется. На то была воля Создателя.

- Никто на самом деле не знает его воли.

- Узнаем только в конечной точке, пройдя весь путь. Но это все еще очень не скоро.

- Ты все выдумываешь, весь мир - это иллюзия, наша выдумка, это все только сочинено.

- Теперь надо отыграть весь сценарий. Все роли расписаны, примеряй на себя любую, которая понравится.

- Ой, как у тебя все просто. А не натворили бы они бед бесконтрольно!

- На это тоже есть сценарий. Любой исход предусмотрен, если на этот раз так, то в другой раз иначе... Все повторяется по своим законам, циклам, все подчиняется единым законам Космоса, Абсолюту. Во всем мироздании действуют одни и те же законы, куда бы ты ни улетел. И здесь, на Земле, жизнь подчиняется тем же единым законам.

- Это дается каждому из вас. Самая мощная энергия - творческий импульс и жажда познания, но они ничего не стоят без объединяющей энергии любви, энергии добра и света. Все это единый созидающий поток жизни.

На этом мы и расстанемся, каждый пойдет своей дорогой - В конечной точке встретимся. Каждому придется отчитаться за содеянное (в религиях, когда они на это выходили, звучало, «^о это страшный суд, а это просто отчет о содеянном).

Отчетный период начался, посмотрим список ваших дел, о что создал на этой планете. Разрушителям предстоит более легкий путь, они в плену своих иллюзий. Они и вас будут втягивать в этот иллюзорный мир, они и вас втянут в свои жестокие игры. Кто-то из вас и поддастся, а кто-то весь путь сможет пройти достойно, насколько у кого хватит сил. Всем дается поровну, все могут использовать Единый источник, он неиссякаем все мы - дети его, все мы - частицы его, все мы отражаем его все мы едины с ним, а он вечен и бесконечен... Извечная гармония процессов созидания и разрушения. Они едины. Понимание этого очень важно. Без разрушения старого нет рождения нового. Так устроены и процессы рождения и смерти.

Ощущение учительства в разных временах, народах... Египет, зороастризм, Китай, Япония, тибетские ученики, а теперь светские... цепочки через века, сохранение, передача знаний.

- И ты пройдешь тем же путем, путь познаешь через муки и страдания. Основной принцип для сильных - невмешательство. У слабых свои законы, свои пастыри, не осуждай их. Ваш путь - это трудный

путь одиночек, индивидуальные программы. Один на один с миром, с толпой, с врагом. Всегда один на один. Это принцип сильных духом, прими его, постигая его. Смирись с этим, прими это, не противься этому. Путь очень долгий. Вехи расставлены на пути, не бойся. Все дается по силам твоим. Ты все выдержишь, ты пройдешь полный цикл, вниз и вверх - кольцо, полный цикл по кольцу. Самое трудное - нижняя точка, потом все на взлет, сила будет прибавляться, крылья будут расправляться.

Это куски из лекций, занятий с учениками.

Пещера. Не гладкие стены, карнизом нависает стена, под ним столик - хранилище вещей. Подсвечник. Неяркий огонек мечется по стенам.

Фигура жреца в белых одеждах с гонгом.

- Проходи и садись. Вот и настало твое время, твой черед настал. Ты мне доверяешь?

- Кто же, как не ты.

- Все твои ученики ушли, все птенцы давно вылетели из гнезда, настала твоя очередь. Ты готов? Ты знаешь, что идешь на это испытание по собственной воле. Ты отправляешься в Длинный путь. На пути будет много страданий и препятствий, ты должен преодолеть их без помощи. Ты будешь идти одац Путь одинокого странника, путь одиночества. Пронзительная боль сердца. Ты будешь сопровождать их без права вмешиваться в их судьбу. Теперь ты послушен нашей воле.

- Я даже не попрощался с матерью. Как она там? Кто будет с ней, когда уйдет в свой последний путь? Отец там встретит ее, Анубис*¹ проводит ее. Их Ка*² встретятся, они скоро встретятся. Проводи достойно ее в последний путь. Как жаль, что меня не будет рядом. Кто же проводит меня, кто позаботится о моем теле? Впрочем, это не столь важно. Мы же с тобой одни из последних хранителей истины. Она будет замурована на долгие тысячелетия, в тайники невозможно проникнуть. Тайна будет похоронена вместе с нами. Я не верю в наше величие, мы просто ключники, хранители. Это ты всегда претендовал на большую роль, она тебе и досталась. Еще не наигрался. Да, сожалений нет, все пусть идет, как идет.

- Пора, тебе пора.

- Я готов, давно отдал последние распоряжения. Выполни все. Как ты обставишь все это? Ну ладно, это твоя забота, меня больше ничего не заботит.

Он вызвал помощника.

- Начинаем. Выпей это.

Поднесли чашу. Я пью маслянистую тягучую жидкость из сосуда - белая керамическая чаша типа пиалы. Вкус терпкий. Трудно глотать, она противная, комок в горле.

- Я хочу видеть твои глаза при этом.

В глазах точка синего цвета. Выпивал стоя, голова дурманится, меня как подкосило, я заваливаюсь, падаю на колени, голова свешивается. Туман, все плывет перед глазами.

- Как я устал. Горечь во рту.

- Что ты тут намешал?

- Закрой глаза. Ты послушен моей воле. Тишина. Ты слышишь только мой голос (многократно). Ничего вокруг не существует для тебя. Ты ничего не видишь вокруг и не слышишь. Для тебя наступает полная тишина. Полная тишина (многократно).

Яркий свет в глаза, усиливается головная боль. Все плывет перед глазами, расплывается. Надо мной склоненное лицо оливкового цвета, голый череп, густые темные брови, впалые теки. Пристально глядящие глаза просто буравят. Он нависает надо мной, говорит мне прямо в лицо и смотрит на мою реакцию- Через некоторое время я слабею и оползаю, опираюсь левой рукой на пол. Под ногами кусок войлока, когда рука опустилась, ощущаю шероховатую поверхность камня.

*^x Анубис (греч.), в египетской мифологии бог - покровитель умерших, позже проводник душ в царство мертвых. Изображался в образах шакала, собаки.

*² Ка, в египетской мифологии один из элементов, составляющих человеческую сущность, двойник, дух-хранитель, второе "Я", рождающееся вместе с человеком, духовно и физически функционирующее нераздельно с ним как при жизни, так и после смерти.

- Смотри сюда не отрываясь.

Зеркало, которое концентрирует свет. Светильники - глиняные чаши, в которых извивается неяркий мерцающий огонек. Головная боль усиливается, боль за грудиной по ходу пищевода, боль в желудке. Он подносит к лицу горящий сосуд, медленно проводит перед моим лицом слева направо и пристально наблюдает, видимо, оценивает реакцию зрачков.

- Все, что ты когда-нибудь знал, забудь. Ты все забудешь, ты не будешь ничего помнить. Забудешь,

кто ты и откуда, когда и зачем ты пришел на эту Землю. Ты ничего не будешь помнить.

Идет желтый дым. Он выходит. Стены нависают, в нише подсветка. Там курятся травы, желтый дым идет. Отравляющий газ, одурманивающий.

- Смотри сюда, сконцентрируй свой взгляд, не сопротивляйся мне, отдайся моей воле, расслабься. Все процессы в тебе замедляются, ты обездвижен. Яд начинает действовать, он всасывается в желудке, он проникает во все ткани твоего тела, не сопротивляйся, не ставь препоны на его пути, тебе же будет хуже. Расслабься. Ты обо всем забыл, ты ничего не помнишь. Теперь ты никто, у тебя нет твоего имени, ты все забыл. Мы с тобой договорились, не сопротивляйся мне. Доверься мне, все будет хорошо, все будет как надо. Сними контроль.

- Я снимаю контроль.

- Иди дальше, иди глубже. Сконцентрируйся на этой точке, Для тебя существует только она, только она.

- Как я устал, как болит голова. Что ты сделал со мной? Я не ожидал таких эффектов. Ты, кажется, передозировал.

Отключился. В голове пустота, один Божественный свет, он целиком заполняет меня. Никаких мыслей, никаких желаний, я ничего не хочу.

- Ты ничего не помнишь, ты ничего не знаешь, ты все забыл.

Руки - пассы. Головная боль концентрируется во лбу.

- Ты сейчас будешь спать. Ты ничего не будешь помнить. Выпей это и ты уснешь.

Снова чаша, горечь обжигает желудок.

- Ты заснешь. Ты все забудешь.

- Я ничего не могу забыть, сколько это может продолжаться. Так меня не возьмешь, уже третий день, и ничего не получается.

- Что же делать, придется проводить через...

Яркий свет подносит. Обжигает глаза. Какая мощная энергия.

- Убери, это очень тяжело. Ты все затянул. Будь проклят Элшон! Делай, что хочешь, только быстрее, я на все согласен.

- Хорошо, приготовься.

В кресле, приборы на голове, обручем схвачена, провода.

- Давай.

Разряды по окружности головы.

- Ты все забудешь. Сильнее.

- Ты так передозируешь.

- Его ничто не берет. Столько веков выучки, такая проработка. Я не знаю, что и делать. Даем по максимуму.

- Вот отрубился, конвульсии.

- Положи его, пусть отдохнет.

По голове гуляет боль, особенно в центре лба.

- Пусть поспит, завтра продолжим.

- Оставь газ, пусть им дышит.

Идет желто-рыжий газ, трещит факел. Ночью я дышу им.

- Ничто тебя не берет, я не могу больше увеличивать дозу. Ты живуч как кошка, твое сознание живуче. Придется идти на операцию, это единственный выход. Я не знаю другого пути. Это жестоко, но это необходимо, ты сам понимаешь это. Требуется твое согласие.

- Ну ты и изувер, не мог придумать что поинтереснее. С другими ты поступаешь так же? Как у тебя на это хватает решимости? Я бы никогда не смог исполнить это, этим мы с тобой и отличаемся. Ты еще требуешь согласия? Ты удивляешь меня своей жестокостью, брат. Хотя и во многом ты был моим учителем, но я никогда не хотел подражать тебе. Наберись МУ" жества и делай свое черное дело, я согласен. Эксперимент есть эксперимент.

Еле ворочаю языком, какая слабость.

- Меня не надо привязывать, не бойся, не убегу, я справлюсь так.

- Положи голову сюда. Раскрой глаза. Тишина, полная тишина. Ты будешь спать, доза достаточная для этого, она тебя полностью обездвижит. Ты слышишь только мой голос.

Все тело затекло, болит, меня как будто побили. К креслу ттоивязан, тело бьется в конвульсиях. Яркие разряды, рыжие и

сиреневые.

- Мне тяжело смотреть, как он мучается.

- Придется отделить лобные доли мозга. Готовь инструменты. Прикрепи голову, осторожнее. Вводи иглы, я помогу тебе. Удачно прошли. Поворачивай (боль в области внутренней части бровей у переносицы).
- Держи его.
- Крепкий орешек достался. Какой сильный, вырывается.
- Так, хорошо. Нормально. Достаточно. Ну если и после этого... Никто не сохранит разум после такой экзекуции. Он должен все забыть.

Иглы вкалывают и шуруют (как дворники у машины). Мороз по коже, всего выламывает, повисаю на привязях. Боль то уходит, то усиливается, стучит в висках, то холодно, то жарко. Сворачивается все в темноту. Экран пополам: тьма и свет, они борются, темнота струящаяся. Глаза жжет, в желудке боль и по позвоночнику, головная боль, заложенность в области лба, губы не слушаются, голос охрип, мычание, кашель, задыхаюсь, не хватает воздуха.

- Ты все забудешь.

Я хочу все забыть. Быстрее. Боль нарастает, пульсирует. Его слова как из сосуда, вибрируют. Голова в тисках, ощущение, что что-то сверху пробуравливает. Сильнейшая разламывающая боль в области середины лба, макушки (седьмой чакры) и глазниц. Ощущение проворота из точек петш осию-гпоюпш (внутренняя верхняя часть глазницы) в область лба (ощущение движения работающих дворников), боль в верхней челюсти.

Внутреннее оцепенение, слабость. Состояние зависимости от чужой воли. Голова свешивается на грудь. Он поднимает мою голову, слегка ударяя в лоб. В голове пусто, тошнота, усиливается боль в затылке.

- Ты сейчас пребываешь вне времени и пространства. Ты - нитя. Каждый раз рождаясь, ты ничего не будешь помнить. Ты забудешь свое предназначение на Земле. Ты будешь как все. Путь одиночества и страданий, путь ученичества. Путь глубинного проникновения в сущность вещей, в сущность материи. Погружение в нее до самого дна. Достоин ли пройдешь этот путь, это будет зависеть от тебя. Испить полную чашу ^сРаданий, боли, бытия, забвения. Тебе никто не сможет помочь, ты надеешься только на собственные силы. Силы чер-Иать только в себе. Помни, что они неизбежны, но ты будешь ощущать их предел. Путь ты выбираешь сам. Все задачи определены и поставлены. Пути наши будут пересекаться, но мы не будем узнавать друг друга.

На следующий день еще шоки электрические.

- Забудь все, ты ничего не помнишь, не чувствуешь. Ты все забудешь, ты ничего не будешь помнить.
- Я обжег себе палец, - помощник.
- Осторожнее, здесь большое напряжение. Прибор придется уничтожить тебе, чтоб и следа не осталось. Мы снова пройдем через времена дикости. Все будет уничтожено временем.
- Как жаль, столько трудов.
- Чего жалеть, все вернется на новом витке.
- Кто бы мог подумать, что так все будет развиваться, же-" стоко и интересно.

Усиление боли в макушке, лбу, глазницах.

- Пошли отсюда, он немного отдохнет. Посмотрим, насколько он сохранит сознание завтра, надеюсь, что это будет конец. Его надо будет отвезти в Мемфис*³ в закрытом паланкине ночью и оставить на ступенях храма. Его никто не должен узнать, в Мемфисе его учеников мы не оставляли.

- Ничего не помню. Где я? Что я тут делаю? Что со мной? Я не могу встать. Слабость... какая слабость. Как меня зовут? Кто я? Я не помню, как меня зовут. Где я нахожусь? Что вы со мной сделали?

Осматриваю пещеру, со стороны вижу тело, лежащее на кушетке. Низкая пещера, слева от меня в ногах очень крутая лестница. Как будут выносить? Апатия, хочу, чтобы быстрее все завершилось. Сам не удовлетворен, что им долго пришлось возиться, передозировали. Рвота. Кровь на полу.

- Мне придется пройти этим же путем. Я остался последним, больше не осталось носителей нашего знания. Все материалы погребены.

- Интересно будет, когда мы найдем, где они спрятаны.

- Это будет еще не скоро, века темноты и невежества. Мы будем падать и падать и дойдем до конечной точки. Отнеси его, пусть поспит, отдохнет.

*³ *Мемфис, древнеегипетский город. Основан в III тыс. до н.э., крупный религиозный, политический и ремесленный центр, столица Египта в XXVIII - XXIII вв. до н.э.*

Я валяюсь на циновке, язык вываливается, в бессознательном состоянии, почти не живой. Двое в белых просторных балахонах заходят, конец ткани через плечо, на голове обруч как коронкой, браслет на уровне плеча, в руках плеточки - веревки с узелками в рукоятках. Один взял подмышку, другой за ноги, тело обмякшее, они это делают почтительно, я наблюдаю со стороны. Один перехватил, ему тяжело. Тянут по

лестнице, длинные каменные коридоры, на стенах факелы. Со стороны вижу обмякшее тело, блестит загорелый бритый череп. Очень похож на брата, но шире его, также одни кости и кожа. Когда в теле, чувствую боль в желудке, как голова дергается. Выволокли на воздух.

Вдали пирамиды, они в стороне. Вход в катакомбы замаскирован среди камней, сюда вход запрещен. Охранники кладут за камнем на песок, один из них грубовато:

- Пусть пока здесь полежит, немного очухается.

- Чего же ты так непочтительно.

- Теперь уж и его на выброс, как и других. Чем быстрее отключится, тем ему лучше, меньше мучений. Он все забудет, станет никем, он будет хуже раба. Он будет глуп, и его просто выкинут, он будет побираться.

- И тебе его не жаль?

- А чего жалеть.

- Но он же был хороший, добрый человек, он никогда никому вреда не сделал, неужели тебе его не жаль.

Тот, который жалел, наклонился, всматривается в лицо.

- Асклепион, посмотри, дышит ли. Он не дышит. Надо бы оттащить в тень.

- Не может быть, он просто без сознания, полежит, придет в себя.

Тень передвинулась, я оказался на солнце, один из них перетащил меня за ноги в тень. Лежу там на песочке, весь такой из себя трупик.

- Тебе пора уходить. Вот твоя котомка. Здесь есть запас во-ДЫ и еды. Ты идешь на все четыре стороны, куда глаза глядят. Ты - бедный нищий, ты - побирушка. Ты будешь побираться с сумой, ты будешь изгоняем из храмов. Ты пройдешь свой путь нелегких испытаний. Начни с самого низа. Ноги твои покроются язвами. Ты будешь вечно голодным, ты будешь спать под открытым небом. Ты будешь алкать глотка воды, но частенько и его не дадут. Ты будешь пинаем толпой. Толпа никогда не будет признавать тебя. Ты будешь изгоняем ею. Путь одинокого странника предначертан тебе.

Как грустно, лучшие времена Египта прошли, он теперь погрузится во тьму. Арделион, прощай, прости, брат. У нас были прекрасные годы совместной работы, тем не менее наступи черед прощаться. Что ты помнишь? Ты узнаешь меня? Кто ты

- Кто я? Где я? Я не знаю, я ничего не помню.

- Скажи твое имя.

- М-м-м.

- Отлично, все получилось.

Я на носилках, он надо мной.

- Ну вот и все, спи. Вынесите его к ступенькам храма. Когда очнется, пойдет на все четыре стороны, он будет нищим. Выполняйте. Прощай, брат.

Наклоняется, смотрит в лицо, пожимает руку в локте.

- Когда-нибудь мы увидимся и вспомним это, как это будет интересно. А пока все, мы добились своего, сопротивление сломлено. Начинается новая игра, интереснее прежней.

Ночь. Тряска - несут. Кладут.

Жарко, все раскалено. Сняли с носилок. Я в тени лежу. Вижу себя на ступеньках храма. На мне грубая одежда, котомка. Надо мной склонился мужчина.

- Бедный старик, он без сознания. У него, наверное, солнечный удар. Помоги мне его поднять.

- Я ничего не понимаю: где я, кто я, что я здесь делаю. Что случилось? Вы кто, откуда? Я не знаю, я ничего не помню.

Прихожу в себя, мужчина помог сесть. Приносит воды.

- Он ничего не помнит. Есть ли у него родственники, знакомые?

- Я не знаю, куда мне идти, где мой дом. У меня нет дома, у меня ничего нет. Я никого здесь не знаю.

Как болит голова.

- Может, его кто-то знает? Он из хорошего дома.

- Я его не знаю, он, похоже, не местный. Его и отвести некуда.

- Отнесите его ко мне, накормите и уложите спать. Двухэтажный дом с плоской крышей. Местность выжженная, каменистая. Лабиринты улиц. В доме прохлада.

- Вы кто, откуда?

- Я не знаю, я ничего не помню. У меня очень болит голова.

- У Вас раны на лице, на Вас кто-то напал?

- Я ничего не помню, у меня совсем пустая голова. Пить. Губы пересохли, болит голова, сильно болят глаза. Прикладывают холодные повязки на глаза.

- Помогите мне встать, я должен идти.
- Куда Вы пойдете, Вы же без сил.
- Меня ждут ученики, я их найду.

- Он, наверное, бредит. Я не могу его отпустить в таком состоянии. Надо вызвать врача. Врач не может понять, в чем дело.

- Будете давать этот напиток, он его взбодрит. Надо его подкормить, через неделю он встанет. Видимо, он получил травму, У него амнезия, так бывает после травмы.

Мне снова дают наркотики.

- Выпей это, перестанет.
- Не знаю, что с ним делать. Как мучается, бедняга. Что же с ним произошло? Я не могу его выгнать, пусть живет, а там как распорядится судьба. Он вызывает большую симпатию. Он ничего не помнит о себе, бывает же такое. Какое несчастье, что может быть страшнее.

- Кто-то на него напал, он потерял память. Пусть спит, оставьте его одного, завтра будет легче.

Утро. Легче. Хочу уйти.

- Нет, мне надо уйти.

- -Куда? *

- Мы не можем удерживать его против его воли.

- Но он же безумен!

- Он справится, элементарные вещи он понимает.

- Отпускать его жестоко.

- Но держать у себя долго Вы тоже не сможете.

- Как распорядятся боги, все в их власти. „

Я ушел от них. Сплю на ступенях храма.

- Тяжело, помогите подняться. Куда мне идти, что мне делать? Как солнце слепит глаза. Сколько же я спал? Где я нахожусь?

- Ты у храма Исиды. Ты провел здесь ночь. Уже полдень. Здесь нельзя спать, надо уйти. Иди отсюда, тебе здесь нечего Делать.

- Куда же мне идти?

- Иди куда угодно, на все четыре стороны.

- Какой жаркий день.

Видит себя калекой, которого гонят от подножия храма. Восемь колонн, красивый декор.

- Я посижу чуть-чуть. Я так давно иду, я так устал.

- Уходи отсюда, тебе здесь не место. Иди на рынок, убогонький, там, глядишь, кто подаст.

Я хочу есть. Люди добрые, помогите, помогите сирому, Убогому.

8. Зак. 2210.

Протянутая рука. Рынок довольно цивилизованный, прилавки, как надо, покрыты пальмовыми листьями. На мне одежда потрепана. Вижу очень черные от солнца свои ноги. Цепляюсь за мужчину, у которого корзина на голове большая. Все в белых одеждах, цветных тканей нет. На верблюде что-то тянут.

Опять без сознания.

- Чего убогонького бить, вы, ироды. Кому он мешает. Вам он мешает?

- Здесь спать не положено. Уведите его.

- Куда?

- Здесь не положено. Иди отсюда.

Все болит. Плакать хочется, отовсюду гонят.

- Люди добрые, подайте бедному страннику на пропитание. Люди добрые... Люди добрые... Где вы, люди добрые? Сжальтесь над бедным калекой.

Воды, хотя бы глоточек воды. Пустынно. Совсем нет воды. Сколько дней уже я бреду. Здесь нет человеческого жилья. Хоть бы кого-нибудь встретить в пути. Вода кончилась. У меня нет сил идти дальше. Я очень устал. Я не могу прилечь отдохнуть. Как жарко. Какой горячий песок, он обжигает ногу. Солнце опалило мою кожу, какая она черная стала. Я весь высох. Какой далекий путь. Зачем я сюда иду? Что мне здесь надо? Что же мне здесь надо?

На голове тюрбан. Седые брови, осунулся, глаза впали, щетина не растет. Давно не ел, не пил.

- Я должен найти своих учеников. Они ждут меня, я им нужен. Они зовут меня, я слышу их стоны.
-

Заметки оди гора.

Историческая справка: что говорят источники об этом периоде истории.

Джон Раффл "Древний Египет: страна царствующих жрецов"(120). "Боги Древнего Египта - в том виде, в каком они представлены в гробницах и храмах, - представляют собой удивительный набор странных созданий: полуживотных-полулюдей... Многие египетские боги олицетворяют могучие силы природного мира. Благополучие государства зависело от ежедневного восхода солнца и ежегодного разлива реки, и эти природные силы (наряду с другими) считались богами и требовали лести и задабривания в виде жертв и поклонения... Часто боги связывались с конкретными городами. Корни этого явления, вероятно, уходят в те доисторические времена, когда Египет представлял собою лишь группу самостоятельных общин.

По мере их слияния в более крупные политические объединяя местные боги приобретали национальное значение. Например, бог Фив, Амон, считался общенародным богом и оказывал покровительство и защиту всей стране во время Нового Царства, когда правила династия, родиной которой были Фивы-

Существуют также свидетельства обращения к "Богу" или

"Богу единому", который, по-видимому, олицетворял безымянную универсальную божественную силу, контролировал Вселенную и поддерживал добро в борьбе со злом".

Алексей Морозов, доктор физико-математических наук. "Загадка культа Атона" (100):

"В 1419 г. до нашей эры на египетский престол вступил фараон Аменхотеп IV, совсем еще молодой человек, чья внешность говорила о его интеллектуальности - и чувственности и нисколько не обнаруживала мужественного борца и реформатора. Тем не менее именно он в невиданно короткий срок ломает многовековую религиозную традицию, связанную с культом верховного бога Амона, создает новый государственный культ Атона - солнечного диска, покидает прежнюю столицу Фивы и строит новый - грандиозный город Ахетатон. Он отказывается и от своего прежнего имени Аменхотеп - "Амон доволен", и называет себя Эхнатон - "Полезный Атону". На эти удивительные реформы ему потребовалось всего шесть лет".

"На двенадцатом году правления фараон запрещает употребление слов "бог" и "боги" (они в сознании людей связаны с прежними культами) на том основании, что над миром властно одно лишь Солнце, видимое нами как диск, а Египтом и сопредельными странами правит его именем владыка Эхнатон.

Чем был вызван религиозный переворот? Как смог осуществить его молодой фараон? И совершенно непонятно - как удалось Эхнатону преодолеть религиозный консерватизм масс... За двенадцать лет произошел коренной, полный отказ от старого, складывавшегося в течение тысячи лет в пользу нового культа - случай как в предыдущей, так и в последующей истории беспрецедентный".

Большинство предложенных объяснений исходит из личных качеств правителя, не захотевшего делить власть с жреца-МИ- "Опираясь на средние слои населения, на так называемую немху", Аменхотеп IV нанес удар фиванскому жречеству и старой аристократии, а потом провозгласил новый государственный культ бога Атона", - так, например, толкует появление новой религии Советская историческая энциклопедия (т. 1, с. 449).

Существует и другая точка зрения: превращение Египта в **' мировую державу требовало "денационализации" египетской " религии...

"Что же это за сила, в кратчайший срок революционно переломившая вековые устои? Мне представляется, что такая революция могла быть успешной при том условии, что она шла не столько "сверху", сколько "снизу", выражая настрой широких слоев населения. Это сами массы отшатнулись от старых богов. Очевидно, они переживали какую-то глобальную трагедию, с которой старые боги не справились...

Тем, кто видел сфинксов на берегу Невы, знаком облик отца Эхнатона - фараона Аменхотепа III. Именно он запечатлен в их лицах. Он царствовал долго, 38 лет, и период его правления был "золотым веком" Древнего Египта, память о нем не умирала в народе почти 1000 лет. Не войнами отмечено царствование Аменхотепа III, а гигантским строительством храмов и прежде всего в честь главного бога - Амона. Атмосфера в обществе была достаточно свободной. Отмечено, что именно в период этого правления появляются идеи религиозной терпимости. Среди воспитателей будущего фараона Аменхотепа IV был критянин - выходец из страны, которая, судя по ее искусству, была, пожалуй, наиболее "светской" и "недогматичной" для своего времени...

Возможно, Эхнатон покинул Фивы из-за противодействия новому культу фиванских жрецов... Такая живучесть солнцепоклонничества говорит, с нашей точки зрения, о том, что оно не было просто капризом Эхнатона, как часто пишут, а отражало какие-то существенные объективные факторы" (100).

"В короткий период с 1375 по 1350 гг. до н.э. была предпринята попытка ввести в стране монотеизм. Фараон Аменхотеп IV, которого в различных источниках изображают либо провидцем, либо сумасшедшим,

постепенно довел степень поклонения Атому, солнечному диску, до такой степени, что тот стал единственным богом, которому было разрешено поклоняться. Другие боги были объявлены вне закона, храмы их были закрыты, жрецы распущены, имена стерты со всех памятников. Особенно сильно преследовалось поклонение Атому. Атон был провозглашен источником всей жизни. Этот дар жизни передавался царю, и его семье, и далее всему народу.

Эта "реформа", возможно, имела под собою какие-то политические основания, например, стремление объединить нацию и стабилизировать обстановку, но при этом была явно связана с эксцентричностью самого Эхнатона. Она не могла стать популярной; жрецы, естественно, не приветствовали ее, так они лишились средств к существованию, и после смерти Эхнатона реформа продержалась очень недолго" (120).

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

Как утверждал основатель антропософии*⁴ Рудольф Штайнер*⁵, "многие египтяне воплотились среди русского народа". Такого же мнения придерживалась и Елена Ивановна Рерих, писавшая в одном из своих писем: "Действительно, многие лучшие египтяне рождались среди лучших русских и будут продолжать рождаться среди них... Кто знает, может быть, они правы. Может, и в самом деле существует некая мистическая связь между древнеегипетской и русской душой?" (60).

Эти процессы были для меня самыми значимыми, но тема так глубока и сокровенна, что не хотелось бы об этом говорить. Я это давно как бы знала и как бы не знала. Я просто знаю, что связь с Египтом есть в каждом из нас. За тысячи лет его истории мы, конечно же, были в нем не раз, и не только жрецами. И память о Египте относится, естественно, не только к русским людям и России. Книга Хейч (160) доказывает это.

Относительно исторических справок хотелось бы сказать, что современные историки судят о людях прошлого по внешним сохранившимся формам культуры, а у нее много слоев. Например, то, что знал жрец, это совсем не то же самое, что давалось народу. Эзотерическая часть знаний и экзотерическая очень отличаются. Герметизм постигался в духовной школе, в практике, а людям, не занимающимся духовными практиками, представления о высших планах бытия давались в виде понятных для них мифических образов. Переносить современные представления историков о роли народных масс в истории невозможно на те древние времена. Единственный ответ на их вопросы, я думаю, это: "Сходите туда и сами посмотрите!"

*⁴ Антропософия (греч. an!пгорО8 - человек, σοφία - мудрость), духовное учение, развитое в начале XX в. Рудольфом Штайнером.; само название подразумевает теософию, которая в центр Вселенной помещает не Бога, а человека. Цель практики А. - путем медитации и сосредоточения прозреть в себе высшее существо. А. проповедует учение о реинкарнации и преодолении материального через выход в духовное.

Штайнер Рудольф (1861-1925), немецкий философ-мистик, основатель антропософии; последователь натурфилософии Гете и комментатор его сочинений. В 1902 г. стал приверженцем теософии, возглавив немецкую секцию теософского общества, однако позже отошел от этого Учения, не разделяя, в частности, теологических убеждений его последователей. Своей целью полагал помочь обыкновенным людям проявить свои духовные возможности.

23. Первая команда, Учитель и круг учеников прибывают на темную, еще не освоенную Землю (3 сессии).

Яркие картины. Небо яркое-яркое. Такое впечатление, что воздуха нет.

- Нас ждет тяжелый труд, нам предстоит очень много потрудиться. Нас ждут тяжелые испытания. От нас потребуется много сил, чтобы их преодолеть. Только самые сильные смогут преодолеть все трудности и пройти до конца. Мы первые, первым всегда трудно. Придется преодолевать сильное сопротивление Земли, она так просто не уступит.

Идем на завоевание материи. Преодолевая ее, вы учитесь. Вам необходимо упорядочить материю. Внедряйтесь в материю, нам нужны телесные оболочки, чтобы проявиться. У нас есть высшая идея, нам нужно создать Высший разум на Земле. Логос - высшая идея. Мы ее творцы, мы ее создатели, мы ее носители. Нам ее надо донести до Земли. Идее все подвластно, идея может все создать. Мысль надо защищать. Материя будет сопротивляться. Кто ее испугается, того она поглотит. Для вашего выживания как духов, как индивидуумов необходима постоянная работа над преобразованием материи, не прекращайте ее ни на минуту. Здесь придется создавать все заново.

- Страшно начинать, как трудно самостоятельно начинать. Придется сжаться, чтобы в нее проникнуть, как это тяжело. Надо себя сжимать, приходится себя сжимать.

- Неужели мы сюда стремились? Здесь не видно жизни. Здесь же нет высокого разума. Не верится даже, что эту инертную массу мы сможем разбудить, что мы сможем преодолеть такое сопротивление Земли,

как же она сопротивляется...

Земля кажется черной-черной, и вообще ничего на ней нет. Первоначальный разум у Земли есть - небольшое информационное поле. Попытка была подключиться, или пытались пройти. Очень низкий уровень сознания у Земли, поэтому несколько мрачный. Низкие грубые вибрации, поэтому очень болезненное их восприятие, надо сжаться, чтобы их воспринять.

- Мы - передовой отряд. Нам достается самое трудное. Вы согласны сопровождать меня? Тогда внедряемся.

Бестелесные души. Учитель и группа учеников. Учитель дает клятву, а мы мысленно проговариваем ее, соглашаемся.

- Выбор сделан. Мы остаемся на Земле. Отныне это наш дом, и мы принимаем все условия игры на этой планете. Мы обязуемся способствовать развитию этой планеты.

Мы из всей своей энергии здесь можем использовать самые низкие диапазоны, остальные остаются незадействованными.

- Очень низкие грубые вибрации, соприкосновение с ними приносит боль. Не могу пройти, сил не хватает, придется сжаться, надо сконцентрироваться. Прорываюсь! Сильнейшее напряжение. Два полюса Земли, поле как клубок, как кокон, через него надо проникнуть, а чтобы проникнуть, нужна очень большая энергия.

- Попробуем все вместе. Общая идея объединяет нас, общей массой можно пробиться.

Очень сильное сопротивление. Сопротивление сжало до частицы, до атома. Как она сопротивляется! Нарастает напряжение, нарастает сопротивление.

- Держитесь плотнее.

- Попробуем по-другому.

Не получилось общей массой. По экватору меньшее сопротивление, рассредоточились и начали входить.

- Каждый несет внутри себя мысль, которую должен претворить на Земле. Работайте, работайте, работайте!

- Рвалась, рвалась, а куда попала, не понятно. Куда я попала? Надо создавать тело, хотя бы какое-нибудь простое. Конструировать тяжело, нужно воображение.

- Какая она ленивая, неподвижная, не сдвинуть, не расшевелить. Сопротивляется, возмущается. Не подпускает, отталкивает. Причиняет боль. Отвергает, не любит. Раздражается - возмущается. Не понимает, не хочет общаться.

- Я отпускаю вас, вы свободны. Теперь вам предстоит самостоятельная работа. Сомневайтесь, ищите. Я буду за вами наблюдать. Идите! Вы свободны и самостоятельны. На вас лежит право свободы выбора, но вы и отвечаете за свой выбор.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

Ассоциация, как лампу зажигают. Подходят эти частицы, дают эту энергию, и Земля как бы загорается. Светящиеся капсулы, вытянутые эллипсом, как через сопротивление проходят, прорываются, их сжимает. Входим туда вглубь, так как несем более высокую энергию. Даем силу, способность, отдавая свою энергию, поднимаем энергию планеты, способствуем ее развитию.

Каждый атом несет определенную мысль, мысли складываются определенным образом. ДНК сплетается и несет определенную мысль. От низшего к высшему. Каждый атом, вот они объединились, и получилась определенная идея. ДНК - это определенная мысль, мысль создала себе эту цепь, материальный носитель, покрыла для защиты себя оболочкой. Это вирус. Это то первое, что проникло на Землю, с чего началось

заселение Земли мыслями. Потом мысли по идеям начали собираться в более сложные сцепления, соединения. При зачатии ДНК улучшается для лучшего выживания.

После фразы из инграммы, что вы свободны выбирать идет материал высвобождения от материи при смерти, идут фразы: "Я вырываюсь из материи. Цепляется, не хочет отпускать. Не отпускает. Скорее бы на свободу".

"Мое тело с духом, наконец, помирились., Мое тело перестало сопротивляться духу. Как прекрасно, когда мир и покой внутри!" - это последнее высказывание преклира в последней сессии - на этом пока ставим точку.

24. Артур - член первой команды, отправляемой на пустую, не освоенную еще жизнью Землю (2 сессии).

- Ты дождешься. Придет время, и мы встретимся. Час назначен, время бежит быстро, не ускоряй его,

все в свое время, все своим чередом, все расписано, задачи определены. Мы все расходимся каждый на свой участок. Мы долго не будем встречаться. Каждый идет своим путем, у каждого своя задача. Иногда наши пути будут пересекаться, но мы можем даже не узнать друг друга.

- Но как же так, Учитель, ты будешь рядом, и я не буду знать тебя.

- Ты сам должен пройти этот путь и вырасти в Учителя. Этот путь достойный тебя, без помощи и поддержки. Один на один с судьбой. Мы встретимся только в назначенной точке в назначенное время, подведем итог. Никто из нас не будет помнить.

- И даже ты?

- Да, и я. Я отправляюсь вместе с вами. Мы все будем в равном положении. Все двенадцать пройдут одинаковый путь от простейшего до человека и всю историю человечества на Земле.

- Учитель, это такой сложный и долгий путь.

- И ты его выдержишь, я не сомневаюсь в тебе. Твоя пылкость, твой научный подход. Здесь на Земле все только-только начнется. Посмотри, в каком она непроявленном состоянии.

Земля вся серая.

- Мы должны вдохнуть в нее жизнь.

- Но она такая маленькая.

- Это сейчас она такая маленькая, но работы непочатый край. Начнем с самого простого - заселения океана. Он уже достаточно прогрелся Солнцем. Он способен вынчичить жизнь. Твой сектор будет А-4.

Земля разделена на двенадцать секторов. Северное полушарие - А, южное - Б. Каждое полушарие - на шесть сегментов. Материки не такие, как сейчас, они соединены вместе. На одной стороне как бы суша, на другой - океан. Америка присоединена к Евразии. Мой сектор там, где сейчас Камчатка, и Дальний Восток, и океан. Пятый и шестой сектора - только океан.

- Артур, ты будешь в первой команде. Вам достанется самое сложное. За вами потом придут другие, у вас будет много помощников. У вас будет задание определить масштабы работы, определить конкретные задачи. Свой сектор ты должен знать как свои пять пальцев. У тебя наиболее интересный сектор, где есть океан и суша. Ты сможешь попробовать себя в разных качествах. Тебе всегда нравилось разнообразие в работе Я тебя не направляю на рутинную работу. Тебе нужна живость и самостоятельность. Вот и попробуй испытай свои силы, прояви свои способности и изобретательность. Конкретные воплощения за вами - претворить в жизнь все наши планы. Это грандиозный план, величественный по масштабам. Земля станет прекраснейшим уголком Вселенной. Многие даже будут завидовать нам. Разнообразие растительных и животных форм. Здесь вы можете проявить буйство своей фантазии.

- Скорей бы.

- Вечно ты со своим "скорей". Тебя вечно приходится сдерживать, не торопись, всему свое время, свой черед. Кого-то приходится подталкивать, а тебя нужно сдерживать. Вспомни, ты уже натворил дел со своей нетерпеливостью. Ты должен научиться кропотливости, сдержанности, этого тебе не хватает. Доводи каждое дело до конца. В творении важен не только замысел, но и конкретное воплощение, доведение до совершенства. У тебя будет большое поле деятельности. Помни, ты будешь самостоятелен, подсказывать будет некому. Меня не будет рядом, мы с тобой расстанемся на долгие миллиарды лет.

- Как жалко, у нас была такая слаженная команда. Мы достигли совершенства, теперь должны потерять его.

- Цикл отработки начинается новый. Новые задачи более сложные. В определенный момент нам будет отключено сознание. Тогда-то и начнется самое сложное погружение в материю. Самый сложный период при полной непроявленности, при полном отсутствии координат. Мы забудем все.

- Как это возможно?

- Сам увидишь.

- А это не опасно?

- Да, опасно... если перейдет в критическую массу, но этого не должно случиться. И не дать этому случиться должны мы.

- Но как же, если мы не будем помнить?

- В этом и задача, вся хитрость, не помня - помнить.

- Но это же очень сложно.

- А кто тебе обещал, что будет легко? Ты сам шел на это. Мы все это тысячу раз обсуждали. И ты согласился играть в это.

- Да, конечно, но сомнения меня гложут.

- Что тебя беспокоит?

- Услышу ли я вовремя зов?

- Он будет звучать тебе постоянно. Это будет основным импульсом, это будет путеводной нитью

проверить себя, проверить свою силу. Эта игра не каждому по плечу. Вы созрели для этого. Ты и Маркус. Я на вас возлагаю особые надежды. Вы с заданием справитесь, я не сомневаюсь. Его логический ум! его глубокие знания, твоя эмоциональность, твой творческий потенциал. Вы составляете прекрасную пару.

- Но мы же будем работать поодиночке.

- Это будет определенный период. Периодически мы будем подводить итоги, встречаться. Но это будет не так, как ты думаешь. Все намного сложнее и интереснее. Иногда вы будете выглядеть даже врагами.

- Мы - врагами?

- Да, представь себе.

- Не могу представить.

- Вот для того, чтобы обо всем самому составить представление, ты и отправляешься.

- Когда это произойдет?

- Все готово для отправления, это может случиться в любую минуту. Будь ко всему готов. Ты готов?

- Я давно готов.

- Что ты на меня так смотришь?

- Я хочу запомнить твое лицо, Учитель.

- Не смей меня, какое из них, ты уже меня видел во стольких образах. Ты и сам привык менять их, как перчатки. Только теперь это будет делаться намного сложнее. Каждый переход в новый образ будет проходить через смерть и рождение, через муки смерти и муки рождения. Чего-чего, а уж мучений нам достанется предостаточно.

Мучение - интерес, хочется попробовать. Внутренний завод - быстрее на задание.

Здесь разговор шел в пространстве в виду пустой Земли, а ниже - в зале.

Совещание по освоению Земли первой командой.

- Поздравляю, мы закончили наш проект. Мы учли в нем лучшие достижения других планет. Она хоть и маленькая, но будет прекрасной.

- Ну вот и заканчивается наше последнее совещание. Огромный круглый стол, 12 человек мужчин и женщин, се-

Р^бристые обтягивающие костюмы. Образ человеческий, но Мощный, развернутый. У меня широкие плечи, узкий таз. Тяжелые башмаки на магнитной подошве. Невесомость, ходить

тяжело. Космическая станция - огромное кольцо коридора (знакомое строение), в центре зал управления. Приборы, все мигает.

Мы - слаженная команда структурирования пространства на разных планетах. Полеты-перемещения в пространстве как самостоятельные вне тела, так и на материальных носителях можем оказываться в любой точке Галактики. Черные трубы. Миллиарды звезд - я то там, то там... Вот я размером со Вселенную: вся наша Вселенная чуть ли у меня ни на ладони. Могу уменьшаться до частицы. Мне подвластно все. Увеличиваюсь - она на ладони, уменьшаюсь - она надо мной. Сейчас поиграю в это, тут очень интересно. Источник, из которого мы все, как бы не из этой Вселенной, он как бы вне ее. Разные Вселенные плавают, а он вне. Истекает. Есть пространство и вне Вселенных. Если я вне, то Вселенная как звездочка, если в атоме, то электрончиком вокруг ядра, протончик. Можешь во все играть, можешь быть атомом.

Галактика - наша Галактика, мы ее создавали для себя. На разных планетах разные задачи.

Учитель - он не учитель, а как бы старший друг. Отношения равных партнеров, но один должен быть старшим. Маркус слева. Дживой, Камерон, Мериам, Магдалена - имена трансформируются в зависимости от того, во что играем. Первичное имя...

Мы просто как луч, исходящий из центра. Клубок на луче пылающий, огненный, во все стороны. Центральная часть - это Он. Улетая, не чувствую к нему привязанности. Борьба за личность, самостоятельность. Чтобы не привязываться, чтобы не испытывать чувств.

- Ты должен сам пройти путь. Сила только твоя, и ты должен. Чем меньше мы будем испытывать привязанность, тем лучше, - это Учитель.

- Посмотрим друг на друга в последний раз. Сейчас мы разойдемся из этого зала. Мы забудем и эту станцию, и все, что мы сделали до сих пор. Все будет сокрыто - и на века.

Я не чувствую привязки. На задание... руки чешутся.

Маркус - мой брат. Рождены много веков назад. Трансформировались в любые формы, но всегда, когда встречались, находили друг друга, всегда узнавали друг друга. Он слева, ниже меня, 'коренастый, черноволосый, брови вразлет. Мужественное лицо: квадратный подбородок, плоскости рельефные. Во мне больше поэтичности: высокий, светловолосый, голубые глаза, налет романтичности. В Египте он будет моим старшим братом? Спор логики и поэтической стороны жизни, твор-

чества, гармонии, тонкости. Он как бы моя вторая половина. Надо проникнуть в чужое, в другое. Целостность, единство противоположностей. Он должен будет стать более творческим, я - более научным. .

- А почему мы? - кто-то слева.

- Это большое доверие.

Гордишься как бы этим доверием, но боишься не оправдать. Прямо раздавливает.

- Мы постараемся оправдать это доверие.

- Я постараюсь оправдать это доверие.

- Ты готов?

На меня устремлен взгляд.

- Да, я готов.

Вот только что шло обсуждение планов. На столе горы, ландшафты Земли. Стол подсвечивается снизу, его поверхность - поверхность океана. Растительность, фигуры животных. Споры. Разработчики форм животных, девочки с животными возятся. У меня - морские животные, ландшафты, растительность, цветы. Специализация - на отделке красоты, оттенки, пейзажи. Как в нашем зрении и в восприятии человека. Мы видим не так, как человек.

- Его возможности будут ограничены, учитывайте это. В обоих случаях это должно быть прекрасно.

Линзы ставятся, как видит человек, отличие огромное. Все сверкает великолепно, красота потрясающая.

- Планы завершены, все готово, как будет все делаться, намечено. У каждого большой сектор. Все сконцентрировано. Каждый внесет свою индивидуальность (ушки разные у слонов африканского и азиатского, например). Фигуры человека, животных как детский конструктор. Можно наращивать разную массу, увеличивать и уменьшать.

За столом нет пиетета перед Учителем. Роли расписаны, но нет такого, чтобы дистанция. Собрание заканчивается. Все взгрустнули, пробегаю взглядом по всем: Мириам, Мегги, брат... Я - седьмой в эту сторону, Учитель - двенадцатый, завершает круг. Кимонтекс. Он сейчас в этом образе, я его знаю в других. Там при разговоре у Земли - типа старца в темных одеждах, он любит в это поиграть. Я в одном образе, мне некогда, планы зреют, хочется их воплотить.

- Ничего, и этому научишься, особенно в женском образе. Интересно будет на тебя посмотреть в женском образе, но до этого еще далеко. Еще цветочки-лепесточки, бабочки, жучки-Паучки.

Вижу их: такие пушишки славненькие: собачки, кошечки. Динозаврики тоже ничего. Жалко, что будут жить в разные периоды, нельзя сохранить в общей коллекции.

- Раз был, значит уже есть. Ты же в любой момент можешь к нему вернуться.

- Не могу же я в одной точке и в одно и то же время иметь сразу все.

- Что ты всегда... так драматизируешь. Зачем тебе это надо? Что, тебя не устраивает разверстка во времени?

- Меня, правда, не устраивает. Хочу все здесь, и сейчас, и сразу.

- Наиграешься еще и в это. Разверни сначала во времени и в пространстве. Времени тебе с избытком хватит на все.

- Где избыток, сколько времени? Здорово, если бы хватило.

- Не торопи, наслаждайся каждым мгновением. Наслаждайся запахами, вкусом, цветом.

Огромный круглый зал, огромный круглый стол, на нем все исчезло. Стол-модулятор почти во все помещение. Край стола блестящего металла, сам прозрачный, сейчас матовый. На ощупь пластик маслянистый, тепленький. Кресло удобное перемещается под управлением по залу. Вокруг по стенам системы обеспечения. На этом столе модулировались будущие формы. Обыгрывалось, как будет выглядеть Земля - голубое море, облака. Из космоса будет выглядеть прекрасно!

- Хорошенькую сконструировали, она лучшая во Вселенной!

В разные стороны двенадцать дверей.

Сижу. Я здесь провел столько времени, странно уходить.

- Мы вернемся сюда.

Меня это успокаивает. Хочу впитать каждый кусочек окружающего.

- Пора прощаться. Расходитесь.

Мы встаем, подходим друг к другу. Хлопаю кого-то по плечу.

Мой взгляд постоянно во время разговора притягивала Мегги, сидящая напротив, ярко-рыжая, со светлой кожей" в рыжих веснушках. Подхожу к ней, стоим, глубоко погружившись в глаза друг друга, прижались щеками.

- Прощай.

- Так надолго! - это я.

- Да, так надолго мы с тобой никогда не расставались.

- Но ведь встретимся же.

- Да, когда встретимся, узнаем друг друга и так же обнимемся.

У меня в глазах сомнение, на что она:

- Мы узнаем друг друга по взгляду.

- Интересно, какими мы будем в тот момент, и кем мы будем, и узнаем ли друг друга.

- Ты сомневаешься?

- Мне очень хочется верить, но эксперимент уж больно рискованный, всех факторов не учесть.

Могут произойти пространственно-временные сдвиги. Мы просто можем разойтись в них, пройдем по разным координатам.

- Не тогда, так позже мы обязательно встретимся, не сомневайся, не может быть иначе. Мы еще с тобой тогда вместе поработаем не раз.

Она добавляет кокетливо:

- Ищи меня.

Волосы великолепны, носик точеный, костюм ей очень идет, в нем она статуэточка, очень грациозная. У нее на груди аленький платочек. Какой глубокий, потрясающий цвет, как аленький цветочек.

- Ну и кокетка ты, и тут нашла, что придумать.

Стоим и долго смотрим друг на друга. Пронзительность печали. Вспоминается, что дружили, любили, но не той физической земной любовью между мужчиной и женщиной.

- Ты никогда никого не сможешь любить как меня. Мы встретимся через века.

Определение времени всему - макроны времени. Макронус - исчисление глобальных по времени величин.

- Что застыли, застыли прямо на века, пора. Самое смешное, когда встретимся, вам эти макроны лет покажутся одним мгновением. Вот тогда и посмеемся, и вспомним времечко былое. Давай, братишка, обнимемся. Родственниками нам с тобой уже никогда не быть.

- Ну почему же, мы еще не встречались в земных линиях.

- Ну если так, значит встретимся. Сознание нам отключат еще не скоро. Еще многое придется сделать до этого. Я с тобой в соседнем секторе. Мне достался океан, но это только на первое время, потом мы это все там растянем, сделаем более уравновешенным, более сгармонизированным. Ну, прощай.

Жест - левой ладонью о его ладонь.

- Ну, прощай.

Мы все выходим из зала в разные стороны, каждый в свою №ерь. Выходим не оборачиваясь.

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

Образ Учителя часто появлялся в медитациях и снах, были ¹⁶Риоды, когда ощущала его рядом, сопровождающим и помо-

гающим. Обращалась с благодарностью. **Потом** осознавала, что должна рассчитывать только на себя, брать полную ответственность за все, что делаю. Хочу просмотреть все жизни, где мы встречались, знаю точно, что это было не раз".

В сессии "Разнообразие растительных и животных форм" -преклир очень болезненно переживает сообщения о гибнущих видах животных.

"Мы постараемся оправдать это доверие", на что преклир: "Всплыло пионерское детство, настроение оправдать любое доверие".

На днях с восхищением рассматривала детский конструктор "Лето". "Так же мы играли с Землей".

"Не торопи", на что преклир: "Вечно все тороплю, живу в захлеб. Часто в мыслях уже все сделала и говорю об этом, что как бы уже о свершившемся".

"Наслаждайся каждым мгновением. Наслаждайся запахами, вкусом, цветом", - преклир испытывает глубокие эстетические чувства, умеет наслаждаться красотой окружающего мира, всю жизнь старалась бывать на всех крупных выставках, дважды в неделю посещала театры, каждый год имела по два абонементов в консерваторию. Всегда испытывала глубокое наслаждение от . вкуса. В студенческие годы друзья отмечали, что за ней очень хорошо стоять в буфете, слушая о предвкушении наслаждения едой, у всех вырастал аппетит.

"У нее на груди аленький платочек. Какой глубокий, потрясающий цвет, как аленький цветочек", - у преклира с детства это самая любимая, завораживающая, щемяще, до щекотания в носу, звучащая сказка "Аленький цветочек". При встрече с девушкой преклир видит другую девушку с развевающимися рыжими волосами, ведомую на костер, она такая же искрящаяся, игривая. Вот почему любим "Собор Парижской Богородицы". "Девушка идет на костер. Я ее и узнаю, и не узнаю, восхищаюсь мужеством и простотой". Слова Мегги: "Ты никогда никого не сможешь любить как меня" - были как проклятье. Кажется, что никогда не могла через века никого так любить, с такой полной силой... В этот момент соматика - боль в левом глазу.

Картинка, где мечом ранили на рыцарском турнире за прекрасную даму.

На тренировочных упражнениях глаза в глаза все силилась узнать кого-то во взгляде напарника. Разочарование, что не она... Мы все-таки встретились, но на этот раз нас разделяли разные страны, разные языки и мы обе были женщины... Это было так пронзительно больно! Пока...

Заметки аудитора:

Отрывок из книги Элизабет Хейч "Посвящение" (160):

"Мы живые отраженные образы друг друга, - сказал он, - и несем друг Друга в своем подсознании; и, даже не желая этого, мы ищем друг друга с неодолимой силой притяжения, которая идет от того, что мы принадлежали друг другу в райском состоянии. На протяжении веков и веков наша судьба сводит нас вместе снова и снова, пока мы не станем сознательными внутри себя и не почувствуем друг друга полностью как в теле, так и в душе. Только в этой божественной тождественности мы сможем стать действительно полностью сознательными - в своей высшей сущности. Мы принадлежим друг другу на земном плане, и ты не сможешь получить нужного тебе опыта без меня...". Издалека ко мне долетел его голос: "Я буду продолжать искать тебя на земле, на земном плане... искать... искать".

Из статьи "Наука и бессознательное" ученицы и последовательницы К.-Г. Юнга М.-Л. фон Франц (151): "Известный физик Вольфганг Паули отмечал, что благодаря новым открытиям наша идея эволюции жизни требует пересмотра: следовало бы принять во внимание сферу взаимосвязей между бессознательной рзусбе (душой) и биологическими процессами, что мутации видов происходят случайным образом и что посредством отбора сохраняются наиболее "значимые", хорошо адаптированные вариации, а другие исчезают. Однако современные эволюционисты отмечают, что отбор таких мутаций посредством чистой случайности занял бы более продолжительный период времени, чем допускает известный возраст нашей планеты...

В каждом случае ученый-творец независимо приходил к гипотезе, которой надлежало изменить все развитие науки. И каждый первично постигал гипотезу в интуитивной "вспышке" (позднее подтверждаемой документально)".

А у меня вопрос, может быть, он просто вспоминал? Последователи Юнга приводят примеры, которые показывают, как "даже наши более современные и фундаментальные научные понятия долгое время были связаны с архетипическими идеями, первоначально пришедшими из бессознательного...". Пришли-то они пришли, а когда и как они туда попали?

В.Паули тоже пришел к выводу, что "мы должны дополнять Наши исследования внешних объектов психологическим изучением внутреннего источника наших научных понятий".

Переживания из периода животной жизни

25. Муха поймана в паутину.

Из инграммы с пыткой, где над преклиром навис палач: Ее тащат на пытку к "заплечных дел мастеру". Он очень неприятный: тощие руки и ноги, сильно сутулый, с большой залысиной. В темных в обтяжку панталонах. Он сам уродец, не может видеть стройное и изящное, ему надо изуродовать обязательно, довести до своего уровня. В его взгляде столько злорадства, что он властен над человеком. Ассоциация мухи и паука... и этот трепет, и держат, как паутиной спутали и растянули, а он нависает над тобой - тощий, с длинными лапами. Рожа его с щупальцами. Жуткое состояние беспомощности и неотвратимости.

Ощущает себя мухой.

Легкость и беззаботность. Видит нижние ветки дерева, над ней крона.

"Не заметила (внутренняя мысль), зацепилась задними лапками (дергает ногами). Страх. Сильнее начинает затягивать. Напряжение в затылочной области, которое создает это чувство страха". Воспринимает страх спиной, панцирем. Потом переходит в панический страх, потом как безволие, чувство ниже апатии. Затухающие подергивания, обреченные.

Соматика: ноги сцепляются, как при ощущениях, что паутиной была обмотана, подергиваются мелко, как трепетание в сети, когда билась, пытаюсь вырваться.

Бьется, трепещет, страшный паук над ней. Перед ней голова паука, челюсти серые смыкаются. Отвратительный. Он впился в брюшко в области желудка, высасывает (морщится, выгибается, без сил расслабилась, откинулась на спинку дивана). А грудка твердая.

- А в желудке отсюда все тянет, - показывает на живот и бока (тяжело дышит, подергивает животом).

-

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

Преклир необыкновенно не любит пауков, терпеть не может. Теперь, говорит, может хорошо представить, что испытывает муха, попавшая в паутину.

26. Комар попал в смолу на дереве, и его съела птица.

Комарик есть хочет. Принял капельку на дереве за росинку. Обманулся. Попался. Влип. Ноги слиплись в смоле. Дергается, пытается оторваться (проигрывает соматику - морщится, дергается всем телом). Голос звонкий и впрямь как у комара.

- Пытаюсь выбраться.

Села на веточку рядом со мной птичка. Вижу ее снизу и сбоку.

. Не понял.

Когда птичка села, не понял ее намерения, не успел испугаться. В замедленном действии клюв открыт и опускается надо мной. Клынула - тюк - и все, и нет комара, а лапки прилипшие оторвались и остались. Ноги оторваны, а все равно дергаются. Сейчас сознание в ногах. Ноги отдельно живут и что-то переживают.

- Больно (дергает ногами). Не ожидал.

Со стороны ног видит, что птичка еще посмотрела по сторонам, а тельце комарика у нее из клювика торчит.

Переживания из периода растительной жизни

27. Замерзают корни у дерева.

Преклир - дерево. Ветер. Корни отмерзают. Весеннее похолодание, снега уже нет. На дереве и листиков еще нет.

Спит, а ногам холодно-холодно, замерзают. Когда замерзают корни, тогда и все остальное мерзнет.

Корни - они и заболевают, потом заболевают все жилочки, как кровеносные сосуды: все, по чему может двигаться жидкость. Заболевшие от корней, они дают уже такой химический состав телу, что дерево заболевает. Влага, которая поднимается по сосудам, как зараженная, она заражает все дерево, оно все начинает болеть. Состав химический влаги такой, что он больше соответствует тому питательному составу, которым пользуются микробы. Поэтому они селятся, и начинается заболевание этого дерева.

Ствол - это позвоночник. Под землей корни - это отсюда (показывает ноги от паховых складок) ноги растопыриваются в разные стороны, хочется их расставить, чувствую, что они разветвленные, как корни.,

Болит (показывает на горло) то, что связано с питанием или дыханием.

- Такое впечатление, что кора съеживается. Корни выскочили из земли и оголились.

-

Переживания из периода жизни простейшего

28. Амеба.

- Скорей схватить.

Такое ощущение, что орган хватания, рот, в области же-. Наткнувшись на что-то жесткое, она что-то обломала.

- Не то съела, пожадничала.

Схватила что-то минеральное, не съедобное, не органическое.

Видит изнутри: полупрозрачная студенистая масса. Солнце размытое, неясное, проступает через воду. Желание выплыть поближе к поверхности, там как бы потеплей.

- Выплыть, вырваться.

Через кого-то там прорывается.

Частица, которая летела в космосе, попала в амебу, как зародыш. Этот минеральчик перенес на себя какие-то более высокие вибрации, он получил возможность восприятия более высокой частоты. Амеба смогла передать более высокое состояние этому минералу. Поглотив, дала какое-то развитие ему. Он остался в ней.

Чувствует себя уже как минерал, который обволокла скользкая студенистая масса.

- Обволокла, разъедает.

Пощипывание на внешних участках, что соприкасаются с телом амебы. Идет реакция: кислота из внешней среды взаимодействует с веществами из минерала.

- Растворяюсь.

Прекрасно, что растворение, это не страшно. Когда растворяешься в чем-то, ты начинаешь больше

понимать то, в чем ты растворилась. Растворяясь, ты становишься больше, ты начинаешь понимать нечто большее, ты просто становишься этим, большим.

Во все стороны выходят вибрации. Клубок этот распускается, начинает пронизывать все органы. Что-то было здесь связано (показывает на область желудка - вздох облегчения).

Начало болеть горло. Когда хотела схватить этот кусок, очень широко открыла рот, а в это время была холодная вода. Сморщивание от холодной воды внутри. Попала в течение более холодное, опустилась в слой течения более холодной воды, в струю. Ощущение холода этим краешком мембранки, где ноги. Холодно. Пищеварение, горло, заглатывание пищи, ноги - все это связанным получилось. Вибрации пошли по всей мем-бранке. Это озноб. Пошла информация по всей внешней шкурке, что надо быстрее вырваться оттуда.

- Уходить, подниматься. Не могу, вниз тянет. Интересно, хочется посмотреть, что там в темноте, что там глубже.

Амеба погружается в более темный слой воды. Эта частичка из космоса прилетела. Эта пылинка более тяжелая и потянула амебу вниз. Эта частица летела с какой-то энергией, дает дополнительную энергию амебе, передает ей космические ко-

лебания. Колебания амебы становятся более учащенными, не свойственными ей. Дух частоту более высокую заставляет воспринимать. Возбуждает амебу и дает мысль. Частицы поступают и передают колебания. Вибрация несет эту мысль.

Любопытство потянуло, что там внизу. В результате не могу вернуться. Сил не хватает, энергии не хватает. Билась, пыталась всплыть, а тут уже обессилела, не могу больше сопротивляться, не могу больше бороться, будь что будет. По течению, куда вынесет.

Выбросило на берег. Теперь начинаю немного сохнуть, высыхать. Внутри процессы идут, через мембрану идет выделение отработанных веществ, но так как они не смываются, эти отработанные шлаки, так на поверхности тела болячками и засыхают. Не хватает жидкости, чтобы вывести как следует отработанные вещества (начал побаливать кишечник на стадии выхода).

- Не могу нормально выделять, не хватает жидкости для нормального выделения отработанных веществ, шлаков. Сохну, высыхаю. Надо в воду.

- Освобождаюсь, высвобождаюсь, вырываюсь! Знание - это прекрасно!

Бог каждой частицей дает нам энергию знания. Чем большее знание, тем более высокую энергию мы можем принимать. Это другое колебание, более высокое.

- Хватай знания по себе, то, что можешь пережевать, то, что тебе по силам, не жадничай. Соизмеряй свои силы с тем, что ты сможешь проглотить.

-

Высказывания пациента в сессии и после, моменты осознания:

Такое ощущение, что орган хватания, рот, в области желудка. Наткнувшись на что-то жесткое, она что-то обломала. Когда желудок портится, портятся и зубы. Можно считать, что это одно и то же.

"Обессилела, не могу больше сопротивляться, не могу больше бороться, будь что будет. По течению, куда вынесет", - это принцип моей жизни.

Не хватает жидкости, чтобы вывести как следует отработанные вещества. Пот, болячки, угри - зависит, какие выбросы ВДУТ, какой их химический состав. Родинки, бородавки - это то же. Действительно, колыбель наша - вода.

29. Инфузория туфелька.

В воде толкаемся с себе подобными, особенно на поверхности воды, где нас много. Хорошо прочувствован тезис "борьба за место под солнцем".

много народа, дали кусочек хлеба. В 7 лет лопал под бомбежку упал, стукнулся головой и плечом, простужен, от голода болит голова. Явился свидетелем, как убило осколком снаряда под-ростка, 21 июня 1942 г.

. 7. Дмитрий после операции на бедре по поводу ранения лежит в палате госпиталя. Врач, сын которой погиб на фронте обвиняет его как офицера в гибели мальчиков-сыновей и в частности, ее сына, весна 1942 г.

. Новиков Борис, 14 лет, член подпольной молодежной организации "Юные защитники Смоленска", участвовал в поджоге немецкого штаба, расстрелян с группой товарищей 1942 г.

. Зинаида Ивановна, 17 лет, приезжает в Москву учиться, становится "полевой женой" сотрудника ОГПУ Виктора, заканчивает курсы связистов, уезжает вместе с Виктором в Крым в особый отдел военной разведки Черноморского флота. Убита фашистами, когда пробиралась к своим на заставу с приказом уничтожить

документы, лето-осень 1941 г.

0. Майор Дмитрий Иволгин, 27 лет, убит своим другом Александром ударом рукоятки нагана в висок при попытке задержать Александра при дезертирстве с фронта первой мировой войны, 23 ноября 1917 г.

11. Оперуполномоченного, бывшего следователя Павла Юрьевича Серегина, 51 год, убивает шпана в Марьиной роще в Москве, осень 1916 г.

12. Анюта, 1911 года рождения, в пятилетнем возрасте остается дома со старой бабушкой, в доме возникает пожар. Село на реке Бия, происшествие в 1916 г.

13. Унтер-офицер Савва Петрович Зинченко погибает от шальной пули в сердце навывлет при попытке спасти собаку, мечущуюся на нейтральной полосе под обстрелом немецких солдат. Фронт первой мировой войны, 29 сентября 1914 г. (по старому стилю).

14. Летчик Иван Потапов, 24 лет, терпит аварию на своем самолете, юг России, 1901 г.; терпит аварию над морем, тонет, спасен, Херсон, 1902 г.; ссыльного Ивана избивают в кулачном бою, где бьются головами, в сибирском селе за Уралом, 1903 г.; летит из Поволжья в Оренбург в грозу с пассажиркой на борту, перевозит запрещенную литературу, контузия при посадке, 1914 г.

15. Валюша Короткова, жена офицера, имеющая двух детей, сочувствующая большевикам, - расклеивала листовки на улице, схвачена офицером, посажена в тюрьму и без суда и следствия расстреляна на следующее же утро. Петербург, 4 июня 1911 г.

16. Федор Трубецкой арестован при очередном провале организации в начале революционной борьбы; участие в демонстрации по поводу закрытия фабрики и массового увольнения рабочих, стычка с городскими, травма головы - сотрясение мозга. Предместье Питера, 1906 г. Позже попадает под колеса кареты, погибает от тяжелой травмы головы.

17. Студент Макар Кудрин осужден за стычку с городским на два года каторжных работ; работа на минусинских заводах Демидовых, где заболевает туберкулезом; доставляет оружие для борьбы на баррикадах Красной Пресни в 1905 г., погибает на одной из баррикад.

18. Студент во время демонстрации схвачен и доставлен в участок, избит. Провинциальный российский городок, начало

XX в.

19. Долголетняя тяжба Василия Михайловича Долгорукого с соседом Михаилом Илларионовичем (Ипатьевичем?) Головановым из-за имения. Имение было отнято царем Иваном IV у предков Голованова и подарено предкам Долгорукого, что Голованов считает несправедливым. Сосед работает в тайной полиции, перехватывает Долгорукого в дороге во время выполнения тем курьерско-дипломатической службы, подвергает изощренным пыткам в кабаке своего подручного в Лефортово, пытаясь "выбить" подпись на документе с распоряжением отписать имение Долгоруких в свою пользу. Москва, 1889 г.

20. Кузьма Петров, лет 20, полез за обещанное большое вознаграждение закрывать "винтель" в системе обеспечения работы химического завода (кожевенное производство), получил ожог при реакции жидкого азота с водой. Обрабатывают в больнице, под утро умирает, испытывает чувство обиды, что так и не получил обещанные деньги. Эти деньги администрация завода так и не выделила даже на его похороны, по поводу чего ропщут рабочие предприятия. Нижний Тагил, 1887 г.

21. Офицер Александр Беркутов волочится за актрисой -примой провинциального театра, за нарушение дисциплины -поехал за актрисой в другой город - разжалован в унтер-офицеры и сослан в действующую армию в Крым, где неспокойно. Спивается, ссорится с другом Борисом, вызывает его на Дуэль. Во время дуэли Борис, желая проучить "щенка", стреляет Александру в ногу, тот, падая, стукнулся виском о камень и скончался. Гурзуф, 1887 г.

22. Леня, 13 лет, наказан дьячком за плохое письмо, бежит от него на противоположный берег среди льдин вскрывшейся Р^еки и тонет на глазах у обезумевшей от горя матери, 2 марта 1876 г.

23. Старик Петрович, под 80 лет, болеет, жалуется, что старый стал, кровь уж не греет, пора умирать. К нему поздно вечером приходит односельчанин за советом о покупке земли XIX в.

24. Анатолий Кузьмич Кузнецов, 54 лет, журналист газеты "Московские ведомости", публикует в номере от 25 октября 1857 г. своей газеты материалы о махинациях купцов с военными поставками. Не имеет поддержки в высших эшелонах власти, уволен из редакции, так как затронул в статье интересы очень высокопоставленных особ. Не имея работы, теряет положение в обществе, квартиру, живет бедно, впроголодь, дети стесняются его, принимают на кухне. Москва, 1857-1859 гг.

25. Вятка, 8 лет, возражал учителю, тот сообщил об этом отцу; был выпорот отцом до потери сознания, долго находился в постели в тяжелом состоянии. Красноярск, 1857 г.

26. Рядовой артиллерист Петро, 27 лет, из Малороссии, ранен в плечо и оглушен разорвавшимся снарядом на поле Бородинского сражения. После того, как пришел в себя и обнаружил, что весь расчет орудия погиб,

при попытке выбраться на бруствер заколот штыком французским солдатом, 9 сентября 1812 г.

27. Крепостной конюх Иван Савельевич, 56 лет, беспокоится, что барыня, боясь нашествия французов, уедет в свое другое имение, а члены его семьи, не имея запасов на зиму и питаясь как дворовые при барском доме, при таких обстоятельствах не выживут. Страдает из-за отсутствия информации: "Я ничего не знаю, люди-то мы маленькие", переживает, что имеющийся в холщовой суме кусок хлеба, переданный барчонком любимому коню, съел сам, а не отнес деткам. Ведет дом вдовы своего старшего брата, считает ее вздорной бабой. Время войны 1812 г.

28. Крестьянская девушка Танюшка отдана барину за долги. После того, когда ее привели вечером к барину и она укусила его за палец, отправили в карцер, где надсмотрщица избивала ее плетью и вывела голой на улицу. Еропкин скит Рязанской губернии, 1811 г.

29. Маленького Дениса учат ездить на лошади, он падает и ломает ногу. Денис Петрович Орлов, 20 лет, получает травму на скачках, устроенных по поводу дня рождения царя, 1806 г.

30. У Митрофана Алексеева, 6,5 лет, разбит нос за ошибки при обучении письму учителем, тот требует, чтобы молчал и никому не говорил об этом. Район Зарядья Москвы, 1763 г.

31. Евдокию Степановну Рудную зашибло бревном на строительстве церкви в деревне Хлебики, Белая Русь, 1761 г.

32. Петр Петрович был избит в пьяной драке в кабаке, пришел домой пьяным, ему стало плохо: кровь пошла горлом. Вызывают "бабку", тетку Ксению, умирает. Рязань, 1735 г.

33. Павел Герасимов, служивый боярина Бычки, 28 лет, подвергся нападению двух воров на темной улице, когда шел на посиделки, будучи расстроенным ссорой с невестой Ириной. Грабители огрели его дубиной по голове и пытались снять одежду, но были напуганы приближением сторожа-обходчика с колотушкой. Переночевал в соседнем доме, где его приютили на ночлег. Воронеж, 1715 г.

34. 70-летняя Ефросинья доживает свой век в северной деревне под Новгородом вдвоем со своим стариком. Скучная, однообразная жизнь, зарабатывает плакальщицей на похоронах. Умирает в 74 года. Как тетан два года находится в церкви, боится попасть в ад. 1700 г.

35. Монах-надзиратель семинарии при Киево-Печерской лавре доносит настоятелю на семинаристов, живущих в бурсе, за что те устраивают ему темную. Нарушения в соблюдении поста, лицемерие, жадность.

36. Ванюшка, 4,5 лет, падает с помоста при строительстве амбара и теряет сознание (сотрясение мозга), 1677 г.; Ивана, 21 года, избивают и бросают замерзнуть на льду реки охочие до его состояния дальние родственники, спасение проезжающими мимо крестьянами и выздоровление у знахарки на дальнем хуторе; дальнейшая жизнь. Северные выселки Рыбицы у Белого моря.

37. Юность крепостного крестьянина Ивана: таскает тяжелые мешки на баржу, свидетель, как забивают другого человека До смерти. В пятидесятилетнем возрасте самого приговаривают к избиению плетью, он бежит и замерзает в поле. Сибирь, 1640 г.

38. Иконописца Ивана, 21 года, ослепляют в застенке. Рязань, 1637 г. ■

39. Марфу, 80 лет, родственники девушки, не желающей выходить замуж за посватавшегося к ней шляхтича, просят проводить девушку в дальний скит. Нападение отряда шляхтичей по дороге в скит и захват девушки. Пепелище на месте, "Де, как считает Марфа, сожжена девушка, XVII в.

40. Девушку предал любимый, женившись на другой, она в е. Средние века.

41. Юноша проиграл кулачный бой на глазах любимой де-^вУшки Марфиньки, разобижен на друга, что тот не мог под-